

801-17

2390

У 387
251

МИССІЯ

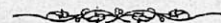
ВЪ

ХИВУ и БУХАРУ

ВЪ 1858 ГОДУ

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТА

Полковника Н. Игнатъева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1897.

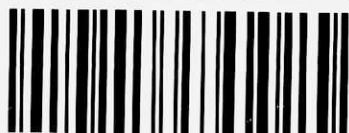
1501
1931

И 337
251

миссия
в Хиву и Бухару

1302345

2012403646

Будучи военнымъ агентомъ въ Англіи въ 1857 году, я былъ вызванъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Варшаву, когда туда прибылъ Императоръ Александръ II, чтобы дополнить словеснымъ докладомъ Его Величеству донесенія мои о событіяхъ въ Азіи и дѣятельности тамъ англійскихъ агентовъ.

Когда я выѣхалъ изъ Лондона 21 Августа, то острый кризисъ въ Азіи (война между Англіей и Персіей и возстаніе въ Индіи) уже приходилъ къ концу. Въ Варшавѣ я, по повелѣнію Государя, подалъ Его Величеству записку, въ которой я смѣло выразилъ взглядъ, составившійся у меня, о взаимномъ положеніи въ Азіи, Англіи и Россіи, о видахъ первой и о тѣхъ подготовительныхъ мѣрахъ, которыя должны быть приняты нами въ Турціи, Персіи и Средней Азіи, чтобы поднять наше значеніе и противодѣйствовать Великобританіи. Между прочимъ я указывалъ на необходимость отправить въ Персію, Герать и Кандахаръ, а также на Аму-Дарью ученую экспедицію для изученія края и подступовъ къ Индіи. Другую записку, на французскомъ языкѣ, составилъ я для князя Горчакова, который далъ ее Государю, для опредѣленія значенія послѣдней войны между Персіей и происходившей войны тогда съ Китаемъ, съ нами на тѣхъ мѣрахъ, которыя должны быть приняты нами въ Азіи. Съ той минуты укрѣпилась въ умѣ Государя и князя Горчакова мысль, зародившаяся во время Парижской конференціи въ

1897

зиму 1856—1857 годовъ, отвлечь меня отъ моей спеціальности, т. е. отъ военнаго дѣла, употребивъ на дипломатическія порученія на Востока.

Когда Министръ Иностранныхъ Дѣлъ сталъ домогаться моего отпращиванія въ Персію, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, я побоялся принять на себя новую должность безъ достаточной подготовки и не удовлетворить ожиданіямъ. Словесно, а потомъ и письменно доложилъ я князю Горчакову (въ Сентябрѣ 1857 г.), что, не признавая возможнымъ занимать теперь дипломатическій отвѣтственный постъ на Востока, я прошу дать мнѣ прежде случай «негласнымъ образомъ», т. е. въ качествѣ лица неофіціального, вполне ознакомиться съ Востокомъ и съ мѣстными условіями будущей моей дѣятельности. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ докладной запискѣ Министру я выразилъ слѣдующее мнѣніе: «Въ случаѣ разрыва съ Англіею, только въ Азіи, можемъ мы вступить въ борьбу съ нею, съ нѣкоторою вѣроятностью успѣха и повредить существованію Турціи ¹⁾. Въ мирное время затрудненія, порожденныя Англіею въ Азіи и увеличеніе значенія нашего въ странахъ, отдѣляющихъ Россію отъ британскихъ владѣній, послужать самымъ лучшимъ ручательствомъ сохраненія мира съ Англіею.

Къ тому же Азія—единственное поприще, оставленное для нашей торговой дѣятельности, и развитія нашей промышленности, слишкомъ слабыхъ, чтобы-бы войти въ успѣшное состязаніе съ Англіею, Франціею, Бельгіею, Америкею и другими государствами ²⁾.

Исслѣдованіе Средней Азіи, учрежденіе сношеній въ этомъ краѣ, утвержденіе нашего вліянія и уменьшеніе англійскаго такъ соотвѣтствуютъ естественнымъ пользамъ Россіи, что мнѣ кажется не представляется и надобности для покрытія расходовъ экспедиціи, которая была бы предпринята для исслѣдованія мѣстныхъ условій

¹⁾ Ту же мысль о пользѣ предпочтенія Азіатскаго театра войны предъ Европейскимъ въ Турціи высказывалъ я неоднократно и выразилъ въ послѣдній разъ въ докладной запискѣ въ Мартѣ 1877 г. Д. А. Милютину, но точно также безуспѣшно.

²⁾ Тогда еще мало думали о вредной для насъ торговлѣ и промышленности Герціи, развившейся послѣ 1867—1870 годовъ.

въ огромныхъ пожертвованіяхъ казны. Можно ожидать, что многіе богатые купцы и промышленники изъявятъ готовность содѣйствовать предпріятію».

Такъ какъ въ разговорахъ моихъ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, съ княземъ Горчаковымъ, съ Военнымъ Министромъ и Ковалевскимъ, я постоянно напиралъ на необходимость подчинить Среднюю Азію русскому вліянію, завладѣть Аму-Дарьею,—если не фактически, то политически и коммерчески,—учредивъ плаваніе нашихъ военныхъ судовъ по этой рѣкѣ и въ концѣ концовъ съ этой стороны угрожать Великобританіи, чтобы заставить ее дорожить нашею дружбою,—то отъ меня потребованъ былъ рядъ записокъ объ этомъ вопросѣ. Нѣкоторые изъ нихъ сохранились у меня въ цѣлости (черновыя).

Касательно послѣдняго предпріятія, Е. П. Ковалевскій обратился ко мнѣ, какъ къ первому, подавшему въ Петербургѣ мысль объ исслѣдованіи Средней Азіи и въ особенности указавшему на важность для насъ р. Аму-Дарьи. Я составилъ нѣсколько записокъ для развитія первоначальнаго предположенія, совѣтуя отложить экспедицію въ Персію и Афганистанъ до весны, въ виду того, что она недостаточно подготовлена и предпринимается уже въ менѣе благоприятное время, т. е. послѣ выгодной для Англіи развязки англо-персидской войны. Предлагая сосредоточить главнѣйшія усилія на то, чтобы суда наши могли проникнуть въ р. Аму-Дарью и продвинуться до афганскихъ владѣній, я настаивалъ, чтобы посольство ¹⁾ раннею весною было послано на р. Сыръ и оттуда направилось на флотиліи нашей въ р. Аму, не позже 15-го Апрѣля, т. е. къ началу самаго сильнаго разлива, продолжающагося лишь до половины Іюня. Второе поноводіе рѣки, продолжающееся болѣе краткій срокъ, бываетъ въ концѣ Іюля или въ Августѣ.

¹⁾ Въ отвѣтъ на присылку въ Москву къ Коронаціи посольствъ изъ Хивы и Бухары, предполагалось послать въ ханства отъ насъ грамоты съ посланниками.

Зная что азіатцы подчиняются лишь матеріальной силѣ, что имъ довѣряться нельзя и что обыкновенные дипломатическіе переговоры рѣдко ведутъ къ благоприятнымъ результатамъ, я предлагалъ рядъ мѣръ, которыя доставили бы посольству возможность быстро и внушительно воздѣйствовать на хановъ Хивы и Бухары, и обусловливалъ появленіе посольства, въ этихъ двухъ Азіатскихъ столицахъ, пропускомъ нашихъ военныхъ судовъ по р. Аму, съ достаточными средствами для вѣрнаго достиженія имѣвшейся въ виду нашей цѣли.

Брошенное мною сѣмя зрѣло въ Азіатскомъ Департаментѣ. Е. П. Ковалевскій ухватился за эту мысль, отвѣчавшую его воззрѣніямъ.

Было рѣшено предпринять одновременно двѣ экспедиціи—одну научно-политическую въ Герать и, по возможности, далѣе въ Афганистанъ, чрезъ Персію; другую для изслѣдованія р. Аму-Дарьи Хивы и Бухары, подъ предлогомъ отвѣтнаго посольства Россіи на посольства, присланныя изъ этихъ ханствъ съ поздравленіемъ, по случаю Коронаціи Государя Императора.

Первую рѣшено было поручить Ханыкову, который и составилъ записку объ ученой экспедиціи въ Хорассанъ, внесенную въ Императорское географическое общество. Для отвода глазъ англійской публики всему вопросу былъ данъ характеръ чисто научной необходимости: связать работы по землевѣдѣнію Азіи въ нашихъ предѣлахъ съ тѣмъ, что сдѣлано въ этомъ отношеніи иностранными путешественниками и учеными. Гласныя инструкции Ханыковской экспедиціи, состоявшей, по первоначальному предположенію, изъ 4-хъ членовъ, были изготовлены въ географическомъ обществѣ, ассигновавшемъ на предположенные изслѣдованія, если не ошибаюсь, 6.000 руб. Остальные средства предполагалось дать отъ казны. Вмѣстѣ съ тѣмъ я указывалъ на пользу совокупить дѣйствія флотиліи съ дѣятельностью посольства и ученой экспедиціи, на необходимость ничего не предпринимать, пока возможность успѣха не достаточно подготовлена матеріально и избраннымъ личнымъ составомъ, который долженъ находиться—

для единства дѣйствій—въ полномъ распоряженіи всецѣло отвѣтственнаго начальника экспедиціи, и на невозможность установить подробности программы и способы дѣйствія, безъ предварительнаго соглашенія съ морскимъ вѣдомствомъ и Оренбургскимъ Генералъ-Губернаторомъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда моего изъ Петербурга въ Турцію и Египетъ (въ концѣ Октября) Е. П. Ковалевскій, по соглашенію съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, составилъ докладъ, измѣнявшій нѣсколько первоначальное предположеніе, испрашивавшій у Государя Императора принять рѣшительныя мѣры для приведенія Аральской флотиліи въ надлежащее состояніе и для усиленія оной къ будущему Апрѣлю и въ Петербургѣ составить комитетъ (изъ 4-хъ лицъ) для подробнаго соображенія тѣхъ мѣръ, которыя должны быть приведены въ исполненіе, въ теченіе зимы, для осуществленія задуманной экспедиціи.

Комитетъ, дѣйствовавшій подъ руководствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, снова видоизмѣнилъ проектъ, изложенный въ докладѣ, и было окончательно рѣшено не соединять, какъ предполагалъ Е. П. Ковалевскій, экспедиціи Ханыкова съ посольствомъ, но отправить перваго въ Хорассанъ и Герать, а мнѣ начальствовать надъ экспедиціею по р. Аму-Дарьѣ въ Хиву и Бухару, подъ предлогомъ отвѣтнаго посольства, ожидавшагося въ ханствахъ.

Подъ вліяніемъ съ одной стороны начальника Аральской флотиліи, желавшаго дѣйствовать самостоятельно и введшаго морское начальство въ заблужденіе касательно готовности и способности судовъ его исполнить задачу, а съ другой Генералъ-Губернатора, желавшаго держать посольство въ своей полной зависимости, вести его въ степи до р. Эмбы—въ своемъ такъ сказать отрядѣ—и сохранить главное руководство надъ экспедиціею, она была раздвоена на дипломатическую и морскую, хотя послѣдняя и поставлена, на бумагѣ, въ подчиненность первой.

Съ перваго приступа экспедиція это была обречена встрѣтить затрудненія, противодѣйствія и интриги даже на родной почвѣ.

Начальникъ Аральской флотиліи Бутаковъ (Алексѣй) ¹⁾ жилъ нѣсколько лѣтъ въ фортѣ № 1 и снѣдаемый, скукою и желаніемъ прославиться, считалъ Аральское море и выпадающую въ него Аму-Дарю своимъ исключительнымъ достояніемъ, собираясь завѣдывать всѣми изысканіями и стяжать исключительную славу, сопряженную со входомъ въ эту рѣку первыхъ русскихъ военныхъ судовъ. Увлеченный давно взлелѣянной мечтой, онъ готовъ былъ встрѣтить ревниво, недружелюбно и даже враждебно всякое лицо, по положенію своему отнимающее у него руководящую власть. Искренняго, сердечнаго содѣйствія новопріѣзжему изъ Петербурга начальнику трудно было отъ него ожидать.

Генералъ-Губернаторъ, съ своей стороны, смотрѣлъ на Оренбургскую степь и прилежація ханства, какъ на свою вотчину и, при непомѣрномъ самолюбіи и заносчивомъ характерѣ, не допускалъ, чтобы въ его владѣнія вступалъ и принималъ начальство надъ чинами, командируемыми для экспедиціи изъ Оренбургскаго вѣдомства, — штабъ-офицеръ съ независимымъ въ Петербургѣ положеніемъ, Флигель-Адъютанта Его Величества. Катенинъ былъ недоволенъ рѣшеніями комитета и приходящими изъ Петербурга распоряженіями; онъ предполагалъ руководить экспедиціею по собственному усмотрѣнію и назначить своего начальника штаба или оберъ-квартирмейстера начальникомъ посольства. Онъ подозрительно и непріязненно относился къ назначенію изъ Петербурга особаго начальника экспедиціи, снабженнаго полномочіями и, не смотря на личное мое знакомство съ нимъ и хорошія семейныя отношенія, мой пріѣздъ былъ ему непріятенъ. Генералъ-Адъютантъ Катенинъ задумалъ отправиться на все лѣто въ Киргизскую степь и хотѣлъ, подойдя къ хивинскимъ предѣламъ, какъ бы отдѣлится отъ своего отряда посольство съ даннымъ ему конвоемъ.

Въ донесеніи Государю, весною 1858 года, упомянувъ, что степь киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства въ два раза превосходитъ

¹⁾ Брать уважаемыхъ, извѣстныхъ и доблестныхъ адмираловъ, очень образованный и умный человекъ, но не могущій сравниться съ ними, по своему характеру, склонному къ интригамъ.

объемомъ французскую имперію, Генералъ-Губернаторъ красно-рѣчиво излагалъ всю программу своего триумфальнаго шествія по степи, съ росписаніемъ кто и гдѣ изъ инородцевъ долженъ былъ явиться къ нему на поклонъ; заявилъ, что посольство выѣдетъ съ нимъ одновременно изъ Оренбурга, доѣдетъ до р. Эмбы и, послѣ «непродолжительнаго отдыха, отправится отсюда далѣе по назначенію «обычнымъ караваннымъ путемъ чрезъ Усть-Урть. Чтобы обезпечить «безопасность слѣдованія его до предѣловъ хивинскихъ владѣній, «гдѣ должна встрѣтить его охранныя стража, высланная ханомъ, «до мѣста встрѣчи этой, проводить посольство часть собственного «моего конвоя. Этой же цѣли будетъ содѣйствовать и предпріятіе, «снаряженное съ другою; имѣя въ виду устройство правильнаго «управленія надъ киргизами и туркменами, кочующими по Усть-«Урту, съ назначеніемъ къ нимъ для сего особаго султана-«правителя, на правахъ и съ обязанностями трехъ прочихъ, существующихъ уже въ Оренбургской степи правителей, я, испросивъ на то «разрѣшеніе Вашего Императорскаго Величества, распорядился «докончить нынѣшнимъ лѣтомъ, начатую въ 1852 г., геодезическую «съемку Усть-Уртыской плоской возвышенности, для чего и отправится «туда изъ Новопетровскаго укрѣпленія на Каспійскомъ морѣ партія «топографовъ, подъ приличнымъ прикрытіемъ; исполняя возложенное «на нее порученіе, партія эта войдетъ въ сообщеніе съ посольствомъ, «когда оно будетъ проходить по Усть-Урту и присутствіемъ своимъ «здѣсь, безъ сомнѣнія, не мало послужитъ къ удержанію враждебныхъ «Хивѣ и непокорныхъ намъ туркменовъ отъ какихъ либо противъ «посольства и въ особенности обоимъ его покушеній.

«По послѣднимъ извѣстіямъ о положеніи умовъ Туркменіи, я не «имѣю ни малѣйшаго повода ожидать непріязненныхъ дѣйствій съ «этой стороны при спускѣ посольства съ Усть-Урта, но если бы, по «прибытіи на Эмбу, я узналъ, что обстоятельства перемѣнились, то «назначенную для сопровожденія посольства часть моего конвоя «могу усилить, присоединивъ къ ней еще казачій отрядъ султана-«правителя западной части.

Съ другой стороны лишь только посольство, поднявшись на

Усть-Уртъ, достигнетъ залива Чернышева на Аральскомъ морѣ, оно вслѣдствіе сдѣланныхъ уже распоряженій, за своевременное исполненіе которыхъ начальникъ Аральской флотиліи поручился выполнѣ, найдетъ тамъ пароходъ съ двумя баржами, которыя и пойдутъ затѣмъ, придерживаясь восточнаго Усть-Урта, на одной параллели съ посольствомъ, доставляя ему такимъ образомъ постоянную возможность получать съ судовъ, почти до самаго вступленія въ предѣлы Хивы, всякаго рода помощь и пособія. На случай, если бы запасы посольства въ сѣнѣ и зерновомъ фуражѣ израсходованы были въ количествѣ болѣе предполагаемаго, или кого либо изъ конвойныхъ казаковъ и солдатъ понадобилось по болѣзни замѣнить свѣжими людьми, на судахъ этихъ отправляется и запасъ сѣна съ овсомъ и нѣсколько рядовыхъ изъ казаковъ и солдатъ. Словомъ, къ обезпеченію удобнаго и благополучнаго слѣдованія посольства съ его конвоемъ придумано и сдѣлано все, что только было возможно; не смѣю скрыть однако же, что за всѣмъ тѣмъ посольство и прикрывающіе его отряды могутъ на пути по Усть-Урту встрѣтить значительныя затрудненія, вслѣдствіе недостатка воды и совершеннаго отсутствія подножнаго корма на протяженіи болѣе 400 верстъ».

«Окончивъ дѣла на Эмбѣ и распростившись здѣсь съ посольствомъ, направляюсь я отсюда, черезъ хребетъ Мугоджарскихъ горъ и пески, извѣстные подъ именемъ Большихъ и Малыхъ Барсуковъ, на Сыръ-Дарью».

Очевидно было, что задуманная мною въ Октябрѣ 1857 г. экспедиція совершенно извращена и лишилась твердой основы: движенія посольства были замедлены, стѣснены, крайне усложнены, поставлены въ зависимость отъ множества случайностей, и успѣхъ становился крайне сомнительнымъ, въ виду запоздалости прихода къ Аральскому морю, неготовности флотиліи, необходимости посольству идти по степи съ большимъ военнымъ отрядомъ и караваномъ, подвергаясь задержкамъ и бесполезнымъ лишеніямъ и явиться въ Хиву подъ двусмысленнымъ впечатлѣніемъ одновременнаго и преждевременнаго движенія нѣсколькихъ отрядовъ русскихъ войскъ, въ разныхъ направленіяхъ, значеніе котораго едва-ли для хивинцевъ

будетъ соответствовать воображаемому Генераль-Губернаторомъ впечатлѣнію. Въ Петербургѣ я еще не могъ предвидѣть всѣхъ затрудненій, которыя создадутся мнѣ утвержденною программой и дѣйствіями Генераль-Губернатора и начальника Аральской флотиліи. Издали нельзя было составить себѣ яснаго понятія какъ о сдѣланныхъ приготовленіяхъ, о составѣ и снаряженіи ввѣряемой мнѣ экспедиціи, такъ и объ обстановкѣ всего предпріятія; но тяжело мнѣ было видѣть, что, усложняя до чрезвычайности дѣло и расходуя бесполезно много денегъ изъ кибиточнаго сбора, изъ котораго Оренбургское начальство привыкло черпать безъ удержу на исполненіе всѣхъ своихъ проектовъ, измысленій и прихотей,—мнѣ собственно не даютъ въ руки тѣхъ средствъ, какія я считалъ наиболѣе дѣйствительными для достиженія цѣли, имѣвшейся въ виду. Къ тому же было уже поздно и не въ моей власти избрать наилучшій способъ дѣйствій. Я съ горечью высказалъ свои замѣчанія Е. П. Ковалевскому, предвидя самый плачевный результатъ и даже гибель экспедиціи, но по увлеченію молодости и кипѣвшей во мнѣ отваги считалъ дѣломъ чести не отказываться отъ возложенныхъ на меня тяжелыхъ обязанностей, съ твердою рѣшимостью сдѣлать все, что отъ меня лично зависѣть будетъ, чтобы заслужить оказываемое мнѣ Государемъ довѣріе.

Сношенія наши съ Хивою были далеко неудовлетворительны. Списокъ агентовъ нашихъ, перебывавшихъ въ Хивѣ и Бухарѣ, свидѣтельствовалъ о безплодности нашихъ дипломатическихъ переговоровъ, унижительныхъ по моему мнѣнію для Россіи. Хива, считая себя недосыгаемою, продолжала вредить намъ въ киргизской степи сколько могла. На представленія наши письменныя—отписывалась лживо, а иной разъ дерзко и нахально. На внушенія Генераль-Губернатора Оренбурга не обращали почти никакого вниманія, продолжая притѣснять и обирать нашихъ торговцевъ, волновать и сбивать съ толку нашихъ киргизовъ, посылая своихъ эмиссаровъ и даже зякетчей (сборщиковъ податей) нерѣдко на Усть-Уртъ и къ р. Сыру,—какъ свидѣтельствовало обзорѣніе нашихъ отношеній къ Хивѣ и Бухарѣ, составленное въ Канцеляріи Генераль-Губернатора

въ 1857 г. Хива принимала у себя нашихъ бѣглыхъ и держала въ рабствѣ русскихъ, продаваемыхъ иной разъ туркменами, при захватѣ ихъ въ плѣнъ, по какому либо случаю, въ степи.

Бухара поступала болѣе сдержанно, не такъ нагло и дерзко, какъ Хива. Бухарскій эмиръ Насръ-Улла, хотя и понималъ важность торговыхъ сношеній съ Россіей, но возмечталъ о своемъ личномъ значеніи въ Средней Азіи, позволяя себѣ также держать русскихъ плѣнныхъ и стѣснять нашихъ торговцевъ, обирая русскихъ приказчиковъ двойной пошлиною противъ мусульманъ.

Хотя при послѣднемъ посольствѣ нашемъ въ 1841 г. Данилевскаго и удалось заключить договорное условіе съ хивинскимъ ханомъ, но хивинцы никогда его не исполняли, и когда мнѣ пришлось на него ссылаться, то они положительно отрицали заключеніе какого либо обязательства. Посольство Бутенева въ Бухару не достигло желаемыхъ результатовъ. Эмиръ отказался надписать предложенный ему договоръ, не выпустилъ плѣнныхъ, а трое изъ нихъ, которыхъ наше посольство взяло съ собою, были отобраны у нашего посланника на третьемъ переходѣ и возвращены въ Бухару. Какъ въ Хивѣ, такъ и въ Бухарѣ продолжали взимать съ нашихъ купцовъ 10% съ товаровъ, оцѣниваемыхъ произвольно, несравненно выше дѣйствительной стоимости. Хотя наша торговля съ ханствами возрастаетъ съ половины прошлаго столѣтія, но производится при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, сопряженныхъ съ усиливающимся вывозомъ нашего золота, и балансъ привоза и отпуски не выгоденъ для нашихъ мануфактуръ. Русское купечество принимаетъ самое ничтожное участіе въ составѣ каравановъ, предпочитая поручать азіатцамъ-приказчикамъ распродажу своихъ товаровъ. Печальное положеніе нашихъ торговыхъ сношеній не могло измѣниться при неопредѣленности правъ и обязанностей русскаго купца въ Хивѣ и Бухарѣ и отсутствіи безопасности и охраненія отъ полнѣйшаго произвола туземныхъ властей.

Когда Е. П. Ковалевскій извѣстилъ меня въ Египтѣ ¹⁾, что, по

¹⁾ Въ концѣ Октября я отправился, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ Вѣну, Европейскую Турцію, Сирію и Египетъ, а затѣмъ въ Лондонъ черезъ Італію.

Высочайшему повелѣнію; мнѣ поручается экспедиція въ Среднюю Азію, то я полагалъ, что основанія моей записки будутъ соблюдены и подробности приготовленія будутъ выработаны по соглашенію съ будущимъ начальникомъ экспедиціи, которому предоставлять избрать личный составъ экспедиціи.

Но, прибывъ въ концѣ Марта въ Петербургъ, я засталъ все дѣломъ рѣшеннымъ и назначенія слишкомъ большого числа ненужныхъ лицъ различныхъ вѣдомствъ не только состоявшимися, но съ большинствомъ изъ нихъ, взятымъ изъ Оренбургскаго вѣдомства, по выбору Генераль-Губернатора, я могъ познакомиться лишь наканунѣ выступленія. По составленному маршруту, выступленіе должно было послѣдовать 15-го Мая. Хотя этотъ срокъ былъ уже слишкомъ поздній для такого дальняго степного похода, который намъ предстоялъ, но мнѣ оставалось лишь дней 20 на сборы. Аральская флотилія, несмотря на увѣренія Г. А. Катенина и Бутаква, видимо не могла быть своевременно снаряжена, чтобы поспѣть къ нашему приходу въ Чернышевскій заливъ, гдѣ было назначено наше соединеніе, а главное должна была опоздать вступленіемъ въ р. Аму въ благопріятное время, ибо въ Іюнѣ вода въ рѣкѣ начинаетъ уже спадать. Обративъ вниманіе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ на обстоятельства, препятствующія успѣху экспедиціи, я получилъ въ отвѣтъ, — какъ отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, такъ и отъ Морскаго Вѣдомства, — общія успокоительныя фразы, клонившіяся къ тому, что все «это мнѣ кажется отсюда, но что на мѣстѣ всѣ препятствія умалются и что Катенину и Бутакву будетъ *написано*, чтобы ускорены были приготовленія, а что если личный составъ моихъ спутниковъ окажется неудачнымъ, то я всегда могу возвратитъ безполезнаго члена съ дороги!»

Я ограничился подачею записки Ковалевскому, въ которой далъ замѣтить, что при первоначальномъ предположеніи, составленномъ по совѣщаніи со мною, военный конвой посольства предполагался вдвое многочисленнѣе, нежели нынѣ назначенный съ нѣсколькими ракетными станками, взамѣнъ чего нашли нужнымъ, ослабивъ прикрытіе, обременить составъ посольства и его конвой чрезмѣрнымъ

числомъ чиновниковъ и офицеровъ, въ томъ числѣ восемь строевыхъ, и увеличить соразмѣрно непроизводительные расходы на экспедицію.

Я просилъ: 1) отправить со мною при конвоѣ хотя одинъ боевой ракетный станокъ съ опытнымъ фейерверкеромъ ¹⁾; 2) снабдить насъ 20 револьверами въ кожаныхъ чехлахъ, на поясныхъ ремняхъ, съ полною принадлежностью и по 100 капсулей на каждый, для вооруженія гражданскихъ чиновъ экспедиціи, нестроевыхъ и прислуги, и 3) назначенный Генералъ-Губернаторомъ въ составъ экспедиціи медикъ только что кончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ, мусульманинъ, и не представляетъ многочисленнымъ членамъ посольства, отправляемаго въ степь въ самое жаркое, неблагоприятное время года, никакого ручательства въ своихъ практическихъ знаніяхъ ²⁾; экспедиція продолжится около года и должна совершить трудный походъ въ 4,000 верстъ, а потому необходимо назначить, если не взамѣнъ избраннаго, то еще другого опытнаго медика изъ С.Петербурга.

Ракетный станокъ съ боевыми ракетами, оказалось невозможнымъ выслать въ краткій срокъ, но медикъ ³⁾ и револьверы были даны.

До 15-го Апрѣля—какъ свидѣтельствуетъ исходящій журналъ, веденный мною въ должности военнаго агента,—я еще продолжалъ передавать Военному Министерству собранныя мною въ Англіи свѣдѣнія и переписываться съ различными военными управленіями.

19 Апрѣля я получилъ вѣрительныя письма къ хивинскому и

¹⁾ По пути изъ Хивы въ Бухару, когда намъ угрожали Туркмены, боевыя ракеты могли бы намъ оказать большую услугу. Даже простые, сигнальные и фейерверочные огни намъ пригодились для устрашенія Туркменъ. Сѣображенія мои вполне оправдались.

²⁾ Дѣйствительно, хорошій теоретикъ оказался плохимъ медикомъ-практикомъ, не внушавшимъ членамъ экспедиціи никакого довѣрія.

³⁾ Медикъ этотъ заболѣлъ въ Хивѣ и я принужденъ былъ съ нимъ разстаться и возвратитъ въ Петербургъ.

бухарскому правительству и инструкціи Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ и Военнаго.

20-го Апрѣля я пустился въ дальній путь, полный тревогъ, лишений, опасностей и неизвѣстностей. Нѣкоторые пріатели смущали меня передъ тѣмъ внушеніями, что, завидуя моему быстрому полету и вниманію, которое было на меня обращено Государемъ и княземъ Горчаковымъ, «меня старались удалить съ шеемнымъ порученіемъ въ надеждѣ, что я гдѣ нибудь погибну или осрамлюсь и что отъ меня петербургскіе дѣльцы избавятся разъ навсегда».

Вѣра въ промыслъ Божій и безотчетное желаніе послужить Россіи, внѣ обыденной колен, поддерживали мой духъ, способствуя тому, что отличало всю мою послѣдующую дѣятельность, а именно: я считалъ интриги и сплетни такими мелочами въ жизни, на которыя недостойно человѣку, посвящающему себя безкорыстному служенію отечеству, обращать вниманіе.

Прощаніе съ Государемъ и Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, принимавшимъ горячее участіе въ моей экспедиціи, было трогательно и оставило во мнѣ, своею видимою сердечностью, глубокое впечатлѣніе.

Военный Министръ Сухозанетъ прощался со мною отечески, повторяя на всѣ лады сожалѣніе свое, что меня «берутъ у него на такое рискованное дѣло».

Многіе изъ знакомыхъ прощались со мной—какъ бы въ послѣдній разъ предъ моею гибелью. Моихъ родителей осаждали самыми зловѣщими предсказаніями. Но кто меня болѣе всѣхъ поразилъ—это покойная Императрица Александра Ѳеодоровна. Она благословила меня образомъ Божіей Матери, прекрасной миниатюрной живописи, и поставивъ передъ собою на колѣни, взяла мою голову въ свои руки, благословила и поцѣловала. Слезы умиленія брызнули у меня, когда она стала упрекать вошедшаго въ это время къ ней Государя, что онъ меня напрасно посылаетъ «dans un si horrible pays, où il risque de périr inutilement, tandis qu'il aurait pu être très utile ici. On dirait vraiment, que le Ministère n'a pas quelqu'un d'autre à envoyer dans ces affreux parages!»

Его Величеству, видимо, это было неприятно, и меня подобное заявленіе поставило въ довольно неловкое положеніе, въ особенности, когда вслѣдъ за симъ Императрица, отпуская меня, потребовала, чтобы я пришелъ «на прощанье» къ ней обѣдать. За столомъ были лишь Государь и Принцъ Петръ Ольденбургскій.

Ихъ Величества послѣ обѣда, окончательно меня благословили и со мною простились самымъ благосклоннымъ образомъ.

Выписываю изъ сохранившихся листовъ моего походнаго дневника: «20-го Апрѣля выѣхалъ въ полдень изъ Петербурга, по Московской желѣзной дорогѣ. Е. П. Ковалевскій пришелъ проститься со мною на станцію желѣзной дороги. Родители, сестра Ольга, братъ Алексѣй и родные провожали сердечно. Было много народу на станціи. Неудобно и неприятно прощаться съ близкими на публикѣ. Въ вагонѣ я чувствовалъ потребность одиночества, хотѣлось мнѣ подумать о быломъ, о родныхъ, о милыхъ сердцу, но несносный въ этихъ случаяхъ говоръ знакомыхъ, вѣхавшихъ на мою бѣду въ Москву въ томъ же поѣздѣ, мѣшалъ мнѣ. 21-го Апрѣля въ 3 часа пополудни прибыли въ Тверь. Я отправился въ монастырь къ тетускѣ игуменѣ. Въ 9 ч. утра сѣлъ на пароходъ «Курьеръ», предоставленный обществомъ Самолета въ мое распоряженіе до Казани».

Это былъ первый пробный рейсъ курьерскаго пассажирскаго плаванія, а не товарнаго болѣе медленнаго. Чтобы имѣть понятіе о развитіи судоходства, пассажирскаго и торговаго движенія по р. Волгѣ, въ протекшіе 30 лѣтъ, любопытно сопоставить бѣглыя замѣтки дневника съ настоящимъ положеніемъ: ночью пароходъ идти не могъ и останавливался часовъ въ 10 вечера, а съ разсвѣтомъ двигался въ путь. Мы высаживались въ первый день по случаю продолжительной остановки и желанія ознакомиться съ прибрежьемъ, въ г. Корчевѣ. 22-го рано утромъ, проходили мимо Калязинскаго монастыря и затѣмъ Углича, а въ 3 ч. пополудни подошли къ Рыбинску. Стояли тамъ два часа для пополненій топлива. Я осматривалъ пока городъ. Въ дневникѣ записано: «до Рыбинска вверхъ по Волгѣ барки тянутся лошадьми. За Рыбин-

скомъ, внизъ, встрѣчаются барки совершенно другой конструкціи, ходятъ на парусахъ, а при противномъ вѣтрѣ тянутъ люди по берегу. Для этихъ случаевъ на баркахъ много лишнихъ людей. Наружная форма судовъ и парусовъ—голландская, такая, какая была введена еще Петромъ Великимъ. Въ Рыбинскѣ мало каменныхъ строеній, театръ въ родѣ большого балагана. Когда мы проѣзжали мимо Романова - Борисоглѣбска, намъ рассказывали, что первый недавно горѣлъ и огонь перебросило черезъ рѣку въ Борисоглѣбскъ.

Въ восьмомъ часу вечера причалили къ городу Ярославлю, гдѣ и ночевали».

Какъ видно изъ дневника, осматривая городъ, я нашелъ его «прелестнымъ, мѣстоположеніе—живописнымъ».

23-го Апрѣля, тронувшись съ разсвѣтомъ, мы пристали къ г. Костромѣ около 7 час. утра. Пока пароходъ забиралъ провизію и топливо, я успѣлъ побывать въ Ипатіевскомъ монастырѣ, у Архіерея Платона, благословившаго меня на предстоящее предпріятіе,—и осмотрѣть городъ. Въ теченіе дня мы высаживались въ Юрьевѣ Поволжскомъ, и ночевали въ Городцѣ. 24-го Апрѣля, проѣхавъ рано утромъ мимо Балахны, мы въ 7 часовъ утра, причалили къ Нижнему Новгороду. Я въ первый разъ познакомился съ этимъ живописнымъ и своеобразнымъ городомъ, въ которомъ мнѣ черезъ 21 годъ позже, пришлось начальствовать. Оригинально, что тогда, т. е. въ 1856 г., явился ко мнѣ для оказанія почета жандармскій офицеръ Перфильевъ, котораго я нашелъ черезъ 21 годъ на томъ же мѣстѣ, на самомъ отличномъ счету и пользующагося общественнымъ довѣріемъ. Онъ былъ мною употребленъ съ пользою въ 1879—1880 гг., во время моего Генераль-Губернаторства въ Нижнемъ Новгородѣ, причемъ мы оба вспомнили о прежней встрѣчѣ. Я ему доставилъ заслуженное повышеніе, но онъ года черезъ два умеръ. Осмотрѣвъ пустыя ярмарочныя строенія, я объѣхалъ обширный и разбросанный по оврагамъ городъ, мнѣ очень понравившійся своимъ прелестнымъ видомъ, оригинальностью и церквами. Осматривая соборъ, я зашелъ въ подвальный склепъ поклониться праху доблестнаго патріота

Минина. Въ дневникѣ записано: «надпись на могилѣ въ стихахъ, громкая, но по стихосложенію—неудачная».

Послѣ полудня отправился «Курьеръ» далѣе, прошелъ мимо стараго Макаріевского монастыря и мѣста прежней ярмарки и остановился у Васильсурска. «За Нижнимъ начали встрѣчаться кабенные машины, движимыя паромъ или лошадьми. Въ настоящее время не менѣе 22 различныхъ типовъ судовъ, плавающихъ по Волгѣ (сибирки, расшивки и проч.), насчитываютъ до 34,000 судовъ и барокъ, двигающихся по рѣкѣ съ товарами; пароходовъ же всего 130. До 300,000 человекъ рабочихъ—употребляются судами, идущими вверхъ по рѣкѣ. Вообще судоходство, къ сожалѣнію, въ младенческомъ состояніи и не можетъ сравниться съ происходящимъ въ Западной Европѣ. Необходимо увеличить число пароходовъ и достигнуть удешевленія и ускоренія грузовой доставки¹⁾. Этого требуютъ государственные, финансовые, общественные и частные интересы, но также и человѣколюбіе. При настоящемъ положеніи судоходства, сколько десятковъ тысячъ людей, употребленныхъ на тягостную и вредную для здоровья работу тяги барокъ, гибнутъ совершенно бесполезно.»

Переночевавъ у Козмодемьянства 25 Апрѣля, мы прибыли въ полдень въ Казань, причаливъ къ пристани пароходнаго общества «Меркурій». Въ дневникѣ записано, что «Казань издали имѣетъ совершенно восточную, турецкую наружность. Отъ пристани до города четыре версты по плотинѣ, проложенной по затопленнымъ лугамъ. Мостовая плохая, гостиницы еще хуже, остановился въ лучшей изъ нихъ—Рязанова: дорого, дурно, отвратительно, грязно и ничего не допросишься».

Простудившись на пароходѣ, я болѣлъ зубами и совсѣмъ разболѣлся, подъѣзжая къ Казани, чувствуя лихорадку и ревматическія боли въ рукахъ и ногахъ. Бывшій при посольствѣ докторъ Печарскій меня уложилъ и въ сутки справилъ; онъ хотѣлъ поставить пиявки, послалъ искать по всему городу и не нашелъ. Заказанные

¹⁾ Это желаніе, какъ я могъ убѣдиться въ 1879—1880 гг., осуществилось.

заблаговременно чрезъ купца Сакина два тарантаса—одинъ легкій и красивый, а другой—побольше, для прислуги и вещей—были готовы. Заплативъ за нихъ 400 руб. и отправивъ большую часть вещей и запасовъ на долгихъ, съ обезпеченіемъ доставки груза въ г. Оренбургъ въ 10 дней, я поѣхалъ далѣе на почтовыхъ.

1-го Мая прибылъ я, наконецъ, въ г. Оренбургъ, гдѣ мнѣ было приготовлено помѣщеніе въ клубѣ и, облачившись въ полную форму, тотчасъ явился къ Генералъ-Адъютанту Катенину, принявшему меня съ свойственною ему изысканною привѣтливостью и любезностью. Давнишняя семейная связь смягчала нѣсколько то неудовольствіе петербургскими распоряженіями по составу и снаряженію посольства, на которыя Генералъ-Губернаторъ смотрѣлъ какъ на посягательство на его мѣстный авторитетъ и привычное самовластіе. Генералу Катенину не нравилось, что въ степь ему подвѣдомственную и въ сосѣднія ханства отправляется лицо самостоятельное, тогда какъ онъ желалъ назначить начальникомъ экспедиціи одного изъ своихъ подчиненныхъ; ему не нравилось, что во главѣ посольства находится флигель-адъютантъ, имѣющій непосредственный доступъ къ Государю, и хотя ему семейно знакомый, но обладающій независимымъ характеромъ, не легко поддающимся административному давленію или постороннему влиянію. Какъ умный и обворожительный человекъ, Катенинъ старался скрыть отъ меня свое стремленіе парализовать всякую инициативу со стороны начальника посольства, поставить его въ зависимое отъ себя положеніе и обратить посольскій караванъ съ предназначеннымъ ему конвоемъ въ авангардъ отряда, идущаго въ киргизскую степь съ Генералъ-Губернаторомъ края. Но цѣль эта тѣмъ не менѣе обнаруживалась на каждомъ шагѣ, въ распоряженіяхъ по снаряженію каравана и степному движенію отрядовъ, въ продолжительныхъ ежедневныхъ разговорахъ со мною и даже въ письменныхъ сообщеніяхъ.

Въ донесеніи моемъ Ковалевскому изъ г. Оренбурга отъ 7 Мая (№ 4) сказано: «всѣ мои будущіе спутники уже собрались въ г. Оренбургъ. Лица, назначенныя въ составъ миссіи изъ здѣшняго края, тоже явились ко мнѣ. Къ выступленію все, приблизительно,

готово . . . Погода теплая, и кормы въ степи изобильные, но, за неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ, едва ли будетъ возможно, къ сожалѣнію, выступить ранѣе 15 Мая. Впрочемъ я не теряю надежды, что, вслѣдствіе моихъ настояній и при особенной заботливости Г. А. Катенина, Его Превосходительство найдетъ средство ускорить сборъ верблюдовъ и доставить мнѣ возможность выступить нѣсколько ранѣе отряда, конвоирующаго начальника края, и идти безостановочно до Аральскаго моря» . . .

Такъ какъ главнѣйшею заботою при степномъ походѣ должно быть прокормленіе не только людей, но и лошадей, и верблюдовъ и удовлетворительное разрѣшеніе этой задачи составляетъ важнѣйшее условіе успѣшнаго достиженія цѣли, то чѣмъ раньше могло двинуться посольство въ степь, какъ только появился подножный кормъ, тѣмъ было больше задатковъ въ своевременномъ достиженіи береговъ р. Аму и вступленіи въ Хиву до наступленія самыхъ сильныхъ жаровъ. Лучше было выступить въ концѣ Апрѣля или въ самыхъ первыхъ числахъ Мая, нежели откладывать до половины Мая. Каждый день былъ дорогъ. А потому понятны сѣтованія на медленные сборы перевозочныхъ средствъ и на старанія Оренбургскаго начальства приурочить движенія посольскаго каравана къ маневрированію отрядовъ сопровождающихъ торжественное шествіе начальника края по ввѣренной его управленію степи.

При отправленіи дипломатической миссии въ Среднюю Азію имѣлись въ виду не только политическія и военныя цѣли, но и торговыя. Предстояло заключить торговые договоры въ Хивѣ и Бухарѣ, улучшить положеніе русскихъ торговцевъ и попытаться завязать болѣе непосредственныя и оживленныя сношенія ихъ съ жителями ханствъ. А потому предполагалось, по моему предложенію, придать посольству двухъ купеческихъ русскихъ агентовъ, о чемъ и было сообщено Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ Г. А. Катенину. «По недоразумѣнію, доносилъ я Ковалевскому ¹⁾ (№ 4),

¹⁾ Лучше сказать, по небрежности Оренбургскаго начальства, обращавшаго свое вниманіе, главнѣйше, на показную, матеріальную часть приготовленій къ снаряженію посольства.

этихъ агентовъ до сихъ поръ нѣтъ. Такъ какъ русскій приказчикъ, знающій татарскій языкъ, могъ бы быть чрезвычайно полезенъ миссии, для собиранія различныхъ свѣдѣній въ Хивѣ и Бухарѣ и для сношеній съ жителями, то мнѣ удалось уговорить здѣшняго купца Дѣева послать со мною, съ согласія Генераль-Адъютанта Катенина, приказчика своего въ Хиву». Этимъ былъ, хотя отчасти, заполненъ существенный пробѣлъ, оставленный въ приготовленіяхъ къ отправленію посольства. Хотя несомнѣнно, что бывалый приказчикъ Дѣева оказывалъ посильныя услуги посольству и принесъ несомнѣнную пользу, но отсутствіе подготовленныхъ и образованныхъ коммерческихъ агентовъ при посольствѣ было весьма прискорбно и лишило меня возможности извлечь ту пользу для торговыхъ сношеній Россіи съ ханствами, какую я предполагалъ.

Въ упомянутомъ уже донесеніи Ковалевскому (отъ 7 Мая № 4) было далѣе сказано:

«Для извѣщенія хивинскаго хана о моемъ выступленіи составлено, на этихъ дняхъ, и послано на имя мехтера письмо, въ копіи при семъ прилагаемое, отъ Оренбургскаго и Самарскаго Генераль-Губернатора.

Письмомъ изъ Оренбурга я сообщилъ капитану I-го ранга Бутакову о желаніи моемъ нѣсколько ускорить, противъ первоначальнаго распоряженія, слѣдованіе миссии и о томъ, что я предполагаю прибыть къ Аральскому морю около половины Іюня. Оставаясь въ убѣжденіи, что капитанъ Бутаковъ, при извѣстномъ его усердіи и распорядительности, успѣетъ выйти своевременно въ Аральское море, несмотря на многія къ тому препятствія, я предупредилъ его также о томъ, что я съ нѣкоторыми лицами миссии и частью кладі пересяду вѣроятно на пароходъ «Перовскій», дабы переплыть къ Айбугирскому заливу ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ

¹⁾ Имѣлось въ виду такимъ образомъ обставить вступленіе нашихъ судовъ въ запретную рѣку Аму и объяснить благовидною цѣлью непріятное для хивинцевъ появленіе нашего парохода.

начальника Аральской флотилии взять съ собою изъ р. Сыра, наибольший по возможности запасъ воды, для облегченія слѣдованія каравана по Усть-Урту, гдѣ мы можемъ встрѣтить недостатокъ въ водѣ. Принимая во вниманіе, что Генераль-Адъютантъ Катенинъ сдѣлалъ всѣ распоряженія для обратнаго моего слѣдованія въ г. Оренбургъ изъ Бухары черезъ Хиву, по Усть-Урту, я донесъ Его Превосходительству о невозможности сказать нынѣ утвердительно, что я изберу этотъ же путь для возвращенія въ Россію, какъ потому, что подобному движенію могутъ помѣшать различныя мѣстныя обстоятельства и политическія соображенія, такъ и по той причинѣ, что движеніе по всякому другому пути дастъ мнѣ возможность осмотрѣть мѣстность и изучить страну на гораздо большемъ пространствѣ, чѣмъ при движеніи обратномъ на Хиву. Предупреждая Г. А. Катенина, что обстоятельства могутъ меня принудить выйти изъ ханствъ на какой либо пунктъ Сыръ-Дарьинской линіи, я обратился къ Его Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою, чтобы командиру Сыръ-Дарьинской линіи предписано было въ случаѣ такового моего движенія принять всѣ надлежащія мѣры, какъ къ высылкѣ ко мнѣ на встрѣчу дополнительнаго конвоя, такъ и къ снабженію вѣренной мнѣ миссіи всѣми предметами первой потребности для возвратнаго похода въ г. Оренбургъ.

На этихъ дняхъ, на балѣ, начальникъ края познакомилъ меня съ находящимся еще здѣсь бухарскимъ посланцемъ. Изъ разговора съ нимъ замѣтилъ я, что бухарцы желаютъ, чтобы миссія отправилась сперва въ Бухару, а потомъ въ Хиву и намекаютъ даже, что въ противномъ случаѣ я не буду принять эмиромъ. Я на это, разумѣется, не обратилъ никакого вниманія.

Желая имѣть неопровергаемыя доказательства вѣроломства и тайныхъ враждебныхъ дѣйствій хивинцевъ въ отношеніи къ намъ и покровительства, оказываемаго ими враждебнымъ намъ киргизамъ и лицамъ, открыто возстающимъ противъ законной власти, я просилъ Генераль-Адъютанта Катенина снабдить меня подлинными документами по сему предмету.

Въ отрывѣ отъ 6 Мая за № 950 начальникъ края сообщилъ

мнѣ, что извѣстный Исетъ Кутебаровъ искалъ покровительства хивинскаго хана, который и обѣщалъ ему оное, что доказывается подлиннымъ письмомъ Сейдъ-Мохамеда. Кромѣ того мнѣ доставлены Генераль-Адъютантомъ Катенинымъ фирманъ, присланный хивинскимъ ханомъ адаевцамъ и письмо отъ ханскаго мехтера, открыто подстрекающаго ихъ къ новымъ ссорамъ съ Ямудскими туркменами, врагами хивинцевъ».

Письмо мехтеру написанное отъ имени Оренбургскаго Генераль-Губернатора, но составленное мною, по соглашенію съ Г. А. Катенинымъ, было слѣдующаго содержанія:

«Высокостепеннаго хана хивинскаго почтенному и уважаемому Мехтеру.

Въ исполненіе Высочайшаго соизволенія, выраженнаго въ грамотѣ Его Императорскаго Величества Всемилоствѣйшаго Государя моего къ высокостепенному владѣтелю Хивы, отправленной съ бывшимъ здѣсь посланцемъ шейхъ-уль-исламомъ Фазиль-Ходжею, Императорское посольство, назначенное въ Хиву изъ свисхожденія къ желанію хана, прибыло на сихъ дняхъ въ г. Оренбургъ и 10 Мая выступило уже отсюда въ Киргизскую степь. Начальникомъ Миссіи для веденія переговоровъ съ Высокостепеннымъ ханомъ Его Императорское Величество удостоилъ избрать полковника Игнатѣва, собственнаго своего флигель-адъютанта, т. е. одного изъ самыхъ приближенныхъ и довѣренныхъ своихъ сановниковъ. Свита посольства состоитъ изъ секретаря, двухъ переводчиковъ, двухъ медиковъ и другихъ чиновниковъ, въ числѣ 16 лицъ и 38 человѣкъ прислуги, при нихъ 63 человѣка почетнаго конвоя. Въ Куля-Ургенгу прибудетъ посольство около 29 Іюня. До этого пункта оно будетъ сопровождаемо собственнымъ моимъ конвоемъ, который здѣсь долженъ быть смѣненъ охранною стражею отъ высокостепеннаго хана, о высылкѣ которой было уже написано отъ меня на имя почтеннаго Диванъ-Беги въ письмѣ отъ 22 Февраля. Нынѣ считаю долгомъ обо всемъ вышеизложенномъ увѣдомить почтеннаго и уважаемаго мехтера на тотъ предметъ, чтобы правительству хивинскому извѣстны

были въ точности числительность Императорскаго посольства и время прибытія его въ предѣлы Хивы и сообразно съ симъ приготовлена своевременно охранная стража, имѣющая встрѣтить посольство около Куня-Ургенча. вмѣстѣ съ тѣмъ не излишнимъ нахожу предупредить, что флигель-адъютантъ Игнатьевъ обязанъ изъ Хивы отправиться въ Бухару, а изъ Бухары слѣшпть обратно въ Россію, такъ какъ онъ по званію своему не можетъ быть долго въ отсутствіи. По этой причинѣ онъ, по всей вѣроятности, вынужденъ будетъ сократить свое пребываніе въ Хивѣ, почему было бы весьма желательно, чтобы переговоры съ нимъ хивинскаго правительства ведены были съ наивозможною меньшею тратою времени.

Писано въ г. Оренбургѣ 6 Мая 1858 г.».

Чтобы по возможности предупредить предвидимое поползновеніе хивинцевъ задержать въ Хивѣ посольство и не пропускать во всякомъ случаѣ русскихъ въ Бухару непосредственно прямымъ и кратчайшимъ путемъ, я уговорилъ Катенина включить въ его извѣщеніе мехтеру, что пребываніе мое въ Хивѣ должно быть лишь кратковременно, вслѣдствіе того, что мнѣ поручено Государемъ идти въ Бухару и скорѣе вернуться въ Россію. По понятіямъ азіатцевъ и свойственнымъ имъ обычаямъ, время пребыванія посольства въ ханствѣ и отъѣздъ онаго на родину должны были находиться въ зависимости отъ произвола и расположенія духа хана, а потому необходимо было принять заблаговременно мѣры для того, чтобы внушить хивинскому повелителю убѣжденіе въ невозможности измѣнить, по своей фантазіи, программу, которую посольство обязано было выполнить, не смотря ни на какія препятствія. Вотъ подлинныя извлеченія изъ донесеній моихъ Ковалевскому (директору Азіатскаго Департамента) изъ г. Оренбурга, отъ 7 Мая:

«Погода сдѣлалась жаркой и кормы въ степи изобильныя. Дѣло стало изъ-за верблюдовъ, выписанныхъ въ г. Оренбургъ только къ 15 Мая. Начнутъ они прибывать сюда 16-го. Жаль, что поздно вѣ снажены мы въ походъ. Надо было выступить въ первыхъ числахъ Мая. Все было бы лучше и легче. Не могу скрыть отъ Васъ, что многочисленная моя свита смущаетъ меня чрезвычайно. Всѣ мои спут-

ники, большею частью, премилые люди, но дѣльныхъ помощниковъ мало и всѣ прїѣзжіе изъ Петербурга не запаслись необходимымъ для степнаго похода, такъ что значительно помѣхою моего выступленію—снабженіе членовъ миссіи лошадьми, сѣдлами, вьюками и предметами первой необходимости. Вы не повѣрите, сколько мнѣ возни по снабженію моихъ спутниковъ. Вещи фотографическія такъ громоздки, что ихъ нельзя было примѣнить къ вьючкѣ и пришлось уложить все на повозку *à la grâce de Dieu*. Я не думаю, чтобы когда либо отправлялся въ Зауральскую степь такой неуклюжій караванъ, какъ мой. Громадность каравана заставляеть меня еще болѣе прежняго опасаться, что денежныхъ средствъ моихъ будетъ недостаточно.

Г. А. Катенинъ очень недоволенъ былъ послѣднимъ рѣшеніемъ Комитета объ отправленіи миссіи въ Хиву и Бухару. Онъ меня спрашивалъ, принималъ ли я участіе въ засѣданіи комитета и успокоился только моимъ отрицательнымъ отвѣтомъ.

Мнѣ здѣсь предсказываютъ совершенную неудачу. Иду на всѣ превратности съ тою же твердостью духа, съ какою шелъ бы на вѣрный успѣхъ. Постараюсь сдѣлать все, что отъ меня зависитъ, а въ успѣхѣхъ воленъ—одинъ Богъ.

Драгоманъ миссіи назначенъ Г. А. Катенинымъ Батаршинъ 2-ой, а словеснымъ толмачемъ Чанышевъ. Недостатки перваго заключаются, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что онъ очень робкаго характера, а переводить вяло, нерѣшительно, заикаясь; я это замѣтилъ во время разговора моего съ Бухарскимъ посланцемъ. Переводить дипломатическій разговоръ на персидскій языкъ онъ самъ не беретса, а это будетъ въ Бухарѣ весьма невыгодно, такъ какъ офиціальная, дипломатическая переписка ведется вся на персидскомъ языкѣ. Со мною нѣтъ никого свободно объясняющагося по-персидски. Другой драгоманъ, по сознанію самого Григорьева ¹⁾, годенъ только для командировокъ на рынокъ.

¹⁾ Непосредственнаго его начальника, завѣдывавшаго Киргизскою степью въ качествѣ председателя пограничной комиссіи.

У меня до десяти лишних и совершенно бесполезных спутниковъ, а между тѣмъ горнаго офицера или даже штейгера я приобрести не могъ, да и купеческихъ агентовъ, которые должны были идти со мною, до сихъ поръ нѣтъ.

Черезъ купцовъ въ Бухарѣ и Хивѣ гораздо болѣе узнать можно, нежели черезъ официальные сношенія. Купецъ Ключаревъ, ожидавшійся Катенинымъ изъ Москвы для отправленія со мною, не былъ еще, а другого и въ виду не имѣется.

Мнѣ удалось подбить, наконецъ, здѣшняго купца Дѣева (бывшаго въ Хивѣ съ Никифоровымъ) послать со мною расторопнаго русскаго приказчика съ товарами, а такъ какъ прискать и нанять верблюдовъ въ такое короткое время было почти невозможно, то я уступаю ему подъ товары 20 верблюдовъ изъ числа моихъ запасныхъ. За это взыщется съ Дѣева плата пограничною комиссіею.

Личность доктора Батаршина также незавидная въ медицинскомъ отношеніи. Я полагаю извлечь изъ него пользу сношеніями съ туземцами въ Хивѣ и Бухарѣ. Многія изъ тѣхъ лицъ, которыя пріѣхали со мною изъ Петербурга, недовольны своимъ содержаніемъ по сравненію съ довольствіемъ, получаемымъ лицами, назначенными изъ Оренбургскаго вѣдомства. Я позволилъ себѣ ходатайствовать о докторѣ Пекарскомъ въ надеждѣ, что Вы найдете несправедливымъ, чтобы Батаршинъ получалъ большее содержаніе, чѣмъ старшій врачъ. Для ускоренія моихъ переговоровъ въ Хивѣ и для предупрежденія того, чтобы ханъ не уѣхалъ изъ столицы и не промучалъ меня продолжительнымъ напраснымъ ожиданіемъ, я рѣшился извѣстить изъ г. Оренбурга хивинскія власти, что выступаю въ степь, и предварилъ ихъ, что не намѣренъ долго оставаться въ Хивѣ. Г. А. Катенинъ, узнавъ о моемъ желаніи, приказалъ заготовить письмо отъ себя мехтеру, предоставивъ мнѣ измѣненіе редакціи, такъ какъ первоначально въ этой бумагѣ было сказано много лишняго.

Бухарскій посланецъ еще не выѣхалъ до сихъ поръ изъ г. Оренбурга. Онъ обѣщаетъ отправиться въ путь около 15 Мая. Какъ кажется, онъ нарочно выжидалъ моего пріѣзда, чтобы познакомиться и донести эмиру. Посланецъ былъ въ нелѣпомъ убѣжденіи, что я

обязанъ къ нему пріѣхать первый съ визитомъ. Познакомившись съ нимъ на балѣ 15 Мая, я далъ ему замѣтить, что ожидаю его къ себѣ. Частнымъ образомъ освѣдомлялся онъ у Генералъ-Губернатора, кто я такой, сколько у меня свиты и конвоя, и какимъ путемъ будетъ слѣдовать въ Бухару миссія. Требуемыя свѣдѣнія были сообщены ему письменно въ формѣ записки. Получивъ записку, посланецъ замѣтилъ Батаршину, что такъ какъ русская миссія идетъ первоначально не въ Бухару, а въ Хиву, то онъ сомнѣвается, чтобы эмиръ принялъ меня. При переводѣ записки въ пограничной комиссіи сдѣлали ошибку, объяснивъ мое званіе словомъ «малый мехремъ». Такимъ образомъ могли бы счесть меня въ Бухарѣ за придворнаго кухоннаго служителя. Къ счастью мнѣ пришлось въ голову справиться объ этомъ и выраженіе въ запискѣ, взятой подъ благовиднымъ предлогомъ у бухарца назадъ, — теперь измѣнено.

Перечитывая въ г. Оренбургѣ инструкцію мнѣ данную, я обратилъ вниманіе, между прочимъ, на слѣдующее обстоятельство: мнѣ приказано обѣщать ханамъ: бухарскому и хивинскому, что ежели они будутъ дѣйствительно жить съ нами въ мирѣ, то Россія оградитъ ихъ, по возможности, отъ вреднаго для нихъ вмѣшательства другихъ государствъ. Мнѣ предоставлено заключить письменные акты въ Хивѣ и Бухарѣ. Не будетъ ли осторожнѣе не включать сего въ акты, а ограничиться словеснымъ обѣщаніемъ, либо облечь въ акты сіе обязательство еще въ болѣе темное и общее выраженіе? Я обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ подобнымъ вопросомъ потому, что еще имѣется возможность заблаговременно мнѣ узнать положительно мнѣніе Ваше».

Отъ 11 Мая:

«Ежеминутно мучаетъ меня мысль, что расходы по снаряженію миссіи и въ особенности конвоя все увеличиваются и что по окончаніи возложеннаго на меня порученія, мнѣ скажутъ: Вы стоили такъ дорого, а сдѣлали такъ мало. Усиленіе, по особенному неблагопріятному теченію обстоятельствъ, суммы, выражающей официально стоимость хиво-бухарской миссіи, не зависѣвшее отъ меня, нисколько не увеличиваетъ однако-же средствъ моихъ для дости-

женія дипломатической цѣли нашего отправленія, а напротивъ того, скорѣе уменьшаетъ ихъ. Убѣжденный въ справедливости взгляда Вашего Превосходительства на расходы, дѣлаемые нынѣ изъ кибиточнаго сбора, я надѣюсь, что Вы согласитесь со мною въ томъ, что ежели бы вмѣсто безполезнаго расточенія на обзаведеніе различныхъ предметовъ и на громадное снаряженіе миссіи и конвоя, а также вмѣсто содержанія различныхъ личностей, стоящихъ весьма много, а способныхъ творить весьма мало, приобщили бы къ экстраординарной суммѣ моей всѣ употребленные такимъ образомъ деньги, то при уменьшеніи кочующей со мною орды, дипломатическія мои средства удвоились бы, по крайней мѣрѣ, а затрудненія уменьшились. Напрасный расходъ по отправленію многихъ безполезныхъ и неподготовленныхъ къ такому путешествію лицъ; множество конвойныхъ офицеровъ (изъ нихъ гвардіи ротмистръ Дучинскій получаетъ 2.000 руб. сер. содержанія въ годъ), снаряженіе повозокъ и фуръ и громадное обзаведеніе боченками, фотографическими аппаратами и различными предметами, отправляемыми съ конвоемъ изъ лишней предусмотрительности, никакъ не могутъ быть причислены собственно къ дипломатическимъ расходамъ миссіи. Все могло быть снаряжено проще и дешевле. Каждое распоряженіе отзывается здѣсь расходомъ, который предугадать трудно.

Не вижу конца моимъ похождениямъ въ г. Оренбургѣ. Безпрестанно возникаютъ новыя затрудненія, препятствующія моему выступленію. Кажется главнѣйшее состоитъ въ томъ, что въ случаѣ нашего ранняго выхода, церемонія прощальнаго молебствія и выступленія Генераль-Губернатора была бы менѣе величественна, нежели при одновременномъ отправленіи двухъ отрядовъ».

И второе отъ того же числа:

«Изъ письма моего отъ 7 Мая за № 4, Вашему Превосходительству извѣстно, что я счелъ долгомъ обратить вниманіе Оренбургскаго и Самарскаго Генераль-Губернатора на то, что въ настоящее время нельзя предугадать, какой путь окажется по обстоятельствамъ наилучшимъ для обратнаго моего слѣдованія изъ Бухары, и просилъ Его Превосходительство имѣть въ виду возможность выхода миссіи

изъ Бухары на Сыръ-Дарью. Г. А. Катенинъ письмомъ отъ 7 Мая за № 977 увѣдомилъ меня, что вслѣдствіе сего онъ призналъ необходимымъ сдѣлать нынѣ же надлежащее распоряженіе о благовременномъ заготовленіи и высылкѣ въ фортъ № 1-й 620 боченковъ на четырехдневный запасъ воды, для облегченія перехода черезъ пески Кызыль-Кумъ какъ миссіи, такъ и конвойнаго отряда, который онъ намѣренъ выслать съ р. Сыръ.

При этомъ Генераль-Адъютантъ Катенинъ полагаетъ, что расходы, предстоящіе на заготовленіе здѣсь боченковъ и доставку ихъ въ фортъ № 1, будутъ простираться до четырехъ тысячъ рублей.

Другимъ письмомъ отъ 7 Мая за № 668, Г. А. Катенинъ, сообщая мнѣ двѣ просьбы, поданныя на его имя купцами Дѣевымъ и Путуловымъ, приносящими жалобы на разграбленіе хивинцами каравановъ въ 1847 г. и плѣненіе ихъ приказчиковъ, проситъ меня, по прибытіи моемъ въ Хиву, о претензіяхъ упомянутыхъ купцовъ предъявить тамошнему правительству и склонить оное на сколь возможно справедливое вознагражденіе за понесенные ими убытки. Постараюсь, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, что либо по сему дѣлу сдѣлать, если увижу, что ходатайство это не повредитъ общему ходу переговоровъ или, по крайней мѣрѣ, поставлю на видъ хивинскому хану сіи грабежи, въ доказательство основательности нашего требованія объ обезпеченіи личности и имущества торгующихъ въ хивинскихъ владѣніяхъ русскихъ подданныхъ и необходимости ограждать нашу торговлю на будущее время.

При отправленіи моемъ изъ С. Петербурга мнѣ приказано было свѣрить, для дополненія, данную мнѣ изъ Азіатскаго Департамента записку о русскихъ плѣнныхъ, находящихся въ Хивѣ и Бухарѣ, съ дѣлами канцеляріи Генераль-Губернатора. Оказалось, при сличеніи съ дѣлами канцеляріи, что другихъ, кромѣ упомянутыхъ свѣдѣній, собственно о русскихъ плѣнныхъ, въ Хивѣ и Бухарѣ находящихся, въ г. Оренбургѣ нѣтъ, но есть только переписка объ истребованіи изъ Хивы семейства персидскаго подданнаго Хассанова, возникшая вслѣдствіе ходатайства персидскаго консула въ г. Астрахани. Сіе ходатайство было предъявлено находившемуся въ г. Оренбургѣ хи-

винскому посланцу Фазиль-Ходжѣ, общавшему председателю пограничной комиссіи употребить стараніе о возвращеніи дѣтей Хассанова.

Назначенный Оренбургскимъ и Самарскимъ Генераль Губернаторомъ старшимъ драгоманомъ миссіи, коллежскій ассессоръ Батаршинъ, вполнѣ владѣетъ татарскимъ языкомъ, но не въ состояніи свободно передавать на персидскомъ языкѣ разговоръ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ. Словесный толмачъ коллежскій секретарь Чанышевъ можетъ быть предназначаемъ единственно для самыхъ обыкновенныхъ не дипломатическихъ сношеній и то только на татарскомъ языкѣ. Имѣя въ виду, что персидскій языкъ въ Бухарѣ—языкъ дипломатическій и придворный и что во всякомъ случаѣ имѣть въ миссіи чловѣка свободно объясняющагося на этомъ языкѣ—существенно необходимо, я рѣшился обратиться къ Г. А. Катенину съ покорнѣйшею просьбою сдѣлать измѣненіе въ назначеніи переводчиковъ. Мнѣ объявлено было, что въ г. Оренбургѣ нѣтъ никого, удовлетворяющаго этому условію. Освѣдомившись послѣ сего о прибытіи сюда Баньщикова, назначеннаго въ Оренбургскую пограничную комиссію и вполнѣ владѣющаго персидскимъ языкомъ, я просилъ—основываясь на предложеніи самого Г. А. Катенина,—о замѣненіи коллежскаго секретаря Чанышева титулярнымъ совѣтникомъ Баньщиковымъ. Г. А. Катенинъ, письмомъ отъ 10 Мая за № 1005, уведомилъ меня, что назначилъ этого чиновника въ составъ ввѣренной мнѣ миссіи».

Ходатайство о назначеніи Баньщикова словеснымъ толмачемъ миссіи,—несмотря на то, что онъ по образованію и прежней своей службѣ могъ занять высшее мѣсто, хотя по склонности къ крѣпкимъ напиткамъ былъ высланъ изъ Персіи, гдѣ онъ служилъ и назначенъ въ г. Оренбургъ такъ сказать для наказанія,—было вынуждено совершенною необходимостью. Драгоманъ Батаршинъ, въ совершенствѣ знакомый съ татарскимъ языкомъ, сознался, при первомъ испытаніи, что, изучивъ письменный языкъ персидскій, онъ положительно не въ состояніи переводить словесно на этомъ языкѣ разговоръ, состоящій не изъ общеупотребительныхъ выраженій. Словеснымъ же толмачемъ назначали совершенно бесполезнаго

миссіи чиновника, который могъ быть, въ большей части случаевъ, замѣненъ однимъ изъ нѣсколькихъ казаковъ конвоя миссіи, говорившихъ бойко по татарски. Миссія могла быть поставлена въ самое непріятное положеніе въ Бухарѣ, гдѣ встрѣчается безпрестанно необходимость говорить по персидски, а также въ случаѣ сношеній съ персіанами.

Передъ прибытіемъ моимъ въ г. Оренбургъ всѣ расчеты и распоряженія Генераль-Губернатора были основаны на странномъ предположеніи, что миссія не иначе вернется изъ Бухары, какъ снова черезъ Хиву. Мнѣ стоило большого труда объяснить Г. А. Катенину, что неблагоприятно связывать заблаговременно движенія посольства и ставить его такъ сказать въ зависимость отъ добраго расположенія своевольнаго хивинскаго хана, что обстоятельство это вовсе не имѣлось въ виду и что по всей вѣроятности посольству придется возвратиться изъ Бухары инымъ путемъ, на р. Сырь. Тогда Генераль-Губернаторъ извѣстилъ меня о неожиданомъ рѣшеніи, сдѣланномъ имъ вслѣдствіе моего сообщенія, о заготовкѣ и высылкѣ на р. Сырь 620 боченковъ для воды, на случай возвращенія посольства изъ Бухары не чрезъ Хиву, предупредивъ меня, что это вызвало сверхсметный расходъ въ 4.000 р. Такого исхода я не могъ предвидѣть и находилъ этотъ расходъ излишнимъ.

Когда я въ Петербургѣ первоначально составлялъ (осенью 1857 года) проектъ посольства въ Хиву, съ движеніемъ нашихъ судовъ, по р. Аму, предполагалось, что изъ устья р. Сырь пойдутъ въ Аральское море канонерская лодка, два рѣчныхъ парохода и двѣ или три баржи съ достаточнымъ числомъ гребныхъ судовъ и десантомъ и даже приготовленъ будетъ легкій, подвижной отрядъ въ фортѣ № 1 для того, чтобы посольство могло тотчасъ-же поддержать свои требованія энергическими мѣрами. Но въ г. Оренбургѣ я убѣдился, что средства недостаточны, что отъ флотиліи ожидать мнѣ помощи большой нельзя и что пересѣсть на пароходъ посольству будетъ трудно, если не невозможно. Бросить караванъ и лично находиться на пароходѣ я считалъ неприличнымъ, потому тогда же рѣшился остаться, преимущественно, при караванѣ,

ограничиваясь—для доставленія благовиднаго предлога пароходу вступить въ рѣку и пройти по ней,—передачею на судно лишь нѣкоторыхъ лицъ и части конвола и подарочныхъ вещей, получение которыхъ ханомъ и его саповниками, въ глазахъ азіатцевъ, считается необходимѣйшею принадлежностью посольства. Я просилъ Катенина сообщить въ Хиву о моемъ скоромъ прибытіи, назначивъ нѣсколько болѣе близкій срокъ, чтобы хивинцы повѣрили сказанію нашему о затруднительности и медленности доставки громоздкихъ подарочныхъ вещей и необходимости перевозки ихъ водою.

Передъ отбытіемъ изъ Петербурга и видя неудовлетворительность и неполноту данныхъ мнѣ официальныхъ инструкцій, я представилъ Ковалевскому нѣсколько вопросныхъ пунктовъ, на которые и получилъ словесные отвѣты, мною тогда же записанные и долженствовавшіе служить мнѣ руководствомъ въ будущемъ. Мнѣ поставлено было Ковалевскимъ главною цѣлью: «изслѣдовать, по возможности, р. Аму, стараться составить карту этой рѣки, убѣдиться въ какой степени долина Аму представляетъ будущность для заселенія, развитія торговли, пароходства и пр. Имѣть въ виду, что конечною цѣлью нашихъ дѣйствій: искать удобнѣйшій путь въ Индію, по рр. Сыру и Аму или черезъ Кашгаръ: такъ какъ на Персію надѣяться намъ нельзя, то желательно достигнуть самостоятельнаго пути для будущихъ дѣйствій». Не смотря на то, что экспедиція снаряжаема была на полтора года, мнѣ предлагалось сократить пребываніе въ краѣ, по возможности, постараться вернуться изъ Бухары въ Нолбрѣ. Если ханы согласятся на пребываніе нашихъ коммерческихъ агентовъ въ ихъ столицахъ, то дозволяется оставить какого нибудь караванъ-башу (въ родѣ старосты киргизскаго, завѣдывающаго верблюдами каравана) безъ всякаго иного officialнаго вида. Ковалевскій просилъ меня избѣгать выходить часто изъ дома, который будетъ занимать посольство, и «отнюдь не попадаться эмиру Бухарскому верхомъ на улицахъ» ¹⁾,

¹⁾ Въ Бухарѣ требовали, чтобы хрістіане не иначе появлялись на улицахъ, какъ пѣшкомъ или на осликахъ. Съ лошадей ихъ заставляли слѣзать. Министерство Ино-

и разрѣшилъ въ случаѣ недостатка денегъ занять въ Хивѣ и Бухарѣ именемъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ ¹⁾. На вопросъ мой что мнѣ предпринять, если ханъ—вслѣдствіе возбужденныхъ опасеній—дурно или дерзко приметъ посольство или же при приближеніи нашихъ судовъ къ берегу ихъ встрѣтятъ выстрѣлами, Ковалевскій отвѣчалъ, что «на частныя непріязненныя дѣйствія не слѣдуетъ обращать вниманія, ни придавать имъ значенія политическаго, а если я попаду въ Хиву во время разстройства общественнаго или рѣзни, то, узнавъ отъ лазутчиковъ о положеніи дѣла, слѣдуетъ заблаговременно уйти изъ хивинскихъ предѣловъ». Касательно ввода судовъ въ р. Аму, вопреки хивинскому хану, было разрѣшено, но «съ крайнею осторожностью, съ тѣмъ, чтобы хивинцы не задержали миссіи въ видѣ залога. Отнюдь не рисковать зимовать въ рѣкѣ судамъ, развѣ что въ хивинскихъ владѣніяхъ близъ устья рѣки». Меня уполномочивали, для достиженія открытія судоходства по р. Аму, обѣщать уменьшеніе таможеннаго тарифа на хивинскія и бухарскія произведенія. На вопросы имѣются ли у насъ виды на Хиву и предполагается ли распространить Сыръ-Дарьинскую линію въ сторону хивинскихъ владѣній, а также что дѣлать миссіи, если русскіе невольники прибѣгнутъ къ непосредственному ея покровительству или даже скроются въ домахъ, нами занимаемыхъ послѣдовали отвѣты: что «никакихъ видовъ на расширение нашихъ владѣній не имѣется и что лучше не принимать русскихъ невольниковъ подъ свое покровительство непосредственно, чтобы не подвергать миссію опасности». Касательно Персіи и персіанъ предписывалось миссіи обходиться дружественно съ персидскимъ посланцемъ,—если таковой встрѣтится,—содѣйствовать Персіи, а не Достъ-Мухамеду и ходатайствовать въ ханствахъ за персидскихъ невольниковъ, допуская даже денежныя пожертвованія для

странныхъ Дѣлъ находило приличнымъ, чтобы я подчинился этому унижительному правилу. Я этого не исполнилъ и напротивъ потребовалъ даже для русскаго приказчика Панфилова право ѣздить по улицамъ верхомъ.

¹⁾ Не только я этимъ не воспользовался, но изъ ассигнованныхъ суммъ сдѣлалъ экономію и сдалъ, при возвращеніи, въ фортъ № 1 и въ г. Оренбургъ болѣе 30.000 р.

ихъ освобожденія. Въ отношеніи къ уроженцамъ Индіи, Ковалевскій совѣтовалъ стараться распространять недовѣріе къ Англіи и въ случаѣ заявленія или желанія бѣжать въ Россію обѣщать убѣжище. Миссіи разрѣшалось войти въ сношеніе съ Ханыковымъ, но запрещалось посылать—какъ я предполагалъ—отъ себя агента въ Балкъ, Кундузъ, Гиссаръ и пр., а предлагалось выжидать, чтобы изъ этихъ владѣній прислано было къ миссіи довѣренное лицо или же ограничиться отправленіемъ туда для собранія свѣдѣній киргиза. Имѣя въ виду бродившіе на востокъ слухи, я спросилъ Ковалевскаго «слѣдуетъ ли намъ содѣйствовать составленію оборонительнаго союза между Афганистаномъ, Персією, Бухарою и ближайшими къ Индіи независимыми владѣтелями съ цѣлью непріязненною Англіи и клонить ли къ тому, чтобы, при подобной группировкѣ владѣній въ Средней Азіи, Хива и Коканъ были исключены изъ союза». Директоръ Азіатскаго Департамента подтвердилъ мое предположеніе, отозвавшись, что надо, сколько возможно, имѣть это въ виду.

Приготовленія и предварительные переговоры съ Генералъ-Губернаторомъ длились двѣ недѣли и лишь къ 15 Мая миссія была снаряжена и готова къ выступленію, въ составѣ, съ конвоемъ, 117 человекъ съ 178 лошадьми, 352 верблюдами и 22 повозками, изъ коихъ лазаретная фура и полевая кузница форменнаго образца отличались въ особенности своею непомерною громоздкостью и непрактичностью для степного похода.

Убѣжденный, что для сохраненія порядка и безопасности, для береженія силъ людей, лошадей и верблюдовъ, для успѣшнаго достиженія цѣли, необходимо установить систематическое исполненіе извѣстныхъ правилъ, какъ при движеніи, такъ, въ особенности, при бивачномъ расположеніи отряда, а также что многочисленность личнаго состава миссіи поведетъ къ постояннымъ ссорамъ, внутреннимъ раздорамъ и можетъ имѣть, при отсутствіи обязательныхъ занятій, тупеядствѣ и скукѣ однообразной жизни, лишь самыя дурныя послѣдствія, я постарался придумать передъ выступленіемъ и тщательно распредѣлить занятія между моими спутниками и далъ инструкціи начальнику конвоя относительно порядка слѣдованія

экспедиціи. Начальникъ конвоя обязывался завѣдывать, сверхъ своей собственной команды, всею караваномъ, верблюдовожатыми и верблюдами, прислугою и пр., смотрѣть за порядкомъ навьючиванія, кормленія, движенія и расположенія каравана; онъ долженъ былъ принимать мѣры для его обезпеченія отъ разныхъ случайностей и отвѣчать за порядокъ и цѣлость имущества. Старшіе три офицера (по чину) завѣдывали командами Уральскою, Оренбургскою и стрѣлковою (линейнаго баталіона), а три младшихъ—тремя отдѣленіями караваннаго обоза, въ составъ которыхъ входили верблюды съ ихъ жоками, лошади, порціонный скотъ, повозки и проч. По очереди офицеры назначались дежурными—старшіе по отряду, а младшіе по табуну.

Одинъ изъ двухъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, штабсъ-капитанъ Саладкій, назначенъ былъ мною завѣдывать топографскими работами, производимыми двумя офицерами корпуса топографовъ (шт.-кап. Яковлевъ и пор. Зеленинъ) и двумя топографами—Недорѣзовымъ и Чернышевымъ,—вести топографическій и разспросный журналы, находится при авангардѣ и выбирать бивачныя мѣста. Топографы производили все время маршрутную съемку и, при знаніи татарскаго и киргизскаго языковъ, занимались собираніемъ разспросныхъ свѣдѣній о краѣ. На пути отъ Оренбурга до Хивы Яковлевъ былъ постоянно впереди, а Зеленинъ при мнѣ, тогда какъ отъ Хивы до Бухары Зеленинъ шелъ въ авангардѣ, а Яковлевъ оставался при мнѣ, завѣдуя въ то-же время во весь путь хозяйствомъ миссіи. Другому офицеру Генеральнаго Штаба, капитану Залѣсову, было поручено вести дневникъ миссіи, политическій, статистическій и пр., составлять военно-статистическое описаніе края и находится на походѣ при мнѣ для исполненія порученій и переписки по отряду (приказы и пр.) и съ Оренбургскимъ вѣдомствомъ. Чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Кюлевейнъ, назначенный въ должность секретаря, но не привычный къ перепискѣ на русскомъ языкѣ, держалъ въ порядкѣ журналъ дипломатической переписки и всю казначейскую часть, счетную книгу и пр. Галкину были поручены сношенія съ пограничною комиссією,

завѣдывавшею киргизами, и собираніемъ свѣдѣній торговыхъ; сверхъ того онъ велъ дневникъ для Оренбургскаго Генераль-Губернатора. Лерхе собиралъ свѣдѣнія этнографическія, лингвистическія, археологическія, историческія, разспрашивая встрѣчныхъ киргизовъ и въ послѣдствіи, въ ханствахъ, туземцевъ.

Доктору Пекарскому—веденіе медицинскаго журнала, наблюденія по части естествознанія и леченіе чиновъ миссіи.

Доктору Батаршину—леченіе конвоя и, по знанію татарскаго языка (онъ былъ магометанинъ), сношенія съ туземцами, ихъ леченіе и разспросы.

Струве производилъ астрономическія наблюденія и вмѣстѣ съ лейтенантомъ Можайскимъ—барометрическую нивелировку и метеорологическія наблюденія.

Въ отношеніи къ караванному слѣдованію, я поставилъ начальнику конвоя въ обязанность имѣть ближайшее наблюденіе:

1) за исправностью въючной сбруи и, въ случаѣ надобности, за своевременнымъ ея исправленіемъ;

2) чтобы каждый верблюдъ навьючивался лишь соотвѣтственно его силамъ, и измученные или слабые получали облегченіе въ кладѣ;

3) чтобы заведены были точные списки людямъ, лошадямъ, верблюдамъ и общая вѣдомость прихода и расхода всѣхъ транспортируемыхъ нашимъ караваномъ предметовъ;

4) всѣ офицеры, состоящіе при караванѣ, завѣдуютъ, по назначенію начальника конвоя, каждый своею обозною частью, которую долженъ принять въ полное свое вѣдѣніе и содержать въ исправности;

5) ежедневная переключка киргизовъ и повѣрка верблюдовъ должна производиться по пробитіи вечерней зори;

6) дежурный офицеръ долженъ идти безотлучно съ арьергардомъ и по прибытіи послѣдняго верблюда донести начальнику;

7) для облегченія управленія киргизами и наблюденія за ними назначить отвѣтственнаго старшину (караванъ-баша);

8) за два часа до восхожденія солнца или передъ временемъ,

назначеннымъ для выступленія каравана, быють генераль-маршъ. Сигналъ «сборъ» долженъ обозначать приступъ къ навьючиванію;

9) тотчасъ по приходѣ на мѣсто почлега отряда, верблюды должны быть развьючены въ порядкѣ, указанномъ разъ навсегда (каре), $\frac{1}{4}$ часть казаковъ назначается для содержанія пикетовъ вокругъ табуна и лагеря и отводить лошадей и верблюдовъ на пастбище. Другая $\frac{1}{4}$ наличныхъ людей конвоя разставляетъ выюки по заведенному порядку. Третья $\frac{1}{4}$ людей разбиваетъ кибитки, а послѣдняя $\frac{1}{4}$ приносить дрова, кизякъ, воду, устраиваетъ кухню и пр.

Я строго наблюдалъ за систематическою исполнительностью этой программы и за точнымъ принятіемъ всѣхъ предосторожностей для предупрежденія хищническаго нападенія кочевниковъ на станъ миссіи, угона табуна и пр. Въ день выступленія, 15 Мая, въ составъ моего каравана входили 27 чиновъ военныхъ и гражданскихъ, одинъ іеромонахъ, 125 казаковъ и стрѣлковъ, 14 чиновъ нестроевыхъ (прислуга), 202 лошади и 559 верблюдовъ. Но такъ какъ часть дополнительнаго конвоя должна была отдѣлиться отъ посольства при вступленіи его въ хивинскіе предѣлы, то собственно для охраненія посольства и громаднаго каравана оставалось 50 человекъ казаковъ и стрѣлковъ.

Передъ самымъ выступленіемъ нашимъ, прибылъ въ Оренбургъ, чтобы присоединиться къ посольству, идущему въ Хиву и Бухару, студентъ С.-Петербургскаго университета, по естественнымъ наукамъ, Зоммеръ, которому Министерство Иностранныхъ Дѣлъ разрѣшило пристроиться къ экспедиціи для собиранія зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій и свѣдѣній, если я не встрѣчу къ тому препятствій. Ходатайство Зоммера было поддержано предо мною многими личностями изъ Петербурга, между прочимъ письмами отъ барона Ливена (генераль-квартирмейстера) и ректора университета Плетнева, который писалъ мнѣ «все, что Вы сообразовите сдѣлать въ его пользу и въ облегченіе занятій его, останется неизгладимымъ не только въ его сердцѣ, но и въ благодарномъ воспоминаніи нашего университета, который привыкъ студентовъ своихъ считать чѣмъ-то нераздѣльнымъ съ собою. Что касается до

меня лично, то я заранее радуюсь, что молодому человеку, посвящающему ранние свои годы ученым изысканиям, судьба посылает въ руководители именно Васъ: онъ цѣлый годъ будетъ видѣть передъ собою прекрасный примѣръ во всемъ. Это такъ возвышаетъ душу, умъ и сердце. Я остаюсь въ полной увѣренности, что спутникъ Вашъ возвратится къ намъ не только обновленный въ лучшихъ своихъ качествахъ, но и укрѣпившимся и созрѣвшимъ».

Ожиданіямъ почтеннаго ректора не суждено было сбыться. Въ виду полученныхъ рекомендацій, я преодолевалъ принципиальное предубѣжденіе противъ увеличенія уже безъ того слишкомъ многочисленнаго состава миссіи и, принявъ Зоммера благосклонно, помогъ ему снарядиться въ походъ, снабдивъ джуламейкою ¹⁾ и пр. Но оказалось, что Зоммеръ, при несомнѣнной любознательности, былъ крайне самонадѣянъ, совсѣмъ не подготовленъ къ перенесенію трудностей и лишеній, сопряженныхъ съ степнымъ походомъ, не понималъ необходимости соблюденія дисциплины и порядка въ караванѣ и проявлялъ несообразныя притязанія, возбуждавшія неудовольствіе не только начальника и офицеровъ конвоя, но даже простыхъ казаковъ, просившихъ неоднократно «уволить ихъ отъ сопровожденія букашника» въ его поискахъ по степи; во время нашихъ остановокъ, Зоммеръ воспроизводилъ типъ нѣмецкаго бурша всѣми привычками, своимъ поведеніемъ, вкусами и обращеніемъ съ другими; любилъ поспать и и вѣчно опаздывалъ къ выступленію отряда, затрудняя прислугу, и, несмотря на внушенія и напоминанія старшихъ, постоянно продолжалъ подавать дурной примѣръ безнаказаннаго нарушенія общихъ распоряженій. Отрядъ уходилъ, когда Зоммеръ еще не вставалъ съ постели и потому мы должны были оставлять людей для уборки его кибитки и верблюда для перевозки его вещей. Дѣло дошло до того, что послѣ неоднократныхъ ослушаній и предупрежденій, я вынужденъ былъ оставить Зоммера на одномъ изъ биваковъ на Усть-Уртѣ, предоставивъ съемочному отряду, пересѣкавшему путь миссіи, по

¹⁾ Кибитки малаго размѣра.

направленію отъ запада на сѣверо-востокъ, взять его съ собою до форта № I, откуда онъ вернулся въ Россію, не побывавъ ни въ Хивѣ, ни въ Бухарѣ.

Аральское море и устья рѣки Аму были изслѣдованы нашими моряками подъ начальствомъ Бутакова (пароходы «Перовскій» и «Обручевъ») въ 1848 и 1849 годахъ. Въ результатъ намъ было извѣстно, что Аму (Оксъ) впадаетъ въ Аральское море плтью рукавами, изъ которыхъ нѣкоторые отдѣляются отъ главнаго русла выше г. Кунграда, а рукавъ Лауданъ впадаетъ въ Айбугирскій заливъ. А. А. Бутаковъ считалъ рукава Талдыкъ и Лауданъ доступными для судовъ нашей Аральской флотиліи и все затрудненіе для плаванія предвидѣлось въ необходимости облегчить грузъ «Перовскаго» при прохожденіи бара—предъ устьями. Для этого и для перевоза топлива при дальнѣйшемъ плаваніи вверхъ по рѣкѣ предполагалось взять еще двѣ баржи. Для парохода «Обручева» не предвидѣлось никакихъ задержекъ. На этихъ данныхъ былъ основанъ весь планъ экспедиціи. Еще въ Петербургѣ, тотчасъ по возвращеніи моемъ изъ-за границы я подавалъ записку Ковалевскому, въ которой настаивалъ на томъ, что, не довольствуясь донесеніями и смѣлыми бумажными предположеніями Бутакова, слѣдуетъ истребовать отъ него положительнаго указанія:

- 1) Какія имѣетъ онъ точныя свѣдѣнія о различныхъ устьяхъ рѣки Аму, о глубинѣ бара и фарватера, быстротѣ теченія, о свойствахъ береговъ и т. п.
- 2) Дѣйствительно-ли можетъ онъ войти безостановочно съ двумя изъ судовъ флотиліи въ рѣку.
- 3) Сколько примѣрно нужно ему времени, чтобы дойти съ моря до г. Кунграда.
- 4) Можетъ ли флотилія идти вдоль Усть-Урта, держась на высотѣ съ караваномъ и быть съ нимъ въ постоянномъ сообщеніи; могутъ ли суда останавливаться на ночь близъ берега и насколько приближаться въ теченіе дня.
- 5) Гдѣ лучше всего производить нагрузку и выгрузку, ибо предполагалось, что не только посольство сядетъ на пароходъ, но что про-

довольствіе для конвой и лошадей экспедиціи будетъ доставлено на судахъ изъ форта № I, по распоряженію Генераль-Губернатора.

6) Гдѣ лучше, по его мнѣнію, устроить пристань на Аральскомъ морѣ для нашей флотиліи и гдѣ выгоднѣе устроить укрѣпленіе въ устьѣ Аму, для обладанія онымъ и для обезпеченія безпрепятственнаго прохожденія нашихъ судовъ съ моря.

7) Какъ полагаетъ онъ распорядиться плаваніемъ судовъ, съ тѣмъ, чтобы ни одна изъ баржъ не подошла ранѣе парохода «Перовскій» къ устью, а сей послѣдній—не ранѣе прибытія миссіи на границу хивинскихъ владѣній. Такъ какъ весь успѣхъ предпріятія зависѣлъ отъ гармоническаго соглашенія движеній каравана и флотиліи, то желательно было знать: какіе сигналы полагаетъ употребить Бутаковъ для сообщенія флотиліи съ посольствомъ во время слѣдованія по Усть-Урту.

8) Какія средства полагаетъ онъ употребить для поддержанія постоянныхъ сношеній съ миссіею и съ караваномъ во время слѣдованія послѣдняго по хивинскимъ предѣламъ и движенія судовъ нашихъ по рѣкѣ Аму.

Никакого отвѣта, ни разъясненія я на эти вопросы не получилъ ни отъ Министерства, ни отъ А. А. Бутакова, ни отъ Генераль-Губернатора. Сей послѣдній на мои настоянія о необходимости объяснить всѣ вышеозначенныя обстоятельства прежде выступленія въ походъ, чтобы возможно было правильно рассчитать, въ какой мѣрѣ миссія имѣетъ основаніе положиться на содѣйствіе флотиліи и сообразовать свои предположенія съ дѣйствительностью,—ограничился заявленіемъ, что всѣ мѣры для успѣшнаго плаванія «Перовскаго» и «Обручева» приняты, что первый пароходъ съ Бутаковымъ будетъ насъ ожидать въ Чернышевскомъ заливѣ и сообщить мнѣ всѣ нужныя свѣдѣнія, на основаніи которыхъ я и могу дѣйствовать. Такимъ образомъ посольство выступило изъ Оренбурга въ полномъ невѣдѣніи, что его ожидало на Аральскомъ морѣ и въ неизвѣстности, можетъ ли быть выполнена программа, послужившая основаніемъ экспедиціи.

2 Мая писалъ я отцу:

«Вчера, въ 9 ч. утра, дотащился я наконецъ до Оренбурга. Переправы и ужасное состояніе дороги на г.г. Бугульму, Бугурусланъ и Бузулукъ задержали меня въ пути изъ Казани четверо сутокъ. Два раза ночью сидѣлъ я, по нѣсколько часовъ, въ зажорахъ и однажды только остановился на отдыхъ, съ 10 часовъ вечера до 1 1/2 ночи, и то вслѣдствіе опасной переправы, возможной только засвѣтло. Остановился я здѣсь въ домѣ благороднаго собранія, въ отведенной мнѣ квартирѣ. Черезъ часъ послѣ пріѣзда отправился являться къ Г. А. Катенину, который принялъ меня со свойственною ему пріятливостью и предупредительностью...

Къ сожалѣнію, кажется, нельзя рассчитывать на раннее выступленіе ¹⁾. Верблюды, назначенные для миссіи, начнутъ прибывать въ г. Оренбургъ только въ половинѣ Мая. Такимъ образомъ ранѣе 15-го врядъ ли возможно будетъ намъ выступить. Г. А. Катенину непремѣнно угодно, чтобы миссія слѣдовала съ нимъ вмѣстѣ до р. Эмбы. Идти одному моему отряду въ степи было бы несравненно легче и привольнѣе».

Въ припискѣ къ тому же письму,—наполненному, какъ и вся послѣдующая переписка, условленными цифрами, ключъ къ разумѣнію которыхъ, къ сожалѣнію, потерянъ ²⁾,—было сказано:

«Не смотря на все мое стараніе и всѣ усилія, мнѣ кажется не удастся выдти изъ Оренбурга ранѣе 15-го Мая, какъ было предположено въ Петербургѣ. Г. А. Катенинъ настаиваетъ, чтобы я шелъ

¹⁾ Для степного похода самое важное—выйти какъ можно раньше, когда свѣжая трава доставляетъ обильный кормъ для лошадей. Желая не пустить миссію ранѣе себя въ степь, Г. А. Катенинъ заставилъ потерять напрасно много времени и невольно отягчилъ этимъ движеніе посольства на Хиву и Бухару.

²⁾ Г. А. Катенинъ, человѣкъ способный и энергичный, но крайне самолюбивый и самонадѣянный, даже въ самыхъ незначительныхъ мелочахъ, и привыкшій дѣйствовать по-сатрапски, преслѣдовалъ всякое неодобреніе и разномысліе, требуя отъ всѣхъ преобладающихъ въ краѣ личнаго себѣ поклоненія и считая всякое противорѣчіе за злостную враждебность и интригу. Извѣстно было, что всѣ письма контролировались и переписка, посылавшаяся изъ степи чрезъ Оренбургъ, съ нарочными, распечатывалась.

съ нимъ вмѣстѣ, въ одномъ отрядѣ, до р. Эмбы. Это будетъ утомительно для людей, для лошадей и для верблюдовъ».

11-го Мая писалъ я отцу: «въ теченіе цѣлой недѣли я такъ былъ занятъ, что не успѣлъ взяться за перо, чтобы, по обыкновенію, написать Вамъ ¹⁾».

Кажется въ степи только буду имѣть я возможность поотдохнуть умственно и душевно и съ Вами заочно вдоволь побесѣдовать, но за то отправление моихъ вѣсточекъ будетъ рѣдкое...

Сборамъ нашимъ нѣтъ конца. Надо бороться съ безчисленными затрудненіями, чтобы привести, неуклоннымъ образомъ, въ исполненіе опредѣленное въ Петербургѣ; Вы себѣ представить не можете, какъ я буду радъ, когда выступлю изъ Оренбурга. Всю недѣлю шли дожди. Трава въ степи великолѣпная и погода снова потеплѣла. У насъ здѣсь было два бала; сегодня вмѣстѣ съ иллюминаціею сада и зданія караванъ-сарая. Третьяго дня былъ здѣсь парадъ войскамъ и насъ вымочило до костей. Жаль мнѣ было и собственной полной формы, но въ особенности тѣхъ щегольскихъ казачьихъ мундировъ, въ которыхъ долженъ будетъ вступить въ Хиву и Бухару конвой мой, бывший въ строю на парадѣ. Выступаю рѣшительно 14-го или 15-го отдѣльно отъ Александра Андреевича (Катенина) съ добавочнымъ конвоемъ ²⁾, такъ что въ моемъ караванѣ будетъ до 180 человекъ, 540 верблюдовъ и 250 лошадей. Кажется, по крайней мѣрѣ, доселѣ,—

¹⁾ Въ теченіе всѣхъ своихъ азіатскихъ путешествій, даже можно сказать всю жизнь, я писалъ родителямъ своимъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, ставя №2 на письмахъ, большинство конхъ сохранилось у матушки и мнѣ возвращено нынѣ. Въ письмахъ этихъ отражаются съ полною искренностью и правдою всѣ событія, въ которыхъ я участвовалъ и вся жизнь моя.

²⁾ Съ величайшимъ трудомъ удалось уговорить Генералъ-Адъютанта Катенина пустить посольство, отдѣльно, впереди сопровождающаго его въ степь отряда, но я долженъ былъ согласиться на присоединеніе добавочнаго конвоя по Усть-Урту, до хивинскихъ предѣловъ, ввиду предвзятаго въ Оренбургѣ убѣжденія объ опасностяхъ, угрожающихъ въ этой мѣстности (самой безопасной изъ всего предстоявшаго намъ пути) посольству, вслѣдствіе волненія, вызваннаго Исетомъ Кутебаровымъ между киргизами.

удалось мнѣ соединить *трудно согласуемыя* три условія: исполнить желанія петербургскія (т. е. Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ, Военнаго и Морскаго), сдѣлать все основательно, какъ должно, и угодить лично начальнику края.

Часто бесѣдуетъ со мною Александръ Андреевичъ подолгу и не объ однихъ дѣлахъ, касающихся моего отправления. Нѣсколько разъ говорилъ онъ мнѣ, что ищетъ людей способныхъ въ начальники штаба, въ атаманы Оренбургскаго казачьяго войска и въ завѣдующіе башкиро-мещерякскимъ войскомъ. Вчера предложилъ онъ мнѣ, на выборъ, всѣ три должности ¹⁾. Я отвѣтилъ, что съ увлеченіемъ пошелъ бы служить въ Оренбургскомъ край, преимущественно, казачьимъ атаманомъ, но не могу теперь же дать не только положительнаго отвѣта, но даже обѣщанія. Кюлевейнъ ²⁾ оказался пока неспособнымъ къ дѣловой перепискѣ и прекраснымъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, но, непрактическимъ человекомъ, неповоротливымъ и малопскуснымъ въ русской грамотѣ джентельменомъ. Мнѣ онъ будетъ полезенъ развѣ что казначеемъ, но въ секретари не годится. Хозяйство свое поручилъ я ближайшему завѣдыванію ретираго, дѣльнаго и исполнительнаго штабсъ-капитана корпуса топографовъ Яковлева, бывшему еще въ 1846 году въ такой же должности при Бутеневѣ, ходившемъ въ Бухару.

Врядъ ли придется мнѣ Вамъ присылать фотографіи. Я очень плохо надѣюсь на своего фотографа (Муренко). Беру съ собой

¹⁾ У Катенина сложилось убѣжденіе, что всякій независимый отъ него человекъ, идущій въ степь, для него можетъ сдѣлаться опаснымъ въ Петербургѣ, разоблаченіемъ существовавшихъ неурядицъ, а потому онъ непремѣнно хотѣлъ заручиться моею будущею подчиненностью, стараясь увлечь блестящими предложеніями.

²⁾ Кюлевейнъ, обладавшій прекраснымъ теноромъ и пѣвшій на домашнемъ спектаклѣ у Великой Княгини Елены Павловны, былъ рекомендованъ, на этомъ основаніи, Ковалевскому Дворомъ Великой Княгини. Е. П. Ковалевскій, желая подслужиться Великой Княгинѣ, назначилъ его мнѣ секретаремъ и помощникомъ, расхваливъ мнѣ его дипломатическія способности, которыхъ нигдѣ не испыталъ. Впослѣдствіи Кюлевейнъ поступилъ въ акцизное вѣдомство, ибо призналъ самъ, что для дальнѣйшей дипломатической службы не годится.

тарантасъ и крытую легкую повозку ¹⁾. Другой тарантасъ оставляю здѣсь, у стараго пажы—Коссаковскаго. Лошадей у меня 6 упряжныхъ и 2 верховыхъ (одна изъ нихъ иноходецъ ²⁾, вчера купленный).

Поклада моя укладывается на семи верблюдахъ и на моихъ повозкахъ. Къ лошадямъ нанялъ я двухъ Оренбургскихъ казаковъ. Урядника не беру съ собой, потому что народа въ моемъ распоряженіи и такъ слишкомъ много.»

15-го Мая писалъ я отцу,—въ 6 часовъ утра: «все пусто на моей квартирѣ, люди и вещи отпавлены вчера вечеромъ за р. Уралъ, а сегодня въ 4 ч. утра, выпроводилъ я караванъ мой. Верблюды и повозки отпавлены съ начальникомъ конвоя войсковымъ старшиною (уральцемъ) Буренинымъ, при небольшомъ прикрытіи (12 оренбургскихъ казаковъ) на первый ночлежный пунктъ, отстоящій отъ мѣноваго двора верстъ на 20. Весь остальной конвой, состоящій изъ 43 уральцевъ, и 3 оренбургскихъ казаковъ и 22 пѣхотныхъ стрѣлковъ - драгунъ, т. е. посаженныхъ на лошадей, остался здѣсь для молебствія, которое Катенину угодно было назначить отслужить лишь въ 9 час. утра (онъ вставать рано не любилъ). Придется идти по жарѣ, но впрочемъ, переходъ небольшой. Г. А. Катенинъ выступаетъ нѣсколько часовъ послѣ меня и будетъ ночевать почти на томъ же самомъ мѣстѣ, что я. Съ начальникомъ края идти вмѣстѣ будетъ крайне неудобно, для отряда моего, а по-

1) Тарантаса два я купилъ въ Казани, по совѣту Катенина, данному отцу моему письменно. Одинъ оказался совершенно излишнимъ, я его оставилъ въ Оренбургѣ и о немъ забылъ. Другой пришлось впоследствии сжечь (кузовъ), оставивъ одніе дроги. Вообще по незнанію мѣстныхъ условій такого труднаго похода и петербургскимъ воззрѣніямъ, снаряженіе экспедиціи было слишкомъ тяжелое, непрактическое. Между прочимъ, обременяя повозками посольство и конвой его, Г. А. Катенинъ имѣлъ въ виду практически испробовать возможность движенія артиллеріи къ Хивѣ, по Усть-Урту, по направленію неудачной экспедиціи Перовскаго. Эта возможность была блистательно нами доказана цѣлою трудностей, отъ которыхъ было бы логичнѣе избавить дипломатическую миссію.

2) Иноходецъ этотъ, сѣрый, коренастый, невзрачный, киргизской породы, сдѣлалъ подо мною весь походъ изъ Оренбурга въ Хиву, Бухару и фортъ № 1, не проболѣвъ ни одного дня. Я его подарилъ на память казаку Еремишу, бывшему при мнѣ вѣстовымъ.

тому, поднявшись рано завтра, постараюсь уйти, на 2-й переходъ, нѣсколько верстъ далѣе, на 3-емъ переходѣ еще далѣе и т. д.

Вмѣсто отдыха, Оренбургъ утомилъ меня нравственно. Съ А. А. я сохранилъ наилучшія отношенія. По службѣ съ нимъ трудно имѣть дѣло, по строптивости его права. Впрочемъ у насъ обошлось все благополучно. Орда ¹⁾, меня сопровождающая, приводитъ меня въ отчаяніе: многіе наивны, какъ малыя дѣти, непрактичны, не подготовлены къ трудностямъ и лишеніямъ предстоящаго намъ дѣла и помощи отъ нихъ можно ожидать весьма мало».

Въ письмѣ къ Е. П. Ковалевскому, выражаясь болѣе осторожно, я писалъ изъ Оренбурга: «цѣлые дни проходятъ въ бесѣдахъ и дипломатическихъ сношеніяхъ съ Генералъ-Губернаторомъ, съ различными властями и лицами мѣстнаго управленія. Страсть къ представительности и утонченная вѣжливость здѣшняго начальства (т. е. Катенина) отнимаетъ все время Снабженіе миссіи и снаряженіе конвоирующаго отряда произведены въ такихъ размѣрахъ и не жалѣя никакихъ средствъ, что караванъ мой будетъ скорѣе походить на экспедицію Перовскаго 1839 г., нежели на мирное посольство. При всемъ томъ конвойныхъ нижнихъ чиновъ ²⁾ почти мало для охраненія табуна, въ которомъ будетъ до 352 верблюдовъ и 180 лошадей. Несомнѣнно, что дорогою мнѣ придется бросить многое. Не понимаю, какимъ образомъ пройду я по Усть-Урту и какъ протащу я до Хивы повозки офицерскія и въ особенности неуклюжій казенный форменный обозъ».

15-го Мая такимъ образомъ посольство выступило. Для избѣжанія слишкомъ сильныхъ жаровъ по пути въ Хиву и достиженія болѣе ран-

1) Такъ называлъ я собраніе чиновниковъ и офицеровъ, дававшихъ мнѣ разными вѣдомствами въ составъ посольства и назначенныхъ большею частью для очистки корреспонденціи, производившейся въ Министерствахъ, безъ надлежащей подготовки и соображенія съ научными знаніями, способностями и характеромъ случайно избранныхъ лицъ.

2) Очевидно, что средствъ у меня было бы больше, а затрудненій меньше, если бы число безполезныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ и чиновниковъ было убавлено, а составъ конвоя увеличенъ нѣсколько.

ного прибытія въ Бухару, когда еще кормы не истощены палящимъ солнцемъ, желательно было выступить 12 или 10 днями раньше, но не было возможности, несмотря на всю настойчивую энергію, преодолѣть затрудненія, происходившія преимущественно отъ непрактическаго, слишкомъ параднаго снаряженія экспедиціи. Многое слѣдовало передѣлать, урѣзать и дополнить болѣе существеннымъ; но, въ виду самолюбиваго упрямства и тщеславнаго самовластія Начальника края приходилось выступить съ тѣмъ, что было подготовлено, жалѣя лишь о напрасно и бесполезно потраченныхъ казенныхъ деньгахъ. Несравненно лучше было бы значительно уменьшить число офицеровъ и чиновниковъ, для цѣли посольства не только бесполезныхъ и обременительныхъ, упростить и удешевить снаряженіе, снабдивъ меня въ то же время соотвѣтственно большими денежными средствами. Такимъ образомъ, изъ донесенія моего директору Азіатскаго Департамента, генералу Е. П. Ковалевскому, видно, что посольству, коему вмѣнено было въ обязанность урегулировать, оживить или вновь завести торговлю русскую въ Средней Азіи, не придали двухъ купеческихъ агентовъ, о которыхъ совѣщались въ Петербургѣ и которые должны были составлять, вмѣстѣ съ своимъ торговымъ караваномъ образцовъ, существенную часть экспедиціи.

Пришлось ограничиться присутствіемъ приказчика Дѣева, которого я лично уговорилъ со мною отправить небольшой товарный караванъ.

Несмотря на неожиданную въ Петербургѣ неподготовленность Аральской флотиліи, я тотчасъ предупредилъ съ нарочнымъ капитана 1-го ранга Бутакова, что необходимо ускорить прибытіе парохода и миссіи къ Аральскому морю и движеніе на Хиву, чтобы воспользоваться остатками полноводія и, что я прибуду къ половинѣ Іюня къ заливу Чернышева съ тѣмъ, чтобы пересѣсть на пароходъ съ частью клади для переправы по Айбугирскому заливу ¹⁾ и даль-

¹⁾ Первоначально предполагалось возможнымъ плавать пароходу «Перовскій» по заливу, но оказалось, что Айбугиръ значительно уже обмелѣлъ съ 1849 года. Впослѣд-

нѣйшему плаванію по рѣкѣ Аму. Предполагалось также, что Бутаковъ доставить каравану нашему запасъ воды изъ рѣки Сыра для облегченія слѣдованія по Усть-Урту, о затруднительности котораго составили себѣ въ Оренбургѣ преувеличенное понятіе. Всѣмъ этимъ предположеніямъ не довелось осуществиться, какъ вслѣдствіе слишкомъ поздняго выхода въ море Бутакова, такъ и несоотвѣтственности задачъ со средствами флотиліи и заявленіями ея начальника, а также и потому, что: 1) оказалось возможнымъ переправиться черезъ заливъ Айбугирскій безъ помощи нашей флотиліи, и 2) въ виду встрѣченныхъ опасностей въ Хивинскихъ предѣлахъ, не предвидѣнныхъ въ Оренбургѣ, я нашелъ невозможнымъ отдѣлиться отъ каравана и бросить на произволъ случайностей конвой, могущій подвергнуться внезапному нападенію коварныхъ азіатовъ. Думая распорядиться какъ подѣ Краснымъ Селомъ, на маневрахъ, Г. А. Катенинъ, не соображаясь съ политическими обстоятельствами, характеромъ сношеній хановъ съ нами и между собою, а также мѣстныхъ и климатическихъ препятствій, сдѣлалъ всѣ распоряженія для обратнаго слѣдованія посольства изъ Бухары снова черезъ Хиву и Усть-Уртъ. Усмотрѣвъ уже въ Оренбургѣ неудобноисполнимость сего плана, я письменно предупредилъ начальника края о невозможности заранѣе предпринять вопросъ о предпочтительности направлений моего обратнаго путешествія, тѣмъ болѣе, что одною изъ цѣлей моего отправленія было составленіе маршрутовъ и карты и изученіе страны на возможно большемъ пространствѣ. Въ Оренбургѣ же я собралъ свѣдѣнія о враждебныхъ дѣйствіяхъ хивинцевъ въ отношеніи къ Россіи, а также доказательства вѣроломства хана Сендѣ-Мохаммеда и покровительства, имъ оказываемаго враждебнымъ намъ киргизамъ и всѣмъ кочевникамъ, недовольнымъ властями и скрывающимся отъ законнаго преслѣдованія. Въ извѣстительномъ о моемъ скоромъ прибытіи въ Хиву письмѣ къ мехтеру

ствія заливъ этотъ высохъ. Вообще замѣчено было въ продолженіе нашего путешествія въ 1858 году, что западные рукава рѣки Аму постепенно мелѣютъ и высыхаютъ, а восточные—углубляются и распространяются къ Востоку.

(ничто въ родѣ министра по сношенію съ иностранцами хана) Катенинъ, по моей просьбѣ и на основаніи проекта мною составленнаго, упомянулъ, что посольство назначено «лишь по снисхожденію къ желанію самого Хана» выраженному чрезъ шейхъ-улыслама Фазиль-Ходжа, присланному на Коронацію Государя и что я обязанъ изъ Хивы отправиться въ Бухару, а изъ Бухары «сѣшпуть обратно въ Россію», что заставитъ меня сократить мое пребываніе въ Хивѣ, при чемъ, для избѣжанія, по возможности, продолжительной задержки, было заявлено желаніе, чтобы переговоры мои съ хивинскимъ правительствомъ ведены были съ «наивозможно меньшею тратою времени». Послѣдствія показали, что ханъ не обратилъ никакого вниманія на эти предупрежденія Оренбургскаго Генерала-Губернатора: хотѣлъ меня задержать какъ можно дольше, тянулъ переговоры, не только затрудняя мое шествіе по ханству всячески, но въ особенности желалъ сопротивиться моему движенію на Бухару, стараясь вынудить «бѣжать» обратно въ Россію.

Чтобы постепенно втянуть верблюдовъ и лошадей, приучивъ ихъ исподволь къ труднымъ переходамъ, а нижнимъ чинамъ конвоя и прислугѣ дать возможность приладить вьюки къ перевозкѣ и приобрести, безъ излишняго утомленія, нужную въ степныхъ походахъ сноровку, я началъ съ небольшихъ переходовъ, верстъ съ 20, увеличивая ихъ впослѣдствіи, смотря по состоянію караваннаго скота и водопойнаго расположенія, не придерживаясь строго маршрута, мнѣ дапнаго изъ Оренбурга. Съ совершеннымъ сохраненіемъ силъ людей, лошадей и верблюдовъ, движеніе наше до Айбугирскаго залива совершилось, такимъ образомъ, гораздо быстрѣе, нежели считывали въ управленіи Оренбургскаго Генералъ-Губернатора. На третій переходъ (къ Караванному озеру) я уже сдѣлалъ 40 верстъ, передъ дневною. Выводилъ я караванъ съ разсвѣтомъ, при чемъ самъ поднималъ отрядъ, давая сигналъ къ подъему и приказывая трубить «генералъ-маршъ». Вслѣдствіе сильныхъ жаровъ (отъ 24° до 30° и 32° R. въ тѣни) мы старались сдѣлать весь переходъ до полудня и становились въ половинѣ дня на ночлегъ.

Намъ приходилось испытывать всѣ тѣ затрудненія, которыя вы-

падаютъ на долю въ степи большому военному транспорту, — вслѣдствіе обремененія отряда множествомъ ненужной поклажи и тяжелыхъ неуклюжихъ повозокъ; всего болѣе затрудняли движенія форменные походные кузница и огромный неповоротливый госпитальный фургоны. Съ первыхъ переходовъ показались между нижними чинами нѣсколько случаевъ кроваваго поноса и былъ одинъ — зараженія сибирскою язвою.

Для облегченія верблюдовъ, слишкомъ нагруженныхъ, и въ виду предстоящихъ дальнѣйшихъ трудностей пути, при существованіи достаточнаго, до подножія Усть-Урта, травянаго корма, я рѣшился на первыхъ же переходахъ бросить нѣсколько сотъ пудовъ прессованнаго сѣна и оставить часть бесполезнаго обмундированія, какъ на примѣръ кивера пѣхотныхъ чиновъ и т. п. Дѣлая по пути разспросы встрѣчнымъ караванамъ и отдѣльнымъ киргизамъ, я узналъ, что между хивинцами и туркменами (іомудами) возгорѣлась война и были уже стычки, въ которыхъ хивинцы приписывали себѣ побѣду. Являлось сомнѣніе возможности идти въ Хиву по маршруту, назначенному въ Петербургъ и Оренбургъ, такъ какъ Куня-Ургенчъ былъ осажденъ туркменами и на пути въ томъ направленіи мы могли встрѣтить враждующія между собою шайки и стать въ неловкое положеніе къ тѣмъ или другимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ я свѣдѣніе, что бунтовавшій Исеть Кутебаровъ, бывшій въ письменныхъ сношеніяхъ съ ханомъ хивинскимъ и обнадежившій было Генералъ-Губернатора, чрезъ своихъ довѣренныхъ, что онъ явится къ нему съ повинною, измѣнилъ это намѣреніе, письменно увѣдомилъ о томъ начальника края и кочуетъ на Усть-Уртѣ близъ пути слѣдованія посольства. Свѣдѣнія эти и опасеніе, что табунъ отряда, при малѣйшей оплошности, можетъ быть угнанъ разбойниками киргизскими или туркменскими, заставилъ меня ввести строгій боевой порядокъ какъ при слѣдованіи каравана, такъ и въ особенности на ночлегахъ. Караванъ становился въ каре, при чемъ повозки и вьюки составляли какъ бы временное укрѣпленіе, внутри которыхъ помѣщались кибитки наши и джуламейки, а на ночь загонялся табунъ, лошади размѣщались въ коновязяхъ, а верблюды клались на колѣни непо-

средственно возлѣ выюковъ своихъ. Часовые и патруль охраняли всю ночь спокойствіе каравана; я засыпалъ послѣднимъ съ заряженнымъ револьверомъ подъ подушкой, предварительно обойдя весь бивакъ и провѣря мѣры предосторожности.

Отсутствіе какихъ либо положительныхъ извѣстій объ Аральской флотиліи или о степени ея готовности къ плаванію, о времени и мѣстѣ возможнаго нашего соединенія—меня беспокоило. Весь Май прошелъ въ ожиданіи отвѣта Бутакова.

Въ первые 17 дней похода прошли мы 458 верстъ. Какъ я писалъ Е. П. Ковалевскому, мы могли бы идти гораздо быстрее, но желаніе дать время пароходу «Перовскій» подойти къ западному берегу Аральскаго моря и войти съ нами въ связь, заставляло меня замедлять движеніе. Нижніе чины конвоя были бодры, свѣжи и не утомлены, а лошади и верблюды въ отличномъ состояніи, когда мы дошли 31 Мая до сліянія р. Аты-Джаксы съ р. Эмбою, на мѣсто, гдѣ было возведено укрѣпленіе въ 1839 г.

Нравственное состояніе и настроеніе въ теченіе этой первой части степного похода выказывается въ письмахъ къ отцу и Егору Петровичу Ковалевскому. Родителю своему писалъ я, съ перваго почлега: «Не привыкать стать уже мнѣ прощаться съ гранью родной земли и пускаться въ далекое странствованіе, а тѣмъ не менѣе призадумался я, когда вышелъ въ степь и увидалъ себя на конѣ, среди зеленаго, необъятнаго моря. Впрочемъ выступили мы бодро, и я совершенно спокоенъ духомъ. Трудное дѣло предстоитъ мнѣ; много испытаній, лишеній и непріятности ожидаю; иду даже на полную неудачу съ твердою рѣшимостью сдѣлать все человѣчески возможное, чтобы исполнить волю Государа и послужить родинѣ; а объ успѣхѣ и не мечтаю, предоставивъ слѣдно волѣ Божіей и себя самого и результатъ моей необычайной поѣздки

Примѣра ради ѣду я верхомъ впереди конвоя весь переходъ и даже спѣшиваюсь вмѣстѣ съ казаками ¹⁾).

¹⁾ На осеннихъ маневрахъ 1852 года, исполняя личное приказаніе покойнаго Государа Николая Павловича, я переѣзжалъ верхомъ чрезъ шоссе и двѣ широкія

Примѣръ этотъ необходимъ потому, что безъ этого $\frac{3}{4}$ моей разнокалиберной свиты разсѣлись было по фурамъ. Я совѣмъ не усталъ; кибитка у меня чудесная; погода прекрасная и если бы не такой дальній путь и еще болѣе отдаленная и неизвѣстная будущность, то долженъ бы сознаться, что чувствую себя въ своемъ элементѣ».

Въ другомъ письмѣ, съ р. Эмбы 1 Іюня писалъ я отцу: «Странствованіе наше до р. Эмбы было прогулкою; мы ни разу не терпѣли лишенія въ водѣ, имѣли на каждомъ ночлегѣ изобильный кормъ для лошадей и верблюдовъ, обѣдали ежедневно чуть ли не какъ въ Петербургѣ, дѣлая среднимъ числомъ только по 30 верстъ въ сутки, не имѣя утомительныхъ переходовъ, и не испытывали еще непріятнаго, предстоящаго намъ на Усть-Уртѣ, сосѣдства фалангъ, тарантуловъ и пр. Одни только мошки и комары сильно досаждаютъ намъ.

.
Говоря, что считаю путь нашъ до р. Эмбы прогулкою, передаю только впечатлѣнія собственные, моихъ конвойныхъ офицеровъ, всѣхъ нижнихъ чиновъ, киргизъ и тѣхъ изъ немногихъ лицъ посольства, бывавшихъ прежде въ степи. Всѣ же прибывшіе изъ С.-Петербурга спутники мои *раскисли*, неотступно просятъ у меня дневокъ, позволенія лишній часъ поспать, отстать отъ каравана и т. п. Когда мы приходимъ на мѣсто, то всѣ ложатся тотчасъ спать и просыпаются лишь для обѣда. Въ случаѣ надобности, мнѣ отъ нихъ помощи ждать нечего, тѣмъ болѣе, что большая часть изъ нихъ и въ покойномъ состояніи едва ли достиженію цѣли посоль-

канавы, проведенныя по болотистому лугу. Лошадь испугалась при послѣднемъ прыжкѣ и кинулась на-легу въ сторону, ударила грудью о бортъ канавы, вывихнула себѣ ногу, а мнѣ порвала оболочку большого мускула на лѣвой ногѣ. Отъ такой боли я потерялъ сознаніе и годами потомъ страдалъ отъ сильнѣйшей невыносимой боли, причиняемой при верховой ѣздѣ всякимъ неловкимъ движеніемъ и продолжительною напряженностью мускула ноги и т. п. Нога начала сохнуть и доктора, лѣчившіе меня въ Петербургѣ и Парижѣ, между прочими Нарановичъ и Пелатонъ, считали невозможнымъ для меня ѣздить верхомъ, совѣтовали носить ножной корсетъ и проч. До сего времени боль возвращается, хотя и въ меньшей степени. Но сила воли позволяла мнѣ съ тѣхъ поръ совершать походъ въ Хиву и Бухару, пройти черезъ Монголію, быть въ свитѣ Государа на войнѣ 1877 г. и постоянно ѣздить верхомъ.

ства содѣйствовать могутъ. Кюлевейнъ, данный мнѣ въ помощники, прекрасный человѣкъ, но типъ учителя, прихотливаго, чопорнаго, въ высшей степени непрактическаго, къ тому же разсѣяннаго, добраго малаго, непривычнаго къ труду и неуклюжаго. Въ числѣ чиновниковъ, меня сопровождающихъ, единственно способный на должность секретаря—Галкинъ ¹⁾. Не могу, къ сожалѣнію, ни къ чему его употребить, потому что онъ находится въ постоянной корреспонденціи съ Г. А. Катенинымъ, поручившимъ ему собирать и доставлять начальнику края различныя свѣдѣнія. Кромѣ того вся стая «миссіонныхъ» (какъ ихъ называютъ казаки) бесполезна и только затрудняетъ меня, скорѣе мѣшая успѣху дѣла, чѣмъ способствуя мнѣ; но они, отъ бездѣлья, еще безпрестанно ссорятся, сплетничаютъ другъ на друга, жалуются одинъ на другого и т. п. Кюлевейну предоставилъ я исключительно счетоводство, часть—казначейскую, но, несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе, онъ оказывается и къ этому не подготовленнымъ. Не умѣетъ ладить съ нашими спутниками и опасается утѣшать насъ своимъ прекраснымъ пѣніемъ, чтобы себя, какъ секретаря, не «компрометировать»

«Меня сильно беспокоило, что до сей поры не получилъ никакого извѣстія отъ Бутакова. Алекс. Андр. также ничего не знаетъ объ Аральской флотиліи. Опасаюсь, что Бутаковъ не прибудетъ во время къ западному берегу Аральскаго моря, чтобы со мною свидѣться и условиться. Всѣ планы мои тогда разрушатся. Если же все пойдетъ у насъ благополучно, то, основываясь на полученныхъ мною изъ Хивы свѣдѣній, полагаю поступить иначе, нежели предполагалось въ Петербургѣ, и рискнуть иную мѣру, которая—если все пойдетъ успѣшно—одобрится; но если послѣдуетъ неудача, то подвергнется, по обыкновенію, сильному осужденію. Qui ne risque rien ne gagne rien. Не думайте, что тутъ предстоитъ какая нибудь особенная опасность физическая—нѣтъ, тутъ только опасность

¹⁾ Нынѣ начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія.

отвѣтственности, которой я пока также не боюсь, какъ и первой. Надо пользоваться такимъ расположеніемъ духа, проходящимъ обыкновенно съ лѣтами».

Еще на пути къ р. Эмбѣ съ бивака у р. Илека, описывалъ я отцу слѣдующимъ образомъ наше странствованіе.

«Въ степи ощутительна внезапная перемена температуры вечеромъ: днемъ 25 и до 30° Р. въ тѣни, а какъ только сядетъ солнце, такъ дѣлается свѣжо и сыро. Ночью, въ кибиткахъ, такъ холодно (сравнительно съ днемъ), что приходится покрываться потеплѣе и даже надѣвать на голову шерстяную шапочку. Чтобы приучить отрядецъ мой къ походному порядку и предупреждать оплошности въ ночное время, когда мы будемъ идти по такимъ мѣстамъ, гдѣ могутъ подрастаться кочующіе воры—заведенъ мною разъ навсегда военный порядокъ. Мы становимся въ каре, образуемъ изъ верблюдовъ, ихъ вьюковъ и повозокъ; по фасамъ каре располагаются казаки и стрѣлки ¹⁾ (каждая часть имѣетъ свой опредѣленный фасъ каре) и джуламейки конвойныхъ офицеровъ. Моя кибитка разбивается въ серединѣ бивака, подлѣ нея становятся вьюки съ подарочными вещами и повозки съ казною нашею; отдѣльно отъ нихъ, также въ серединѣ складываются порохъ и фейерверкъ ²⁾ и разные военные припасы. За моею кибиткою ставится джуламейка съ кухнею и мои двѣ повозки, а по сторонамъ джуламейки и обозъ всѣхъ членовъ миссіи. Часовые разставляются на ночь передъ линіею вьюковъ наружныхъ; табунъ пасется подлѣ особымъ прикрытіемъ внѣ каре, а къ темнотѣ загоняется внутрь, на коновязи, съ тѣмъ, чтобы на разсвѣтѣ снова пастись передъ самымъ выступленіемъ. Конвой у меня лихой и конвойные офицеры очень хороши. Не могу того же сказать о нѣкоторыхъ другихъ спутникахъ, предназначенныхъ быть ближайшими моими помощниками. Изъ нихъ $\frac{2}{3}$ мнѣ совершенно бесполезны Кюлевейнъ такъ путаетъ счеты, что я предвижу, что мнѣ придется

¹⁾ Маленькія кибитки.

²⁾ Фейерверкомъ снабдили меня изъ Оренбурга для забавы хана и эмира.

съ нимъ много горя мыкать и поплатиться моими деньгами за его вѣтренность

Обыкновенно въ 4 часа утра трубачи играютъ генераль-маршъ и начинаютъ навьючивать и отправлять верблюдовъ, а въ 5 трогаются нашъ обозъ и кибитки. Я остаюсь еще съ $\frac{1}{2}$ часа на мѣстѣ бивака, пока переловятъ изъ табуна всѣхъ лошадей и осѣдлаютъ коней. Затѣмъ, подъѣхавъ къ главной части конвоя, остающейся въ походѣ въ сомкнутомъ порядкѣ, и, поздоровавшись съ людьми, вызываю пѣсенниковъ и иду вмѣстѣ съ ними версты 15. Мои верховые кони такъ шагисты, что идти продолжительно, безотлучно съ конвоемъ тяжело потому, что пришлось бы держать лошадь на самыхъ тугихъ поводьяхъ. Для избѣжанія сего пускаю полнымъ шагомъ моего коня, обхожу весь караванъ и, выйдя впередъ за авангардъ ¹⁾, слѣзу и иду пѣшкомъ. Со мною ѣздитъ безотлучно вѣстовой уральскій казакъ Іереминъ—человѣкъ неоцѣнимый во всѣхъ отношеніяхъ, имѣющій зрѣніе, замѣняющее подзорную трубу, и говорящій отлично по киргизски и по татарски, а также вожакъ киргизъ и еще кто нибудь изъ моихъ миссіонныхъ спутниковъ, обыкновенно офицеръ Генер. Шт. Залѣсовъ, докторъ Пекарскій или драгоманъ Батаршинъ. Всѣ другіе разсыпаются по всему каравану, растягивающемуся на довольно значительное пространство во второй половинѣ перехода. Пользуясь филологическими знаніями моего казака, разспрашиваю дорогою своихъ караванныхъ киргизъ и всѣхъ встрѣчныхъ путешественниковъ. Обѣдаютъ у меня отъ 16 до 20 человѣкъ ежедневно: постоянно всѣ миссіонные, а конвойные поочередно приглашаются. Обѣдаемъ около 5 часовъ пополудни, или лучше сказать, какъ только поваръ Дуброцкій успѣетъ его приготовить. Онъ отлично съ своимъ дѣломъ справляется, и пока не могу достаточно похвалиться имъ. Мнѣ такъ удалось распорядиться, что у насъ ежедневно три или четыре кушанья. Чай пьютъ и завтракаютъ или ужинаютъ

¹⁾ Авангардъ состоялъ обыкновенно изъ 6 или 8 казаковъ подъ начальствомъ офицера или урядника; при немъ слѣдовалъ офицеръ Генеральнаго Штаба (Салацкій), съ топографомъ, для маршрутовъ съемки.

каждый про себя; иначе я замучилъ бы моихъ людей и провизіи у меня не хватило бы. Охотниковъ у насъ много въ отрядѣ и дичь доставляютъ для стола почти всякій день для четвертаго блюда. Изрѣдка въ рѣчкахъ и озерахъ рыбу ловятъ. Сидимъ мы за столомъ подъ навѣсомъ, составленнымъ изъ кошмы, накинутаго на казачьи пики.....

На одномъ изъ первыхъ переходовъ весь день почти лилъ дождь и гремѣла гроза. Караванъ шелъ быстрѣе обыкновеннаго, въ массѣ, не растягиваясь. Картина была великолѣпная. Нѣсколько трудныхъ переправъ черезъ овраги задержали насъ однакоже, а глупый вожакъ сбиль съ должнаго направленія и мы проплутали порядочно въ различныхъ стороны; лишь въ 10 часовъ вечера прибыли на бивакъ къ такъ называемому караванному озеру, при совершенной темнотѣ. Въ этотъ день заѣзжалъ я въ нѣсколько кочевавшихъ по близости киргизскихъ ауловъ и пробовалъ кумысъ. Сначала кисловатый, странный вкусъ кумыса поражаетъ, а въ особенности неопрятность, съ которою сохраняютъ киргизы этотъ напитокъ; но если стаканъ чистый, то, послѣ нѣсколькихъ проглоченныхъ стакановъ, можно впитаться до пьяна въ кумысъ, какъ случается съ киргизами». 18-го въ воскресенье, на дневкѣ при караванномъ озерѣ, писалъ я отцу: «іеромонахъ Фотинъ ¹⁾ служилъ обѣдницу и молебень съ водосвѣтіемъ, окропилъ наши кибитки и лагерныя принадлежности. Для богослуженія былъ устроенъ шатеръ, а на столѣ, поставленный на коверъ, были разставлены всѣ св. иконы, бывшія въ отрядѣ. Передъ иконами горѣли большія восковыя свѣчи. Что то особенно торжественное, возвышенное и умирительное было въ этой простотѣ богослуженія среди киргизской степи и мычащихъ верблюдовъ!

¹⁾ Александро-Невской Лавры, назначенный для сопровожденія посольства въ Хиву и Бухару, но, по характеру своему, не подходившій къ такой обязанности. Большинство конвоя были старообрядцы и о. Фотинъ, плававшій прежде съ моряками, смущалъ старообрядцевъ отсутствіемъ монашеской дисциплины. Пришлось разстаться съ іеромонахомъ и посадить его на пароходъ, такъ какъ похода онъ бы не выдержалъ и присутствіе его могло лишь подать поводъ къ печальнымъ недоразумѣніямъ не только съ мѣстнымъ населеніемъ, но и среди конвойныхъ.

Раскольникъ-уралецъ служилъ добровольно псаломщикомъ и расходился съ іеромонахомъ въ гласахъ и способъ чтенія къ соблазну присутствующихъ ¹⁾.

Послѣ обѣдни принималъ я султана, правителя средней части орды, и нѣсколькихъ мѣстныхъ начальниковъ и киргизскихъ старшинъ. Нѣкоторые изъ нихъ были люди умные и занимательные, такъ что я долго съ ними бесѣдовалъ, расспрашивая о краѣ и мѣстныхъ обстоятельствахъ. Во время угощенія (обязательнаго) слуги мои нарушили было соблюдаемую неупустительно, при подобныхъ случаяхъ, подобающую важность, когда замѣтили, что одинъ изъ старшинъ, завидѣвъ поданную къ чаю лимонную кислоту и принявъ ее вѣроятно за нѣчто сладкое, наложилъ съ жадностью себѣ въ стаканъ нѣсколько ложекъ и потомъ, изъ приличія и уваженія къ присутствующимъ, проглотилъ до тла эту кислотину, дѣлая украдкою неимовѣрныя гримасы и стараясь скрыть затруднительность своего положенія».

Въ другомъ письмѣ, не доходя р. Эмбы, сообщилъ я отцу: «носъ, уши и въ особенности губы совершенно обгорѣли у меня и кожа слѣзла. Такой жаръ въ воздухѣ безъ передышки, что я принужденъ дѣлать малые переходы, чтобы сохранить силы лошадей и верблюдовъ. Вы, вѣроятно, желаете знать, что я дѣлаю отъ времени прихода на бивакъ до выступленія въ походъ? Прийдя на мѣсто, занимаюсь окончательнымъ выборомъ бивачнаго мѣста, предварительно намѣченнаго авангардомъ, присутствую при разбивкѣ нашего расположения, затѣмъ обыкновенно пью чай, ложусь на складную кровать (одѣтымъ), чтобы отдохнуть часа полтора, и послѣ того сажусь за складной письменный столъ и занимаюсь—пишу или читаю часовъ до 5 или 5½, когда подаютъ намъ обѣдать. Сидимъ мы за столомъ обыкновенно часа 1½ и толкуемъ. Послѣ того я обхожу весь бивакъ и всѣхъ нижнихъ чиновъ и киргизъ. Въ 8 ч. возвра-

¹⁾ Впоследствии, въ особенности послѣ отбытія о. Фотина, пришлось мнѣ взять на себя обязанность псаломщика (нѣсколько офицеровъ и нижнихъ чиновъ пѣли вмѣстѣ со мною), а потомъ и пачетчика старообрядцевъ.

щаюсь въ свою кибитку, опрашиваю развѣдчиковъ или приведенныхъ пріѣзжихъ киргизъ, дѣлаю распоряженія на завтрашній походъ, просматриваю счеты, шнуровыя книги Кюлевейна, журналы военнотопографическіе, метеорологическихъ и астрономическихъ наблюдений и проч. Напившись чаю, ложусь спать часовъ въ 10 или въ началѣ 11-го. Образъ жизни, какъ вы видите, здоровый и очень однообразный. Жара и безпрестанныя мелочныя отвлеченія мѣшаютъ мнѣ много писать, такъ что не успѣваю вести правильно дневникъ свой».

1 Юня писалъ я отцу: «съ самаго выступленія нашего изъ Оренбурга погода была чудесная и жаркая; дождь шелъ всего два раза. Со вчерашняго числа внезапно произошла такая крутая перемена, что мы всѣ дрогнемъ. Ночью термометръ показываетъ только 2 или 3 градуса тепла, а днемъ прибываетъ не болѣе 2 или 3 градусовъ еще; къ тому же дуетъ сильный, порывистый сѣверный вѣтеръ, сносящій безпрестанно наши кибитки и джуламейки и наносящій на нашъ бивакъ цѣлыми клубами песокъ и мелкую, всюду проникающую, пыль Послѣдній переходъ нашъ былъ по пескамъ, предвѣстникомъ того, что насъ ожидаетъ за р. Эмбою.

Разстаемся съ очаровательною частью степи. Въ числѣ уральскихъ казаковъ конвоя человекъ 12 старообрядцевъ, строго держащихъ даже теперь постъ, т. е. ѣдящихъ ежедневно одни сухари и пустой супъ (т. е. горячую воду, въ которую накрошатъ сухари) и только по временамъ рыбу, ловимую ими въ рѣчкахъ. Они сильно негодуютъ на нашего іеромонаха за то, что онъ ѣстъ постное только по средамъ и пятницамъ и осмѣлился попробовать «кумысъ», поганое, по ихъ мнѣнію, питье. По вкусу я раздѣляю ихъ мнѣніе: кумысъ можетъ быть хорошее лѣкарство, но недостоенъ своей репутаціи какъ питье. Четыре раза я заставлялъ себя пробовать кумысъ, слушая восхваленія оренбургскихъ обитателей, и всякій разъ испытывалъ большее и большее отвращеніе. Я позволилъ себѣ на этихъ дняхъ походную роскошь: проходя мимо киргизскаго аула купилъ за 20 р. хорошую корову и мы теперь ежедневно утромъ пьемъ какавеллу на

молоко, а вечером парное молоко. Жаль, что моя коровушка дает очень мало молока, не успевая наесться во время нашего походного движения. Катенин идет в одном переход за мною, но послѣ сегодняшней дневки мы разойдемся за рѣкою Эмбою в разные стороны Напрасно, ради любезности и утѣшенія, Егоръ Петровичъ Ковалевскій поддерживаетъ въ Васѣ несбыточную надежду, что я могу вернуться въ Петербургъ къ зимѣ. Сомнителенъ вообще успѣхъ потому, что все дѣло устроено съ самаго начала не ладно, «криво». Тѣмъ болѣе невѣроятно, что «все пойдетъ какъ по маслу». Въ прежнее время посылались всегда отдѣльные посольства въ Хиву и Бухару и каждое оставалось въ этихъ ханствахъ не менѣе пяти мѣсяцевъ, употребляя не менѣе 8 или 9 мѣсяцевъ, чтобы исполнить возложенное на нихъ порученіе. Мнѣ поставлено въ обязанность соединить дѣйствія двухъ посольствъ. Разсчитайте сами время, потребное на все путешествіе и на двѣ продолжительныя стоянки въ ханствахъ. Директору Азіатскаго Департамента Егору Петровичу Ковалевскому писалъ я о результатѣ моихъ размышленій надъ политическою инструкціею мнѣ данною, расходившеюся съ свѣдѣніями, почерпнутыми изъ разныхъ источниковъ, въ Оренбургѣ. Выражая нѣкоторыя сомнѣнія, я предупреждалъ однако же, что «жертвуя собою для пользы службы, не боюсь отвѣтственности, когда наступитъ время переговоровъ съ ханами; въ случаѣ сомнѣнія и противорѣчія мѣстныхъ обстоятельствъ съ указаніями мнѣ данными рѣшусь на то, что, по крайнему моему разумѣнію, почту за наиболѣе для Россіи выгодное въ данную минуту и сообразнѣйшее съ общими видами Министерства Иностранныхъ Дѣлъ».

Сообщая о полученныхъ противорѣчивыхъ свѣдѣніяхъ и о взглядахъ на разные вопросы, возбужденные инструкціею и ходатайствами средне-азіатцевъ, я просилъ директора, если онъ увидитъ, что я ошибаюсь, то сообщить мнѣ положительныя приказанія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, пока еще не начаты переговоры, имѣя достаточно времени впереди. Я заканчивалъ свое обращеніе къ Егору Петровичу слѣдующимъ образомъ: «такъ какъ вообще обѣщанія наши взаимныя требуемаго нынѣ отъ правительствъ Бухары и Хивы бу-

дутъ въ сущности ничтожны и должны заключаться преимущественно въ громкихъ, но пустыхъ фразахъ, то не лучше ли для убѣжденія хановъ въ необходимости принять и подписать предлагаемый имъ нами актъ, угрожать въ случаѣ отказа *отнять* существующія доселѣ для азіатцевъ торговыя льготы ¹⁾, выставивъ имъ при этомъ на видъ, что мы безъ азіатскихъ товаровъ обойтись можемъ. Одобрить ли Министерство мои дѣйствія и поддержитъ ли, въ случаѣ надобности, мои угрозы. Во всякомъ случаѣ я намѣренъ въ крайности испытать сей способъ убѣжденія».

Что касается до кокандскаго ханства, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, повидимому, хотѣло сохранить съ нимъ хорошія отношенія, ибо предписывало въ случаѣ просьбы бухарскаго эмира (находившагося въ постоянной борьбѣ съ кокандскимъ ханомъ) о помощи въ войнѣ противъ кокандцевъ не давать ему положительнаго отвѣта; съ выходцами же и съ посланцами кокандскими и ташкентскими быть осмотрительными ²⁾. Не раздѣляя благопріятнаго воззрѣнія на кокандское ханство, я позволилъ себѣ высказаться болѣе опредѣленно: «по послѣднимъ свѣдѣніямъ, писалъ я Егору Петровичу, кокандцы не перестаютъ дѣйствовать тайно, а часто явно, враждебно въ отношеніи къ намъ. Мнѣ кажется, что достоинство Россіи требуетъ, чтобы мы обращались съ кокандцами, какъ съ людьми, *заслуживающими* справедливаго *наказанія*, и не только не входили бы съ ними въ переговоры, но и въ Бухарѣ, гдѣ вполне извѣстны безнаказанныя враждебныя дѣйствія кокандцевъ въ отношеніи къ намъ, мы о нихъ не иначе выражались бы какъ о разбойникахъ, съ которыми не хотимъ имѣть сношеній и которыхъ мы при первомъ новомъ преступленіи

¹⁾ Я всегда и вездѣ въ Средней Азій, въ Китаѣ и въ Турціи добивался выгодъ и преимуществъ для однихъ русскихъ подданныхъ, находя, что мы неравномерно дѣлаемъ уступки иностранцамъ и даруемъ имъ излишнія льготы въ Россіи. Я предпочиталъ заискиваніямъ передъ сосѣдями твердую и рѣшительную постановку вопросовъ. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ держалось зачастую въ своихъ инструкціяхъ противоположнаго правила.

²⁾ Полагаю, что со всѣми азіатцами надо быть «осмотрительнымъ» въ сношеніяхъ. Но тутъ былъ особый смыслъ: Министерство Иностранныхъ Дѣлъ желало оставаться нейтральнымъ, что непонятно въ Азій.

намѣрены наказать. Едва ли выгодно для насъ, въ случаѣ если бы эмиръ бухарскій попросилъ помощи Россіи въ войнѣ съ Кокандомъ, отказать ему въ этомъ и не воспользоваться симъ случаемъ, чтобы связать Сыръ-Дарьинскую линію съ Сибирскою, занявъ Туркестанъ и Ташкентъ ¹⁾. Бухарское ханство, даже если бы усилилось на счетъ кокандскаго, не можетъ сдѣлаться для насъ опаснымъ по невоенности народа, и потому эмиру трудно будетъ, какъ этому уже были неоднократные примѣры, удержать завоеванную часть Коканда въ покорности». Я доказывалъ, что содѣйствовать даже нашимъ благосклоннымъ невмѣшательствомъ Коканду противъ Бухары было бы противно интересамъ Россіи. Имѣя въ виду, что посольство наше въ 1841 году было принято эмиромъ весьма дурно, что оно имѣло неудачу и не могло получить согласіе ни на какое изъ своихъ требованій, но даже подверглось различнымъ непріятностямъ, я указывалъ на необходимость доставить бухарцамъ какое либо доказательство дѣйствительной пользы отъ союза съ нами, чтобы понудить эмира измѣнить свой тогдашній образъ дѣйствій и достигнуть какого либо существеннаго результата.

Что касается хивинскаго хана, то я обратилъ вниманіе директора, что лишь денежная выгода отъ прохода нашихъ товаровъ на судахъ по р. Аму можетъ побудить его дозволить свободное плаваніе нашихъ пароходовъ по ней. А потому я предлагалъ допустить хана взимать 2½% пошлыны съ дѣйствительной цѣнности товаровъ на судахъ, проходящихъ мимо хивинскихъ владѣній по рѣкѣ. Допустивъ это взиманіе на первые два, три года, можно будетъ умень-

¹⁾ Такимъ образомъ я съ 1858 г. обратилъ вниманіе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Военнаго на необходимость положить предѣлъ безнаказаннымъ набѣгамъ нашихъ сосѣдей и волненію въ степи, упрочить нашу власть въ Средней Азіи соединеніемъ раздѣленныхъ пустынь пространствомъ, служившимъ путемъ набѣговъ въ наши предѣлы, Сибирской линіи съ Сыръ-Дарьинскою, обезпечить сію послѣднюю и стать прочною ногою на р. Сыръ, выйти изъ песковъ и безплодной мѣстности въ населенную и богатую часть бассейна этой рѣки. Вслѣдствіе моей подробной записки по этому же предмету было собрано въ началѣ 1864 г. у Государя соображеніе, въ которомъ я участвовалъ и которое положило основаніе экспедиціи генерала Черняева и начало завоеванію Туркестанскаго края.

шить и измѣнить эту льготу съ развитіемъ нашего судоходства по Аральскому морю и р. Аму.

Во время дневки на р. Эмбѣ, гдѣ въ послѣдній разъ видѣлся я съ Генералъ-Губернаторомъ, кочевавшимъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ меня, Генералъ-Адъютантъ Катенинъ посѣтилъ меня и, напившись чаю въ кибиткѣ моей, осмотрѣлъ конвой посольства, найдя у насъ все въ порядкѣ. Вечеромъ я былъ у него и по настоятельной просьбѣ его, выпродивъ свой караванъ на другой день, еще разъ къ нему заѣхалъ, присутствовалъ на его приѣмѣ киргизскихъ и туркменскихъ депутацій и 5 часовъ съ нимъ пробесѣдовалъ. При его словоохотливости, я едва урвался отъ любезнаго собесѣдника и долженъ былъ догонять свой караванъ, ушедшій на 30 верстъ. При мнѣ былъ конвой изъ 6 уральскихъ казаковъ-пѣсенниковъ и мы, понавъ подъ страшный ливень, промокли до костей. Въ бесѣдахъ съ Генералъ-Адъютантомъ Катенинымъ выяснилось, что ожиданія его относительно Исеть-Кутебарова не сбывались. Надѣялись, что онъ сдержитъ свое первоначальное обѣщаніе и явится къ начальнику края съ повинною на р. Эмбѣ, вслѣдствіе объявленнаго передъ тѣмъ, въ киргизской степи, общаго помилованія непокорнымъ кочевникамъ. Исеть, предвидя дурныя для себя послѣдствія отъ этой явки, отправился проститься съ своею матерью, а упорная старуха объявила колебавшемуся сыну, что она лишитъ его своего благословенія, если онъ осмѣлится явиться къ Генералъ-Губернатору съ повинною и напомнила ему, что дѣдъ и отецъ его никогда не признавали власти русскихъ, и, тѣмъ не менѣе, жили въ степи при-вольно и благополучно. Не видя сочувствія въ своихъ приближенныхъ къ изъявленію покорности и не желая идти наперекоръ матери, Исеть поддался непріязненнымъ Россіи внушеніямъ нѣкоторыхъ пріятелей своихъ и отказался отъ намѣренія ѣхать на встрѣчу Генералъ-Губернатору, ограничившись присылкою своего письма съ довѣренными своимъ человѣкомъ.

Желая повліять на Исета въ благопріятномъ смыслѣ, я сталъ принимать изъ числа ордынцевъ, выѣзжавшихъ на встрѣчу посоль-

ства ¹⁾ чиклинцевъ, большею частью знакомыхъ и благопріятелей Исета и, подъ видомъ участія, выставялъ имъ безвыходное и жалкое положеніе ихъ любимаго батыря ²⁾, котораго, если онъ не покорится добровольно, затравятъ со всѣхъ сторонъ отрядами; я выяснялъ имъ могущество Россіи и полную возможность для насъ унять набѣги вооруженною рукою, ничтожность покровительства, которое могутъ оказывать хивинцы буйнымъ киргизскимъ шайкамъ, грабительство и вѣроломство хановъ и благіе виды Правительства относительно киргизъ. Внушенія эти разносились по всей окружности, а равно и вѣсти о ласковомъ приѣмѣ и моихъ угощеніяхъ. Чиклинцы дали мнѣ наконецъ знать, что возвратившійся 27 Мая въ чиклинскіе аулы на р. Темирѣ киргизъ назаровскаго отдѣленія этого рода, ѣздившій въ шайку Исета отыскивать трехъ украденныхъ у нихъ лошадей, оставилъ кочевку Исета на пескахъ Кошкаръ-Ата, на самомъ пути, по которому приходилось намъ слѣдовать, но что онъ собирался откочевать далѣе на караванную хивинскую дорогу. Отъ другого чиклинца, бывшаго недавно въ гостяхъ у Исета, узналъ я, что «батырь» знаетъ о моемъ приѣздѣ въ Оренбургъ и движеніи въ Хиву и желаетъ будто бы встрѣтиться со мною на Усть-Уртѣ. Я рѣшился не уклоняться отъ этой встрѣчи тѣмъ болѣе, что уронилъ бы русское достоинство въ глазахъ киргизъ и хивинцевъ, если бы высказалъ малѣйшее опасеніе столкновения съ вольною вооруженною шайкою нашихъ бѣглецовъ. Странность, такъ называемаго, оренбургскимъ начальникомъ Исетскаго бунта,

1) Въ степи въ мѣстахъ, гдѣ лучше подножный кормъ, кучатся аулы, которые по выкормленію травъ расходятся, но аулы одного и того же рода держатся въ извѣстномъ районѣ. При прохожденіи посольства, киргизы, ради почета, а еще болѣе любопытства, чрезвычайно развитаго между кочевниками, выѣзжали за нѣсколько десятковъ верстъ поглазѣть на незнакомыхъ людей.

2) Батырь, т. е. богатырь, удалой киргизъ, наѣздникъ лихой и т. п. Исетъ по своему сложенію, росту, физической силѣ и характеру былъ дѣйствительно богатырь, внушавшій своимъ землякамъ невольное уваженіе, доходившее до подобострастія. При образной жизни кочевниковъ, киргизы съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдятъ за всѣмъ происходящимъ въ степи, и питѣтъ такъ быстро не разносятся вѣсти, какъ между кочующими аулами. Всякій проѣзжающій останавливается поговорить съ встрѣчнымъ всадникомъ.

заклучалась въ томъ, что Исетъ, считая себя обиженнымъ, мстилъ лишь русскимъ властямъ и своимъ степнымъ недругамъ, находясь во главѣ своихъ приверженцевъ, но съ остальнымъ населеніемъ, повинующимся степному управленію, оставался на пріятельской ногѣ; къ нему ѣздили на побывку чуть не изъ всѣхъ ауловъ, а чиклинцы оставались на его кочевкѣ по нѣсколько дней и затѣмъ снова возвращались въ свои аулы, продолжая вести себя смирно. Къ Исету обращались для отысканія угнаннаго скота, лошадей, возвращенія ограбленнаго имущества; купеческіе караваны просили его покровительства и охраны; ему какъ «бію» передавали на судъ распри и т. п. Обаяніе Исета между кочевниками было значительно. Большею частью его считали человѣкомъ справедливымъ, вѣрнымъ слову, но угнетаемымъ пристрастно нашими мѣстными властями.

Такъ какъ во время слѣдованія нашего по Усть-Урту, мы приблизились бы къ кочевью Исета, то я счелъ полезнымъ взять съ собою одного изъ близко знакомыхъ съ нимъ чиклинцевъ, мирно проживавшемъ въ одномъ изъ встрѣченныхъ нами близъ р. Эмбы ауловъ, съ цѣлью выслать впередъ этого киргиза удостовѣриться въ настоящихъ намѣреніяхъ Исета и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, сдѣлать ему полезное внушеніе и уговорить принести окончательную повинную. Самымъ способнымъ и расторопнымъ изъ числа посѣтившихъ меня чиклинцевъ, благопріятелей Исета, показался мнѣ мулла Сюгюръ-Мухамеджановъ. Такъ какъ внутреннія дѣла киргизскія не входили въ кругъ предоставленной мнѣ дѣятельности, и я зналъ, съ какимъ ревнивымъ окомъ Генералъ-Адъютантъ Катенинъ смотритъ на мои невольныя сношенія съ киргизами, то я сообщилъ ему тотчасъ всѣ полученныя объ Исетѣ свѣдѣнія и испросилъ его разрѣшенія взять Сюгюра съ собою, въ видѣ почетнаго вожака ¹⁾.

1) При караванѣ моемъ было нѣсколько нанятыхъ вожаковъ, изъ числа тѣхъ, которые лучше другихъ киргизъ знакомы съ предстоящимъ намъ путемъ. Но, въ извѣстныхъ случаяхъ, присоединялись къ намъ особенные почетные вожаки изъ числа значительныхъ лицъ, не несущихъ платной обязательной службы.

Между тѣмъ Исеть откочевалъ съ песковъ Кашкаръ-Ата на Каратамактъ, удаляясь отъ пути слѣдованія Генераль-Губернатора, и нѣсколько дней прошло безъ вѣстей объ Исетѣ, хотя было извѣстно, что киргизы, служившіе посредниками между оренбургскимъ начальствомъ, мною и Исетомъ, отправились розыскивать кочевье Исета, чтобы уговорить его остаться вѣрнымъ, прежде данному Джингильдину, слову и явиться къ Генераль-Губернатору.

4 Іюня утромъ, когда я сталъ поднимать отрядъ съ бивака при урочищѣ Кенги-суатъ и далъ уже приказаніе убирать кибитки, чтобы идти къ Карагетау (гора Караге), развѣдчикъ далъ знать о быстромъ приближеніи партіи киргизъ, принятыхъ сначала, посланными казаками, за враждебную. Подъемъ съ бивака былъ тотчасъ пріостановленъ и было сдѣлано распоряженіе объ установленіи всего каравана въ правильное каре съ приготовленіемъ къ оборонѣ. Быстро всѣ приготовились къ бою. Конные вооруженные киргизы показались на высотѣ, командуемой нашимъ расположеніемъ. Наши верблюдо-возжатые киргизы, съ перепуганными рожами, заволновались и за-суетились. Но въ скоромъ времени прискакалъ во всю прыть киргизъ, а вслѣдъ за нимъ и знакомый намъ Джингильдинъ, объяснившій, что приближается самъ Исеть Кутебаровъ съ своею шайкою и просить быть допущеннымъ на нашъ бивакъ, вмѣстѣ со своими родственниками и приближенными, для того, чтобы представиться мнѣ и принести повинную предъ довѣреннымъ лицомъ Бѣлаго Царя. Отвергнуть просьбу Исета было немыслимо, ибо это значило ввергнуть его въ отчаяніе, заставить уйти въ степь, продолжать свои набѣги и грабежи или укрыться въ хивинскихъ владѣніяхъ, куда его приглашалъ письменно ханъ. Я предвидѣлъ, что пріемъ Исета возбудитъ ревнивое неудовольствіе на меня начальника края и поставитъ меня съ нимъ въ щекотливыя отношенія. Но дѣлать было нечего: польза службы требовала воспользоваться благопріятною минутою, безповоротно нравственно связать Исета, прекратить разомъ безпорядки, волновавшіе степь и компрометировавшіе нашу власть въ глазахъ средне-азіатцевъ. Я изъявилъ согласіе принять Исета, но зная вѣдомство и впечатлительность азіатцевъ, а потому, желая унизить

предводителя бунтовщиковъ въ глазахъ киргизъ и уронить между ними обаяніе, которымъ онъ пользовался, я поручилъ офицеру, посланному съ переводчикомъ на встрѣчу Исету, вмѣстѣ съ Джингильдиномъ, объявить категорически Исету, что не впусщу его иначе въ наше каре, какъ если онъ, въ знакъ покорности, положить оружіе на линіи нашихъ первыхъ (внѣшнихъ) व्यюковъ; онъ и его свита должны подойти ко мнѣ безоружными, съ повинною, какъ побѣжденные и кающіеся бѣглые люди. Исеть исполнилъ безпрекословно требованіе, хотя снимая оружіе и отдавая его приставленнымъ казакамъ, выказалъ смущеніе и колебаніе. Онъ видимо опасался дурныхъ послѣдствій для себя. «Огромнаго роста, съ атлетическими формами, въ бѣлой, высокой киргизской шапкѣ и въ тонкомъ чернаго сукна халатѣ съ серебряными застежками, какъ занесено въ дневникъ посольства, Исеть рѣзко отличался своею сановитостью и яснымъ, умнымъ взглядомъ отъ 10 или 12 человѣкъ сопровождавшей его свиты. Не болѣе какъ за полгода сильный и надменный мятежникъ, самовольно воровавшій всѣмъ населеніемъ степи отъ Усть-Урта до Илека, т. е. до нашей старой границы, Исеть теперь смиренно, но не безъ достоинства, вошелъ въ кибитку начальника миссіи съ тремя изъ своихъ самыхъ близкихъ приближенныхъ». Для большаго впечатлѣнія на киргизъ, я не вышелъ на встрѣчу Исету и лишь привсталъ, когда онъ вошелъ, выслушавъ, стоя, его привѣтствіе и изъявленіе полной покорности Русскому Императору съ испрошеніемъ Всемилоствѣйшаго прощенія за прошлую мятежническую дѣятельность. Затѣмъ, Исеть былъ приглашенъ сѣсть, и начались мои съ нимъ переговоры. Считаю всего лучшимъ привести достовѣрную выписку изъ дневника посольства, въ которой бесѣда съ Исетомъ записана была достаточно подробно Ш. К. Залѣсовымъ ¹⁾. «Начальникъ миссіи, выразивъ Исету удовольствіе за его пріѣздъ, представилъ ясно и положительно, какъ многочисленность совершенныхъ имъ преступленій и милосердіе къ нему Правительства, такъ равно и то безвы-

¹⁾ Бывшій впоследствии корпуснымъ командиромъ въ Московскомъ округѣ и Членомъ Военнаго Совѣта. Нынѣ умершій.

ходное положеніе, въ которомъ находился онъ теперь, оставленный большею частью своихъ сообщниковъ. Исету представлено было рѣзкое сравненіе его прошлаго и будущаго положенія; ему было сказано, что прежде онъ скитался какъ бѣглець, подвергавшійся ежеминутно за свои разбои справедливому наказанію законной власти, а что теперь, при искреннемъ раскаяніи, его ждетъ спокойная жизнь на привольныхъ мѣстахъ и, что, при болѣе ясныхъ доказательствахъ его преданности, онъ можетъ даже надѣяться на вниманіе Правительства, дѣйствующаго не изъ личныхъ мелочныхъ расчетовъ, а единственно съ цѣлью доставить спокойствіе и благоденствіе подвластнымъ ему киргизамъ. Наконецъ Исету было выражено, что такое могущественное Правительство, какъ русское, если до сихъ поръ и щадило его, то отнюдь не вслѣдствіе невозможности поймать и наказать его, а собственно лишь изъ нежеланія напраснаго кровопролитія и что не далѣе, какъ нынѣшнею осенью, употреблены бы были всѣ средства къ его поимкѣ и примѣрному наказанію; при этомъ было объяснено также, что надежды его на хивинскаго хана, на адаевцевъ и чиклинцевъ были совершенно напрасны, такъ какъ съ первымъ у насъ идутъ самыя дружественныя сношенія, чему доказательствомъ служить отправляемая нынѣ въ Хиву, вслѣдствіе просьбы самого хана, миссія, а что послѣдніе нѣсколько дней тому назадъ сами просили Генераль-Губернатора дозволить имъ схватить и представить Исета; но что однажды данное Русскимъ Правительствомъ слово до такой степени свято и ненарушимо соблюдается, что, несмотря на просьбу чиклинцевъ, мы отвергли ихъ предложеніе и рѣшились принять Исета въ своемъ лагерѣ, взаимнѣ всѣхъ наказаній, твердо сдержать свое слово и при его раскаяніи протянуть ему руку.

«На все это Исетъ отвѣчалъ полнымъ раскаяніемъ въ своихъ поступкахъ и увѣреніемъ, что онъ никогда не считалъ себя врагомъ Правительства, а единственно желалъ отомстить, по киргизскимъ обычаямъ, султану Джантюрину, котораго онъ и убилъ, и что, если онъ до сихъ поръ не являлся къ Генераль-Губернатору, то потому, что встрѣчалъ на каждомъ шагу недоброжелательство и не-

добросовѣстность посылавшихся въ степь чиновниковъ и отрядныхъ начальниковъ».

Въ отвѣтахъ своихъ во время переговоровъ Исетъ постоянно старался доказать, что онъ не бунтовщикъ и не противникъ Бѣлому Царю, но что злоупотребленія мѣстныхъ властей вывели его изъ терпѣнія и что онъ исключительно мстилъ имъ, по древнему киргизскому обычаю. Онъ просилъ меня быть его ходатаемъ предъ Его Императорскимъ Величествомъ и засвидѣтельствовать предъ Государемъ готовность загладить свою вину ревностью и вѣрною Ему службою. Исетъ старался провести мысль, что давно желалъ прекратить бродяжническую жизнь и изъявить свое раскаяніе и покорность, но недобросовѣстность чиновниковъ, посылавшихся въ степь, и желаніе начальниковъ отрядовъ разбивать и грабить мирные аулы, подъ предлогомъ преслѣдованія исетцевъ, препятствовали исполненію его желанія и не допускали его представиться къ начальнику края. Узнавъ, что въ степь явился «сановникъ, который непосредственно можетъ засвидѣтельствовать Государю Императору объ его покорности и раскаяніи» и вмѣстѣ съ тѣмъ поручиться за его личную безопасность при поѣздкѣ къ Генераль-Губернатору, онъ рѣшился воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. Врожденная азіатцамъ подозрительность его долго не покидала. Онъ съ видимою боязнью рѣшился выпить чашку чаю и то только тогда, когда я, замѣтивъ его трепеть, прежде всего себя налилъ, а потомъ ему и началъ самъ пить. Точно также испугался было онъ фотографическаго аппарата на него направленаго, предположивъ вѣроятно, что это нечто иное какъ пушка или орудіе его заслуженной казни. Онъ съ трудомъ могъ освоиться съ нашимъ великодушнымъ отношеніемъ къ приносящимъ повинную противникамъ русской власти. Но мало по малу успокоился и, подъ конецъ нашей продолжительной бесѣды, повеселѣлъ и сталъ относиться болѣе довѣрчиво, отвѣчая положительно и ясно на вопросы, ему поставлявшіеся. Посовѣтовавъ Исету отправиться немедленно къ начальнику края, я его отпустилъ, пославъ впередъ подробное донесеніе Генераль-Адъютанту Катенину.

«Во время приѣма Исета, писалъ я къ Егору Петровичу Кова-

левскому, я выражался въ отношеніи къ нему нѣсколько строже, нежели онъ, можетъ быть ожидалъ, судя по тѣмъ сношеніямъ, которыя были заведены съ нимъ для склоненія его къ принесенію повинной ¹⁾. Но я почелъ за сообразнѣйшее съ достоинствомъ Россіи и съ личнымъ положеніемъ моимъ, какъ посланца Государа, обращаться съ нимъ, не какъ съ предводителемъ независимаго, кочующаго племени, а просто какъ съ раскаявшимся мятежникомъ, которому уже обѣщано помилованіе (начальникомъ края, именемъ Государа) только изъ снисхожденія, а не изъ слабости и желанія сближенія. Окончивъ офиціальныя разговоры мой, я предложилъ ему и его приближеннымъ угощеніе, въ знакъ гостепріимства и съ цѣлью удостовѣрить его въ томъ, что онъ можетъ безбоязненно продолжать путь свой къ Генералъ-Губернатору и вполнѣ надѣяться на то, что разданный нами обѣщаніе помиловать хранится свято ²⁾.

Покорность Исета была полная, и изъ него съ этой минуты Оренбургское начальство могло бы извлечь большую пользу для киргизской степи и даже противъ хивинскихъ происковъ. Непостижимо было для спутниковъ моихъ, присутствовавшихъ при приѣмѣ Исета, его нравственное вліяніе на всѣхъ киргизъ даже въ минуту его униженія. Онъ продолжалъ обращаться съ своими киргизами, даже съ киргизами нашего каравана повелительно и высокомерно и всѣ приближавшіеся къ нему рабѣдствовали передъ нимъ, хотя видѣли, что онъ у насъ уже въ рукахъ. Вредъ, наносившійся Исетомъ Кутебаровымъ спокойствію степи, былъ значителенъ, въ особенности, потому, что всѣ мелкіе разбои, грабительства, убійства, баранты и воровство, даже въ прилинейной части степи, дѣлались его именемъ и всѣ беспорядки на него одного сваливались, даже больше чѣмъ нѣкогда на Кенисара. Поймать самого Исета, къ несчастію, оренбург-

¹⁾ И по тѣмъ обѣщаніямъ, которыя ему были даны Оренбургскими властями чрезъ посредствующихъ киргизъ. Желая достигнуть цѣли, они всегда преувеличиваютъ то, что имъ поручено передать.

²⁾ Киргизы повѣрили, что мы относимся къ нимъ чистосердечно и не нахѣрены, заманивъ ихъ, казнить, когда они со мною поѣли и напились чаю. Всѣ они повеселѣли и стали смотрѣть бодрѣ.

ское начальство не сумѣло. По принесеніи имъ раскаянія, оставалось поддержать Исета въ этомъ добромъ направленіи и утвердить его въ чувствахъ покорности законной власти для того, чтобы обезпечить спокойствіе степи.

Подъ впечатлѣніемъ дня проведеннаго съ Исетомъ, я писалъ отцу вечеромъ 2 Іюня. «Сегодня случилось одно изъ важнѣйшихъ событій, бывшихъ въ степи въ теченіе многихъ лѣтъ въ Оренбургскомъ краѣ. Одинъ изъ родовитѣйшихъ киргизскихъ почетныхъ лицъ-біевъ Исеть Кутебаровъ, вслѣдствіе личныхъ пререканій и ссоръ, убилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ султана—правителя средней части киргизской степи; изъ опасенія взысканія и отвѣтственности, возмутилъ многіе роды кочевниковъ, открыто возсталъ противъ правительства и производилъ разбой и грабежи для добычи средствъ къ поддержанію своей власти и мятежа. Пользуясь его громкимъ, почетнымъ и уважаемымъ въ степи именемъ, мелкія шайки ордынцевъ, даже простые воры и разбойники, производили грабежи, угонъ скота, убійства и т. п. подъ именемъ набѣговъ исетовцевъ. Прибѣгнувъ въ послѣднее время къ покровительству Хивы, кочуя на Усть-Уртѣ, на самомъ пути, по которому я буду, черезъ нѣсколько дней, слѣдовать, Исеть властвовалъ нравственно въ степи болѣе нежели Оренбургскій Генералъ-Губернаторъ и издѣвался надъ отрядами, которые гонялись за нимъ нѣсколько лѣтъ сряду. Всѣ попытки оренбургскаго начальства сблизиться съ Исетомъ и добиться, чтобы онъ явился лично съ повинною, оставались тщетными». Разказавъ о сношеніяхъ уже вышеупомянутыхъ съ Исетомъ, черезъ преданныхъ Россіи киргизъ, Г. А. Катенина, и о собственныхъ внушеніяхъ, сдѣланныхъ черезъ Чиклинцевъ во время похода, я писалъ о случившемся 4 Іюня ниже слѣдующее: «сегодня разныя неисправности, замѣченныя мною въ обозѣ, и мелочныя обстоятельства помѣшали нашему обычному раннему выступленію. Лишь въ 8 ч. утра могъ я дать, наконецъ, приказаніе выючить верблюдовъ и снимать кибитки, какъ вдругъ сдѣлалась всеобщая суета въ нашемъ лагерѣ, въ особенности между верблюдовожатыми, бѣжавшими опреметью къ биваку изъ табуна. При-

было бы вслѣдствіе первоначальныхъ распоряженій ¹⁾ съ большими затрудненіями, съ тратою времени и съ напрасными расходами; къ тому же такое измѣненіе въ первоначальномъ планѣ могло бы показаться неблаговиднымъ и подозрительнымъ для азіатцевъ, ибо хивинскій ханъ уже былъ официально предваренъ о скоромъ прибытіи посольства въ Куня-Ургенчъ; бухарскому посланцу тоже объявлено о пути слѣдованія посольства, о чемъ онъ и донесъ эмиру.

Чувствую себя совершенно здоровымъ и переносу походъ легко. Погода у насъ была теплая, но внезапно произошла перемѣна; холодно, дуетъ сильнѣйшій вѣтеръ и сегодня ночью было только 3° тепла по Реомюру. Пескомъ засыпаютъ глаза и весь нашъ бивакъ.

Всѣ мои спутники очень устаютъ отъ похода. Струве (астрономъ) ²⁾ работаетъ дѣльно и неутомимо. Лерхе ³⁾ заставлятъ верблюдожатыхъ пѣть киргизскія пѣсни и пытается записать слова, а также роется въ киргизскихъ могилахъ, отыскиваетъ стѣнные достопримѣчательности».

До какой степени снаряженіе посольства было мало соображено съ дѣйствительною потребностью и обставленное съ одной стороны съ дорого стоящимъ, часто бесполезнымъ и даже тягостнымъ въ походѣ излишествомъ, съ другой—не было снабжено многимъ самымъ необходимымъ для достиженія предположенной цѣли, доказываетъ слѣдующее извлеченіе изъ письма моего къ Егору Петровичу Ковалевскому.

«Кюлевейнъ вошелъ ко мнѣ сегодня въ кабинетъ съ печальнымъ и весьма непріятнымъ извѣстіемъ. Со вчерашняго числа было замѣ-

шая цѣль вслѣдованія р. Аму до того пункта, до котораго могли бы дойти пароходы, была бы достигнута. А противъ Хивы приняты были бы другія, болѣе практическія мѣры, можетъ быть, совмѣстно съ эмиромъ бухарскимъ.

¹⁾ Основанныхъ на увѣреніяхъ Г. А. Катенина и, въ особенности, Бутакова, что флотилія будетъ ранѣе въ Аральскомъ морѣ, нежели успѣтъ прибыть къ берегамъ посольства и что плаваніе въ р. Аму не потерпитъ никакой задержки и исполнѣ для парохода «Перовскій» доступно. Въ Петербургѣ приняли все это за основаніе проекта, какъ данныя несомнѣнныя.

²⁾ Бывшій потомъ посланникомъ въ Японіи и Соединенныхъ Штатахъ Америки.

³⁾ Впослѣдствіи адъюнктъ-профессоръ академіи наукъ.

чено во вьюкахъ съ органами, предназначенными для хановъ, какой-то странный шумъ во время качанія при ходѣ верблюдовъ. Я поручилъ Кюлевейну вскрыть ящики и убѣдиться въ томъ, что эти столь необходимыя для нашей цѣли подарочныя вещи уложены удовлетворительно и не попорчены. Оказалось, что деревянныя части органовъ раскололись и Кюлевейнъ не могъ воспроизвести на этихъ инструментахъ никакой другой музыки, кромѣ нѣсколькихъ непріятныхъ, визгливыхъ звуковъ. На какіе громоздкіе и великолѣпные подарки придется мнѣ теперь сослаться, чтобы испросить разрѣшеніе у хана ввести пароходъ въ р. Аму?» ¹⁾.

Кромѣ извѣщенія Бутакова при выступленіи посольства изъ Оренбурга, я отправилъ ему съ нарочнымъ чабаромъ ²⁾, съ урочища Бишъ-Тамака, увѣдомленіе, что прибудо 9 Іюня къ Чернышеву заливу, гдѣ и прошу его находиться съ пароходомъ «Перовскимъ». Отсутствіе всякаго положительнаго свѣдѣнія о флотиліи приводило меня въ немалое смущеніе и, когда я приблизился уже на разстояніе пяти переходовъ къ Аральскому морю, я отправилъ съ бивака на р. Чеганъ топографа Недорѣзова, свободно говорящаго по-киргизски и переодѣтаго въ киргизское платье, съ двумя разсыльными нашими киргизами, къ Чернышевскому заливу, съ бумагами къ капитану 1-го ранга Бутакову. Такъ какъ сей послѣдній постоянно выставлялъ полную готовность парохода «Перовскій» принять посольства, и зная Бутакова за ретиваго и весьма предприимчиваго моряка, я опасался, что получивъ извѣщеніе мое о предполагавшемся прибытіи моемъ 9 Іюня къ мѣсту нашего предполагавшагося свиданія на Аральскомъ морѣ, начальникъ флотиліи поспѣшитъ прибыть туда къ сроку, а такъ какъ движеніе каравана моего замедлилось, противно моему первоначальному предположенію, то Бутаковъ

¹⁾ Мирное вступленіе парохода «Перовскій» въ р. Аму предполагалось обезпечить и объяснить необходимостью доставить въ цѣлости хану Высочайшіе «великолѣпные и громоздкіе» подарки. На этомъ вертѣлась вся переписка подготовительная.

²⁾ Разсыльные киргизы, отправляемые обыкновенно о дву-копѣ, т. е. съ запасною лошадью въ поводу, и исполняющіе порученія весьма быстро и добросовѣстно. Вся переписка въ степи пересылается черезъ чабаровъ.

могъ быть поставленъ въ затрудненіе моимъ отсутствіемъ. Я спѣшилъ на этомъ основаніи, черезъ отправленнаго Недорѣзова, предупредить всякое недоразумѣніе и установить прочную связь между движеніями посольства и флотиліи. Къ несчастью, ожиданія мои не оправдались: ни одно судно нашей флотиліи не только не пришло 9-го Іюня, но даже и 12-го въ день моего личнаго прибытія къ Чернышевскому. Недорѣзову было приказано подавать сигналы съ берега пароходу, какъ только онъ его увидитъ, войти въ сношеніе съ нимъ и, передавъ бумаги мои Бутакову, условиться относительно наудобнѣйшаго пункта для свиданія нашего и посадки на пароходъ части посольства и подарочныхъ вещей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Недорѣзовъ долженъ былъ тотчасъ отправить одного изъ чабаровъ обратно ко мнѣ съ извѣщеніемъ о прибытіи парохода и указаніемъ наилучшаго направленія для каравана нашего. Поджидая увѣдомленія Недорѣзова и не желая напрасно и безцѣльно стоять у Чернышевскаго залива съ караваномъ, я замедлялъ движеніе наше, соображаясь поневолѣ съ имѣющимися въ Барсукахъ (названіе песчаной части степи, по которой мы двигались) колодцами. Недорѣзовъ извѣстилъ меня, что Бутакова еще нѣтъ въ заливѣ.

8 Іюня поднялись мы на Усть-Уртъ, пройдя передъ тѣмъ солончатами, въ которыхъ вода на бивакахъ была отвратительна (водяныи вши и т. п.). 9 Іюня вечеромъ явились къ намъ въ лагерь два брата Исета съ привѣтомъ отъ сего послѣдняго, подарками и приглашеніемъ къ нему въ аулъ, на другой день, на угощеніе. Я принялъ это приглашеніе; для того же, чтобы доказать Исету личное довѣріе—столь цѣнное степняками—я рѣшилъ не брать съ собою обычной свиты и конвоя, а отправиться безъ оружія съ нѣсколькими лишь офицерами и казаками; послѣдніе предназначались для держанія нашихъ лошадей. Нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ переполошились и, подозрѣвая въ Исетѣ коварное намѣреніе меня задержать или отравить во время угощенія и напасть на караванъ нашъ врасплохъ, предостерегали меня, уговаривая отказаться отъ моего намѣренія и принять мѣры предосторожности. Но я не поддавался этимъ опасе-

ніямъ; Исетъ принялъ меня съ величайшими почестями. Все обошлось благополучно и посѣщеніе мое бывшаго мятежника произвело глубокое впечатлѣніе на киргизъ, удостовѣрившихся, что мы ихъ батыря—султана Исета не боимся и вѣримъ въ его совершенное раскаяніе и покорность. Наконецъ, 12 Іюня я опередилъ караванъ съ нѣсколькими спутниками и казаками и проѣхалъ довольно быстро до песчаныхъ бугровъ Кумъ-Суатъ, съ которыхъ представляется обширный видъ на Аральское море. Вооружившись подзорными трубами, я, Струве и Можайскій тщательно осматривали весь горизонтъ, но нигдѣ не было видно ни парохода, ни дыма, ни мачты, ни малѣйшаго признака присутствія флотиліи на морской поверхности. Отсутствіе флотиліи разстраивало всю программу, данную мнѣ въ Петербургѣ, и весь мой планъ дѣйствій. Возникалъ вопросъ, что тутъ дѣлать; стоять неопредѣленное время на берегу моря съ караваномъ, при полной неизвѣстности, чего ожидать можно отъ флотиліи, было немыслимо во всѣхъ отношеніяхъ; при томъ кормы въ этой мѣстности были самыя плохіе и воды въ колодцахъ слишкомъ мало даже для однодневнаго пребыванія нашего каравана. Идти далѣе значило рисковать разойтись совсѣмъ съ флотиліею и отказаться отъ главной цѣли—ислѣдованія р. Аму и введенія въ нее нашихъ судовъ. Положеніе было непріятное, неожиданное, отвѣтственное.

Въ письмахъ къ отцу я высказывался, естественно съ большею откровенностью, нежели въ донесеніяхъ, хотя и въ частной перепискѣ надо было соблюдать крайнюю осторожность въ выраженіяхъ, ибо вся переписка съ Петербургомъ проходила чрезъ канцелярію Генералъ-Губернатора и при томъ письма, равно какъ и бумаги, подвергались всевозможнымъ случайностямъ, при перевозкѣ чабарами, которые могли быть перехвачены хивинцами или туркменами, что нерѣдко случалось во время нахождения посольства въ Хивѣ, при чемъ нѣсколько чабаровъ было убито и почта наша разграблена ¹⁾. Описывая отцу свое трудное странствованіе съ успокоитель-

¹⁾ Нѣсколько писемъ моихъ и донесеній такимъ образомъ пропали и на случай похищенія моей переписки мнѣ пришлось сообщаться съ флотиліею и писать въ Петербургъ по-французски.

нымъ освѣщеніемъ случайностей пути, у меня сорвалось однако же, въ письмѣ отъ 4 Іюня, невольное, пожеланіе: «авось вынесетъ меня Богъ благополучно изъ этого тяжелаго испытанія, несмотря на безчисленныя затрудненія и многія козни, меня окружающія».

Въ длинномъ письмѣ, отправленномъ отцу 23 Іюня, съ бивака на урочищѣ Урга, у Айбугирскаго залива, я описалъ происходившее со мною послѣ принятія покорности Исета до подхода къ Айбугирскому заливу слѣдующимъ образомъ: «5 и 6 Іюня сдѣлали мы довольно сильные переходы, такъ что въ два дня прошли 83 версты. Холодъ продолжается уже недѣлю. Вставать рано утромъ до разсвѣта, въ холодъ и при огнѣ (въ кибиткахъ темно, а небо на бѣду пасмурно, въ тучахъ) кажется довольно труднымъ въ особенности для гражданскихъ членовъ посольства. Всѣ охаютъ, жалуются и упрашиваютъ меня дать лишній часъ поспать, но для порядка движенія, я неумолимъ въ этомъ отношеніи и самъ примѣръ всѣмъ подаю, вставая ранѣе, нежели поданъ сигналъ къ подъему. Переходъ 6 числа мнѣ показался неимоверно длиннымъ: на пути догналъ насъ киргизъ, привезшій письмо отъ Васъ, безпѣнные родители, отъ сестеръ и пр. Живущіе постоянно въ семейномъ кругу и въ образованномъ обществѣ не могутъ себя представить, какое впечатлѣніе производятъ милыя сердцу строки, полученныя среди голой степи, за тысячу верстъ отъ границы отечества и читаемыя подъ дикіе звуки рыкающихъ верблюдовъ. Полученныя письма и бумаги меня заинтересовали до крайности, но я принужденъ былъ положить ихъ къ себѣ въ сумку и пройти еще 25 верстъ, прежде чѣмъ вполнѣ ознакомиться съ содержаніемъ. Это было нѣчто въ родѣ лисицы, смотрящей на виноградъ! . . . Докторъ Пекарскій—хорошій человекъ и врачъ, но трусъ преестественный. Мы забавляемся, пугая его киргизскими разбойниками, туркменами, хивинцами, фалангами, скорпіонами и тарантулами; фаланги и тарантулы уже неоднократно посѣщали нашъ бивакъ. 7 Іюня далъ я дневку отряду, вслѣдствіе необычайной грозы, внезапно насъ снова посѣтившей, и для того, чтобы снарядить топографа, отправляемаго къ Аральскому морю на

развѣдку и на открытіе Бутакова, отъ котораго ни слуха, ни духа ¹⁾. Служили мы обѣднику съ молебномъ и вечеромъ (день былъ субботній) всенощную. Я читалъ Апостола и Шестопсалмие и пѣлъ съ двумя офицерами и нѣсколькими стрѣлками. Мы спѣлись теперь порядочно. Иеромонахъ служилъ въ моей кибиткѣ. Офицеры стоятъ обыкновенно вмѣстѣ со мною тутъ же, а нижніе чины вокругъ кибитки. Киргизы съ любопытствомъ, но съ почтительнымъ вниманіемъ, на это смотреть молча. Богослуженіе происходило на солонцоватой равнинѣ, у подошвы возвышавшагося надъ нами Усть-Урта, на такомъ мѣстѣ, гдѣ никогда еще не раздавалось, съ созданія міра, христіанское церковное пѣніе! Мысленно переносился я къ Вамъ и, желая, чтобы всѣ со мною праздновали этотъ день, я роздалъ всѣмъ нижнимъ чинамъ конвоя и посольства по лишней чаркѣ водки и фунту мяса (изъ Оренбурга я запасся лишними порціями, на такіе случаи, на собственные деньги, чтобы прибавлять къ казенной раздачѣ). Всѣ спутники мои и офицеры конвоя обѣдали у меня. Добруцкій ²⁾ приготовилъ намъ отличный обѣдъ. Праздникъ былъ всеобщій. Чтобы доставить развлеченіе нижнимъ чинамъ, устроилъ я цѣльную стрѣльбу, раздавая попадавшимъ въ цѣль денежныя награды.

На другой день, съ разсвѣтомъ, поднялись мы на возвышенное плато Усть-Уртъ и съ трудомъ отыскиали только къ 4 час. поп. удобное для ночлега мѣсто. Насъ наградили изъ Оренбурга такими жожаками, которые рѣшительно ничего не знаютъ, не могутъ отыскать колодцевъ и сбиваютъ насъ съ надлежащаго направленія. Мнѣ приходится возиться съ ними, ежедневно, по часамъ, разспрашивая и свѣряя чрезъ переводчика различныя показанія на счетъ будущаго перехода. Тѣмъ не менѣе каждый почти разъ жожаки напутаютъ; намъ приходится плутать, дѣлаемъ нѣсколько верстъ лишнихъ и, наконецъ, съ помощью встрѣчныхъ киргизъ, развѣдокъ или просто случайно, натыкаемся на воду и подножный кормъ. Этотъ походъ, благодаря не совсѣмъ удачному подбору моихъ спутниковъ, доста-

¹⁾ 7 Іюня былъ день рожденія отца.

²⁾ Поваръ.

вилъ мнѣ значительную опытность въ движеніяхъ по степи ¹⁾, ибо пришлось самому во все подробности входить. Если когда въ другой разъ награждать меня подобными же странствованіями, рѣшительно не буду брать съ собою никого, кромѣ тѣхъ, которыхъ самъ выберу en connaissance de cause. Съ нѣкоторыми изъ моихъ спутниковъ— просто бѣда. Слава Богу, что командиръ конвоя расторопный штабъ-офицеръ уральскаго войска (Буренинъ) и при немъ нѣсколько вполне надежныхъ офицеровъ, а то много горя испыталъ бы я съ нашимъ неуклюжимъ караваномъ. Конвой меня, кажется, полюбилъ. Въ особенности уральскіе казаки выказываютъ мнѣ привязанность и изъ дополнительнаго конвоя, отдѣленнаго отъ конвоя корпуснаго командира, провожающаго насъ по Усть-Урту до хивинскихъ владѣній, являются безпрестанно охотники, просящіе меня, чтобы я ихъ взялъ съ собою въ Хиву и Бухару.

9 числа проходили мы песками (Барсуки) и было въ нихъ запутались, когда выскакалъ къ намъ на встрѣчу киргизъ, слѣзъ съ коня и, почтительно подойдя ко мнѣ, пѣшкомъ, заявилъ, что онъ присланъ братомъ Исета (отчаяннаго разбойника, принесшаго повинную вмѣстѣ съ старшимъ братомъ) направить караванъ нашъ на настоящій путь, такъ какъ мы уклонились въ сторону и въ направленіи, нами взятомъ, воды скоро не найдешь. Онъ сказалъ мнѣ, что самъ Исеть Кутебаровъ, вернувшись отъ Генералъ-Губернатора, поджидалъ насъ уже два дня, по расчету нашего обычнаго движенія ²⁾, и выслалъ, наконецъ, по разнымъ направленіямъ, людей насъ разыскивать. Мы повернули за киргизомъ и пришли скоро на бивачное мѣсто. Вечеромъ, явились ко мнѣ два брата Исета и принесли въ даръ большого барана, верблюда, лошадь и сосудъ съ кумысомъ. Все это предназначалось, якобы для нашего угощенія. Барана я отдалъ повару на закланіе, верблюда подъ выюки, а лошадь

¹⁾ Мнѣ тогда въ голову не приходило, что меня оторвутъ отъ военной службы, направивъ на дипломатическое поприще, и что я не буду имѣть случая примѣнить въ послѣдствіи своихъ военныхъ знаній, приобретенныхъ усидчивымъ многолѣтнимъ трудомъ и исполненіемъ разнообразныхъ порученій военнаго начальства.

²⁾ Насъ задержала дневка 7-го и трудный подъемъ обоза на Усть-Уртъ.

къ крайнему изумленію киргиза уральскому казаку, у котораго только что пала лошадь и который поэтому былъ въ большомъ горѣ. Кумысъ же я роздалъ моимъ спутникамъ, любящимъ этотъ непривлекательный напитокъ.

Я долго разговаривалъ съ родными Исета и отдалъ имъ, по обычаю, подарками и деньгами. Завтра Исеть собирается выѣхать ко мнѣ навстрѣчу и пригласить меня въ свой аулъ.

10 Іюня, утромъ, только что мы выступили съ бивака, встрѣтилъ меня, на конѣ, Исеть Кутебаровъ, окруженный большою свитою. Встрѣча была сопряжена со всевозможными восточными церемоніями. Мы потомъ поѣхали вмѣстѣ, впереди пѣсенниковъ конвоя, весело распѣвающихъ удалыя казакскія и солдатскія пѣсни въ теченіе цѣлыхъ переходовъ. Исеть, переговоривъ со мною, поѣхалъ потомъ въ знакъ почтенія, впереди, служа какъ бы вожакомъ отряда, до слѣдующаго ночлега. Иду теперь малыми переходами, потому что Бутаковъ не отвѣчаетъ все еще на мое извѣщеніе о прибытіи къ Аральскому морю. Посланный мною впередъ, къ Чернышевскому заливу, далъ мнѣ знать, что до 10 (утромъ) парохода нашего не видно въ морѣ. Приду къ Чернышевскому заливу, вмѣсто назначеннаго мною заранѣе 9 числа, только 12 ¹⁾, чтобы дать время Бутакову собраться и имѣть, по крайней мѣрѣ, совѣсть спокойною въ убѣжденіи, что все зависящее отъ меня, для выполненія предначертанной программы, сдѣлано.

Исеть уступилъ для моего бивака единственное удобное въ здѣшнихъ пескахъ мѣсто, занятое прежде его кочевкою ²⁾. Отпустивъ Исета, я отдохнулъ часа три въ лагерѣ, а потомъ явилась ко мнѣ вся родня Исета съ убѣдительнымъ приглашеніемъ посѣтить ихъ аулъ, перекочевавшій изъ-за насъ, на два дня, съ удобныхъ мѣстъ, намъ уступленныхъ, на пески. Послѣ настойчивыхъ просьбъ ордынцевъ, я, не внимая на опасенія и предостереженія нѣкоторыхъ

¹⁾ Теряя такимъ образомъ напрасно три дня въ самое благопріятное для плаванія по р. Аму время.

²⁾ Вниманіе и любезность, имѣющія значеніе въ глазахъ степняковъ.

изъ моихъ спутниковъ, отправился верхомъ съ самою маленькою свитою къ Исету въ гости. Около насъ скакала толпа киргизъ, увеличивавшаяся постепенно съ приближеніемъ нашимъ къ ауламъ Исета. Меня приняли со всевозможными почестями и посадили въ большой кибиткѣ на высокое сидѣнье, состоящее изъ какого-то казанскаго чемодана, покрытаго ковромъ. Всѣ остальные присутствующіе сидѣли на полу на коврахъ. Намъ подали великолѣпный, по киргизскимъ понятіямъ, обѣдъ, состоявшій изъ лаханки ¹⁾ кумыса, поставленный передъ каждымъ изъ присутствующихъ, изъ огромнаго блюда жаренаго жеребенка, политаго лошадинымъ бульономъ, пилава (рисъ съ бараниной), поданнаго также въ большихъ тазахъ и, наконецъ, чая, налитаго въ полоскательныя чашки. Отказываться было неучтиво и отказъ въ ѣдѣ могъ бы быть истолкованъ моею боязнью отравы и недоверіемъ къ Исету. А на бѣду мнѣ подавали, ради моего сана, сосуды наибольшаго, противъ всѣхъ остальныхъ, размѣра. Я нашелъ исходъ изъ этого жалкаго положенія: основываясь на томъ, что, по восточнымъ понятіямъ, передать кому либо недокушанное кушанье или подѣлиться съ нимъ—значитъ оказать ему величайшее вниманіе и отличить предъ всѣми окружающими, я сталъ раздавать подаваемое мнѣ (отвѣдавъ предварительно) доктору Пекарскому (что привело его въ крайнее смущеніе боязнью отравленія) и затѣмъ ближайшей роднѣ Исета. Пробывъ около $\frac{3}{4}$ часа въ кибиткѣ и получивъ въ подарокъ иноходца, я простился съ Исетомъ и возвратился благополучно въ лагерь. Старшаго сына Исета взялъ я съ собою въ Хиву, въ качествѣ жока, съ тѣмъ, чтобы онъ служилъ живымъ свидѣтелемъ покорности отца, такъ недавно еще прибѣгавшаго къ покровительству хана, и связью нашею съ многочисленными друзьями и приверженцами Исета въ Хивѣ. Я подарилъ отцу на прощанье одинъ изъ двухствольныхъ пистолетовъ, купленныхъ мною за границую.

¹⁾ Чѣмъ почтѣе гость, тѣмъ большаго размѣра посуду (обыкновенно тазъ) и большую порцію пищи подаютъ ему азіатцы, а потому мнѣ, какъ посланнику, обыкновенно подавали кумысъ или кирпичный чай въ лаханкѣ, по нашему умывальной.

Вообще всѣ подарочныя вещи, данныя мнѣ изъ Петербурга, оказываются болѣе или менѣе непригодными. Я долженъ сослаться предъ ханами, въ оправданіе вступленія парохода нашего въ р. Аму, на громоздкость и великолѣпіе (sic) царскихъ подарковъ, а главнѣйшіе изъ нихъ—органы, по осмотру, оказались неиздающими никакого другого звука, какъ невыносимаго писка. Опасаюсь, что стеклянныя люстры и зеркала будутъ разбиты при верблюжемъ ходѣ. Мелочь, накупленная для раздачи, не соответствуетъ азіатскимъ вкусамъ и понятіямъ. Женскія вещи годны скорѣе для нашихъ дамъ, нежели для хивинокъ и бухарокъ. Если бы я не догадался закупить въ Парижѣ и Лондонѣ, на собственные деньги, нѣсколько порядочныхъ вещей и оружіе, то совершенно осрамился бы въ глазахъ азіатцевъ.

12 числа караванъ мой дошелъ до Исенъ-Чагыла. Я опередилъ съ небольшимъ конвоемъ отрядъ и выѣхалъ на берегъ моря, отстоящій отъ бивачнаго мѣста нашего на 10 верстъ. Собственными глазами убѣдился я, къ несчастію, что Бутакова нѣтъ какъ нѣтъ. Жары возобновились. Послѣдній переходъ въ 35 верстъ пришлось пройти при 29° Р. въ тѣни. Довольно утомительно. Писать было лѣнь, а надо было написать донесенія Великому Гнзю Константину Николаевичу, Катенину и директору Азіатскаго Департамента».

13 простоялъ я день въ Исенъ-Чагылъ безъ корма и съ дурною водою, въ недостаточномъ количествѣ, чтобы сутки переждать флотилію. Но оставаться въ этомъ положеніи, да еще когда мнѣ объявилъ утромъ начальникъ конвоя, что вода вся вычерпана изъ глубокаго колодца и что она плохо набирается, было невозможно. Мы уклонились отъ караваннаго пути собственно, чтобы подойти къ мѣсту, назначенному петербургскимъ комитетомъ для соединенія флотиліи,—долженствовавшей выдти изъ форта № 1 въ Аральское море, съ посольскимъ караваномъ, идущимъ изъ Оренбурга. Но очевидно стало, что предположенія, основанныя главнѣйше на представленіяхъ начальника флотиліи, которому мѣстные обстоятельства могли быть ближе извѣстны, нежели кому либо, вслѣдствіе его рекогносцировокъ вдоль береговъ Аральскаго моря, не могли осуществ-

ствиться. Посольству необходимо было поскорѣе выдти изъ затруднительнаго положенія и обезпечить караванъ свой хотя кормомъ и водою, не теряя однако же, какъ можно долѣе, возможности войти въ сношеніе съ пароходомъ «Перовскій», если бы онъ показался на морской поверхности. На этихъ соображеніяхъ основывались наши дальнѣйшія движенія. Оставалось только пожалѣть, что позднее отправленіе дополнительной морской команды и разныхъ предметовъ снаряженія изъ Оренбурга помѣшало капитану 1-го ранга Бутакову во-время изготавить суда къ плаванію и поставило посольство сразу въ ложное и затруднительное положеніе относительно Хивы и плаванія нашихъ судовъ по р. Аму. Какъ бы то ни было, но надо бы пройти отъ Исень-Чагыла 58 верстъ по трудному пути, безъ корма и безъ воды, чтобы выдти снова ближе къ морскому берегу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ былъ бы водопой. А жара была днемъ нестерпимая и при такомъ утомительномъ переходѣ можно было опасаться, что лошади и верблюды пристанутъ и не всѣ выдержатъ. Рѣшено было идти ночью. Выступили въ 6 час. вечера. «Ночь была лунная, восхитительная, писалъ я отцу, и переходъ былъ совершенъ лихо и благополучно. Только подаренный мнѣ Исетомъ иноходецъ внезапно заболѣлъ и отказался идти дальше. Я вынужденъ былъ отдать его на обѣдъ сыну Исета и всѣмъ нашимъ киргизамъ. Мы шли, большею частью, по окраинѣ скалистаго отвѣса Усть-Урта. Вдали видѣлось блестящее, серебристое отраженіе луны въ Аральскомъ морѣ. Всю ночь лихіе уральскіе казаки пѣли мои любимыя пѣсни. Когда смерклось и показалась луна, пѣсенники пропѣли рыбацкую, морскую пѣсню уральцевъ, съ заунывнымъ, тихимъ, весьма романтическимъ, прелестнымъ напѣвомъ. Невольно задумался я и возвратился къ дѣйствительности лишь тогда, когда конь мой споткнулся и чуть было не свалился въ одну изъ рытвинъ, которыми откосъ Усть-Урта испещренъ. Въ 9 час. вечера я остановилъ отрядъ, мы слѣзли съ коней, трубачъ сыгралъ зарю, мы сняли шапки и помолились усерднѣе, вѣроятно, обыкновеннаго. Сѣли на коней и снова тронулись въ путь, и снова степь огласилась заунывными пѣснями горсти русскихъ людей. Въ 7½ час. утра пришли мы на бивакъ, а въ

8 час. утра увидѣли на горизонтѣ морскомъ черную, движущуюся точку. Крики радости раздались въ лагерь нашъ и всѣ бросились къ обрывамъ скалъ, стоящихъ надъ моремъ. Развѣсили мы флаги, зажгли огромный костеръ изъ сухой морской травы, роговъ отъ опорожненныхъ выюковъ, набранныхъ кореньевъ и т. п. и наконецъ, когда оказался недостатокъ матеріала для поддержанія костра, мы сожгли тяжелую казенную повозку, которою я рѣшился пожертвовать, предвидя, что при переправѣ чрезъ р. Аму, намъ придется всетаки уничтожить обозъ, который нельзя будетъ отослать съ дополнительнымъ конвоемъ. Пароходъ, какъ будто, взялъ на насъ курсъ свой. Онъ видимо сталъ приближаться; формы его обрисовались. Всѣ оренбуржцы узнали въ немъ «Перовскаго» и мы уже располагали спуститься нѣсколько къ берегу со скалы, чтобы радостно принять нашихъ моряковъ. Но вдругъ къ крайнему нашему разочарованію пароходъ, въ разстояніи 5 до 6 верстъ отъ берега, повернулъ налѣво и пошелъ вдоль Усть-Урта, направляясь несравненно южнѣе того мѣста, гдѣ мы находились. Чтобы исчерпать всѣ имѣвшіяся у насъ средства для извѣщенія мѣстопребыванія, я поставилъ человекъ 20 съ ружьями на берегу и мы начали производить пальбу залпами въ направленіи парохода; горнисты и трубачъ залегли у самой воды и подавали сигналы, наконецъ выпустили 6 боевыхъ ракетъ (а мы ихъ берегли какъ зеницу ока, на случай столкновенія съ туркменами), залетѣвшихъ далеко въ море, какъ разъ по направленію не останавливающегося парохода; но все было тщетно: «Перовскій» горделиво прошелъ передъ нами, направляясь повидимому, къ Дивлетъ-Гирею, лежащему на 120 верстъ южнѣе нашего бивака. Я еще не упалъ духомъ отъ печальнаго недоразумѣнія, препятствующаго выполненію инструкціи мнѣ данной и испытываю послѣднее средство: отправляю двухъ моихъ топографовъ и разсыльныхъ на различные пункты приморскаго берега, чтобы постараться гдѣ нибудь войти въ сношеніе съ Бутаковымъ. Собственно я во флотилии не нуждаюсь; напротивъ того она, въ нынѣшнемъ ея состояніи, для меня только излишняя обуза. Достичь предполагаемой цѣли могу и другими средствами, хотя безспорно,

что мнѣ лично было бы удобнѣе и пріятнѣе сидѣть спокойно на пароходѣ. Но бросить караванъ мой на произволъ судьбы, находясь самому въ безопасности, я не рѣшусь и не желаю. Дѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы доставить морякамъ возможность участвовать въ нашей экспедиціи и совершить подѣ благовиднымъ предлогомъ, мирное плаваніе по р. Аму, согласно желанію Великаго Князя Константина Николаевича, настаивавшаго на этомъ въ комитетѣ, когда составляли мнѣ инструкцію. Не забочусь о томъ, оцѣнять ли мои заботы и хлопоты въ Петербургѣ, но исполню свой долгъ до конца».

Всѣ собранныя по пути, посредствомъ разспросовъ, свѣдѣнія о р. Аму и расположеніи умовъ въ Хивинскомъ ханствѣ, сводились къ слѣдующему: 1) старожилы не помнятъ, чтобы когда либо было такое половодье р. Аму и такой разливъ въ нижней части ханства какъ въ нынѣшнемъ году. Вся мѣстность была затоплена до второй половины Мая мѣсяца, но съ того времени вода начала спадать и къ половинѣ Іюня уровень воды въ рѣкѣ возвращается къ нормальному, такъ что къ 1 Іюля уровень воды окончательно понизится, если не будетъ сильныхъ дождей въ Бадакшанѣ. Такимъ образомъ благоприятное время для входа въ р. Аму и плаванія вверхъ по теченію какъ можно далѣе, какъ предполагено было въ Петербургѣ, было пропущено безвозвратно на 1858 годъ. Чтобы наша попытка была успѣшна, слѣдовало приготовить флотилію къ плаванію мѣсяцемъ раньше, а посольству выступить не позже 2 или 3 Мая и идти полнымъ ходомъ на соединеніе съ флотиліею; 2) борьба хивинцевъ съ туркменами продолжается и города Куна-Ургенчъ и Ходжейли содержатся въ тѣсной блокадѣ туркменами, желающими свергнуть Сеидъ-Мохамеда и, завладѣвъ ханствомъ, посадить ханомъ своего вожда Ата-Мурада. Движеніе посольства, по выработанному въ Оренбургѣ маршруту, становилось, при подобныхъ обстоятельствахъ, неудобноисполнимымъ, могло подвергнуть караванъ нашъ разграбленію и случайностямъ схватокъ между дикими шайками враждующихъ; 3) Хивинцы почему то (вѣроятно слухи изъ форта № 1 о спѣшномъ и усиленномъ снаряженіи флотиліи) предчувствуютъ же-

ланіе наше ввести суда въ р. Аму и рѣшили не соглашаться на плаваніе пароходовъ. На основаніи этихъ данныхъ, чтобы не потерять напрасно времени и хотя сколько нибудь отстранить огромныя невыгоды слишкомъ поздняго прибытія нашего, я задумалъ измѣнить направленіе пути посольства и не придерживаться вполнѣ первоначальныхъ предположеній. Желательно было воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ хана и предупредить хитростью неминуемый отказъ въ пропускѣ нашей флотиліи въ р. Аму. Для сего я положилъ идти не на Куна-Ургенчъ, а постараться переправиться черезъ Айбугирскій заливъ и идти на г. Кунградъ; часть подарочныхъ вещей и тяжестей посольства нагрузить непременно на пароходъ «Перовскій» и отправить при двухъ членахъ посольства (морскомъ офицерѣ и генеральнаго штаба штабсъ-капитанѣ Салацкомъ), которымъ якобы поручено храненіе этихъ вещей, прямо въ г. Кунградъ по рѣкѣ. Въ Кунградѣ мы такимъ образомъ соединились бы съ Бутаковымъ. Я намѣренъ былъ, для избѣжанія недоразумѣній, письменно предупредить мехтера какъ о прибытіи посольства по новому пути, такъ и о плаваніи парохода съ тяжестями посольства и Высочайшими подарками хану. Но письмо мое должно было дойти до Хивы по такому расчету времени, чтобы пароходъ успѣлъ войти безпрепятственно въ устье р. Аму и быть уже въ рѣкѣ, прежде нежели ханъ имѣлъ бы возможность извѣстить меня въ отказѣ своемъ и привести въ исполненіе распоряженіе о прегражденіи входа въ Аму нашему судну.

Хотя я не вошелъ еще въ связь съ Бутаковымъ, но видя, что онъ направился къ южной части Усть-Урта, я не терялъ еще надежды сойтись съ пароходомъ до прибытія каравана моего къ Айбугирскому заливу. Откладывать долѣе извѣщеніе Хивинскихъ властей о новомъ пути избранномъ мною и скоромъ вступленіи нашемъ въ предѣлы ханства, не въ томъ направленіи какъ было сообщено изъ Оренбурга и упомянуто въ письмѣ Генераль-Адъютанта Катенина, было невозможно. А потому я рѣшился послать составленную мною грамоту, на русскомъ и персидскомъ языкахъ, мехтеру 14-го вечеромъ, избравъ для доставленія ему въ руки моего посланія смѣтли-

ваго и расторопнаго русскаго прикащика Григорія Панфилова, слѣдовавшаго съ нами, съ товаромъ Дѣва, изъ Оренбурга. Панфиловъ одѣвался по киргизски и говорилъ бойко на киргизскомъ и татарскомъ языкахъ, зная всѣ мѣстные обычаи. Ему поручилъ я собрать нужныя свѣдѣнія въ Кунградѣ о положеніи дѣла въ ханствѣ, о туркменахъ, о трудностяхъ новаго пути, мною избраннаго и о которомъ въ Оренбургѣ и у насъ не имѣлось никакихъ указаній и въ особенности ознакомиться съ расположеніемъ умовъ хивинскихъ саванниковъ и вліятельнѣйшихъ жителей, къ которымъ торговый человѣкъ, пріѣзжій съ русскимъ товаромъ, всегда имѣетъ свободный доступъ, если умѣетъ примѣняться къ мѣстнымъ нравамъ и владѣть свободно понятнымъ для собесѣдниковъ языкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я поручилъ Панфилову постараться войти въ сообщеніе съ пароходомъ, если онъ найдетъ его гдѣ либо близъ берега. Оказалось, что пароходъ во время проѣзда Панфилова стоялъ на якорѣ у Аксуата, т. е. у соединенія Айбугирскаго залива съ моремъ. Но эта попытка также не удалась.

Оставленный у Чернышевскаго залива Недорѣзовъ явился ко мнѣ 15-го и сообщилъ, что старанія его обратить на себя вниманіе парохода, прошедшаго по заливу рано утромъ 14-го, также не увѣчалось успѣхомъ и потому онъ, согласно прежде данному приказанію, догналъ караванъ на почлегѣ.

А между тѣмъ Бутаковъ, пройдя вдоль всего Усть-Урта и не замѣтивъ ничего на берегу, бросилъ якорь у Аксуата и простоялъ тамъ до 17-го. Видя бесполезность своего ожиданія, онъ повернулъ на сѣверъ и пошелъ снова вдоль берега розыскивать караванъ и на этотъ разъ болѣе внимательное наблюденіе указало ему 18-го, утромъ, наше присутствіе на скалистомъ берегу.

Вотъ, что писалъ я отцу въ видѣ дневника ¹⁾: 14-го вечеромъ отправилъ я въ Хиву въ качествѣ передоваго посланца моего, русскаго прикащика (очень дѣльнаго, расторопнаго, свободно говорящаго по

¹⁾ Въ продолженіе этого опаснаго путешествія я писалъ отцу моему и директору Азіатскаго Департамента въ видѣ дневника, отправляя постепенно при каждомъ представлявшемся вѣрномъ случаѣ, эти письма въ Петербургъ, чтобы въ случаѣ моей внезапной смерти остался слѣдъ того, что было сдѣлано или предпринято.

киргизски и по татарски и бывшаго уже два раза въ Хивѣ, по торговымъ дѣламъ купца Дѣва), котораго я уговорилъ идти вмѣстѣ со мною въ Хиву, съ товаромъ его довѣрителя. Съ нимъ отправилъ я нѣсколько писемъ въ Хиву къ первенствующимъ лицамъ, между прочимъ официальное извѣщеніе (кажется довольно удачно составленное) къ мехтеру т. е. къ первому хивинскому министру.

17-го до полудня сегодняшняго дня нѣтъ никакихъ извѣстій о Бутаковѣ. Онъ кажется по киргизскимъ слухамъ прошелъ прямо къ хивинскимъ берегамъ, рекогносцируетъ устье и во всякомъ случаѣ тамъ его кочевники замѣтили. Надѣлаетъ онъ мнѣ не мало хлопотъ и непріятностей, переполошивъ преждевременно хивинцевъ и туркменъ, которые пока воюютъ между собою.

Въ виду войны этой и осады туркменами города Куня-Ургенча и Ходжейли, черезъ которые мнѣ приходилось бы идти, чтобы добраться до столицы, рѣшаюсь перемѣнить свой путь и идти не на Куня-Ургенчъ, а переплыть черезъ Айбугирскій заливъ, хотя на наемныхъ лодкахъ (за неимѣніемъ въ своемъ распоряженіи средствъ флотиліи нашей) направиться на Кунградъ и оттуда идти вдоль р. Аму въ Хиву, по пути и части Ханства, весьма мало намъ извѣстнымъ и совсѣмъ не изслѣдованнымъ. Топографамъ моимъ будетъ много работы. Непонятная опрометчивость и легкомысліе со стороны Бутакова пройти къ Хивинскимъ берегамъ, не переговоривъ со мною, тогда какъ официально флотилія отдана въ полное мое распоряженіе, не исполнить приказаній ни Великаго Князя Генералъ-Адмирала, ни Генералъ-Губернатора, предписавшихъ ему непремѣнно свидѣться со мною у Чернышевскаго залива (куда я съ своей стороны прибылъ, гдѣ постъ мой находился 6 сутокъ и гдѣ я простоялъ съ караваномъ болѣе сутокъ, не смотря на отсутствіе кормовъ и воды), ни моихъ собственныхъ убѣдительныхъ просьбъ, переданныхъ ему двукратно, официальнымъ образомъ, о томъ же. Онъ не зашелъ никуда, не выслалъ никого нигдѣ на берегъ, безъ оглядки пустился къ Айбугирскому заливу, обратившемуся теперь почти въ озеро, развѣ для того, чтобы ранѣе насъ тамъ побывать и хивинцамъ показаться. Несчастье для Руси, что у насъ

почти всякій дѣятель ставитъ свой интересъ, свои личные виды и, даже увлеченія выше государственныхъ соображеній, гоняется за преходящими мишурными отличіями, забывая подчасъ главную свою обязанность и побуждаясь преимущественно желаніемъ выслужиться на счетъ другихъ, правдою или даже и неправдою. Я не знакомъ лично съ Бутаковымъ, но по тому, что я слышалъ о немъ въ Оренбургѣ и по словамъ Можайскаго (морякъ, бывший въ составѣ посольства) долженъ предположить, что Алексѣй Бутаковъ не совсѣмъ похожъ на возвышенно честныхъ и самоотверженно благородныхъ двухъ братьевъ своихъ. Судя, вѣроятно по себѣ, онъ вѣроятно напрасно вообразилъ, что я намѣренъ дѣйствовать эгоистично, обойтись безъ участія флотиліи и предоставить исключительно себѣ славу экспедиціи по р. Аму. Сильно ошибся Бутаковъ, если думалъ такъ. Неоспоримо, что если бы я не былъ связанъ во времени и въ направленіи каравана и флотиліи, то мнѣ несравненно удобнѣе было бы достигнуть той же цѣли обслѣдованія р. Аму, распорядившись совершенно иначе своимъ путешествіемъ. Но отстранять его отъ заслуженной славы и возможности оказать пользу дѣлу, намъ порученному я считалъ бы подлостью, на которую я надѣюсь никогда не быть способнымъ.

Наконецъ 18-го числа наши постоянные береговые поиски и усилія увѣнчались успѣхомъ. Рано утромъ Бутаковъ, идя вдоль Усть-Урта обратно къ сѣверу, завидѣлъ на самомъ берегу высланнаго мною впередъ, верстъ на 30 съ 6 казаками и ракетнымъ станкомъ лейтенанта Можайскаго. Пароходъ «Перовскій» направился къ мѣсту нашего бивачнаго расположенія и подошелъ вскорѣ послѣ восхода солнца. Случайно я первый замѣтилъ приближеніе парохода и, остановивъ поднявшійся уже съ бивака караванъ свой, съѣхалъ съ утесистаго берега Усть-Урта къ морю. Къ мѣсту, гдѣ я остановился, причалилъ скоро начальникъ флотиліи, проведя съ нимъ часа три на берегу и распорядившись движеніемъ каравана, я переѣхалъ съ нимъ на пароходъ и доплылъ на немъ, по убѣдительной просьбѣ Бутакова, до слѣдующаго ночлега каравана нашего, дошедшаго туда нѣсколько ранѣе меня. Со мною произошло то же, что

случилось съ повозкою баснописца, въ которую впрягли щуку, рака и лебедя: пароходъ не могъ подойти ближе 12 верстъ къ биваку изъ опасенія попасть на камень; крутизна утесовъ, по которымъ пришлось карабкаться къ биваку затрудняла чрезвычайно подъемъ и, когда я высадился изъ катера, мнѣ пришлось при наступленіи темноты блуждать по оврагамъ и скаламъ до 11 час. вечера. Въ отрядѣ начинали беспокоиться моимъ отсутствіемъ.

Въ прибывшихъ, по приказанію Генералъ-Адъютанта Катенина, на пароходъ для замѣщенія въ конвоѣ посольства больныхъ, 5 уральскихъ казаковъ и 5 стрѣлковъ я не нуждался, ибо удалось сохранить здоровье и силы меня сопутствующихъ не только людей, но и лошадей. Еще менѣе нуждался я въ овсѣ и прессованномъ сѣнѣ, перевезенныхъ изъ форта № 1 на флотилію; принятіе этого дополнительнаго фуража потребовало бы одновременнаго усиленія нашихъ сухопутныхъ перевозочныхъ средствъ, а здоровыми верблюдами изъ числа тѣхъ, которые постепенно освобождались отъ व्यюковъ, приходилось замѣнять приставшихъ, искалѣченныхъ и больныхъ, такъ что лишнихъ верблюдовъ въ караванѣ у меня не было.

При свиданіи съ Бутаковымъ, я чтобы уяснить ему его положеніе, въ отношеніи къ посольству, требованія и ожиданія правительства относительно флотиліи, предъявилъ журналъ Комитета который былъ мнѣ сообщенъ въ видѣ инструкціи для руководства. Когда Бутаковъ, самоувѣренно утверждавшій въ Петербургѣ, что плаваніе флотиліи по Аму не можетъ встрѣтить никакого затрудненія и что входъ въ рѣку безпрепятственъ, заявилъ мнѣ необходимость произвести предварительную рекогносцировку низовья рѣки до Кунграда, прежде чѣмъ рѣшиться окончательно на плаваніе парохода «Перовскій» до Хивы, я всячески старался отговорить его отъ такого предпріятія, могущаго повлечь самыя дурныя послѣдствія для посольства и во всякомъ случаѣ причинить большую и напрасную потерю времени, что при начавшейся убыли воды было весьма важно. Изъ свѣдѣній, собранныхъ Бутаковымъ оказалось, что рукавъ Талдыкъ, на который онъ прежде указывалъ какъ на самый глубокій, и въ который было предположено поѣхать въ

Петербургѣ войти посольству на пароходѣ «Перовскій», обмелѣлъ, а главная масса воды обратилась въ самый восточный рукавъ рѣки. Сборнымъ мѣстомъ для флотиліи, состоящей изъ 2 пароходовъ «Перовскій» и «Обручевъ» и 2 парусныхъ баржъ, которыхъ предполагалось вести въ рѣку на буксирѣ, назначено было устье Талдыка. Суда могутъ собраться лишь 23-го, а «Перовскій», вышедъ ранѣе другихъ для рекогносцировки и вступленія въ связь съ посольствомъ. При томъ выяснилось, что пароходъ «Обручевъ» не можетъ выгresti противъ теченія съ баржею на буксирѣ, а оба парохода нагружаютъ такъ мало топлива, что пускаться имъ безъ запаса на баржахъ невозможно. Такимъ образомъ программа, выработанная въ Петербургѣ, вслѣдствіе поздняго прихода изъ Оренбурга команды моряковъ (лишь 3 Іюня), плохого состоянія судовъ и неточности прежнихъ свѣдѣній, была измѣнена начальникомъ флотиліи безъ вѣдома посольства, которому при такихъ обстоятельствахъ несравненно сподручнѣе было бы идти въ первыхъ числахъ Мая прямо въ Бухару и уже оттуда повернуть на Хиву; тогда вступленіе флотиліи въ главное русло Аму было бы уже вполне обезпечено. Какъ бы то ни было я условился съ Бутаковымъ, что онъ пройдетъ къ мысу Аксуатъ и броситъ тамъ якорь въ ожиданіи прибытія на пароходъ генеральнаго штаба штабъ-капитана Салацкаго, назначеннаго состоять при подарочныхъ вещахъ, которыя должны были служить предлогомъ плаванія парохода «Перовскій», — фотографа Муренко, со всеми громоздкими принадлежностями его свѣтописныхъ аппаратовъ и іеромонаха Фотина. Затѣмъ предполагалось, что Бутаковъ, взявъ съ собою два судна (остальные должны были остаться близъ устья) и нагрузивъ на нихъ подарочныя вещи, тотчасъ войдетъ въ рѣку и подымется какъ можно скорѣе до г. Кунграда, сообразуясь, въ своихъ сношеніяхъ съ мѣстными властями и жителями, со смысломъ изложеннаго мною въ письмѣ Кунградскому градоначальнику объясненія этого плаванія нашихъ судовъ. Означенное письмо я черезъ три дня послѣ того по приходѣ къ Айбугирскому заливу, отправилъ градоначальнику съ разсылнымъ киргизомъ. Я убѣдительно просилъ Бутакова не обращать

никакого вниманія на частныя столкновенія съ мѣстными жителями или мелкими властями и даже на непріязненныя дѣйствія сихъ послѣднихъ, а равно и на попытки остановить или задержать пароходъ и идти безостановочно впередъ вверхъ по рѣкѣ. Въ виду лживости и вѣроломства хивинцевъ и крайне затруднительнаго, фальшиваго положенія, въ которомъ посольство могло бы очутиться въ хивинскихъ владѣніяхъ безъ подарочныхъ вещей, при необходимости поджидать пароходъ и при неизвѣстности, что творится въ устьѣ, весьма важно было мнѣ не оставаться безъ частыхъ свѣдѣній о флотиліи нашей и потому я настойчиво просилъ Бутакова какъ можно чаще присылать мнѣ, съ коннымъ киргизомъ, извѣстія о плаваніи судовъ, въ особенности же, если послѣдуетъ какая либо непредвидѣнная задержка или остановка, мѣшающая «Перовскому» прибыть своевременно въ Кунградъ. Послѣднимъ срокомъ нашего соединенія въ этомъ городѣ былъ назначенъ, по желанію и соображенію Бутакова, разсвѣтъ 25-го числа, но начальникъ флотиліи рассчитывалъ прибыть гораздо ранѣе. На этихъ данныхъ основывались мои дальнѣйшія распоряженія и расчетъ движенія каравана.

На Усть-Уртѣ встрѣчались намъ нѣсколько каравановъ, педшіе изъ Хивы съ товаромъ, а также и киргизы, русскіе подданные, возвращавшіеся въ свои кочевки изъ хапскихъ владѣній¹⁾. Мы всѣхъ этихъ встрѣчныхъ людей спрашивали какъ о Хивѣ, такъ и о туркменахъ. Сверхъ того Исетъ доставлялъ мнѣ свѣдѣнія, до него доходившія. Всѣ они, равно какъ и разспросы наши, сводились къ слѣдующему:

1) Караваны, ходившіе прежде изъ Хивы черезъ Ходжейли и Куня-Ургенчъ бросили этотъ болѣе удобный путь, какъ весьма опасный при существованіи военныхъ дѣйствій между хивинцами и туркменами, набѣговъ и разбоевъ послѣднихъ, и идутъ исключи-

¹⁾ Киргизы безпрепятственно кочевали то въ нашихъ предѣлахъ, то въ хивинскихъ, преимущественно въ низовьяхъ р. Аму. По берегамъ рѣки мы встрѣчали безпреставно киргизъ или бѣжавшихъ изъ Россіи съ Азбергеномъ, или просто мирно откочевавшихъ на время, или наконецъ набѣжавшихъ по разнымъ хозяйственнымъ дѣламъ своимъ, въ Кунградъ и другіе хивинскіе города.

тельно черезъ Кунградъ, переправляясь на небольшихъ лодкахъ черезъ Айбугирскій заливъ.

2) Куня-Ургенчъ обложенъ многочисленнымъ скопищемъ туркменъ. Весь край до рукава Аму-Лаудана и къ югу до Ходжейли, а равно и сухопутный путь изъ Кунграда, по лѣвому берегу Аму на Хиву не безопасенъ отъ грабительскихъ шаекъ туркменъ, вездѣ рыскающихъ за добычею.

3) Туркмены, кочующіе близъ Куня-Ургенча очень недовольны, что русское посольство идетъ въ Хиву къ Сеидъ-Мохаммеду, ихъ врагу, и желали бы сему воспрепятствовать. Ата-Мурадъ, провозглашенный хивинскимъ ханомъ Ямудами и предводительствующій скопищами туркменскими, нападающими на хивинскія владѣнія, желаетъ принять миссію въ своей кочевкѣ, чтобы показать населенію, что его и Бѣлый Царь призналъ ханомъ хивинскимъ, отвергая Сеидъ-Мохаммеда.

4) Туркмены, барантовавшіе съ Исетомъ, съ чумичли-табынцами и адаевцами, послали къ Генералъ-Губернатору, когда онъ былъ на р. Эмбѣ, депутацію, съ просьбою о принятіи ихъ въ подданство Россіи, въ надеждѣ возврата, чрезъ посредство начальника края, плѣнныхъ и скота, отбитыхъ у нихъ означенными двумя киргизскими племенами.

Всѣ эти данныя, вмѣстѣ съ необходимостью не отдаляться отъ флотиліи, окончательно убѣдили меня въ необходимости уклониться отъ направленія, первоначально мнѣ назначеннаго въ Петербургъ и Оренбургъ и избрать для слѣдованія на Хиву путь на Кунградъ, какъ кратчайшій и самый безопасный не только для моего каравана, но и для дополнительнаго конвоя (60 казаковъ), которому надлежало отдѣлиться отъ посольства у Куня-Ургенча, для слѣдованія въ уральское укрѣпленіе. Дѣйствительно не только посольство, но и этотъ отрядъ могли подвергнуться по частямъ нападенію туркменъ, въ особенности послѣдній при слѣдованіи изъ окрестностей Куня-Ургенча по Усть-Урту. Сверхъ того, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ нѣкоторыя плотины по пути изъ Куня-Ургенча, при бывшемъ сильномъ разливѣ Аму, были прорваны и, при существовавшей въ

этой мѣстности безурядицѣ, не починены. Путь на Кунградъ соотвѣтствовалъ болѣе достоинству русскаго посольства, ибо, идя на Куня-Ургенчъ, оно попадало между двухъ огней и могло печальнымъ образомъ возбудить противъ себя недоброжелательство той или другой изъ враждующихъ сторонъ.

По обычному этикету въ ханствахъ, посольство должно быть встрѣчено почетнымъ конвоемъ въ первомъ граничномъ городкѣ, но высылка хивинскаго конвоя въ Куня-Ургенчъ или даже въ Ходжейли была немислима и могла бы лишь дать поводъ къ весьма непріятнымъ для насъ послѣдствіямъ схватки узбековъ съ туркменами. Входить же въ ханство безъ почетной встрѣчи было бы унижительно въ глазахъ азіатцевъ.

Разъ эти дѣйствія посольства были связаны со вступленіемъ нашихъ судовъ въ р. Аму, то, направляясь на Кунградъ, а не на Куня-Ургенчъ, я могъ скорѣе успѣть попытаться ввести пароходъ до окончательнаго спаденія воды въ рѣкѣ, быть ближе съ караваномъ къ флотиліи и держать свои средства болѣе сосредоточенными, нежели придерживаясь оренбургскаго маршрута. Во всякомъ случаѣ, слѣдуя по новому пути, мы приобрѣтали возможность изучить вполне Айбугирскій заливъ, сдѣлать съемку малоизвѣстной мѣстности и обозрѣть съ пользою для науки и для военно-политическихъ соображеній, низовую часть хивинскаго ханства.

Путешествіе наше по Усть-Урту было сопряжено съ разными приключеніями. Вотъ что писалъ я отцу о дальнѣйшемъ шествіи нашемъ, послѣ свиданія съ Бутаковымъ.

«19 Іюня. У насъ было три случая укуса скорпіоновъ: первые два съ казаками, бравшими сухари изъ мѣшка, въ которомъ забрался незванный гость, а 3-й забавный, съ докторомъ Батаршинымъ, положившимъ руку въ задній карманъ, чтобы вытащить носовой платокъ. Докторъ былъ верхомъ и, испугавшись несравненно болѣе казаковъ, помчался мимо насъ, крича «скорпіонъ укусилъ». Но «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ», и «славны бубны за горами», говорятъ народныя пословицы: укушеніе скорпіона не такъ страшно и опасно, какъ рассказываютъ путешественники; если за-

хватить во время и принять тотчас же надлежащія средства—выздоровленіе несомѣнное и скорое. Ограничивается мѣстнымъ воспаленіемъ.

20 Іюня подошли мы къ Айбугирскому заливу и расположились бивакомъ у урочища Аджибай. Но еще передъ остановкою на почлегъ, насъ встрѣтили три киргиза, возвращавшіеся изъ Хивы: два изъ нихъ были разсыльные Генераль-Губернатора, посланные изъ Оренбурга, передъ моимъ выступленіемъ въ степь, съ извѣстительнымъ письмомъ начальника края о посольствѣ въ Хиву и Бухару, а третій передовой посланецъ хивинскій, съ привѣтомъ и поклономъ отъ Азбиргена Мутантмакова—киргизскаго батыря, вышедшаго изъ нашихъ предѣловъ и проживавшаго въ ханствѣ, гдѣ онъ пользовался большимъ вліяніемъ и остался какъ-бы предводителемъ киргизскаго населенія, пребывающаго въ низовой части Аму. Азбергену, какъ близко знающему русскихъ, поручено было принять меня, вмѣстѣ съ другими чиновниками ханскими и облегчить переправу черезъ Айбугиръ. Разсыльные наши вручили мнѣ письмо отъ мехтера хивинскаго, въ которомъ этотъ сановникъ извѣщаетъ меня въ нѣсколькихъ словахъ, что мое извѣстительное письмо имъ получено и что ханъ повелѣлъ кунградскому начальнику есаулъ-баши Махмудъ-Ніазу встрѣтить съ почестями посольство и проводить черезъ Кунградъ въ Хиву. Такимъ образомъ оказалось, что я предугадалъ невозможность слѣдовать на Куня-Ургенчъ и принялъ заблаговременно самостоятельное рѣшеніе, соответствующее дѣйствительности положенія и оградившее достоинство посольства. Ясно было, что если бы мы сами не пошли бы на Кунградъ, а продолжали бы идти въ Куня-Ургенчъ, то посольство не было бы вовсе пропущено въ Хиву и подверглось, вмѣстѣ съ конвоемъ разнымъ опаснымъ случайностямъ, при безначаліи тогда царствовавшемъ и многочисленномъ скопищѣ бродячихъ туркменскихъ шаекъ. Пришлось бы или вступить въ бой съ одною изъ враждующихъ сторонъ, безъ достаточныхъ средствъ, чтобы проложить себѣ дорогу до Хивы и очутиться въ самомъ неприличномъ для посольства положеніи; или же подчиниться требованію хана и вернуться съ пути, чтобы идти на Кунградъ, давъ лишь

пищу подозрѣніямъ въ сношеніяхъ съ Ата-Мурадомъ; при этомъ еще неизвѣстно, какъ отнесся бы сей послѣдній къ появленію посольства, идущаго къ Сеидъ-Мохаммеду и уклоняющемуся отъ сношеній съ нимъ обратнымъ движеніемъ отъ Куня-Ургенча къ Айбугиру. Или, наконецъ, посольству пришлось бы, при недоразумѣніи съ хивинцами и туркменами, отказаться отъ преслѣдуемой цѣли и не дойти до Хивы, а еще менѣе проникнуть въ бухарскія владѣнія со стороны р. Аму. Изъ разспроса нашихъ разсыльныхъ видно было, что одновременное появленіе близъ Усть-Урта нѣсколькихъ отрядовъ русскихъ (посольства, конвоя Генераль-Губернатора и двухъ съемочныхъ партій), которымъ такъ дорожилъ Генераль-Адъютантъ Катенинъ, выставляя въ своихъ донесеніяхъ въ Петербургъ и въ бесѣдахъ со мною, что онъ такими стратегическими передвиженіями по степи будетъ способствовать облегченію задачи посольства и легчайшему достиженію преслѣдуемой нами цѣли, вызвало въ Хивѣ совершенно обратный результатъ и, какъ всякая полумѣра, не внушая дѣйствительнаго страха, подготовило лишь излишнія затрудненія посольству, усиливъ враждебную въ азіатцахъ недовѣрчивость и подозрительность.

Разсыльные наши прибыли 6 Іюня въ Хиву и послѣ свиданія съ мехтеромъ, которому они отдали порученное имъ письмо, они представились самому хану, который подробно и долго допытывался у нихъ о причинѣ движенія «большихъ русскихъ отрядовъ въ киргизскую степь, сопредѣльную съ хивинскими владѣніями», онъ выразилъ даже имъ подозрѣніе свое относительно недружелюбныхъ замысловъ нашихъ и опасеніе, что мы, войдя въ сношеніе съ туркменами, примемъ ихъ въ подданство русское и будемъ тогда за одно съ ними враждовать съ Хивою. Киргизы наши старались успокоить хана объясненіемъ, что Генераль-Губернаторъ долженъ былъ идти лишь до р. Эмбы по тому же пути, что посольство, а съ р. Эмбы онъ направился на Сыръ-Дарью, тогда какъ посольство слѣдовало по Усть-Урту. Желая отстранить возможность свиданія моего съ Ата-Мурадомъ и желая удостовѣриться въ дѣйствительныхъ намѣреніяхъ нашихъ относительно Хивы, ханъ рѣшился тотчасъ же предложить мнѣ

измѣнить мой маршрут и направиться не на Куны-Ургенчъ, а на Кунградъ. Къ счастью, еще до получения сообщенія мехтера, я уже послалъ увѣдомленіе мехтеру и кунградскому начальнику, что рѣшился измѣнить первоначально избранный путь и идти въ Кунградъ. Меня это совпаденіе намѣренія хана съ собственнымъ рѣшеніемъ вполне удовлетворило, доказавъ, что я своевременно, безъ ошибочно, оцѣнилъ дѣйствительное положеніе дѣла въ ханствѣ и измѣненіемъ первоначальныхъ предположеній согласилъ исполненіе главнѣйшей цѣли нашей—рекогносцировку р. Аму, съ желаніями самого Хана. Къ сожалѣнію эта первая благоприятная случайность не облегчила, какъ я былъ въ правѣ надѣяться, мнѣ послѣдующія сношенія съ хивинскимъ правительствомъ.

Разсылъные передали намъ, что дѣлаются приготовленія для почетнаго приѣма посольства: въ Кунградѣ распоряжается приѣмомъ любимецъ хана эсаулъ-баши-Мехмедъ-Ніазъ, начальникъ города; къ Айбугирскому заливу отправленъ почетный конвой изъ 100 всадниковъ; въ заливѣ заготовлены лодки, а для сопровожденія посольства въ Хиву присланъ ханомъ братъ Диванъ-беги, занимающаго должность секретаря и казначея ханскаго. Во время бытности нашихъ разсылныхъ, въ Хиву вернулся посланникъ хивинскій изъ Бухары съ посланцемъ эмира, что обозначало улучшеніе отношеній между двумя сосѣдними владѣтелями, которыхъ я долженъ былъ посѣтить. Передъ тѣмъ отношенія эти были, если не враждебны, то очень натянуты.

На бѣду 20 числа весь вечеръ и всю слѣдующую ночь дулъ сильнѣйшій сѣверо-восточный вѣтеръ, такъ что капитанъ I ранга Бутаковъ, стоявшій съ пароходомъ «Перовскимъ» на якорѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ берега, не могъ войти въ сообщеніе съ караваномъ до утра 21 Іюня. Когда онъ прибылъ на нашъ бивакъ, я представилъ ему вышеозначенныхъ трехъ лицъ, которыя съ нимъ отправились на пароходъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдалъ я не только вещи, о которыхъ было уже упомянуто, но еще пятидневное довольствіе миссіи и конвоя, для облегченія тяжести каравана и предстоящихъ намъ переправъ черезъ заливъ и рѣки, а также для сохраненія нашихъ верблюдовъ, такъ какъ

предвидѣлась необходимость побросать повозки и все необходимое переложить на выюки. Въ виду предвидѣвшихся затрудненій въ оставшейся намъ части пути, посольство должно было приготовиться ко всякимъ случайностямъ неизвѣстнаго будущаго.

За часъ до прибытія въ нашъ лагерь Бутакова, прискакалъ изъ Кунграда присланный отъ Панфилова киргизъ, съ извѣстіемъ, что посланный мой благополучно прибылъ въ Кунградъ, исполнилъ словесно всѣ мои порученія къ городскому начальству и продолжаетъ свой путь въ Хиву по правому берегу рѣки, вслѣдствіе небезопасности отъ туркменъ дорогъ по лѣвому берегу Аму. Панфиловъ подтвердилъ мнѣ извѣстіе о подозрѣніяхъ, возбужденныхъ противъ насъ между хивинцами и сообщилъ, что, предполагая въ насъ враждебныя намѣренія, прикрытыя посылкою якобы посольства къ хану, хивинцы чрезвычайно встревожились появленіемъ парохода въ южной части Аральскаго моря. Панфиловъ старался успокоить азіатцевъ, объясняя движеніе нашихъ судовъ въ указанномъ мною смыслѣ.

Было условлено, что Бутаковъ тотчасъ же, по перевозкѣ вещей на пароходъ, снимется съ якоря и пойдетъ въ устье рѣки. Я же перекочевалъ 21-го, послѣ полудня, да самой переправы черезъ Айбугиръ, на урочище Урга. Верстъ за 6 до нашего бивака, мы были встрѣчены тремя хивинскими чиновниками ⁽¹⁾, изъ которыхъ одинъ былъ нашъ бывшій киргизскій бій Азбиргенъ. Весьма характерное лицо послѣдняго обличало энергію, смѣтливость и находчивость, соединенныя съ хитростью и пронырствомъ. Первымъ принялъ ихъ сынъ Исета, ѣхавшій въ качествѣ жоака, всегда впереди нашего авангарда. Хивинцы спѣшили, завидя меня, и по азіатски оказали мнѣ полнѣйшій почетъ; но когда поѣхали со мною до бивака, то всячески старались вывѣдать у меня и у моихъ спутниковъ «истинную» цѣль посольства: не имѣемъ ли мы въ виду воспользоваться нынѣшнимъ положеніемъ ханства, чтобы дѣйствовать заодно съ туркменами, а главное (этотъ вопросъ интересовалъ въ особенности

(2) Сынъ кунградскаго губернатора, каракалпакскій князь Петлеу и киргизскій бій Азбиргенъ. При нихъ находился киргизскій бій Табынецъ Мурадъ, понимавшій немного по русски.

Азбиргена) не намѣрены ли мы принять подъ свое покровительство киргизъ и каракалпаковъ, живущихъ въ нижней части ханства, весьма многочисленныхъ, по словамъ Азбиргена, и изъ которыхъ нѣкоторая часть желала бы перекочевать въ нашу степь. Приготовленные хивинцами лодки оказались незначительныхъ размѣровъ, не надежной конструкціи и ихъ было слишкомъ мало для нашего многочисленного каравана; переправа представляла значительныя затрудненія, ибо приходилось плыть около 8 часовъ сряду, пробираясь между камышами, которыми зарастаетъ прежній морской заливъ. Тѣмъ не менѣе надо было идти впередъ и мы начали производить переправу съ утра 22 Юня. Первоначально я отправилъ половину конвоя миссіи съ лошадьми, приказавъ старшему офицеру расположиться на противоположномъ берегу залива съ военными предосторожностями, служа какъ бы прикрытіемъ для переправы всѣхъ тяжестей и остальной половины конвоя съ посольствомъ. Верблюдовъ, послѣ нѣкотораго весьма понятнаго колебанія, пришлось отдѣлать на значительное разстояніе и направить въ обходъ, по броду, находящемуся между заливомъ Айбугирскимъ и моремъ, къ устью одного изъ рукавовъ р. Аму, откуда верблюдовъ провели въ два дня, до мѣста высадки конвоя. Большую часть повозокъ, которыми посольство и конвой было такъ щедро и не практично надѣлено, а равно и частныхъ повозокъ членовъ миссіи, пришлось уничтожить, за совершенною невозможностью переправить ихъ на маленькихъ хивинскихъ лодкахъ и тащить съ собою изъ Кунграда въ Хиву. Для примѣра другимъ я приказалъ сжечь свою повозку въ первый же день переправы. Четыре изъ числа казенныхъ повозокъ, а равно всѣхъ излишнихъ упряжныхъ лошадей я отправилъ съ дополнительнымъ конвоемъ въ уральское укрѣпленіе, куда онъ долженъ былъ выступить на другой день послѣ моего перехода на противоположный берегъ Айбугира. Вслѣдъ за первую половину конвоя посольства, постепенно, но безостановочно переправлялись тяжести и вьюки нашего каравана и съ ними переходили нижніе чины и офицеры конвоя. Подъ конецъ я оставался на лѣвомъ берегу съ однимъ дополнительнымъ конвоемъ, нѣсколькими моими спутниками и 6-ю казаками,

которые должны были переправиться черезъ заливъ вмѣстѣ со мною послѣдними. Переправа наша закончилась 24, хотя она насъ порядочно задержала, но я рассчитывалъ, во всякомъ случаѣ, прибыть въ Кунградъ не позже 25 или самое позднее утромъ 26 и застать пароходъ «Перовскій» уже тамъ, т. е. въ рѣкѣ передъ городомъ. Я писалъ Е. П. Ковалевскому 24, сядя на лодку, чтобы переплыть заливъ, нижеслѣдующее: «мнѣ столько теперь хлопотъ по переправѣ миссіи, отправленію обратно добавочнаго конвоя, хозяйственнымъ расчетамъ и по сношенію съ хивинцами, что не имѣю времени писать вамъ коротко и гладко».

Мы прошли трудный путь безъ труда и особеннаго утомленія людей, лошадей и верблюдовъ. Хивинцы, насъ встрѣтившіе, удивляются блистательному нашему состоянію въ этомъ отношеніи. Утѣшаюсь мыслью, что, по крайней мѣрѣ, старанія мои облегчить слѣдованіе каравана и сохранить силу людей и лошадей увѣнчались успѣхомъ. Нашимъ благополучнымъ прохожденіемъ черезъ Усть-Уртъ ¹⁾ задача о возможности похода значительнаго отряда, съ повозками и артиллеріею, вполне рѣшена ²⁾. Если благополучно прошли 26 такихъ громоздкихъ повозокъ стараго образца, какія были мнѣ выданы въ Оренбургѣ, то пройдетъ, въ случаѣ надобности, по тому же пути и артиллерія и несравненно большій обозъ. Съ Бутковымъ мы наконецъ сошлись. Онъ надѣлалъ было мнѣ порядочныхъ хлопотъ преждевременнымъ приближеніемъ судовъ къ хивинскимъ берегамъ («Перовскій» подошелъ отъ Усть-Урта, т. е. отъ сѣверо-запада, а остальные суда съ другой стороны, т. е. р. Сыра). Лодочники на Айбугирской переправѣ были такъ напуганы появленіемъ необыкновеннаго судна, выбрасывающаго черную струю (т. е. парохода), что попрятались въ камыши и ихъ съ трудомъ могутъ собрать для нашей

¹⁾ Со времени несчастнаго похода графа Перовскаго Усть-Уртъ приобрѣлъ легендарный характеръ страшилища для оренбуржцевъ, проявившійся какъ только рѣчь заходила о необходимости когда нибудь доказать вѣроломнымъ и нахальнымъ хивинцамъ, что они не недосыгаемы для русской силы.

²⁾ Что и блистательно подтвердилось въ 1873 г. движеніемъ Оренбургской колонны, направленной на Хиву черезъ Усть-Уртъ, по маршруту, составленному посольствомъ 1858 года.

переправы. Въ Кунградѣ жители также напуганы. Мы много перетолковали съ Алексѣемъ Ивановичемъ ¹⁾ и, кажется, пойдемъ теперь рука въ руку. Ручаюсь, что съ моей стороны все будетъ сдѣлано, чтобы доставить флотилии нашей успѣхъ. Желательно, чтобы моряки наши не слишкомъ гонялись за блистательнымъ успѣхомъ и не возбудили бы недовѣріе хивинцевъ, естественно уже возбужденное странствованіемъ по степи, въ разныхъ направленіяхъ, нашихъ воинскихъ отрядовъ ²⁾. Изъ моихъ официальныхъ писемъ Ваше Превосходительство усмотрѣть изволите какъ хорошо случилось, что мнѣ удалось отдѣлиться заблаговременно отъ отряда корпуснаго командира».

Это было послѣднее письмо и послѣдняя отправка подробныхъ донесеній до самаго возвращенія моего въ Петербургъ. Съ вступленіемъ на хивинскую территорію сообщеніе затруднилось, и мнѣ пришлось довольствоваться случайными отправками краткихъ извѣщеній, переписанныхъ шифромъ. Многія экспедиціи наши, отправляемыя съ двумя киргизами, каждый о дву-конь, пропадали въ степи и на переправахъ, нѣкоторые были перехвачены хивинцами или туркменами и даже три нашихъ почтовыхъ киргиза были убиты на пути, а одинъ пропалъ безъ вѣсти.

Вотъ какъ описывалъ я отцу моему въ письмѣ отъ 28 Іюня изъ Кунграда, переѣздъ мой черезъ заливъ: «24 Іюня утромъ переправился я на хивинскій берегъ ³⁾; въ лодкѣ, убранной ковромъ, сидѣли со мною нѣсколько членовъ посольства (секретарь Кюлевейнтъ, генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Залѣсовъ, драгоманъ и докторъ), а впереди ѣхала лодка, въ которой находились, въ видѣ конвоя, 6 уральскихъ пѣсенниковъ, вооруженные бубнами и разными другими своеобразными музыкальными инструментами. Переправа черезъ

1) Бутаковъ.

2) Оказалось впоследствии, напротивъ, что Бутаковъ подвигался слишкомъ медленно впередъ и наконецъ совсѣмъ бросилъ посольство. Киргизы своими разсказами преувеличиваютъ обыкновенно все случающееся и замѣченное въ степи, а потому передвиженіе нѣсколькихъ малочисленныхъ отрядовъ было передано въ Хиву въ видѣ массоваго наступленія русскихъ, съ разныхъ сторонъ, къ предѣламъ ханства.

3) Ширина Айбугира въ мѣстѣ, избранномъ для переправы, около 80 верстъ.

мнимо-морской Айбугирскій заливъ имѣетъ особенный отпечатокъ. 8 часовъ сряду плыли мы между двумя зелеными стѣнами, образованными камышами. Жара была невыносимая (32° Р. въ тѣни), мошекъ и комаровъ множество. Подъѣзжая къ берегу, завидѣли мы кибитки нашего лагеря, выстроенный конвой мой и хивинскій пестрохалатный конвой, меня ожидавшій. Члены посольства, переправившіеся прежде, встрѣтили насъ у самой пристани; я сѣлъ верхомъ, подъѣхалъ къ моему конвою и, не ранѣе, какъ поздоровавшись съ нашими молодцами и проѣхавъ по ихъ фронту, направился къ тремъ почетнымъ хивинскимъ особамъ, высланнымъ для нашей встрѣчи, съ 100 конными халатниками. Проѣхавъ, по нашему обычаю, вдоль фронта ордынскаго конвоя, сказалъ я хивинцамъ привѣтственную рѣчь, переведенную по татарски и вступилъ въ свой лагерь. Переправа была затруднена и усложнена нераспорядительностью и безтолковостью хивинскихъ чиновниковъ, а также боязнью лодочниковъ, неоднократно наотрѣзъ отказывавшихся перевозить насъ. Такимъ образомъ мы только 26 вечеромъ окончили вполнѣ переправу всѣхъ нашихъ тяжестей и необходимыхъ принадлежностей. Мы такъ привыкли къ ежедневному походному движенію, что оставаться на мѣстѣ безъ дѣла было очень скучно и я себя не хорошо чувствовалъ на стоянкѣ. 25 принималъ я у себя и угощалъ хивинскихъ чиновниковъ и почетнѣйшихъ лицъ изъ числа конвоя. Угощеніе закончилось лишь тогда, когда я одарилъ, по мѣстному обычаю, всѣхъ присутствующихъ сахарными головами (предъ каждымъ обязательно должна быть поставлена сахарная голова, ему предназначенная) и разными вещами.

Лишь 27 (въ 5 ч. утра) могли мы тронуться далѣе. Съ самымъ малочисленнымъ конвоемъ казаковъ и окруженный толпою хивинскихъ всадниковъ, поѣхалъ я впередъ и прибылъ къ мѣсту ночлега, назначеннаго близъ аула и сада Азбиргена, за 2½ часа до прибытія нашего каравана. Дорогою хивинскіе всадники старались развлечь насъ ристаніемъ на своихъ быстрыхъ и легкихъ коняхъ, охотою на кабановъ, рыскающихъ по камышамъ, и т. п. Садъ Азбиргена произвелъ на всѣхъ насъ самое пріятное впечатлѣніе. Первая тѣнь и пер-

вые плоды, послѣ 6-ти недѣльнаго степного странствованія! Какъ то душа отдохнула при видѣ пирамидальныхъ тополей и абрикосовыхъ деревьевъ. Для насъ была разбита палатка у пруда. Напившись зеленого чая, поданнаго въ полоскательныхъ русскихъ чашкахъ, наѣвшись фруктовъ и разныхъ хивинскихъ кушаній, я возвратился къ каравану нашему, какъ только онъ расположился бивакомъ. Не вообразите себѣ, что показавшіеся намъ въ первую минуту очаровательными хивинскіе сады, въ самомъ дѣлѣ, восхитительны. Они въ родѣ нашихъ огородовъ, обсаженныхъ деревьями, но такими, которыхъ у насъ на сѣверѣ нѣтъ. Хорошее и дурное, прекрасное и гадкое—понятія относительныя, смотря по «освѣщенію» времени и обстановкѣ. 28-го шли мы между полей, луговъ, канавъ, рощей и фруктовыхъ садовъ въ странѣ населенной и очень обработанной. Въ 11 ч. утра прибыли въ Кунградъ. Мы пріодѣлись и съ пѣснями вошли въ городскія ворота. На р. Эмбѣ купилъ я у киргизовъ очень порядочную и статную лошадь, собственно для торжественныхъ въѣздовъ. Безпрестанные визиты, а также необходимость сдѣлать много распоряженій для дальнѣйшаго нашего слѣдованія, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ (вслѣдствіе отсутствія Бутакова и невозможности оставаться долго на мѣстѣ), прерываютъ мою заочную бесѣду съ вами. Урывками сажусь въ свою темную каморку въ глиняномъ дворцѣ ханскомъ,—составляющую теперь якобы мой кабинетъ, а обычно одинъ изъ наилучшихъ апартаментовъ хивинскаго владѣнія (французы бы сказали *salon de réception de Sa Majesté Chivienne*),—чтобы сказать вамъ, что 29 ¹⁾, несмотря на все мрачное расположеніе духа, отпраздновали мы какъ бы семейно. Всѣ члены посольства, офицеры и юнкера (ихъ у меня три) конвоя, пришедшіе поздравить меня съ днемъ Вашего ангела, обѣдали у меня и пили за Ваше здоровье. Для нижнихъ чиновъ, также не забывшихъ меня поздравить при утреннемъ моемъ обходѣ отряда, зарѣзали цѣлаго быка и роздали вина. Вслѣдствіе трогательнаго вниманія Мияти ²⁾,

¹⁾ День именинъ отца.

²⁾ Камердинеръ, Дмитрій Харламовъ Скачковъ, прослужавшій мнѣ съ 1849 до 1878 г. и котораго, вполнѣдствіи, семейство мое считало какъ бы за роднаго.

проснувшись утромъ я увидѣлъ возлѣ постели, на складномъ стулѣ, портреты Вашъ и всей семьи.

Подходя къ Кунграду ¹⁾ я былъ убѣжденъ, на основаніи всевозможныхъ неоднократныхъ завѣреній Бутакова, что найду пароходъ «Перовскій» въ рѣкѣ, передъ городомъ и, по расчету времени, необходимаго для плаванія даже съ большими остановками отъ Акъ-суата до Кунграда, опасаясь скорѣе опоздать и задержать слишкомъ долго плаваніе парохода невольною медленностью нашего передвиженія изъ Урги, чѣмъ предупредить Бутакова въ пунктѣ, назначенномъ для нашего соединенія, и лишиться надежды съ нимъ свидѣться.

При разставаніи съ Бутаковымъ въ Акъ-суатѣ, я, для предупрежденія какихъ либо недоразумѣній, далъ начальнику нашей Аральской флотиліи форменное предписаніе, въ дополненіе всѣхъ бывшихъ съ нимъ словесныхъ объясненій и соглашеній. Предписаніе это (отъ 20 Іюня) извѣщало его, что въ измѣненіе Высочайше утвержденнаго положенія комитета о дѣйствіяхъ Аральской флотиліи и посольства мнѣ ввѣреннаго, по коему предполагалось судамъ нашимъ войти въ р. Аму *не иначе* какъ съ предварительнаго согласія Хивинскаго хана ²⁾, я рѣшился ввести суда въ рѣку для выигрыша времени и въ виду могущаго послѣдовать отказа хана.

Всего важнѣе намъ было, конечно, не пропустить нынѣшній случай для изслѣдованія нижней части рѣки до г. Кунграда, чтобы

¹⁾ На половинѣ пути къ Кунграду выѣхали къ миссіи, съ поклономъ отъ хана, сборщикъ податей и таможенный чиновникъ. Они объявили, что приславы узнать какого рода тяжести везетъ съ собою посольство. Такъ какъ между хивинцами распространился слухъ, что везутся скрытно пушки, то зякети желалъ осмотрѣть выюки. Ему было категорически отказано съ ссылкой на международный обычай, въ силу котораго посольское имущество нигдѣ не подлежитъ осмотру. Тогда хивинцы стали просить, чтобы русскіе обозначили сами какія именно вещи находятся въ ихъ караванѣ и, получивъ подарки и краткую опись, вернулись въ Кунградъ.

²⁾ Постановленіе комитета не соответствовало мѣстнымъ обстоятельствамъ, характеру азіатскаго владѣтеля и сношеній нашихъ съ Хивою; я тотчасъ же убѣдился въ неисполнимости оного. Если бы дожидаться предварительнаго согласія хана, то ни одно русское судно никогда бы не показалось въ Аму-Дарѣ и во всякомъ случаѣ переговоры предварительные такъ затянулись бы, что согласіе могло бы получиться лишь когда по мелководью или наступленію зимы плаваніе парохода сдѣлалось бы невозможнымъ и не достигло бы цѣли.

удостовериться, можно ли рассчитывать на плавание наших судовъ въ рѣкѣ или нѣтъ. Я убѣждалъ Бутакова не терять времени ¹⁾ на предположенную имъ предварительную рекогносцировку устья, что могло лишь взбудоражить преждевременно хивинцевъ и вызвать лишь большія препятствія къ дальнѣйшему плаванію нашихъ судовъ. Хотя на основаніи прежнихъ свѣдѣній, доставленныхъ Бутаковымъ въ Петербургъ, рѣшено было, что суда должны были вступить въ главный Талдыкскій рукавъ, но, въ виду дошедшихъ до насъ свѣдѣній, что главное теченіе измѣнилось и направилося преимущественно въ восточный рукавъ, отдѣляющійся отъ прежняго русла выше г. Кунграда, я разрѣшилъ Бутакову направиться съ двумя судами по этому рукаву, съ тѣмъ, чтобы, дойдя по оному до соединенія съ главнымъ русломъ Аму, тамъ остановиться и войти въ сношеніе съ посольствомъ для полученія извѣщенія о нашемъ слѣдованіи, съ которымъ флотилія весьма естественно должна была сообразоваться. Въ предписаніи было сказано, что «во всякомъ случаѣ плаваніе должно быть такъ рассчитано, чтобы пароходъ «Перовскій» прибылъ къ Кунграду не ранѣе 25 и отнюдь не позже утра 26 *Июня*, а если онъ броситъ якорь выше г. Кунграда по рѣкѣ, то 27, т. е. по расчету времени прибытія миссіи въ окрестности мѣста Вашей стоянки».

Относительно плаванія по р. Аму, я просилъ начальника флотиліи придерживаться слѣдующаго:

1) Сообразовать движенія судовъ съ содержаніемъ сообщеннаго ему письма моего Кунградскому начальнику, для того, чтобы отклонить подозрѣнія и чтобы доставленіе подарочныхъ вещей хану могло служить основательнымъ предлогомъ непріятнаго для хивинцевъ появленія нашихъ судовъ.

2) Не обращая вниманія на попытки туземцевъ задержать флотилію и даже на ихъ непріязненные дѣйствія, плыть безостановочно къ г. Кунграду, или къ пункту соединенія восточнаго рукава съ

¹⁾ Въ виду того, что флотилія запоздала выходомъ въ море и мы рисковали упустить благоприятное поноводіе, приходившее къ концу.

главнымъ русломъ Аму, для точнаго исполненія условленной программы.

3) Въ случаѣ officialнаго требованія остановки парохода хивинскимъ чиновникомъ, предъявить заготовленное мною на этотъ случай предписаніе касательно доставки хану драгоценныхъ подарочныхъ вещей отъ Государя, объявить, что безъ моего разрѣшенія никакая проволочка допущена быть не можетъ и тотчасъ меня извѣстить чрезъ нарочнаго.

4) Въ случаѣ крайности, при невозможности продолжать плаваніе на «Перовскомъ», согласиться на доставку подарочныхъ вещей на хивинскихъ лодкахъ, но подъ предлогомъ охраненія первыхъ отправить съ ними не только штабъ-капитана Салацкаго, но морского офицера съ двумя матросами для обозрѣнія рѣки и изслѣдованія фарватера.

5) Пользуясь случаями отправленія ко мнѣ нарочнаго съ донесеніемъ штабъ-капитана Салацкаго о встрѣченныхъ затрудненіяхъ при плаваніи, прислать топографа Недорѣзова, посаженнаго мною съ этою именно цѣлью на пароходъ, для доставленія ему возможности сдѣлать глазомѣрную съемку или очеркъ топографической мѣстности, по которой онъ будетъ проѣзжать. Для того, чтобы лучше согласовать движенія каравана съ плаваніемъ судовъ и наши съемки съ морскими изслѣдованіями, я просилъ Бутакова, въ заключеніе предписанія, доставить мнѣ, на основаніи всѣхъ собранныхъ имъ, во время многолѣтняго пребыванія въ фортѣ № 1, данныхъ касательно Аму, программу предстоящихъ дѣйствій въ нынѣшнюю навигацію судовъ его флотиліи и инструкцію, которою онъ предполагаетъ снабдить морского офицера, въ случаѣ посланія его на хивинскихъ лодкахъ, на соединеніе со мною. Къ сожалѣнію ни этой программы, ни инструкціи для рекогносцировки рѣки Бутаковъ никогда не доставилъ посольству. Въ увѣренности, что Бутаковъ выполнитъ условленное между нами, я 20 *Июня*, т. е. тотчасъ послѣ свиданія съ нимъ, отправляя письма къ Мехтеру и къ Кунградскому начальнику, извѣстилъ хивинскихъ сановниковъ, что «по невозможности провести сухопутнымъ» въ цѣлости нѣкоторые громоздкія подарочныя

вещи, посланные Государемъ хану, а также нѣкоторыя тяжести посольства, могущія быть доставленными до Хивы безвредно лишь водою, я вынужденъ былъ нагрузить ихъ на два нашихъ судна, «плавающихъ» обыкновенно по Аральскому морю и отправилъ при нихъ двухъ изъ моихъ чиновниковъ, которымъ предписано подняться по р. Аму до ближайшаго къ Хивѣ удобнаго мѣста для выгрузки вещей; я просилъ выслать на встрѣчу судовъ хивинскаго чиновника «для ихъ сопровожденія по рѣкѣ, съ цѣлью безпрепятственнаго слѣдованія выше г. Кунграда». Кунградскому начальнику я старался внушить, въ письмѣ моемъ, нѣкоторыя опасенія принять на себя отвѣтственность за недружелюбные поступки кого либо изъ мѣстныхъ жителей въ «отношеніи нашихъ двухъ чиновниковъ и судовъ, на которыхъ они находятся» и просилъ принять ихъ «какъ слѣдуетъ, т. е. привѣтливо и дружелюбно», оказывать всякое содѣйствіе къ безостановочному плаванію по рѣкѣ судовъ и къ безпрепятственному сообщенію между ними и мною. Я украсилъ эти письма, разумѣется, цвѣтами восточнаго краснорѣчія. Въ письмѣ Мехтеру я распространился нѣсколько, — съ цѣлью сократить предстоящее мнѣ пребываніе въ Хивѣ, — на счетъ необходимости мнѣ поспѣшить въ Бухару и для сего проплыть по Аму-Дарьи, чтобы избѣгнуть труднаго перехода, въ лѣтнее и раннее осеннее время, безводныхъ песковъ Кизиль-кума. Въстѣ съ тѣмъ, чтобы отвести отъ нихъ подозрѣніе въ союзѣ нашемъ съ туркменами, я выразилъ сожалѣніе по поводу слуховъ, переданныхъ мнѣ встрѣтившимся караваномъ изъ Хивы, о военныхъ дѣйствіяхъ, происходящихъ близъ Буны-Ургенча и, намекнувъ на расположеніе Ата-Мурада, свидѣться со мною, а туркменъ принять русское подданство, — я заверилъ Мехтера о пріязненномъ расположеніи Государя Императора къ хану Сеидъ-Мохамеду и что я, для избѣжанія сношеній съ Ата-Мурадомъ и выясненія туркменамъ добрыхъ нашихъ отношеній съ Хивою, отказываюсь отъ слѣдованія на Буна-Ургенчъ и, предпочитая болѣе трудный путь на Кунградъ, озабочиваюсь единственно безпрепятственнымъ и сохраннымъ доставленіемъ на судахъ нашихъ подарковъ хану.

Разставаясь съ Бутаковымъ, послѣ передачи на пароходъ нашего груза, я выдалъ ему, — на случай объясненій съ хивинскими властями и какихъ либо препятствій отъ мѣстныхъ жителей, при плаваніи судовъ нашихъ вверхъ по р. Аму, — письменный видъ на русскомъ и татарскомъ языкахъ, въ которомъ было сказано, что «предъявителямъ сего двумъ довѣреннымъ русскимъ чиновникамъ поручено доставить водою въ Хиву подарки Императора хану, и такъ какъ упомянутыя вещи могутъ быть доставлены безвредно только водою, то я прошу всѣхъ хивинскихъ мѣстныхъ властей оказывать полное содѣйствіе для безпрепятственнаго и безостановочнаго плаванія по р. Аму двухъ русскихъ судовъ, принимать чиновниковъ дружелюбно, соотвѣтственно пріязненнымъ сношеніямъ, существующимъ между Россією и Хивою, а также содѣйствовать отправленію съ судовъ извѣщеній ко мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я могъ слѣдить за ихъ плаваніемъ и сообщать имъ свои приказанія, сообразно съ желаніями хана, который уже поставленъ обо всемъ въ извѣстность». Бутакову оставалось только идти смѣло впередъ, вверхъ по рѣкѣ, не обращая вниманія на попытки остановить нашъ пароходъ и, въ случаѣ появленія на лодкахъ хивинскихъ чиновниковъ, предъявлять данный мною видъ и ссылаться на сообщенія мои къ Кунградскому начальнику и Мехтеру, не входя ни въ какія излишнія объясненія, которыя могли бы только усложнить и запутать дѣло. Все заключалось въ выигрышѣ времени и въ скорѣйшемъ приходѣ въ Кунградъ. Если бы пароходъ, — какъ предполагалось и какъ по всѣмъ расчетамъ считалось возможнымъ, — пришелъ бы своевременно, то успѣхъ нашей экспедиціи можно бы считать обеспеченнымъ. Опозданіе парохода разстраивало всѣ соображенія и подрывало все основаніе дальнѣйшихъ дѣйствій посольства въ Хивѣ. Для объясненія въ глазахъ хивинцевъ вступленія нашихъ судовъ въ Аму и уменьшенія довольно основательныхъ подозрѣній ихъ, что посольство служить лишь отводомъ глазъ для экспедиціи нашихъ военныхъ судовъ, проникающихъ въ сердцевину ханства, моряки, въ сообщеніяхъ нашихъ хивинцамъ, — отодвигались, какъ бы, на второй планъ, о присутствіи же начальника флотиліи умалчивалось, и весь центръ тяжести

переносился на подарочныя вещи и двухъ членовъ посольства, при нихъ состоящихъ». Странно, что такой образованный, опытный и умный человекъ, какъ Бутаковъ, никакъ не могъ помириться съ такою обстановкою и все хотѣлъ продолжать играть роль начальника флотиліи, какъ въ Аральскомъ морѣ, когда онъ подошелъ къ устью Талдыка съ 2 судами, такъ и въ рѣкѣ.

Несмотря на почетную встрѣчу въ Кунградѣ, положеніе миссіи сразу сдѣлалось чрезвычайно затруднительнымъ, вслѣдствіе непріятія парохода «Перовскаго», переполоха въ низовьяхъ Аму, усиленнаго пушечными салютами флагу начальника флотиліи, выкинутому на «Перовскомъ» при приближеніи «Обручева» и двухъ баржъ; и разныхъ безтактностей при сношеніяхъ нашихъ моряковъ съ хивинцами, при плаваніи въ устьѣ, а главное по поводу непредвидѣннаго обстоятельства, извратившаго въ глазахъ подозрительныхъ азіатцевъ характеръ посольства, пришедшаго изъ Россіи. Обстоятельство это было дружественное письмо къ туркменамъ отъ имени Оренбургскаго Генераль-Губернатора, перехваченное хивинцами и доставленное Сеидъ-Мохамеду. Вотъ что писалъ я (шифромъ) директору Азіатскаго Департамента: «Любезное письмо, посланное по приказанію Оренбургскаго Генераль-Губернатора туркменамъ, перехвачено ханомъ хивинскимъ, который почелъ сіе уликою къ двойственности нашихъ дѣйствій. Изъ четырехъ киргизъ, везшихъ это письмо, трое схвачены и приведены къ хану, а четвертый спасся и пробрался ко мнѣ съ жалобою на хивинцевъ».

Необычайное многолюдство моего каравана, одновременное движеніе по степи Генераль-Губернатора и военно-съемочнаго отряда, встрѣтившагося со мною на Усть-Уртѣ, преувеличенные рассказы киргизъ и т. п. до того встревожили хана, что онъ сталъ собирать войско, ожидая со дня на день нашего нападенія совмѣстно съ туркменами. Еще болѣе необычайное появленіе нѣсколькихъ судовъ нашихъ у устья Талдыка и затѣмъ вступленіе двухъ изъ нихъ въ рѣку усилило дурное впечатлѣніе и опасенія хивинцевъ. Очевидно, что при такомъ положеніи дѣлъ скорѣйшее свиданіе и личное объясненіе съ ханомъ становилось совершенно необходимымъ. Слѣ-

довало торопиться прибытіемъ въ Хиву, остановиться въ Кунградѣ на неопредѣленное время было невозможно; это могло лишь усилить и оправдать, въ глазахъ азіатцевъ, уже возбужденныя подозрѣнія. Желая однако же выяснить нѣсколько обстоятельствъ, которыя, по доходившимъ до насъ слухамъ, казались весьма смутными, и добиться положительныхъ извѣстій съ парохода, я медлилъ, сколько приличіе позволяло, нашимъ дальнѣйшимъ выступленіемъ и остался въ такомъ неопредѣленномъ положеніи почти трое томительныхъ сутокъ, съ утра 28 до утра 1 Іюля. Отъ имени хана хивинскаго Есаулъ-баша и хивинскіе чиновники, назначенные для сопровожденія посольства, настойчиво просили съ одной стороны не мѣшкать болѣе и удовлетворить ожиданіямъ Сеидъ-Мохамеда скорѣйшимъ выступленіемъ въ Хиву, а съ другой требовали, чтобы подарочныя вещи, сложенные на пароходѣ, были выгружены въ устьѣ на хивинскія барки, для дальнѣйшаго слѣдованія. По доходившимъ до насъ, съ разныхъ сторонъ, свѣдѣніямъ, оказывалось, что пароходъ нашъ пытался входить въ различные рукава Аму; сигнальные и салютационные выстрѣлы съ флотиліи, собравшейся у устья Талдыка, а равно и изысканія, зондировки, производившіяся съ парохода «Перовскій», надѣляли тревогу не малую и навели на всѣхъ сомнѣніе и недоумѣніе. Съ 22 числа по 1 Іюля, т. е. цѣлыхъ восемь дней, «Перовскій» гдѣ то пропадалъ для насъ, и разъ, что онъ въ недѣлю времени не дошелъ до Кунграда, ни что не обезпечивало, что онъ вскорѣ достигнетъ цѣли и до насъ дойдетъ. Въ такомъ положеніи я долженъ былъ принять наконецъ предложеніе хивинцевъ. По собраннымъ въ городѣ чрезъ нашихъ киргизовъ и сына Исета свѣдѣніямъ, а также изъ объясненій съ хивинскими чиновниками оказалось, что по причинѣ сильныхъ разливовъ нынѣшняго года и бродящихъ туркменскихъ шаекъ нѣтъ никакой возможности идти съ такимъ тяжелымъ караваномъ, какъ нашъ, по лѣвому берегу рѣки, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются переправы черезъ ирригаціонные каналы и т. п. По правому же берегу путь неудобенъ вслѣдствіе двухъ переправъ черезъ р. Аму и моровой язвы, уничтожающей верблюдовъ. Хивинскіе чиновники первоначально предлагали мнѣ идти

по правому берегу рѣки. Но я объявилъ, что идти сухопутно налегкѣ, оставивъ не только тяжести ¹⁾, но даже кибитки на баркахъ въ р. Аму, при затруднительности и неизвѣстности для насъ сего пути и необходимости отпустить верблюдовъ, довольствуясь конскими выюками, я не могу. Хивинцы жаловались на недостатокъ лодокъ для поднятія всего каравана нашего съ 182 лошадьми, при трудности 14-ти-дневнаго плаванія на баркахъ съ бечевою тягою.

29 Іюня вечеромъ, былъ у меня съ визитомъ начальникъ города Есаулъ-баши, и его высокомерный тонъ его рѣчей не предвѣщалъ ничего хорошаго ²⁾. Пришлось на другой день сдѣлать распоряженіе, согласно желаніямъ лицъ, командированныхъ ханомъ для препровожденія посольства. Лошади наши и часть конвоя съ 10 одnogорбыми верблюдами, менѣе подверженными приступу моровой язвы, подъ начальствомъ Уральскаго офицера Бородина, должны были отправиться правымъ берегомъ р. Аму, большими обходами въ Хиву, но при непремѣнномъ обязательствѣ хивинцевъ доставить ихъ въ 8 дней въ Ургенчъ (близъ Хивы), гдѣ они должны были насъ дожидаться и не удаляться отъ берега р. Аму ³⁾. Члены посольства, вмѣстѣ со мною, со всѣми тяжестями и другою половиною конвоя размѣстились на 7 баркахъ къ вечеру 30 и на другой день поплыли вверхъ по рѣкѣ, съ помощью багровъ и веселъ хивинскихъ лодочниковъ (человѣкъ отъ 5 до 7 на каждой баркѣ). Тѣмъ болѣе приходилось согласиться на такое крайне неудобное и опасное раздѣленіе нашего малочисленнаго отряда, что продолжать караванное движеніе не оказывалось возможнымъ. Верблюдовъ приходилось распустить, считая нашихъ верблюдовозокъ. Начальникъ конвоя и даже нашъ караванъ-баши заявили мнѣ, что если бы, понадѣявшись на нашихъ верблюдовъ и продолжая вопреки хивинцамъ, какъ я вначалѣ намѣренъ былъ

1) Касса посольства и подарочныя вещи не могли быть ни въ какомъ случаѣ посланы на баркахъ, безъ посольства и достаточнаго конвоя, а это были самыя тяжелыя вещи въ нашей поклажѣ.

2) Онъ не могъ скрыть своихъ подозрѣній и недовѣрія къ мирной цѣли посольства, упорно настаивая на безотлагательномъ отправленіи его въ г. Хиву.

3) Условія этого хивинцы не соблюли и коварно завели русскій отрядъ въ непроходимую мѣстность, измучивъ людей и лошадей.

сдѣлать, идти караваномъ по прежнему, то я могъ быть вынужденъ побросать дорогою большую часть нашихъ тяжестей. Такимъ образомъ пришлось намъ, не доходя еще до Хивы, сначала отказаться отъ повозокъ и уничтожить или отослать обратно, а теперь приходилось разстаться намъ и съ Оренбургскими верблюдами нашими, тѣмъ болѣе, что по единственному пути, по которому хивинцы (изъ опасенія туркменскихъ шаякѣ) насъ соглашались провести, переправы черезъ каналы, разливы и рукава рѣки были такъ часты и затруднительны (что испытала часть нашего конвоя, крайне бѣдствовавшая во время своего странствованія), что, по собраннымъ свѣдѣніямъ, почти невозможно было бы провести караванъ нашъ въ полномъ составѣ. Отказаться отъ достиженія цѣли нашей посылки въ Среднюю Азію я ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ и твердо рѣшился идти впередъ, преодолевая всѣ препятствія. Причины, вынудившія меня отплыть изъ Кунграда 1 Іюля на крайне неудобныхъ, открытыхъ простыхъ хивинскихъ баркахъ, не ожидая долѣе «Перовскаго», были слѣдующія:

1) Убѣжденіе, что если Бутаковъ такъ запоздалъ, то онъ несомнѣнно встрѣтилъ въ неизвѣстномъ ему восточномъ рукавѣ непреодолимыя препятствія и уже вовсе не придетъ въ Кунградъ, куда онъ самъ вызвался дойти непремѣнно 24 или самымъ позднимъ срокомъ въ утро 25.

2) Настойчивыя просьбы Есаулъ-баши и присланнаго изъ Хивы, въ качествѣ пристава миссіи, Диванъ-беги и, наконецъ, выраженное ими 30 личное приглашеніе хана мнѣ сѣсть на приготовленныя барки и безотлагательно продолжать свое путешествіе въ Хиву, полученное въ Кунградѣ по ихъ словамъ, съ нарочнымъ 30 утромъ. Начальникъ города, при свиданіи со мною, даже выразилъ мысль, что не можетъ, молъ, быть, чтобы посланникъ, ѣдущій къ хану, не отвѣтилъ согласіемъ на личное приглашеніе его ускорить прибытіе въ столицу, для скорѣйшаго съ нимъ свиданія, и сталъ дѣйствовать на перекоръ владѣтелю, что было бы сочтено за открытую неприязненность. Вообще Есаулъ-баши сдѣлался, съ утра 30, непріятель, высокомеренъ и даже дерзокъ въ отношеніи къ намъ, такъ что мнѣ пришлось его въ разговорѣ осадить, но онъ не унимался, заявляя громко

своимъ приближеннымъ ¹⁾, что напрасно, молъ, посланникъ ожидаетъ парохода; «онъ не дойдетъ, и это одинъ предлогъ, чтобы остаться подольше въ Кунградѣ. Это уже не дружба, а что то другое и скорѣе коварство со стороны Русскихъ». Настроение жителей въ городѣ, какъ намъ передавали киргизы, становилось непріязненное. Ничего не хотѣли продавать нашимъ людямъ, ссылаясь, что не смѣютъ, такъ какъ мы гости ханскіе и Есаулъ-баша запретилъ» подъ предлогомъ гостепріимства. Впослѣдствіи я жаловался хану и его сановникамъ на грубость и безтактность Есаулъ-баши, но очевидно, что ему приказано было не давать намъ заживаться въ Кунградѣ.

3) Такъ какъ инструкцію, Высочайше утвержденною, я обязанъ былъ исключительно одними лишь мирными путями изслѣдовать, по возможности, р. Аму и отнюдь не ссориться съ Хивою, то необходимо было опровергнуть нашимъ отъѣздомъ молву, распространившуюся въ народѣ, что, прійдя въ Кунградъ, я намѣренъ, подъ разными предлогами, обождать прибытіе поддержаній и военныхъ судовъ, чтобы захватить городъ и открыть военныя дѣйствія.

4) Желаніе предупредить моимъ скорѣйшимъ прибытіемъ въ Хиву развитіе всѣхъ дурныхъ слуховъ, ходившихъ о Россіи въ Ханствѣ и послѣдствія неблагоприятныхъ извѣстій, сообщенныхъ Хивинскими чиновниками, о дѣйствіяхъ Бутакова въ устьѣ. Чиновники, посланные къ устью слѣдить за нашими судами, доносили о пальбѣ изъ орудій 24-го, о посылкѣ развѣдочныхъ партій—вѣроятно для зондировокъ и разспросовъ—и наконецъ о какихъ то неумѣстныхъ отвѣтахъ, данныхъ имъ съ «Перовскаго», усилившихъ раздраженіе и опасеніе азіатцевъ.

5) Убѣдясь, что отъ Есаула-баши толку не доберешься и что съ нимъ при его грубости, необразованности и нахальствѣ можно лишь вызвать безповоротное столкновение, я намѣренъ былъ попытаться испросить лично у самого хана позволеніе для нашихъ судовъ войти въ рѣку. Желательно было не терять времени напрасно въ Кунградѣ и

¹⁾ Это сообщалъ, между прочимъ, Азбиргенъ нашему драгоману, заявивъ въ то же время сыну Исета готовность вернуться въ русское подданство.

воспользоваться еще разливомъ, пока вода не совсѣмъ спадетъ въ рѣкѣ, тѣмъ болѣе, что встрѣченныя Бутаковымъ препятствія и имъ непредвидѣнныя для вступленія въ устье, доказывали необходимость для нашей флотиліи пройти по рѣкѣ и выбраться изъ оной, пока баръ, при входѣ въ устье еще не совсѣмъ обмелѣетъ, что могло случиться къ концу Іюля и въ началѣ Августа, какъ утверждали жители.

6) Нездоровое, дурное, сырое и крайне стѣсненное положеніе посольства и конвоя, въ землянкахъ и на дворахъ Кургградскаго дворца, сразу повліяло на здоровье людей и лошадей, привыкшихъ къ свѣжему, степному воздуху; лошади въ 2 дня похудѣли, а люди опустились и стали болѣть (поносами). Доктора умоляли меня вывести конвой на чистый воздухъ, предсказывая развитіе болѣзней.

7) Желаніе скорѣе выдти изъ глупаго, неопредѣленнаго положенія, въ которомъ очутилось посольство въ Кунградѣ и которое могло продолжаться, въ случаѣ неуспѣха Бутакова, неопредѣленное время, такъ долго, что впослѣдствіи исправить отношенія къ хивинскому правительству оказалось бы невозможнымъ.

8) Отправивъ лошадей, съ частью конвоя въ Хиву, чрезъ городъ Ургенчъ (близъ Хивы), куда они по увѣренію чиновниковъ и вожаковъ должны были прибыть уже черезъ 8 дней, я опасался ихъ оставить безъ себя и подвергнуть гибели, если задержусь въ Кунградѣ, тогда какъ они углубятся въ страну и будутъ совершенно въ рукахъ хивинцевъ, безъ всякаго руководства въ сношеніяхъ съ послѣдними.

Диванъ-беги и Есаулъ-баша клялись что мы увидимся съ отрядомъ нашимъ на правомъ берегу р. Аму черезъ три дня. Такимъ образомъ, даже поддавшись по необходимости ухищреніямъ Хивинцевъ, склонявшихся къ раздробленію нашихъ силъ, я надѣялся оставаться хозяиномъ дальнѣйшихъ движеній нашихъ, ибо въ случаѣ подтвержденія, въ теченіи предстоявшихъ трехъ сутокъ, неблагоприятныхъ для безопасности вѣреннаго мнѣ посольства извѣстій, доходившихъ до насъ, со времени прибытія въ Кунградъ,—относительно распоряженія и намѣреній хивинцевъ, бухарскаго эмира и туркменскихъ пашекъ,—я могъ, воссоединившись съ лошадьми и конвоемъ, остановиться, высадиться на правый берегъ и свободно принять мѣры,

чтобы не идти въ Хиву, а повернуть на р. Сырь, возложивъ всю отвѣтственность на хивинское правительство, по поводу коварныхъ и неприличныхъ дѣйствій Есаулъ-баши, Мехтера и ихъ чиновниковъ. А каковы эти тревожные слухи были, свидѣтельствуется слѣдующее донесеніе, посланное изъ Кунграда шифромъ директору Азіатскаго Департамента: «Власти хивинскія сообщаютъ, что эмиръ бухарскій объявилъ Россіи войну, отрѣзавъ уши разсылнымъ киргизамъ нашимъ, прибывшимъ съ извѣстительнымъ письмомъ начальника края о посольствѣ, прислалъ посланца въ Хиву и собирается захватить миссію нашу силою на пути, сговариваясь о томъ съ ханомъ. Не вѣрю, предполагая, что хотятъ напугать и сдѣлать меня сговорчивымъ. Медлю для выигранія времени и выясненія обстоятельствъ съ флотиліею, но иду впередъ. Миссія садится въ Кунградъ на хивинскія барки. 29 Іюня 1858 г.»

Еще при самой переправѣ нашей черезъ Айбугиръ чиновники, назначенные для нашего приѣма, утверждали, что бухарскій эмиръ возвратилъ караваны свои ¹⁾, шедшіе въ Россію, и объявилъ намъ войну, о чемъ прислано, будто бы, мнѣ извѣщеніе отъ начальника Казалинскаго форта (№ 1) съ нарочными киргизами, ожидающими меня въ Хивѣ, какъ хану сдѣлалось извѣстнымъ. Я выслушивалъ эти росказни хладнокровно, не показывая виду Хивинцамъ, что тревожусь за участь посольства. Во время пребыванія нашего въ Кунградъ такія же вѣсти были мнѣ, — подъ видомъ участія и желанія оказать услугу, — сообщены Есаулъ-баши и Диванъ-беги, съ добавленіемъ, что посольству будетъ угрожать величайшая опасность, если мы изъ Хивы не вернемся въ Россію тѣмъ же путемъ, а вздумаемъ, несмотря на дурныя намѣренія эмира, направиться въ Бухару.

Всѣ собранныя, чрезъ Исета, Азбиргена и нѣсколькихъ лазутчиковъ изъ киргизъ и Каракалпаковъ свѣдѣнія въ г. Кунградъ, согла-

¹⁾ Такъ какъ эмиръ, точно также какъ и ханъ хивинскій посылалъ за свой собственный счетъ торговые караваны въ Россію, то самымъ вѣрнымъ признакомъ непріязненныхъ дѣйствій и первымъ вѣстникомъ разрыва считалось послѣднее отозваніе владѣтелями принадлежащихъ имъ лично каравановъ. Своимъ добромъ они рискуютъ не хотѣли, а о своихъ подданныхъ не заботились.

совались въ слѣдующемъ: хивинцы были сильно встревожены въ началѣ Іюня мѣсяца движеніями нашихъ отрядовъ по степи, извѣстіями, полученными ими съ р. Сыра о «военныхъ приготовленіяхъ» флотиліи, нагрузки на нее провіанта и даже «дессанта» ¹⁾ и сношеніями Генералъ-Губернатора съ туркменами, начавшимися на р. Эмбѣ приѣмомъ ихъ депутаціи. Предположивъ, что мы дѣйствуемъ за одно съ туркменами и что мирная миссія служить только предлогомъ для вступленія русскаго передоваго отряда въ предѣлы ханства, ханъ сталъ дѣятельно приготовляться къ сопротивленію, собралъ народную милицію, послалъ 3,000 человекъ съ орудіемъ къ Куны-Ургенчу, чтобы загородить мнѣ дорогу и встрѣтить непріязненно, а кунградскому начальнику строго на строго запретилъ впускать суда наши въ рѣку. Движеніе нашего каравана на Кунградъ нѣсколько успокоило хивинцевъ и открыло мнѣ доступъ въ ханство, но недовѣрчивость поддерживалась преждевременнымъ появленіемъ у хивинскихъ береговъ парохода, «который вскорѣ скрылся и куда-то ушелъ; затѣмъ появилось нѣсколько судовъ и стали пытаться въ разныхъ направленіяхъ, входить въ ручные рукава, производя пальбу и стараясь войти въ сношеніе съ жителями, которымъ задавали подозрительные вопросы». Все это не могло быть объяснимо въ глазахъ хивинцевъ иначе какъ непріязненными намѣреніями и желаніемъ овладѣть устьемъ Аму. Но что довершило подозрительность хивинцевъ и довело предубѣжденіе противъ насъ до послѣдней крайности, это перехваченное хивинцами письмо ²⁾, адресованное Ата-Мураду и написанное, по распоряженію Г. А. Катенина, султаномъ правителемъ западной части орды изъ излишней, — не соображенной съ мѣстными обстоятельствами, — предусмотрительности, для извѣщенія туркменъ о прохожденіи въ Хиву

¹⁾ Прибывшіе изъ Россіи моряки и дополнительный конвой для посольства, который намъ и не понадобился, а остался на пароходѣ.

²⁾ О которомъ я не имѣлъ ни малѣйшаго предупрежденія, ни понятія. Между хивинцами распускался слухъ, что это письмо лично отъ Г. А. Катенина къ Ата-Мураду, съ признаніемъ его ханомъ. Истину узнали мы лишь впоследствии.

посольства и объ оказаніи намъ содѣйствія ¹⁾. Разсылъные, отправленные изъ Оренбурга, попали не къ Ата-Мураду, а въ окрестности Ходжейли, гдѣ были схвачены и представлены хану, вмѣстѣ съ мнимой уликою нашихъ сношеній съ его врагами. Письмо это подвергнулось, разумѣется, самымъ безсмысленнымъ комментаріямъ.

Еще до переправы моей черезъ Айбугиръ стали являться ко мнѣ нарочно посланные отъ Есауль-баши, который, — какъ любилецъ и довѣренный хана, былъ лишь временно начальствующимъ въ Кунградѣ ²⁾, съ просьбою остановить пароходъ и воспретить ему попытки входить въ р. Аму, такъ какъ ханомъ запрещенъ входъ, и разрѣшеніе впустить русское судно еще не получено изъ Хивы.

Съ самой минуты вступленія моего на хивинскій берегъ, Кунградскій начальникъ сталъ неотступно просить меня остановить пароходъ и «запретить судамъ нашимъ рыскать по взморью и всѣмъ рукамъ рѣки, смущая и пугая жителей и нарушая дружественныя отношенія между сосѣдними владѣніями.» Наконецъ, доставлено было мнѣ письмо въ томъ же смыслѣ отъ Есауль-баши, въ которомъ повторялось, что изъ Хивы не получено никакого разрѣшенія о пропускѣ русскихъ судовъ, тогда какъ ханомъ формально и строго запрещено плаваніе ихъ по р. Аму. Хивинскіе чиновники, принявшіе меня во главѣ конвоя, утверждали, что большія отмели, недавно загородившія рѣку, воспрепятствуютъ пароходу пройти въ устьѣ и что онъ можетъ быть введенъ въ рѣку тогда только, когда получится въ Кунградѣ ханское повелѣніе расчислить для пропуска нашихъ судовъ фарватеръ. Хивинцы въ подтвержденіе сего добавляли, что пароходъ уже пробовалъ входить въ устья рукавовъ, дѣлалъ вездѣ промѣры на малыхъ лодкахъ и отказался совершенно отъ задуманнаго предпріятія, отправившись на взморье. Въ народѣ и въ почетномъ конвоѣ, къ намъ посланномъ, внезапно распространился слухъ, на другой день моей переправы, что суда наши открыли наканунѣ (24)

¹⁾ Намъ совершенно бесполезнаго и положительно вреднаго въ отношеніи къ Хивѣ.

²⁾ Вѣроятно въ виду мнимой опасности, угрожавшей отъ русскихъ этому перевозному, якобы укрѣпленному городу.

непріязненные дѣйствія противъ хивинскаго отряда, посланнаго съ цѣлью наблюденія за нашею флотиліею. Слова хивинцевъ какъ бы подтверждались тѣмъ, что я самъ явственно, со всѣми моими спутниками, слышали 24 Іюля пушечные выстрѣлы, по направленію къ устью Талдыка. Желая дать время Бутакову преодолѣть мѣстныя затрудненія, отыскать наилучшее русло и дойти до Кунграда, я умышленно медлилъ и не слишкомъ налегалъ на ускореніе доставленія перевозочныхъ средствъ для послѣднихъ тяжестей посольства (запаснаго продовольствія людей и лошадей и т. п. и сократилъ переходы до Кунграда) мы прошли въ оба дня не болѣе какъ по 20 верстъ, тогда какъ могли бы пройти все пространство въ одинъ день. Мы только 28-го вступили въ Кунградъ, тогда какъ Бутаковъ долженъ былъ уже три дня, по крайней мѣрѣ, находиться у города. Въ теченіе времени, проведеннаго въ Кунградѣ, какъ Есауль-баша, такъ и Диванъ-беги, именемъ хана, заклинали меня немедленно отправиться въ Хиву, намекая, что, въ противномъ случаѣ, они не могутъ ручаться за послѣдствія раздраженія ханскаго и безпокойства мѣстныхъ жителей и ручаясь, что пароходъ нашъ не могъ войти въ нѣкоторыя устья потому, что слишкомъ «великъ и глубоко видно сидитъ, никогда не дойдетъ до Кунграда теперь, когда вездѣ уже образовались отмели.» Оказалось впоследствии ¹⁾, что Бутаковъ, обрекогносцировалъ всѣ почти устья р. Аму ²⁾, нашелъ наконецъ у м. Кара-Джара ³⁾ неизвѣстное до тѣхъ поръ нашимъ морякамъ, доступное для флотиліи нашей, устье рукава Уль-кумъ-Дарья, по которому и сталъ медленно подниматься. Не только словесно, но и письменно и въ официальномъ отношеніи, я убѣдительно просилъ капитана 1-го ранга Бутакова, распорядиться своимъ плаваніемъ такимъ образомъ, чтобы прибыть въ Кунградъ никакъ не позже утра 26-го; если же пришлось бы ему идти самымъ дальнимъ, восточнымъ рукавомъ, отдѣлявшимся, по полученнымъ мною на

¹⁾ Первое извѣстіе о томъ получилъ я уже на полъ-пути отъ Кунграда къ Хивѣ.

²⁾ Что и усилило подозрѣнія хивинцевъ, не понимавшихъ цѣли этихъ передвиженій нашихъ судовъ.

³⁾ Судя по повѣявшимъ картамъ, всѣ названія подверглись болѣе или менѣе измѣненію, равно какъ и весь характеръ мѣстности дельты р. Аму.

Усть-Уртъ свѣдѣніямъ, отъ р. Аму, на высотѣ Ходжейли, то при-
быть туда, т. е. гораздо выше Кунграда, 27 числа, такъ какъ я
предполагалъ вовсе не останавливаться въ этомъ городѣ, чтобы из-
бѣгнуть недоразумѣній съ городскимъ начальствомъ и населеніемъ,
и выступить оттуда не позже 26-го.

Вслѣдствіе непонятнаго для насъ запозданія Бутакова и отсут-
ствія отъ него какихъ либо извѣстій, въ теченіе всего времени, пред-
полагая, что мелководье въ устьяхъ дѣйствительно воспрепятство-
вало пароходу нашему вступить въ рѣку, или же дойти до Кунграда,
по извѣстнымъ намъ рукамъ рѣки и желая, съ одной стороны, успо-
коить умы хивинцевъ, а съ другой стороны, отстранить доброволь-
нымъ распоряженіемъ развитіе вреднаго для Россіи убѣжденія среди
населенія, что ханство, по самому свойству рѣки, недостижимо для
нашей флотиліи, я сдѣлалъ видъ, что согласенъ пріостановить пла-
ваніе нашихъ судовъ и отправилъ состоящаго при мнѣ лейтенанта
Можайскаго ¹⁾ съ 2 хивинскими чиновниками, еще 29 Іюня вече-
ромъ, внизъ по Талдыку, до Талдыккаго залива, гдѣ, по сказанію
Есаулъ-баши, должна была находиться наша флотилія, послѣ тщет-
ныхъ усилій плыть по рѣкѣ вверхъ. Можайскому было, официально,
съ вѣдома хивинцевъ, поручено принять отъ Бутакова подарочныя
вещи и, при содѣйствіи мѣстныхъ властей, привезти ихъ на баркахъ
въ Хиву. Секретно ему было приказано исполнить это лишь, когда
въ дѣйствительности пароходу «Перовскому» оказалось бы невозмож-
нымъ пройти до Кунграда и догнать насъ въ рѣкѣ; въ такомъ слу-
чаѣ лейтенантъ Можайскій, подъ прикрытіемъ своей официальной
командировки и подъ предлогомъ любознательности, долженъ былъ
сдѣлать по возможности полную рекогносцировку рѣки и даже глазо-
мѣрную съемку съ зондировкою; ему данъ былъ для этой цѣли въ
помощь топографъ и расторопный уралецъ. Въ случаѣ если оказалось
возможнымъ для парохода «Перовскій» исполнить первоначальную
программу, т. е. догнать безотлагательно посольство, Можайскому
было поручено уговорить Бутакова идти какъ можно скорѣе и

¹⁾ Вслѣдствіи занимавшагося усовершенствованіемъ воздухоплаванія.

не теряя времени въ препирательствахъ и объясненіяхъ съ хи-
винцами, на что начальникъ флотиліи былъ большой охотникъ. Отъ
сопутствующихъ ему чиновниковъ хивинскихъ, Можайскій долженъ
былъ, въ этомъ случаѣ, отдѣлаться, перейдя на пароходъ, съ заявле-
ніемъ, что вещи, по своей громоздкости и изъ опасенія ихъ сломать и
попортить не могутъ быть спущены на простую мѣстную лодку и
что капитанъ парохода, за нихъ отвѣтственный, и чиновники посоль-
ства, при нихъ состоящіе, не соглашаются ихъ выдать Можайскому
и исполнить распоряженіе посланника, изъ опасенія отвѣтственности
предъ Государемъ Императоромъ за порчу вещей, посылаемыхъ
хану. Отправивъ Можайскаго, я еще тянулъ нашъ отъѣздъ до 11 ч.
утра 1 Іюля, въ слабой надеждѣ, что мы увидимъ наконецъ паро-
ходъ «Перовскій», вслѣдствіе встрѣчи его съ Можайскимъ или же,
что, разойдись съ Можайскимъ, онъ пройдетъ какимъ либо другимъ,
неизвѣстнымъ намъ рукавомъ, въ Аму. Истощивъ наконецъ все
средства проволоочки и потерявъ всякую надежду увидаться съ Бута-
ковымъ, мы тронулись вверхъ по рѣкѣ, проходя большею частью
побочными рукавами, разливами и среди камышей, вдоль непригляд-
ныхъ большею частью береговъ. Плаваніе наше было самое прими-
тивное: тащились мы медленно, большею частью бечевою, а иной
разъ на шестахъ.

«Жара была нестерпимая, писалъ я Егору Петровичу Ковалев-
скому,—зачастую до 36° Р. въ тѣни. Изрѣдка дулъ вѣтеръ и то
теплый, увеличивавшій только духоту. Ночью безпощадно кусали
насъ міриады комаровъ и разнообразныхъ мошекъ. Разливы, не
высохшіе берега тамъ, гдѣ вода спала, пустой камышъ, почти повсе-
мѣстный, или непроходимые колючіе кустарники, тамъ гдѣ почва
нѣсколько посуше, мѣшали намъ выходить изъ лодокъ, на коихъ
мы оставались безвыходно, день и ночь, 14 дней сряду.» Плыли мы
такимъ образомъ до Ургенча, напоминая медленностью движенія
нашихъ лодокъ и первобытностью приѣмовъ нашихъ лодочниковъ
плаваніе аргонавтовъ. Весьма естественно, что послѣ походнаго по-
стояннаго движенія и напряженія силъ, двѣ недѣли неподвижности,
при бессонницѣ, ночной и ужасной духотѣ, въ спертomъ высокомъ

камышевомъ пространствѣ, пагубно отразилось своею крутою перемѣною на здоровьѣ всѣхъ насъ. Многіе заболѣвали кровавымъ поносомъ, въ томъ числѣ и я, такъ что подъ конецъ плаванія я совершенно обезсилился. Отъ недостатка движенія и болѣзненного состоянія въ этой обстановкѣ, едва могъ выдти изъ барки и меня должны были, при приѣздѣ въ Хиву, вывести подъ руки, при чемъ у меня кружилась голова и сдѣлались неоднократные обмороки. А силы мнѣ были нужны среди не только физическихъ, но нравственныхъ тяжелыхъ испытаній этого похода. Я не падалъ духомъ и поддерживалъ бодрое настроеніе въ конвоѣ. Меня удручало лишь отсутствіе извѣстій объ отрядѣ Бородина, отъ Можайскаго и объ участіи парохода «Перовскій». Куда дѣвался Бутаковъ, мнѣ было неизвѣстно почти до самаго Ургенча. Что касается до отряда Бородина, то тутъ обнаружилась вся лживость, вѣроломство и коварство хивинцевъ, которые чуть не погубили нашихъ лошадей и половину моего конвоя своими плутовскими продѣлками. Отрядъ Бородина выступилъ при мнѣ изъ Кунграда (часомъ раньше насъ), при чемъ Есаулъ-баша, Диванъ-бег и вожаки повторили клятвенно обѣщаніе доставить лошадей нашихъ въ цѣлости, черезъ 8 дней, обыкновенными переходами, въ Ургенчъ, лежащій на Аму-Дарьѣ, сказавъ, что мы впрочемъ увидимся черезъ три дня на ночлегѣ у праваго берега рѣки. При неизбежности отдѣльнаго слѣдованія лошадей, я успокоивался увѣренностью, что связь между нами и Бородинымъ можетъ быть поддержана и что черезъ три дня, на общемъ ночлегѣ, мы можемъ измѣнить, въ случаѣ надобности, распоряженія хивинцевъ. Все что, утверждали хивинцы, оказалось чистѣйшею ложью. Мы доплыли до Хивы, а лошадей не только нигдѣ не видѣли, но и слѣдовъ нашего отряда не могли долго найти, несмотря на энергическія мои требованія, чрезъ лукаваго и ловкаго Диванъ-беги, находившагося безотлучно при насъ. Только когда я почти потерялъ всякое терпѣніе и рѣшившись на отчаянное сопротивленіе, категорически объявилъ, что не поѣду представляться хану на другихъ лошадяхъ какъ на своихъ, удалось достигнуть соединенія съ отрядомъ Бородина уже въ Хивѣ. Оказалось, что Есаулъ-баша, преслѣдуя вѣроятно все ту же цѣль, раздроблять силы

русскихъ и препятствовать ихъ соединенію, направилъ отрядъ Бородина по такому пути, гдѣ разливы воспрепятствовали дальнѣйшему ихъ слѣдованію, а безчестность, воровство и мошенничество чиновниковъ хивинскихъ, сопровождавшихъ Бородина, яко бы для содѣйствія ему, были причинами и что у людей нашихъ не достало продовольствія и фуража. Пришлось пріобрѣтать то и другое непосредственно отъ жителей, въ неизвѣстной мѣстности, пересѣченной разливами ¹⁾ у бѣднаго и запуганнаго ханскими чиновниками населенія. вмѣсто того, чтобы идти вверхъ по рѣкѣ, отрядъ нашъ направленъ былъ сначала внизъ, т. е. по направленію къ Аральскому морю и вмѣсто того, чтобы прибыть 8 Іюня въ Ургенчъ, лошади наши, промучившись 5 дней, вернулись въ Кунградъ 6 Іюня. Офицеры, находившіеся при лошадяхъ, жаловались мнѣ впоследствии на явное недоброжелательство Есаулъ-баши и на его недобросовѣстные распоряженія касательно слѣдованія нашего отряда. Первые извѣстія получены были мною о лошадяхъ нашихъ, а равно о флотиліи чрезъ сына Исета (оставленнаго мною при Бородинѣ), привезшаго мнѣ, несмотря на всѣ препятствія, письма Бутакова и офицеровъ, оставленныхъ при половинѣ конвоя и лошадяхъ нашихъ. Сынъ Исета доскакалъ о двухонъ до нашей флотиліи и можно себѣ представить чувства, насъ охватившія, когда мы его увидѣли на берегу верхомъ, догоняющаго наши барки и выбирающаго сухое мѣсто, чтобы до насъ добраться.

Видя каждый день доказательства вѣроломства и злонамѣренности хивинцевъ, мы думали въ первую минуту, что Исету одному удалось спастись и по его усталому лицу предположили, что онъ принесъ намъ страшную вѣсть о гибели отряда, но онъ бережно вынулъ запрятанные въ халатъ конверты и подалъ намъ ихъ, дополнивъ потомъ своими разсказами повѣствованіе о продѣлкахъ хивинцевъ и бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ нашимъ отрядомъ. Черезъ полчаса послѣ Исета прискакалъ хивинскій разсыльный и доставилъ мнѣ еще письма изъ Кунграда. Очевидно было, что эти послѣднія,

¹⁾ И рукавами р. Аму.

высланные Бутаковымъ и нашими офицерами, никогда не были бы миѣ доставлены, если бы хивинцы, не осмѣлившіеся арестовать сына батыря Исета, котораго боялись больше нежели русскихъ, не убѣдились въ рѣшимости послѣдняго во чтобы то ни стало догнать насъ и передать свѣдѣнія, о происходящемъ въ Кунградѣ. Изъ писемъ Бутакова, писанныхъ на французскомъ языкѣ, оказалось, что онъ дѣйствительно потерялъ много времени, рекогносцируя всѣ устья р. Аму, прежде чѣмъ удостовѣрился, что предположеніе его, на которомъ основаны были рѣшенія комитета въ С.-Петербургѣ, установившаго программу экспедиціи и инструкціи, данныя намъ для руководства, неосуществимы. Оказалось невозможнымъ провести пароходъ намъ ни въ одно изъ видѣнныхъ Бутаковымъ въ 1848 г. устій, ни въ открытыя нынѣ. Наконецъ, пройдя за мысъ Кара-Джаръ, въ восточномъ направленіи, нашелъ онъ удобопроходимое устье, Улькунъ-Дарью (т. е. большая рѣка), незамѣченное имъ при плаваніи въ Аральскомъ морѣ въ 1848 г., но отмѣченное, на основаніи разспросовъ, на картѣ Данилевскаго (въ 1841 г. составленной) подъ именемъ Улу-Дарьи. Лишь 30 Іюня, т. е., когда мы перебрались на барки въ Кунградъ и по условленному на Усть-Уртѣ расчету должны были бы уже пройти выше по рѣкѣ за Ходжейли (тамъ предполагалось намъ быть 27-го), вошелъ Бутаковъ въ рукавъ Аму, а лишь 3 Іюля, рано утромъ, добрался до Кунграда. вмѣсто того, чтобы тотчасъ же двинуться за нами и насъ догнать, онъ остановился и не тронулся даже тогда, когда свидѣлся съ половиною нашего конвоя, вернувагося отъ своего безплоднаго странствованія по разливамъ и узналъ отъ офицеровъ о всемъ происходившемъ, а равно о коварномъ вѣроломствѣ хивинцевъ, по всѣмъ признакамъ злоумышлявшимъ противъ посольства. Бутаковъ описывалъ трудность плаванія ¹⁾ и горько жаловался на обманы хивинцевъ и на недоброжелательство къ намъ Есаульбаши.

¹⁾ Въ Петербургѣ были введены въ заблужденіе относительно легкости рѣчной экспедиціи прежними донесеніями Бутакова, который вызвался совершить путешествіе по р. Аму безпрепятственно.

Описаніе своего неудачнаго плаванія, Бутаковъ закончилъ сознаніемъ, что 1) «лишь съ большимъ затрудненіемъ и только благодаря необычайной прибыли воды въ нынѣшнемъ году могъ онъ пройти до Кунграда; 2) что у него въ запасѣ остается только 700 пудовъ угля, а дополнительный грузъ антрацита, необходимый для дальнѣйшаго плаванія «Перовскаго», находится на баржѣ лейтенанта Колокольцева, не имѣющей физической возможности подняться (бечевую) вверхъ по рѣкѣ вслѣдствіе затопленія береговъ; 3) въ виду того, что по берегамъ рѣки растутъ лишь фруктовые деревья, а не имѣется саксаула или вообще дровяного лѣса, Бутаковъ считаетъ совершенно невозможнымъ (*tout à fait impossible*) застаться топливомъ для того, чтобы подняться вверхъ по р. Аму» (какъ было рѣшено въ Петербургѣ на основаніи его же предложенія).

4) «Если политическія обстоятельства воспрепятствуютъ миссіи идти въ Бухару и я (Игнатъевъ) рѣшусь употребить пароходъ для обратнаго путешествія, или же просто разрѣшу судамъ вернуться на р. Сыръ, Бутаковъ считалъ совершенно необходимымъ какъ можно скорѣе спуститься по рѣкѣ, въ болѣе глубокую часть Улькунъ-Дарьи, потому что когда вода спадетъ, пароходъ «Перовскій» очутится какъ въ западнѣ, безъ возможности подняться или спуститься по рѣкѣ; тогда, будучи отрѣзанъ отъ своихъ запасовъ на р. Сырѣ, Бутаковъ предвидитъ, что будетъ въ *самомъ критическомъ положеніи*». Начальникъ флотиліи выражалъ даже опасеніе, что, имѣя съ собою болѣе 100 человекъ, онъ не въ состояніи будетъ ихъ продовольствовать, при нерадѣи, или даже просто ослабленіи усердія хивинцевъ, и что всему экипажу «Перовскаго» можетъ грозить голодная смерть. Указывая, что главнѣйшая цѣль морской экспедиціи уже достигнута, Бутаковъ испрашивалъ разрѣшенія вернуться къ устью рѣки, пока еще вода замѣтно не спала и меня тамъ дожидаться, выражая опасеніе, что я потерю при трудномъ странствованіи до Хивы большую часть лошадей и не буду имѣть возможность нанять верблюдовъ для выступленія изъ Хивы. При такихъ обстоятельствахъ, Бутаковъ

считалъ самымъ удобнымъ мнѣ спуститься къ флотиліи на хивинскихъ лодкахъ и брался размѣстить на пароходѣ «Перовскій», а на баржахъ все посольство и конвой для доставленія въ фортъ № 1 ¹⁾. Бутаковъ жаловался также на то, что всѣ письма перехватываются и распечатываются хивинцами, у которыхъ оказалось подъ рукою нѣсколько перебѣжчиковъ нашихъ (мусульманъ и киргизъ), мнившихъ возможнымъ знакомиться съ содержаніемъ нашей переписки. Тоже подтверждали, относительно корреспонденціи нашей, Бородинъ и офицеры съ нимъ бывшіе. Письма, доставленные мнѣ изъ Кунграда, чрезъ хивинскаго разсылнаго, оказались дѣйствительно грубо распечатанными и запачканными. Выдерживая терпѣливо всѣ тягости лишеній во время нашего плаванія и нравственныхъ страданій лишь для того, чтобы достигнуть главной цѣли: продолжать съемку и изслѣдованіе рѣки, производившіяся нами во время этой несносной пытки на баржахъ ²⁾, и дойти до Хивы водою, я былъ наконецъ выведенъ изъ терпѣнія невыносимыми и обидными для русскаго представителя продѣлками хивинцевъ. Желая, хотя сколько нибудь проучить ихъ и показать имъ, что я не намѣренъ болѣе сносить подобныхъ дѣйствій съ той минуты, какъ убѣдился въ вѣроломствѣ кунградскаго начальника, я остановилъ, не доходя г. Яны-Ургенча, наши лодки, ³⁾ выбравъ мѣсто у сухого берега, гдѣ можно было бы выйти и расправить, хотя немного запухшія ноги наши. Я позвалъ къ себѣ Диванъ-беги, занимавшаго одну изъ лодокъ меньшаго размѣра; въ строгихъ и ясныхъ выраженіяхъ

1) Очевидно Бутакову улыбалась мысль при полной неудачѣ посольства, явиться нашимъ спасителемъ, для возвращенія въ Россію.

2) Опасаясь встрѣчи съ туркменами, хивинцы проводили лодки среди разливовъ кавалами и побочными рукавами. Плаваніе было крайне медленное. Несмотря на всѣ усилія Игнатьева, проходили не болѣе 15 до 20 верстъ въ сутки.

3) Я помѣщался съ своею прислугою, пятью казаками, секретаремъ и докторомъ на первой, головной и самой большой баркѣ, охраняя кассу и самыя цѣнныя подарочныя вещи, на нее нагруженные. Остальные члены посольства и конвоя были размѣщены по всѣмъ лодкамъ поровну, а начальникъ конвоя Буренинъ находился на задней лодкѣ. Не довѣряя ни лодочникамъ, ни Диванъ-беги, мы не переставали принимать мѣры охраны на случай внезапнаго нападенія или попытки насъ снова раздѣлить.

объяснилъ ему сколь неприличны и непростительны были поступки хивинцевъ, выразилъ полное негодованіе мое касательно недоброжелательнаго, лживаго и двуличнаго образа дѣйствій Есауль-баши, какъ въ отношеніи посольства, такъ и судовъ нашихъ, и категорически объявилъ ему, что если до свѣдѣнія хана не будетъ немедленно доведено мое неудовольствіе и негодованіе на Есауль-баши и требованія, чтобы тотчасъ же было сдѣлано распоряженіе объ облегченіи слѣдованія нашихъ лошадей и конвоя на соединеніи съ нами въ Хиву и обезпеченіи ихъ продовольствія въ пути, то я не только не буду продолжать плаванія своего далѣе, но вернусь безотлагательно въ Кунградъ, не вступая ни въ какіе переговоры съ хивинскими властями и, соединившись съ флотиліею, вернусь на судахъ нашихъ въ Россію, чтобы дать отчетъ Государю Императору. Диванъ-беги, въ виду моего рѣшительнаго тона и энергическихъ выраженій, страшно перепугался, извинялся всячески, пріискивая лживыя объясненія всему происходящему на низовьѣ Аму, упрямивалъ меня доѣхать, хотя до Ургенчской пристани, говорилъ, со слезами на глазахъ, что я приведу его на плаху моимъ возвращеніемъ въ Кунградъ и тотчасъ же послалъ донесеніе хану, ручаясь въ томъ, что всѣ требованія мои будутъ исполнены и что Есауль-баши получитъ строгій выговоръ и долженъ будетъ измѣнить свое обращеніе съ русскими чиновниками, находящимися на пароходѣ. Я отказался двинуться, пока не получу удовлетворительнаго отвѣта изъ Хивы. вмѣстѣ съ тѣмъ, на случай отрицательнаго или уклончиваго отвѣта хана, а также какой либо измѣннической попытки хивинцевъ напасть на насъ врасплохъ, чтобы обезоружить конвой ¹⁾, я собралъ, когда стало темнѣть, офицеровъ и конвойныхъ

1) Хивинцамъ очень не нравился воинственный видъ нашего малочисленнаго конвоя и они уже, по дѣтски, предлагали мнѣ въ Кунградѣ «облегчить нашихъ нижнихъ чиновъ, сложивъ тяготившее якобы ихъ вооруженіе на одну изъ барокъ». Судьба несчастнаго Бековича, обстановка нашего странствованія, происшедшее въ Кунградѣ съ отрядомъ Бородинъ и отношенія властей къ пароходу, а также полученные письма отъ Бутакова и нашихъ офицеровъ, заставляли считать возможнымъ всякій обманъ и даже насиліе со стороны обезумѣвшихъ хивинскихъ властей.

чиновъ на берегу, подъ предлогомъ общей молитвы, и сдѣлалъ въ полъ-голоса всѣ пужныя распоряженія для того, чтобы спутники мои были готовы къ должной оборонѣ, оружіе осматрѣно, ружья и пистолеты заряжены и чтобы, по данному мною (изъ металлическаго свистка всегда бывшаго на мнѣ), условленному сигналу, нижніе чины конвоя быстро выбросили за бортъ хивинскихъ лодочниковъ ¹⁾ и отчалили бы съ барками отъ берега, не открывая стрѣльбы безъ приказанія назначенныхъ старшими на каждой лодкѣ офицеровъ, которые должны были сообразоваться съ тѣмъ, что будетъ дѣлаться на моей лодкѣ. Барки должны были быть заворочены затѣмъ по теченію и плыть безостановочно до нашего парохода въ такомъ порядкѣ, чтобы моя лодка, какъ самая большая и вмѣщавшая 8 человекъ вооруженныхъ (въ томъ числѣ я и секретарь), была сзади всѣхъ другихъ. Вообще барки наши должны были держаться, по возможности, вмѣстѣ и поддерживать отстающихъ и другъ друга. Я постарался воодушевить всѣхъ моихъ спутниковъ надеждою, что мы выйдемъ, съ Божьей помощью, съ честью, изъ труднаго положенія и исполнивъ до конца свой долгъ, пробьемся, вѣроятно, до парохода, при надлежащемъ хладнокровіи и рѣшимости. Мои слова произвели поразительное впечатлѣніе на конвойныхъ. Всѣ перекрестились, горячо помолились и единодушно общались мнѣ «живыми въ руки азіатовъ не дамся и за честь русскую постоять твердо»: «Авось, прибавилъ одинъ изъ офицеровъ, Государь и Россія не забудутъ нашей тяжкой и вѣрной службы, а Богъ вознаградитъ въ царствѣ небесномъ тѣхъ изъ насъ, которые не вернутся на родину». На прощаніе я сказалъ моимъ спутникамъ, что можетъ быть все устроится благополучно въ теченіе завтрашняго дня, но въ нашемъ положеніи, въ такомъ далекомъ разстояніи отъ родины, будучи окруженными враждебнымъ населеніемъ и безъ другихъ перевозочныхъ средствъ, какъ хивинскія лодки, надо быть на сторожѣ и постоянно готовымъ на все. Всѣ разошлись по баркамъ

¹⁾ Посольство съ конвоемъ было размѣщено на 7 лодкахъ. На каждой изъ нихъ— для тяги бечевою—находилось въ это время, отъ 4 до 5 хивинцевъ.

и водворилось на нихъ какое то торжественное молчаніе: люди переодѣлись въ чистыя рубахи и потихоньку готовили свое оружіе ¹⁾. Ночь прошла благополучно. Рано утромъ прискакалъ гонецъ изъ Хивы и Диванъ-беги явился предупредить меня, что ханъ приказалъ сдѣлать немедленно желаемыя мною относительно конвоя и лошадей распоряженія и высылаетъ, для личныхъ объясненій со мною и для почетной встрѣчи, высшихъ сановниковъ своихъ, съ почетнымъ конвоемъ въ Ургенчъ, куда убѣдительно просилъ дозволить довести наши барки. Я, послѣ нѣкоторыхъ разспросовъ, согласился, предваривъ Диванъ-беги, что если окажется, что объясненія сановниковъ неудовлетворительны или же, что онъ опять насъ хотѣлъ обмануть, какъ въ Кунградѣ, то я тотчасъ же брошу все и уйду обратно. Разстояніе до пристани ургенчской было небольшое и мы еще утромъ туда доплыли. Несмотря на убѣжденія Диванъ-беги и мѣстныхъ чиновниковъ, приглашавшихъ меня выйдти изъ лодокъ и помѣститься въ домѣ, намъ отведенномъ въ городѣ, я наотрѣзъ отказался перейти на берегъ, оставя тяжести и часть конвоя въ лодкахъ и пробылъ безвыходно цѣлый день въ моей баркѣ, гдѣ и принялъ, къ великому огорченію Диванъ-беги, въ самой простой обстановкѣ, посольство хана. Оно состояло изъ дарги (въ родѣ гофмаршала двора или министра двора) одного изъ 6 важнѣйшихъ и самыхъ приближенныхъ лицъ къ хану, Исахауль-Бека, исполнявшаго должность церемоніймейстера и минъ-баши, съ большою свитою и почетнымъ конвоемъ. Скромная обстановка моя въ баркѣ, гдѣ желѣзныя складныя кровати, ящики и чемоданы, слегка покрытыя коврами, служили мнѣ мебелью, а самый высокій ящикъ—столомъ, на которомъ подавали для гостей угощеніе, не соответствовалъ

¹⁾ Всѣ были одушевлены проявленнымъ мною твердымъ намѣреніемъ не поддаваться болѣе ухищреніямъ хивинцевъ и проложить себѣ путь къ флотиліи, въ случаѣ надобности, даже силою, съ тѣмъ, чтобы, соединившись съ Бутаковымъ, поступить по обстоятельствамъ: или, если возможно, остаться въ Кунградѣ, до распоряженія изъ Петербурга и возобновить оттуда переговоры съ ханомъ, или же вернуться на р. Сырь, чтобы оттуда идти на Бухару.

характеру посланца Русскаго Императора; хивинцы, которымъ я это подчеркнул въ разговорѣ съ ссылкой на странное положеніе, въ которое я *или* поставленъ, были нѣсколько сконфужены упорствомъ моимъ оставаться въ баркѣ и въ этой обстановкѣ, пока не получу полного удовлетворенія. Дарга разсыпался въ увѣщаніяхъ, любезностяхъ, отъ имени хана, и увѣреніяхъ дружбы и пріязни его къ Россіи. Онъ выразилъ мнѣ положительно ханское неодобреніе дѣйствіемъ Есаулъ-баши и извѣстилъ, что ему посланъ выговоръ и приказаніе принять немедленно мѣры къ ускоренію слѣдованія нашихъ лошадей, «которыя должны быть уже теперь въ походѣ по болѣе удобному и кратчайшему пути, нежели тотъ, по которому ихъ, по ошибкѣ, (!) отправилъ Есаулъ-баши». Но мы не могли добиться точнаго и яснаго для насъ опредѣленія даргою этого пути и я долженъ былъ ограничиться передачею ему нѣсколькихъ успокоительныхъ строкъ къ Бородину, которыя хивинцы взяли съ собою и быстро доставили нашему отряду. Долго уговаривалъ меня дарго, именемъ хана, выйти на берегъ, покинуть наши лодки и слѣдовать въ Хиву верхомъ на высланныхъ отъ хана лошадяхъ, нагрузивъ тяжести на 200 арбъ, также присланныхъ изъ Хивы на берегъ. Но я самымъ категорическимъ образомъ отклонилъ всѣ предложенія дарги, объявивъ ханскимъ посланцамъ, что пока наши лошади и остальная половина моего конвоя къ намъ не присоединится, я не отойду отъ воды и останусь въ лодкахъ до самой Хивы, а также, что и къ хану поѣхать я не могу, потому что считаю неприличнымъ. Все случившееся какъ съ пароходомъ «Перовскій», такъ и съ половиною конвоя моего было, конечно, крайне непріятно и разстраивало всѣ мои соображенія, поставивъ посольство въ самое трудное и опасное положеніе. Но надо было извлечь изъ случайныхъ обстоятельствъ этихъ всевозможную пользу для главной цѣли нашей экспедиціи и она была нами, вопреки предосторожностямъ хивинцевъ, вполне достигнута: Бутаковъ изслѣдовалъ всѣ устья Аму и въ подробности главное русло Улькунъ-Дарьи, собравъ попутно массу свѣдѣній и о другихъ рукавахъ, болѣе восточныхъ. Можайскій изслѣдовалъ подробно Талдыкъ и затѣмъ всю верхнюю часть рѣки;

отрядъ Бородина исходилъ и снялъ топографически такую мѣстность, которая доселѣ была совсѣмъ неизвѣстна и для русскихъ недосыгаема; опытный и искусный топографъ Недорѣзовъ, оставленный мною на флотилии, сдѣлалъ глазомѣрную съемку всѣхъ пройденныхъ рукавовъ до г. Кунграда, а въслѣдствіи и выше этого пункта; плывя на баркахъ, мы производили съемку рѣки съ надлежащею зондировкою фарватера. Струве опредѣлилъ астрономически нѣсколько пунктовъ. Отказалъ я хивинцамъ высадиться въ Ургенчѣ, чтобы дать имъ еще болѣе почувствовать оскорбительное значеніе поведенія ихъ относительно насъ въ Кунградѣ, воспользоваться случаемъ, чтобы изслѣдовать подробнѣе прежняго каналы, прорытые изъ р. Аму внутрь ханства и заставить хивинцевъ не ограничиться одними обѣщаніями, а въ дѣйствительности озаботиться скорѣйшимъ прибытіемъ нашихъ лошадей въ цѣлости въ Хиву. Сверхъ того, я считалъ переѣздъ посольства на ханскихъ лошадяхъ и арбахъ затруднительнымъ (многія вещи переломались бы и перепортились при такой перевозкѣ) и въ дѣйствительности неприличнымъ тѣмъ болѣе, что я не хотѣлъ попасть, относительно перевозочныхъ средствъ, въ полную зависимость отъ ханскаго своеволія. Уѣзжая, дарга объявилъ мнѣ, что донесетъ о нашей бесѣдѣ хану подробно и просилъ въ заключеніе не отвергнуть ханскаго угощенія, которое и было подано мнѣ и всѣмъ моимъ спутникамъ въ изобиліи. Съ преданнымъ намъ и храбрымъ Назаромъ Исетовымъ (сыномъ Исета) послалъ я деньги Бородину, приказавъ ему идти безостановочно въ Хиву, стараясь сберечь лошадей и не внимая лживымъ пронкамъ хивинскихъ чиновниковъ. Бутакову же отвѣтилъ 16 Іюля № 50, на два его донесенія изъ Кунграда, прося начальника флотилии отправить, въ сопровожденіи хивинскаго чиновника, на хивинскихъ лодкахъ, лейтенанта Можайскаго, штабсъ-капитана Салацкаго и остальныхъ членовъ миссіи съ конвоемъ 5 или 6 нижнихъ чиновъ, ко мнѣ, въ Хиву и разрѣшилъ ему, по благополучномъ отправленіи изъ Кунграда, какъ подарочныхъ вещей, такъ и сухопутнаго отряда есаула Бородина, отплыть внизъ по рѣкѣ, ближе къ устью, согласно его представленію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я поставилъ Бутакову въ

обязанность не уходить съ пароходомъ «Перовскимъ» совѣтъ изъ рѣки, пока не получить отъ меня особаго извѣщенія, не теряя изъ виду, что можетъ послѣдовать согласіе хана на исполненіе нашего первоначальнаго предположенія, т. е. плаваніе «Перовскаго» вверхъ по Аму. Совѣтуя Бутакову заготовиться, посредствомъ баржъ, съ р. Сыра достаточнымъ продовольствіемъ и запасомъ угля, я просилъ извѣстить меня о точномъ мѣстѣ стоянки судовъ, не спускать людей на берегъ во избѣжаніе столкновеній съ туземцами и не подавать напрасно хивинцамъ повода къ столкновенію съ нами. На другой день утромъ послѣдовало ханское разрѣшеніе везти насъ на лодкахъ вплоть до загороднаго дворца, намъ отведеннаго. Ханъ предполагалъ первоначально, какъ сказывали намъ Диванъ-беги и дарга въ Ургенчѣ, помѣстить миссію въ самомъ городѣ, но узнавъ о моемъ требованіи продолжать шествіе въ лодкахъ, перемѣнилъ свое распоряженіе и приказалъ отвести загородный свой дворецъ гюмгюмданъ ¹⁾ съ очень большимъ фруктовымъ садомъ, выходящимъ на каналъ Полванъ, по которому мы должны были прибыть. Дарга и Исахауль-Бекъ, на другой день, встрѣтили насъ, съ тѣмъ же почетомъ и угощеніемъ въ Ханки и приняли потомъ въ Хивѣ, куда я прибылъ, по каналамъ Шавать, Казавать и Полванъ-Ата, 18 Іюля, послѣ 18-ти-дневнаго утомительнаго и несноснаго плаванія, совершеннаго при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Бутаковъ въ бумагахъ (отъ 3-го Іюля) и въ письмахъ ко мнѣ отъ 6 и 7-го Іюля, полученныхъ мною у Ургенча, сообщилъ, что хотя рукавъ Улькунъ-Дарья достаточно глубокъ для прохода «Перовскаго», но близъ соединенія этого рукава съ Талдыкомъ, существуютъ такіа мели, что плаваніе крайню затруднительно и пароходъ едва успѣли проташить къ Кунграду. При спадѣ воды плаваніе сдѣлается еще затруднительнѣе, а при мелководіи можетъ

¹⁾ Хивинцы титулуютъ глиняныя мазанки, занимающія довольно обширное пространство, но имѣющія самый жалкій видъ и не представляющія ни малѣйшаго удобства, европейцу—дворцами, если они принадлежатъ хану. Гюмгюмданъ принадлежалъ прежде Мохамедъ-Рахиму, отцу Сеидъ-Мохамеда, который и родился въ этомъ загородномъ помѣщеніи.

пароходъ совѣтъ засѣсть въ рѣкѣ. Не имѣя достаточнаго продовольствія и сохранивъ на пароходѣ и баржѣ, шедшей у него на буксирѣ, лишь 700 пудовъ угля, считая при томъ совершенно невозможнымъ для второй баржи, съ дополнительнымъ запасомъ топлива, войти въ рѣку безъ содѣйствія парохода, онъ положительно не въ состояніи проплыть вверхъ по рѣкѣ ¹⁾ выше Хивы ²⁾. Оставаться же въ Кунградѣ до окончанія моихъ переговоровъ капитанъ 1-го ранга Бутаковъ опасался, ибо при ожидаемомъ пониженіи уровня воды, рисковалъ бы не имѣть уже болѣе возможности вывести пароходъ къ устью и очутиться въ самомъ критическомъ положеніи, среди враждебнаго населенія. Ссылаясь на вышеизложенное и отстраняя первоначальную программу экспедиціи, начальникъ флотиліи просилъ у меня разрѣшенія уйти какъ можно скорѣе съ «Перовскимъ» — и баржею въ Улькунъ-Дарью, ближе къ морю, за мелкія мѣста.

Когда мы обсуждали съ Бутаковымъ на Усть-Уртѣ и во время плаванія моего на «Перовскомъ» вопросъ о желаемомъ въ Петербургѣ плаваніи нашей флотиліи вверхъ по р. Аму онъ мнѣ заявилъ, что составъ судовъ не отвѣчаетъ этой правительственной задачѣ: на пароходъ «Обручевъ» нечего и рассчитывать, ибо по морю ходить можетъ онъ лишь при самой благопріятной погодѣ, а для рѣчнаго плаванія онъ также не годится, будучи не въ состояніи идти противъ такого быстрого теченія, какъ то, которое существуетъ въ Аму. Что касается до парохода «Перовскій» то, по мнѣнію Бутакова, онъ едва ли можетъ, въ нынѣшнемъ году, идти далеко вверхъ по рѣкѣ ³⁾, такъ какъ, по сознанію самого Бутакова, флотилія высту-

¹⁾ Какъ предположено было въ Петербургѣ, на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ тѣмъ же Бутаковымъ и основанныхъ на его прежней рекогносцировкѣ устья въ р. Аму.

²⁾ Что для цѣлей посольства было бы совершенно бесполезно, озлобивъ напрасно хивинцевъ. Для насъ пароходъ «Перовскій» былъ необходимъ въ Кунградѣ и въ первый періодъ нашего пребыванія въ хивинскихъ предѣлахъ или же для плаванія до Чарджуя, а пока мы были въ Хивѣ, онъ былъ бесполезенъ.

³⁾ Лучше было бы посольству при такомъ неудовлетворительномъ составѣ флотиліи, съ нею не связывать своихъ дѣйствій и на нее вовсе не рассчитывать. Бутакову слѣдовало все это предвидѣть, предупредить въ Петербургѣ и не браться за экспедицію въ 1858 г., отложивъ плаваніе до слѣдующаго года.

шла изъ р. Сыра слишкомъ поздно, пропустила для плаванія по Аму самое благоприятное время и при предстоящемъ мелководіи можетъ застѣть гдѣ нибудь за мелью и остаться неожиданно на зиму въ рѣкѣ; подвергаться же случайностямъ зимовки съ флотиліею въ Аму, въ хивинскихъ или бухарскихъ владѣніяхъ, безъ предварительныхъ обширныхъ приготовленій, Бутаковъ считалъ почти невозможнымъ и безусловно опаснымъ ¹⁾ и исходилъ, что главная цѣль участія флотиліи въ посольствѣ уже достигнута.

Имѣя въ виду эти заявленія Бутакова, сдѣланныя до вступленія его въ рѣку, и возобновленные опасенія, высказанныя въ сообщеніяхъ изъ Кунграда, а также совершенную бесполезность парохода безъ достаточнаго топлива, обезпечивающаго его подвижность, я не считалъ себя въ правѣ принять лично отвѣтственность за рѣшеніе, противное мнѣнію начальника флотиліи, и подвергнуть пароходъ «Перовскій» и баржу тѣмъ опасностямъ, которыя предвидѣлъ для нихъ Бутаковъ, при продолжительномъ пребываніи въ Кунградѣ и въ особенности при болѣе осмысленномъ плаваніи по рѣкѣ, вверхъ до Чарджуя или даже до Балха, какъ было предположено Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Очевидно было, что при исполненіи прежнихъ предположеній, плаваніе парохода продолжалось бы до поздней осени, а потому я счелъ себя обязаннымъ согласиться съ предположеніемъ Бутакова, тѣмъ болѣе, что по ходу дѣлъ съ хивинцами, можно было предвидѣть, что переговоры мои въ Хивѣ

¹⁾ Въ письмахъ отъ 6, 7 и 20 Іюля, Бутаковъ высказалъ опасеніе, что большая часть лошадей посольства и конвоя погибнетъ отъ недостатка корма и затруднительности пути и что мы не въ состояніи будемъ запастись верблюдами въ Хивѣ для возвращенія на р. Сыръ или для дальнѣйшаго путешествія. Онъ предполагалъ, что Игнатьевъ вынужденъ будетъ отказаться отъ слѣдованія изъ Хивы въ Бухару при встрѣченныхъ имъ и непредвидѣнныхъ, матеріальныхъ и политическихъ, неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. По мнѣнію Бутакова посольству слѣдовало воспользоваться единственною возможностью выйти благополучно изъ Хивы, спустившись внизъ по теченію р. Аму, на хивинскихъ баркахъ, до парохода «Перовскій». Онъ находилъ, что даже выгоднѣе продать лошадей или просто ихъ бросить, такъ какъ наемъ верблюдовъ обошелся бы въ Хивѣ дороже стоимости лошадей. Въ заключеніе Бутаковъ заявлялъ, что зимовать въ рѣкѣ флотиліи невозможно и оставаться въ устьѣ рѣки позже 1 Октября нельзя (письмо 20 Іюля).

продолжаться не менѣе мѣсяца, т. е. до конца Августа, а осенняя прибыль воды въ рѣкѣ бываетъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, незначительна и непродолжительна. Къ тому же плаваніе судовъ нашихъ по Аральскому морю позже 1-го Октября начальникъ флотиліи считалъ крайне опаснымъ и едва ли возможнымъ. На основаніи всего вышеизложеннаго, я объявилъ Даргѣ въ Ургенчѣ, что, для доказательства нашего дружелюбія къ Хивѣ, неосновательности подозрѣній, возбужденныхъ въ Кунградѣ, и въ подтвержденіе желанія нашего поддержать мирныя сношенія съ ханомъ, я отказываюсь, до личныхъ переговоровъ съ симъ послѣднимъ, отъ своего постоянного требованія немедленнаго пропуска судовъ вверхъ по рѣкѣ и даже готовъ послать приказаніе пароходу отойти отъ Кунграда ближе къ морю, передавъ чиновниковъ моихъ и царскіе подарки на хивинскія лодки. Передъ вступленіемъ во внутренніе каналы ханства, 16-го послалъ я съ минъ-башею, командированнымъ ханомъ въ Кунградъ, вышеупомянутое отношеніе къ Бутакову объ отправленіи, на хивинской лодкѣ, подарочныхъ вещей съ находившимися на пароходѣ «Перовскій» чинами посольства и разрѣшеніе ему отойти ближе къ морю и тамъ ожидать дальнѣйшихъ моихъ изрѣченій. Сразу возвратить пароходъ въ р. Сыръ я считалъ преждевременнымъ, тѣмъ болѣе, что присутствіе нашихъ судовъ въ устьѣ могло быть весьма полезно въ случаѣ совершенной неудачи миссіи, ссоры съ ханомъ, или невозможности пройти прямо въ Бухару и необходимости направиться внизъ по р. Аму въ фортъ № 1.

Не входя въ подробности дѣйствій начальника нашей флотиліи въ низовьи Аму и не излагая содержанія нѣсколькихъ писемъ его и Можайскаго, до меня дошедшихъ, полагаю, что онъ лишилъ посольство того содѣйствія, на которое рассчитывали въ Петербургѣ при моемъ отправленіи и на которомъ я основывалъ всѣ свои соображенія главнѣйше оттого, что снаряженіе и укомплектованіе флотиліи опоздало на цѣлый мѣсяцъ; удобное время для входа въ рѣку и плаванія по ней въ 1858 г. было упущено; свѣдѣнія, доставленные о рѣкѣ и средствахъ, необходимыхъ для осуществленія мысли появленія нашихъ судовъ на высотѣ Чарджуя и даже Балка, не

соотвѣтствовали дѣйствительному состоянію фарватера, при чемъ могущій случиться недостатокъ топлива не былъ принятъ въ расчетъ; составъ судовъ флотиліи и качество ихъ были неудовлетворительны и не соотвѣтствовали свойству задачи. Частныя ошибки Бутакова заключались въ слѣдующемъ:

1) Не далъ мнѣ заблаговременно знать въ Маѣ ни въ Оренбургѣ, ни въ теченіе всего моего похода на Эмбу и до Аральскаго моря, посредствомъ киргизской почты и разсыльных, имѣвшихся въ фортѣ № 1, что не можетъ придти не только съ флотиліею, но и съ однимъ пароходомъ «Перовскій», въ Чернышевскій заливъ, какъ было предписано въ Петербургѣ.

2) Не замѣчая нашихъ сигналовъ и не входя еще въ сношеніе съ миссіею, пришелъ прямо къ Аксуату и растревожилъ преждевременно хивинцевъ.

3) Опоздалъ прибытіемъ въ Кунградъ 7-ю и даже 8-ю днями и зная впередъ намѣренія мои идти безостановочно къ Хивѣ,—такъ какъ времени терять мнѣ было нельзя и посольство было слишкомъ задержано въ своемъ движеніи на Хиву и Бухару, а всякая излишняя остановка въ Кунградѣ могла только повредить нашей цѣли, усиливая подозрѣнія хивинцевъ,—не далъ мнѣ однако же знать о природныхъ непредвидѣнныхъ затрудненіяхъ, встрѣченныхъ имъ въ устьѣ, по признанной имъ невозможности пройти чрезъ Талдыкъ, т. е. по пути, условленному между нами при свиданіи.

4) Салютованіемъ флагу начальника флотиліи, 24-го числа, при запоздаломъ соединеніи судовъ флотиліи, бесполезно усилилъ опасенія и подозрительность къ русскимъ между хивинцами, что должно было отразиться весьма естественно на расположеніи кунградскихъ властей и населенія. Бутаковъ слишкомъ долго былъ въ Средней Азіи, чтобы этого не предвидѣть и не приложить старанія предупредить всѣ излишнія препятствія къ достиженію главной цѣли: воспользоваться благовиднымъ предлогомъ посольства, для мирнаго и безпрепятственнаго плаванія русскаго судна съ подарочными вещами по р. Аму.

5) Передъ отправленіемъ изъ форта № 1 Бутакову слѣдовало

тщательно провѣрить и восполнить разспросами киргизъ, бывающихъ въ фортѣ № 1, и даже высылкою тайныхъ развѣдчиковъ, имѣвшихся у него съ 1848 года свѣдѣнія объ устьяхъ р. Аму, о характерѣ и срокахъ разливовъ и т. д. Улькумъ-Дарья была пропущена на картѣ Бутакова и случайно имъ открыта уже въ то время, когда посольство было не только въ Кунградѣ, но, по установленному между нами на Усть-Уртѣ, уже должно было находиться выше Ходжейли. Пропускъ Улькумъ-Дарьи былъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что на картѣ Данилевскаго, составленной въ 1841 г., въ томъ же мѣстѣ означенъ былъ рукавъ Аму, подъ нѣсколькими иными названіемъ, и что, по отзыву жителей и лодочниковъ, которыхъ мы разспрашивали, Улькумъ-Дарья издавна существуетъ и составляетъ главное русло рѣки, что и свидѣтельствуетъ самое названіе этого рукава рѣки.

6) Но главная ошибка заключалась въ томъ, что, придя въ Кунградъ рано утромъ 3-го Іюля, т. е. въ то время, когда мы, по крайней медленности нашего движенія, находились не далѣе какихъ нибудь 50 верстъ, Бутаковъ вмѣсто того, чтобы тотчасъ же категорически заявить хивинцамъ, что онъ обязанъ передать мнѣ лично царскія подарочныя вещи и получить отъ меня приказанія и немедленно идти за нами по рѣкѣ далѣе, или же, по крайней мѣрѣ, выслать штабсъ-капитана Салацкаго на своей шлюпкѣ или даже на легкой и скороходной лодкѣ хивинской (на что для задержанія парохода въ Кунградѣ, Есауль-баши непременно согласился бы), подъ официальнымъ предлогомъ извѣщенія меня о приходѣ парохода и полученія дальнѣйшихъ распоряженій,—бросилъ преспокойно якорь и остановился, вступивъ не только въ бесполезные, но вредные переговоры съ Есауль-башею, старавшимся, разумѣется, отклонить Бутакова отъ дальнѣйшаго плаванія. Чѣмъ принимать и угощать на пароходѣ Есауль-башу, Бутакову слѣдовало не гасить паровъ и прямо прослѣдовать мимо города за посольствомъ, поступая во всякомъ случаѣ не какъ дипломатъ, а какъ командиръ (въ этомъ случаѣ) судна, везущаго чиновниковъ посольства и подарочныя вещи. Плыва на баркахъ, я въ первые дни не терялъ совсѣмъ еще надежды увидѣть

догоняющій насъ пароходъ, разсчитывая, что ему удастся какимъ нибудь путемъ добраться до Кунграда и узнать о нашемъ бѣдственномъ положеніи. Окончательно потерялъ я эту надежду лишь по полученіи писемъ Бутакова изъ Кунграда, почти чрезъ двѣ недѣли послѣ нашего выхода изъ Кунграда.

Въ Хиву прибылъ я до такой степени нездоровымъ, равно какъ и многіе изъ моихъ спутниковъ, что я началъ сомнѣваться, что буду въ состояніи отправиться въ Бухару и выполнить данное мнѣ Высочайшее порученіе. Угнетенному состоянію духа способствовало еще безпокойство за часть ввѣреннаго мнѣ конвоя и лошадей нашихъ, ибо всѣмъ увѣреніямъ хивинцевъ въ благополучномъ состояніи отряда и скоромъ его прибытіи я не довѣрялъ и считалъ всѣхъ чиновниковъ хана обманщиками и мошенниками. Цѣлыхъ 8 дней пришлось мнѣ сидѣть безвыходно въ отведенномъ намъ помѣщеніи и ждать присоединенія нашего отряда, продолжая пилить Диванъ-беги и посѣщавшихъ меня ханскихъ чиновниковъ и готовить въ разговорахъ почву къ переговорамъ моимъ съ Мехтеромъ и Кушъ-беги, по поводу нашихъ требованій. Наконецъ, 27 Іюля утромъ прибылъ благополучно отрядъ Бородина. Несмотря на трудность и лишенія долгаго странствованія по хивинскому ханству, люди имѣли бодрый видъ, а лошади, за исключеніемъ 2 или 3, сохранились въ цѣлости, благодаря твердости и благоразумной распорядительности назначеннаго мною начальникомъ этого отряда есаула Бородина (уральца) и подчиненныхъ ему конвойныхъ офицеровъ. Обоюдная радость нашего свиданія съ участниками нашего степнаго похода, которые могли погибнуть отъ коварства азіатскаго, была сердечная, искренняя; къ счастью никто изъ нашихъ спутниковъ не пропалъ, но устали они порядкомъ и конвойные нижніе чины были до того раздражены на хивинцевъ, что съ увлеченіемъ вступили бы съ ними въ самый неравный бой. Давъ людямъ отдохнуть сутки и извѣстивъ хана, что я могу ему теперь представиться, былъ я въ тотъ же вечеръ (27 Іюля) приглашенъ на торжественную аудіенцію. На другой день 28 представился я такимъ образомъ хану и вручилъ ему, съ обычною церемоніею, Высочайшую грамоту, которую

секретарь несъ на подушкѣ, сначала верхомъ, а потомъ за мною, пѣшкомъ, по безконечнымъ переходамъ, большею частью темнымъ, дворца ханскаго до троннаго двора, гдѣ ханъ меня принималъ, сидя на колонномъ возвышеніи и окруженный своимъ дворомъ, министрами и толпою вооруженныхъ халатниковъ, изображавшихъ его тѣлохранителей и гвардію. На другой день я сдѣлалъ визиты министрамъ Мехтеру и Кушъ-беги и передалъ первому письмо Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Между тѣмъ подарочныя вещи прибыли изъ Кунграда и 1 Августа я поднесъ всѣ предназначенныя вещи хану и министрамъ. На другой день, 2-го приступилъ къ формальнымъ переговорамъ. Требованія, мною письменно сформулированныя, заключались въ слѣдующемъ:

1) Никогда не предпринимать никакихъ явныхъ, ни тайныхъ, враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи и не возбуждать ближайшіе ближніе къ хивинскимъ владѣніямъ туркменскіе, киргизскіе и каракалпакскіе роды къ непріязни съ Россіею и къ взаимной враждѣ другъ съ другомъ.

2) Не потворствовать никакимъ грабёжамъ, захватамъ, содержанію въ плѣну русскихъ подданныхъ, и въ случаѣ, если бы подвластныя Хивѣ племена произвели таковыя дѣйствія, то предавать виновныхъ немедленному наказанію, а ограбленное имущество выдавать русскимъ властямъ, для возвращенія законному владѣльцу.

3) Отвѣтствовать за личную безопасность и за сохранность имущества всякаго російскаго подданнаго, находящагося въ хивинскихъ владѣніяхъ; не дѣлать русскимъ подданнымъ никакихъ насилій и притѣсненій, а также и караванамъ, идущимъ въ Россію и изъ Россіи; въ случаѣ же смерти русскаго подданнаго во время бытности въ хивинскомъ ханствѣ, отпускать въ цѣлости оставшееся послѣ смерти имущество, для передачи законнымъ его наследникамъ.

4) Дозволить російскимъ судамъ свободное плаваніе по р. Аму-Дарѣ.

5) Съ товаровъ, привозимыхъ російскими купцами въ хивинскія владѣнія, установить постоянную пошлину, не свыше 2½% съ

дѣйствительной цѣнности товара и взимать эту пошлину единожды при ввозѣ товаровъ, производя оцѣнку оныхъ безобидно для русскихъ торговцевъ, т. е. сообразно съ продажными цѣнами.

6) Для наблюденія за ходомъ торговли и завѣдыванія дѣлами русскихъ подданныхъ дозволить постоянное пребываніе въ Хивѣ русскаго торговаго агента (караванъ-баши). /

Положеніе наше въ Хивѣ было очень тягостное, затруднительное и даже опасное. Съ Петербургомъ и даже съ Оренбургскимъ Генералъ-Губернаторомъ сношенія были почти прерваны совершенно и во всякомъ случаѣ крайне затруднены. Я могъ пользоваться только весьма рѣдкими случаями и долженъ былъ писать не иначе какъ шифромъ, кратко, отрывисто или на иностранномъ языкѣ. Вынужденъ былъ я прекратить и обычную, подробную переписку съ отцомъ и довольствоваться рѣдкими и краткими письмами на французскомъ языкѣ. 19 Іюля, на другой день прихода въ Хиву, писалъ я родителямъ: «18 дней сряду не бралъ я пера въ руки и не читалъ ни строчки отъ Васъ. Въ разлукѣ съ Вами это ужасно тягостное испытаніе. 18 сутокъ сряду провели мы безвыходно на баркахъ,—тянувшихся весьма медленно, большею частью бечевою, на людяхъ, шагавшихъ съ трудомъ среди камышей, а частью на шестахъ. Жаръ былъ нестерпимый: 36° въ тѣни нѣсколько дней сряду. Днемъ, подъ солнечными лучами, потъ лилъ градомъ съ насъ, а ночью терзали насъ комары и мошки. Такого мученья въ Европѣ нельзя себѣ представить. Несмотря на всевозможныя мѣры, нельзя предохраниться отъ постоянныхъ укусовъ этихъ тварей. На лицѣ и на рукахъ нѣтъ живого мѣста и вся кожа воспалена. Мнѣ на долю выпало выучиться много переносить и физически, и нравственно. Годъ пробыть въ Средней Азіи въ такомъ положеніи какъ мы теперь—навѣрное нѣсколько лѣтъ жизни долой. Единственнымъ утѣшеніемъ и душевнымъ отдохновеніемъ служить мнѣ молитва, мысль о всѣхъ милыхъ сердцу, воспоминаніе о быломъ и чтеніе книги «О подражаніи Христу». Книга эта, подаренная мнѣ Вами, дражайшіе родители, составляетъ вмѣстѣ съ Евангеліемъ, которое читалъ ежедневно,—обильнѣйшій источникъ духовной под-

держки и ключъ къ разрѣшенію всѣхъ сомнѣній. Книга «О подражаніи Христу», неразлучный мой спутникъ и вѣриѣйшій другъ. Докторъ Пекарскій очень упалъ духомъ, пересталъ быть веселымъ и очень скучаетъ; говоритъ, что 1½ года не прожить никому въ такомъ краѣ».

28 Іюля я снова воспользовался возможностью написать отцу: «До 24 Іюля жара здѣсь была нестерпимая: почти ежедневно, въ теченіе не менѣе 3 и 4 часовъ времени, термометръ въ тѣни поднимался до 36° по Реомюру. Ночью жара сбавлялась незначительно и было очень душно. Съ 24 числа жаръ уменьшился и ночи стали холодноваты. Бѣдный Струве—астрономъ нашъ—со дня прихода въ Хиву заболѣлъ жесточайшимъ ревматизмомъ и, несмотря на всѣ зависѣвшія отъ насъ медицинскія пособія, лежитъ больной и не можетъ встать. По милости Божьей, я здоровъ и бодръ духомъ. Безвыходно сижу въ отведенномъ мнѣ загородномъ помѣщеніи, прохаживаюсь по саду, окруженному глиняною стѣною, и не выхожу на улицу. Монотонность жизни, отсутствіе движенія и правильного занятія нагнали скуку и уныніе на моихъ спутниковъ. 27-го утромъ пришли, наконецъ, давно ожидаемая лошади наши. Я послалъ сказать хану и былъ принять имъ 28-го въ 5 ч. пополудни. Народу на улицахъ было множество. Блестящее шествіе наше, большая свита и конвой произвели, какъ говорятъ, сильное впечатлѣніе на населеніе города. Меня приняли съ большимъ почетомъ и, по здѣшнему, мнѣ оказано особенное вниманіе ханомъ. Съ тѣхъ поръ веду и тороплю переговоры о заключеніи письменнаго акта; но, кажется, здѣсь намѣрены медлить и подвергнуть мое терпѣніе великому испытанію, такъ что я не знаю, когда именно мнѣ удастся выступить въ дальнѣйшій походъ. Мои письма и пакеты, мнѣ адресованные, перехватываютъ. Для большой осторожности я принужденъ писать Вамъ на французскомъ языкѣ, неизвѣстномъ еще при дворѣ, къ которому я нынѣ акредитованъ. Унизительно и глупо заставлять русскаго представителя говорить съ такими негодями, какъ хивинцы, и считаться съ ними на равной ногѣ. Въ такія страны посылать посольство не слѣдуетъ, а снаряжать нѣчто болѣе внушительное.... Бута-

кову не хотѣлось подняться вверхъ по рѣкѣ, потому что у него не доставало угля или иного топлива и онъ не былъ обезпеченъ продовольствіемъ. Онъ основательно опасался быть лишеннымъ возможности выйти изъ рѣки послѣ начинающагося спада воды и двоекратно просилъ у меня разрѣшенія удалиться изъ рѣки. Я долженъ былъ на это согласиться. Лишенный содѣйствія флотиліи, на которомъ основанъ былъ весь расчетъ экспедиціи, мнѣ почти невозможно будетъ изслѣдовать рѣку и подняться вверхъ, вдоль ея русла, тѣмъ болѣе, что хивинцы сопротивляются моему передвиженію въ Бухару. По свойственному мнѣ упорству, я не расположенъ поддаваться и рискнулъ бы идти въ Бухару, несмотря ни на какія препятствія, если бы не было со мною столько людей и столько тяжестей. Всѣ свѣдѣнія, которыя я собираю здѣсь о Бухарѣ, не предсказываютъ мнѣ благопріятныхъ результатовъ переговоровъ моихъ съ эмиромъ. Цѣль нашей экспедиціи—изслѣдованіе р. Аму—достигнута вполне. Полагаю, что намъ придется идти отсюда на р. Сыръ, въ Казалу (фортъ № 1), чтобы уже оттуда,—если прикажутъ изъ С.-Петербурга,—предпринять походъ въ Бухару. По моему мнѣнію не слѣдовало бы посылать теперь посольства въ Бухару, а выждать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ и возобновить—лучше подготовленную нежели теперь—экспедицію флотиліи вверхъ по р. Аму, будущую весною. Производить же рекогносцировки и разныя передвиженія судовъ флотиліи, оставивъ въ рукахъ хивинцевъ дипломатическую миссію, не очень практично, при отсутствіи здѣсь понятія о международномъ правѣ. Уходя на р. Сыръ, я поднесу правительству сбереженія приблизительно въ 50.000 р. изъ суммы, ассигнованной на все время нашей экспедиціи. Можно бы извлечь большую пользу изъ этого капитала въ будущемъ году, тогда какъ если я пойду теперь въ Бухару, деньги эти будутъ истрачены, не достигнувъ благополучнаго результата. Мы произвели отличную и подробную съемку р. Аму и собрали всѣ нужныя свѣдѣнія для болѣе серьезной экспедиціи въ будущемъ. Надо сознаться, что я попалъ въ этой странѣ въ самое критическое положеніе и что я шелъ впередъ, слишкомъ очертя голову. Теперь какъ будто дѣла наши попра-

вляются, но переговоры не могутъ подвигаться къ желаемой цѣли съ такими упорными болванами какъ хивинцы. Замѣчательно, что передъ отправленіемъ своимъ въ Аму, Бутаковъ только и мечталъ о томъ, какъ бы попасть въ рѣку, а разъ что пропелъ въ устье, не захотѣлъ ничѣмъ рисковать, помогая добросовѣстно посольству. Всѣ мои спутники упрекаютъ меня въ томъ, что для исполненія инструкцій, мнѣ данныхъ, я слишкомъ рискнулъ, идя прямо въ Хиву, несмотря на препятствія, встрѣтившіяся на пути для флотиліи и нами претерѣнныя въ Кунградѣ. Многіе изъ спутниковъ меня уговариваютъ и упрасиваютъ вернуться какъ можно скорѣе въ Оренбургъ, чтобы зима насъ не настигла въ томъ негостепріимномъ краѣ. Если бы я видѣлъ хотя малѣйшую возможность посольству достигнуть желаемой правительствомъ цѣли въ Бухарѣ, я непременно рискнулъ бы туда отправиться. Но для личнаго самолюбія и честолюбія я не считаю себя вправѣ рисковать бесполезно для государства жизнью всѣхъ моихъ спутниковъ и моего конвоя, мнѣ ввѣренныхъ. Предвижу, что меня будутъ порицать и бранить, что бы я ни сдѣлалъ, но я готовъ представить свое оправданіе. Если все то, что предположено было при моемъ отправленіи въ Петербургъ, не достигнуто, отвѣтственность, по справедливости, должна пасть не на меня, но на Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, на Бутакова и въ особенности на Катенина. Мы жертвы ихъ легкомыслія, непредусмотрительности и административныхъ недоумѣній, препопранствъ и несогласій. Аму—великолѣпная рѣка и можетъ доставить намъ всѣ выгоды политическія и торговыя, которыя я предполагалъ. Но для извлеченія ихъ представляются и большія затрудненія. Если хотятъ ихъ преодолѣть и достигнуть прочнаго результата въ Средней Азіи, необходимо составить себѣ планъ дѣйствій ясный, опредѣленный, основанный на тѣхъ средствахъ, которыми мы можемъ располагать въ дѣйствительности, чтобы достигнуть неукоснительно того, что мы предположили. Теперь я въ состояніи лишь собрать данныя и нужныя свѣдѣнія для разработки дальнѣйшихъ соображеній. Мы исполнимъ развѣдочную службу. Если правительство не воспользуется нашими свѣдѣніями для того, чтобы безотлагательно остановиться на какомъ

нибудь положительномъ рѣшеніи и установить осмысленный планъ дѣйствій, тогда, разумѣется, труды наши пропадутъ даромъ. Съ двумя пароходами надлежащей силы (теперь существуетъ лишь одинъ, могущій плавать и то съ грѣхомъ—пополамъ) съ двумя большими баржами на буксирѣ и отрядомъ въ тысячу человѣкъ пѣхоты, съ нѣсколькими сотнями казаковъ, я возьмусь, съ величайшимъ удовольствіемъ, съ будущей весны ¹⁾, занять нижнюю часть рѣки, по теченію которой мы впослѣдствіи можемъ приблизиться на разстояніи 20 переходовъ отъ нынѣшнихъ границъ индійскихъ владѣній Англіи. Къ несчастію у насъ если предпринимаютъ что, то лишь подъ впечатлѣніемъ минуты, а не достаесть у насъ дѣйствительной государственной инициативы для того, чтобы предпринять великое дѣло, съ твердою рѣшимостью неуклонно и настойчиво довести до конца.

Можайскій прибылъ съ Салацкимъ и подарочными вещами, предназначенными для хана Я очень благодаренъ Можайскому за то, что онъ Вамъ доставилъ свѣдѣнія обо мнѣ ²⁾, но опасаясь, что отсутствіе моего почерка Васъ напрасно напугаетъ и будетъ беспокоить. Ждите терпѣливо, надѣясь на милость Божью и на силу Вашей молитвы, правда что мы попали въ довольно опасное положеніе, но въ Кунградѣ умышленно распространяли неблагоприятные, устрашающіе слухи, чтобы насъ запугать, обмануть и заставить отказаться отъ задуманнаго. Убѣдительно прошу Васъ не вѣрить слухамъ, которые могутъ дойти изъ киргизской степи до Петербурга. Эти слухи растутъ, увеличиваются въ размѣрѣ и значеніи, видоизмѣняютъ свой первоначальный смыслъ по мѣрѣ увеличенія разстоянія ими пройденнаго, какъ комокъ снѣга, служащій первообразомъ и основаніемъ альпійскаго завала, обрушиваю-

¹⁾ Если только въ теченіе зимы успѣютъ доставить—подобно тому какъ сдѣлали съ пароходомъ «Перовскій»,—по частямъ въ фортъ № 1, лучший пароходъ изъ Швеціи (заводъ Моталла), собрать его и вооружить до половины Апрѣля.

²⁾ Войдя въ сообщеніе съ флотиліею, онъ написалъ нѣсколько словъ отцу моему и сообщилъ краткія извѣстія о здоровьѣ и о встрѣченныхъ нами затрудненіяхъ, припугившихъ меня отпавиться въ Хиву безъ средствъ сообщенія съ Россіею. Письмо это было переслано, съ бумагами Бутакова, въ фортъ № 1 на «Обручевѣ» и доставлено въ Петербургъ.

щагося въ долину. Опасность, затрудненія жизни и положенія критическія, въ которыя бываетъ поставленъ человѣкъ нормальный, очищаютъ его нравственно, возвышаютъ духъ и выводятъ насъ на прямой путь, съ котораго мы такъ охотно сбиваемся среди искусственныхъ удовольствій и удобствъ обыденной жизни. Въ минуту опасности человѣкъ съ вѣрою и сердцемъ крѣпнѣетъ и бодро выноситъ испытанія, а похвалявшійся отсутствіемъ мнимыхъ предразсудковъ (esprit fort) начинаетъ метаться, чванлившійся же своимъ атеизмомъ зачастую невольно обращаетъ свои взоры къ Всевышнему Покровителю, котораго онъ забылъ при мирномъ пользованіи благами земными. Не въ первый разъ приходится мнѣ присутствовать при этихъ психическихъ измѣненіяхъ душевнаго настроенія и прочувствовать ихъ нравственное воздѣйствіе. Это возвышаетъ душу, но и внушаетъ презрѣніе къ человѣческой слабости. Такимъ путемъ пріобрѣтается жизненный опытъ, замѣняющій много лѣтъ жизни обыденной.

Если будетъ какая либо дѣйствительная опасность, я Вамъ въ ней сознаюсь, а потому прошу Васъ не беспокоиться при полученіи стороною какихъ либо извѣстій обо мнѣ. Неизмѣнная память о Васъ, бездѣльные родители, заставляетъ меня быть благоразумнымъ и принимать мѣры предосторожности, мнѣ несвойственные, единственно потому, что меня преслѣдуетъ мысль Васъ не огорчить моимъ исчезновеніемъ. Хивицы скоты, которые умѣютъ только врать, подозрѣвать, относиться ко всему съ недовѣріемъ; они трусливы, подлы, злы и коварны. Извольте говорить о переговорахъ дипломатическихъ и о заключеніи трактатовъ съ людьми, которые отвѣчаютъ на все ваши краснорѣчивые доводы и убѣдительные для всякаго европейца, доказательства: мы не желаемъ принять ваши предложенія, потому что того совѣтъ не требовали отъ нашихъ предковъ, жившихъ еще счастливѣе насъ; мы не желаемъ нововведеній, мы не нуждаемся въ богатствахъ, потому что довольствуемся тѣмъ, что уже имѣемъ; мы не нуждаемся даже въ хорошо вооруженномъ и обученномъ войскѣ, чтобы предохранить насъ отъ вашего наступленія на Хиву, потому что у насъ много святыхъ,

въ родѣ Полвана и другихъ, которые за насъ будутъ молиться и заступятся, какъ это было во время экспедиціи Перовскаго, собравшагося съ несмѣтнымъ войскомъ завладѣть хивинскимъ ханствомъ и не бывшимъ въ состояніи достигнуть даже тогдашнихъ предѣловъ нашихъ владѣній и т. д. Чтобы договариваться съ ними мирнымъ путемъ надо ждать перерожденія этихъ азіатовъ или же, по крайней мѣрѣ, начать съ того, чтобы отдуть ихъ порядочно и, проучивъ, внушить должное почтеніе къ намъ и тогда уже приниматься съ ними за переговоры, которые можетъ быть и привели бы, въ такомъ случаѣ, къ желаемымъ результатамъ: обезпечить за нами свободное пользованіе р. Аму и личную безопасность русскихъ людей въ ханствѣ».

Безвыходное положеніе, въ которомъ повидимому находилось посольство со времени отплытія изъ Кунграда и въ первые десять дней пребыванія въ Хивѣ, поколебало было мое намѣреніе идти въ Бухару, тѣмъ болѣе что, по доходившимъ до насъ свѣдѣніямъ, эмира не была въ Бухарѣ, а онъ находился во главѣ войскъ своихъ на войнѣ противъ Кокана, и внушило мнѣ мысль вернуться къ первоначальному предположенію Егора Петровича Ковалевскаго, находившаго, что предпринять сразу путешествіе въ оба ханства затруднительно и слишкомъ утомительно, а что слѣдуетъ выполнить это въ два пріема, въ теченіе не одного, а двухъ годовъ, т. е., употребивъ два лѣта и зимовать въ одномъ изъ нашихъ степныхъ укрѣпленій. Впослѣдствіи директоръ Азіатскаго Департамента присоединился къ мнѣнію Великаго Князя Константина Николаевича, желавшаго, на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ Бутаковымъ, основывать всѣ дѣйствія посольства на движеніяхъ флотиліи, такъ какъ предполагалось, что никакого физическаго препятствія не встрѣтится для плаванія судовъ нашихъ до бухарскихъ владѣній и даже до Балка. Мнѣніе это послужило основаніемъ для рѣшеній комитета, постановившаго направить посольство чрезъ Хиву въ Бухару, въ предположеніи, что если не удастся окончить въ одну навигацію, то посольство прозимуетъ въ Бухарѣ и вернется весною въ Оренбургъ. Подъ впечатлѣніемъ

неблагопріятныхъ свѣдѣній, полученныхъ съ разныхъ сторонъ о положеніи дѣлъ въ Бухарѣ, я составилъ для отсылки въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ записку, въ которой изложилъ причины, заставляющія предпочесть отложить поѣздку посольства въ Бухару до слѣдующей весны:

1) Если хивинскій ханъ, при всей слабости ханства и будучи напуганъ нами, не согласится на условія, ему предложенныя, то какъ ожидать болѣе уступчивости отъ хана бухарскаго, считающаго себя за самого могущественнаго государя Средней Азіи, болѣе отдаленнаго отъ нашихъ военныхъ средствъ и избалованнаго нами доселѣ болѣе, нежели Хива.

2) Теперь самое неудобное время, чтобы идти въ Бухару, ибо ханъ будетъ несравненно менѣе уступчивъ, нежели въ 1841 г., когда посольство претерпѣло совершенную неудачу; нынѣ а) онъ покорилъ Шахри-Себзъ, б) отрѣзалъ уши и носъ у коканскихъ посланцевъ, потребовалъ, чтобы коканскій ханъ сошелъ съ престола, уступивъ оный воспитанному въ Бухарѣ сыну Медемли-хана, в) у хивинскаго хана потребовалъ бухарскій эмиръ также, чтобы онъ сошелъ съ престола, уступивъ оный другому сыну Медемли-хана, зятя его, и чеканилъ бы монету на имя эмира, г) отъ употребленія опиума и разныхъ излишествъ эмиръ почти сошелъ съ ума.

3) Несравненно выгоднѣе дожидаться смерти эмира и послать посольство, когда воцарится его сынъ, содержимый нынѣ подъ арестомъ въ Карши.

4) Эмиръ требуетъ, чтобы хивинцы не пропускали нашего парохода и посольства, не желая видѣть на р. Аму судовъ русскихъ и опасаясь показать намъ новую дорогу въ Бухару.

5) Хивинцы не хотятъ пропустить посольство прямо въ Бухару, не пропускаютъ нашихъ чабаровъ (курьеровъ) въ Бухару и намѣрены,—если я непремѣнно потребую пропуска посольства,—напасть на оное на пути.

6) Невозможность,—вслѣдствіе опасеній капитана 1-го ранга Бутакова и недостатка въ продовольствіи и въ запасѣ угля для

парохода, подняться въ нынѣшнемъ году до Чарджуя и Балка,— уничтожаетъ существенную цѣль посольства; лучше сохранить этотъ предлогъ, для плаванія нашихъ пароходовъ, до будущей весны и приготовить надлежащимъ образомъ флотилію.

7) Эмиръ недоволенъ лично мною за то, что я пошелъ не прямо въ Бухару, а первоначально въ Хиву и, по довольно вѣрнымъ свѣдѣніямъ, считаетъ себя въ правѣ быть недовольнымъ русскимъ Правительствомъ: а) за то что будто бы посланецъ его былъ очень дурно принятъ въ Петербургѣ; б) что онъ былъ задержанъ мѣсяцъ въ Орской крѣпости, при пріѣздѣ; в) что Русское Правительство не удовлетворило бухарскихъ купцовъ за разграбленные якобы нашими киргизами караваны; г) что не удовлетворило бухарскихъ торговцевъ за сожженные въ форть № 1 двѣ бухарскія лавки; д) за то что держать въ Россіи (будто бы) бухарцевъ въ плѣну.

8) Я не могъ бы достигнуть теперь въ Бухарѣ ни одной изъ предпринятыхъ цѣлей: а) *изслѣдованіе рѣки* безъ парохода не могло быть произведено, ибо пришлось бы идти бечевою на баркахъ хивинскихъ и употребить до 20 дней, чтобы дойти до Усти или до Хераджа, т. е. до поворота въ Каракуль, а лошадей снова вести отдѣльно; при настоящемъ же расположеніи хивинцевъ и неувѣренности въ расположеніи бухарцевъ, сіе было бы не только безразсудно, но и невозможно; б) *войти въ сношенія съ Балкомъ, Афганистаномъ и т. д.* съ парохода удобно, а изъ Бухары, въ особенности при распространенныхъ уже слухахъ о посольствѣ—невозможно; в) *освобожденіе русскихъ плѣнныхъ*—это, какъ говорятъ, большею частью дезертиры, не желающіе возвратиться, при томъ эмиръ сошлетъ на то, что онъ просилъ о бухарцахъ, задержанныхъ будто бы въ Россіи и даже, если хорошо къ намъ расположенъ, то едва ли согласится на ту выдачу людей, находящихся у него преимущественно на военной службѣ; г) *свободное плаваніе по р. Аму нашихъ судовъ*, ежели хивинцы не согласятся, то эмиръ можетъ мнѣ отвѣтить, даже при особенно добромъ расположеніи и не желая сдѣлать отказа, что не къ чему просить о свободномъ плаваніи судовъ, тогда какъ въ устьѣ не будутъ насъ пропускать; торговые люди въ Бухарѣ ни за что не

хотятъ возить свои товары этимъ путемъ, опасаясь поборовъ хивинцевъ; ежели торговые люди не хотятъ того, то эмиръ,—въ особенности при дурныхъ слухахъ, дошедшихъ до него изъ Хивы,—вѣроятно, ни за что не согласится; д) въ 1841 г. эмиръ не согласился на такую сбавку пошлины, какую мы теперь желаемъ истребовать. При настоящемъ же положеніи дѣла еще болѣе сомнительно, чтобы онъ согласился вступитъ въ переговоры по этому предмету; сбавка пошлины ни къ чему не ведетъ, пока оцѣнка товаровъ зависитъ отъ произвола; надо добиваться, чтобы брали пошлину послѣ распродажи; по продажнымъ цѣнамъ, а на это эмиръ не согласится, безъ особенной причины, и ежели торговцы заблаговременно не будутъ къ сему подготовлены; е) ежели и вытребовать у эмира дозволеніе на пребываніе въ Бухарѣ нашего караванъ-баши, то положеніе его будетъ до того безвыходное, что ничего нельзя будетъ сдѣлать; лучше попробовать прислать когда нибудь съ однимъ изъ нашихъ каравановъ офиціальнаго караванъ-баши и посмотрѣть, какъ его примутъ и что изъ этого выйдетъ.

9) Подарочныя вещи наши разбиты и разломаны отъ дороги; въ Хивѣ еще можно объяснить это, сваливъ все на затрудненія вынужденныхъ хивинцами перегрузокъ; эмиръ же, по строптивому своему характеру, вѣроятно, не приметъ никакихъ извиненій.

10) Эмиру передали изъ Хивы ложные слухи о нашемъ посольствѣ, о сношеніяхъ съ туркменами, о мнимыхъ проискахъ съ киргизами, за фактъ, такъ что онъ ожидаетъ посольство съ крайнею недоувѣрчивостью и не только не согласится на какія либо условія, но приметъ дурно и даже, какъ слышно, хочетъ задержать въ Бухарѣ посольство до возвращенія своихъ каравановъ изъ Россіи.

11) Англичанъ въ Бухарѣ нѣтъ и даже въ настоящее время нѣтъ привезенныхъ афганцами англійскихъ товаровъ, такъ что противодѣйствовать нынѣ англійскому вліянію нечего и опасаться ихъ успѣховъ нельзя.

12) По вѣрнымъ свѣдѣніямъ бухарскій эмиръ собирается нынѣшнею осенью въ походъ на Коканъ, такъ что посольство можетъ прибыть во время его отсутствія и просидѣть напрасно и въ бездѣйствіи

неопредѣленное время, что едва ли сообразно съ достоинствомъ Россіи.

13) Такъ какъ, вслѣдствіе ложныхъ слуховъ изъ Хивы, бухарскій эмиръ будетъ чрезвычайно недовѣрчивъ къ миссіи, то онъ, вѣроятно, воспрепятствуетъ отправленію чабаровъ и какимъ либо сношеніямъ нашимъ съ сосѣдними странами ¹⁾.

14) Поматнувшееся ²⁾ здоровье мое заставляетъ опасаться, что я не выдержу всего странствованія.

15) Если конвой былъ малочисленнѣе и въ особенности составъ миссіи, то можно бы рисковать идти по берегу р. Аму, но большой караванъ, въ случаѣ отказа эмира, подвергнется опасности.

16) Самое лучшее послать весною четыре судна нашихъ въ Бухару и на нихъ посланца. Тогда отъ Ханыкова уже будутъ получены свѣдѣнія и легче будетъ распорядиться дальнѣйшимъ развитіемъ сношеній.

Изложивъ мое мнѣніе Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, основанное на соображеніяхъ, выведенныхъ изъ имѣвшихся въ то время свѣдѣній, для объясненія причинъ измѣненія программы путешествія посольства на случай, если бы мнѣ пришлось оставить Хиву и идти въ фортъ № 1, я тѣмъ не менѣе продолжалъ слѣдовать предписаніямъ инструкціи, мнѣ данной, стараясь уговорить хивинцевъ на принятіе нашихъ предложеній и изыскивая возможность пройти въ Бухару, безъ пособія флотиліи, караваннымъ способомъ, не подвергая конвой своего раздѣленію и не ослабляя такимъ образомъ нашего малочисленного отряда.

Недоразумѣнія, возникшія между Бутаковымъ и Есауль-башею, постоянное противорѣчіе между отношеніемъ кунградскихъ властей къ русскимъ и завѣреніями хана, вынудили меня отправить, для скорѣйшаго разъясненія обстоятельствъ, объясненія съ Бутаковымъ и ускоренія прибытія подарочныхъ вещей, безъ которыхъ я, по

¹⁾ По инструкціи предполагалось, что я войду въ сношеніе изъ Бухары съ Ханыковымъ въ Гератъ, съ Афганистаномъ, Балкомъ, Кундузомъ и прочими средне-азиатскими владѣніями, лежащими на р. Аму.

²⁾ Въ первые дни моего пребыванія въ Хивѣ.

обычаю страны, не могъ начать официальныхъ переговоровъ, состоявшаго при мнѣ оренбургскаго чиновника Галкина въ г. Кунградъ. Но коварные хивинцы не пропустили его обратно ко мнѣ съ донесеніемъ и онъ вынужденъ былъ остаться на пароходѣ «Перовскій», вскорѣ отошедшемъ въ Улькунъ-Дарю, и затѣмъ вернувшимся въ фортъ № 1 на зиму.

Не входя въ описаніе скучныхъ и неинтересныхъ переговоровъ нашихъ съ хивинцами и происходившихъ между нами ежедневно споровъ и пререканій, замѣчу, что я нѣсколько разъ долженъ былъ объясняться лично съ ханомъ Сеидъ-Мохаммедомъ, по дѣла наши подвигались очень туго, хотя одно время казалось, что будто большая часть нашихъ предложеній принимаются Мехтеромъ. Съ первыхъ дней нашихъ бесѣдъ съ хивинцами нельзя было не замѣтить, что тогдашнее положеніе дѣлъ въ Хивѣ было самое неблагопріятное для пребыванія русскаго посольства и заключенія предположеннаго договора. Въ 1841 г. ханъ Рахимъ-Куль вступилъ на престолъ во время пребыванія миссіи Данилевскаго въ Хивѣ, не успѣлъ еще опериться, былъ слишкомъ неопытенъ, молодъ и боязливъ, чтобы не подпасть подъ вліяніе нѣкоторыхъ изъ своихъ сановниковъ, управлявшихъ дѣлами ханства при отцѣ его Алла-Куль. Изъ нихъ перво-степеннымъ значеніемъ пользовался Мехтеръ, ворочавшій всеми дѣлами ханства, пережившій нѣсколько хановъ, нажившій себѣ лихоимствомъ и грабительствомъ огромное состояніе и убитый въ прошломъ году, одновременно со всеми своими родственниками, ханомъ Сеидъ-Мохаммедомъ, считавшимъ себя до того небезопаснымъ на престолѣ. Пока живъ былъ покойный Мехтеръ, стоило только поднести ему получше подарки и условиться съ нимъ о томъ, что намъ нужно получить отъ хана, и все могло быть улажено. Въ 1859 г. положеніе было совершенно иное. Сеидъ-Мохаммедъ никому изъ своихъ сановниковъ не довѣрялъ, боялся ихъ козней, подозрѣвалъ всѣхъ и каждого, хотѣлъ все знать и дѣлать самъ, отстраняя возможность, чтобы совѣтники его могли подпасть подъ вліяніе наше, быть нами подкуплены и имѣть какое либо участіе въ рѣшеніи дѣла. Два лица только пользовались, по своему родству съ ханомъ, ббль-

нимъ вѣсомъ и значеніемъ, нежели остальные приближенные: эмиръ-Эль-Омра, старшій братъ хана, и Купъ-беги, зять хана. На бѣду оба считали и имѣли нѣкоторое основаніе считать себя обиженными Русскимъ Правительствомъ, ибо у меня не было къ нимъ ни писемъ, ни подарковъ. Прочіе сановники, не исключая и самого Мехтера, хотя и занимались текущими дѣлами ханства, но не имѣли значительнаго голоса въ совѣтѣ, обсуждающемъ главнѣйшія дѣла, въ присутствіи и по приказанію хана.

«Рѣшительно все доводится, писалъ я директору Азіатскаго Департамента, до свѣдѣнія хана, такъ что безъ его разрѣшенія никто въ Хивѣ и переговорить съ кѣмъ либо изъ русскихъ не смѣетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сеидъ-Мохаммедъ не имѣетъ достаточно твердости духа, опытности въ дѣлахъ и увѣренности въ себѣ, чтобы самостоятельно обдумать и рѣшить что либо, по собственному разуму въ дѣлѣ государственномъ, а потому прибѣгаетъ безпрестанно къ сужденію многочисленнаго совѣта, никогда не приходящаго къ какому либо заключенію, пока ханъ не выскажетъ своей воли. Такой совѣтъ, очевидно, затрудняетъ еще болѣе ходъ дѣла ¹⁾. Стѣсненный съ одной стороны туркменами, зная намѣреніе киргизовъ перейти въ русское подданство, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ бухарскаго эмира, коего онъ страшится несравненно болѣе Россіи, опасаясь однако же нашего сосѣдства и крайне встревоженный нашими отрядами въ степи и нашею флотиліею Аральскою, Сеидъ-Мохаммедъ видитъ въ каждой уступкѣ въ пользу русскихъ конечную свою гибель и ущербъ собственному достоинству, тѣмъ болѣе, что въ этомъ смыслѣ дѣлаются ему постоянныя внушенія хитрымъ Насръ-Уллою ²⁾).

Никто изъ хивинцевъ, даже самые ближайшіе его родственники, не смѣли говорить что либо въ нашу пользу, боясь полатиться тотчасъ жизнью, по подозрѣнію въ измѣнѣ».

¹⁾ И совѣтъ не пригоденъ для дипломатическихъ переговоровъ, тѣмъ болѣе, что обиденный составъ сановниковъ и приближенныхъ хапскихъ, пополнялся въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, какъ напр., вопросъ объ уступкахъ иностранцамъ, случайными членами: муллами, дервишами и тому подобными фанатиками.

²⁾ Престарѣлый и дальновидный эмиръ бухарскій.

Положеніе наше въ Хивѣ, въ первое время нашего тамъ пребыванія, было дѣйствительно весьма тягостное. Недовѣріе къ намъ и дурное расположеніе хана простиралось до того, что, подѣ страхомъ смертной казни, запрещено было жителямъ насъ посѣщать, останавливаться на улицахъ, когда кто либо изъ русскихъ показывался, и говорить съ нами. Хивинцы было вздумали требовать отъ меня, чтобы я запретилъ членамъ посольства и конвойнымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ отлучаться изъ дома и сада, намъ отведенныхъ, безъ особаго, каждый разъ, ханскаго разрѣшенія. Мы были какъ бы взяты подѣ стражу и содержимы подѣ арестомъ. Вооруженные хивинцы окружали наше помѣщеніе и даже на плоскихъ крышахъ глиняныхъ мазанокъ, въ которыхъ мы обитали, были днемъ и ночью хивинцы, которые присматривали, въ отверстія, сдѣланныя въ потолкахъ, за тѣмъ, что дѣлается у насъ внутри. Члены посольства и офицеры размѣщены были также, какъ и я, въ мазанкахъ, именовавшихся дворцовыми строеніями, а конвой стоялъ бивакомъ на дворѣ и въ части сада. Часовые и дежурные часть охраняли насъ отъ нечаяннаго нападенія, которое мы могли всегда ожидать. Въ народѣ ходили самыя дикіе слухи о насильственныхъ дѣйствіяхъ русскихъ на взморьѣ и въ устьяхъ р. Аму, а также въ степи и всякій, проходящій мимо русскихъ на улицѣ или передъ помѣщеніемъ нашимъ, хивинецъ считалъ себя въ правѣ и обязаннымъ ругать насъ и разсыпать угрозы, по нашему адресу, напоминая намъ объ участи отряда Бековича-Черкаскаго. Для острастки и угнетенія нашего духа, хивинцы часто подходили, вечеромъ, утромъ на разсвѣтѣ или даже однажды ночью, толпою къ оградѣ, окружавшей наше помѣщеніе и при звукахъ барабана и оглушительной музыки, оставались нѣкоторое время въ нашемъ сосѣдствѣ, а хивинская стража и Диванъ-беги выказывали при этомъ безпокойство и опасеніе за нашу личную безопасность. Въ видѣ также внушенія провели однажды около насъ плѣнную персидскую военную команду, съ барабанщиками, отбивавшими по нашему уставу скорые и тихіе шаги, взятую туркменами близъ Астрабада и проданную въ неволю въ Хиву. Нѣсколько туркменскихъ всадниковъ окружали несчастныхъ и запуганныхъ регу-

лярныхъ персидскихъ солдатъ, сохранившихъ форму и внѣшнюю военную выправку.

Ханъ былъ въ недоумѣніи, какъ поступить съ миссіею и чего держаться. Въ теченіе первой недѣли нашего пребыванія, ежедневно, собирався у него многочисленный совѣтъ, на который призваны были даже торговые люди и нѣкоторые изъ старшинъ киргизовъ и мирныхъ туркменъ, живущихъ въ предѣлахъ ханства. Въ совѣтѣ этомъ обсуждалось, всякій разъ по нѣсколько часовъ, сряду, что съ посольствомъ дѣлать, какъ принять, какъ поступить съ нашими предположеніями и съ флотиліею и, главное, какимъ образомъ отъ насъ избавиться.

До чего простирались невѣжество и глупая подозрительность хивинцевъ, что они вообразили почему то, что я намѣренъ послѣдовать примѣру туркменскаго посланца ¹⁾, убившаго предшественника Сеида, хана Кутлу-Мурада, во время аудіенціи. Долго разсуждали, на основаніи этого нехорошаго предположенія, и рѣшили было, что меня совсѣмъ не слѣдуетъ допускать лично до хана. Вздумали было требовать отъ меня, чтобы я, отправляясь въ первый разъ къ хану, взялъ съ собою одного лишь переводчика и снялъ бы непременно оружіе при входѣ. Само собою разумѣется, что унижительное предложеніе это было мною категорически отклонено и я объявилъ посланцу хана, что сей послѣдній меня безъ сабли моей не увидитъ и что я ему представлю всѣхъ членовъ посольства или же вовсе не поѣду во дворецъ. Правильныя сообщенія наши съ флотиліею и Россіею было прерваны, ибо киргизовъ нашихъ хивинцы запугали до того, что даже ни одинъ изъ разсыльныхъ нашихъ не брался довести почту, въ особенности послѣ того какъ чабара, привезшаго бумаги и письма отъ Генералъ-Адъютанта Катенина, въ Хиву, на другой день нашего туда прибытія, т. е. 19 Юля, захватили на слѣдующій день, когда онъ вышелъ изъ помѣщенія посольства, посадили его въ

¹⁾ Бій Мохаммедъ-Ніазъ, предводительствовавшій туркменами, подступилъ къ Хивѣ и явился во дворецъ ханскій, подъ предлогомъ поклониться Кутлу-Мураду, въ качествѣ посланника Ата-Мурада, избраннаго туркменами ханомъ. Во время аудіенціи Кутлу-Мурадъ былъ убитъ вмѣстѣ съ 7 сановниками, бывшими при немъ.

ужасный острогъ, долго допрашивали, дѣлали ему всевозможныя угрозы и возвратили намъ только вслѣдствіе моего энергическаго, настоятельнаго требованія, доходившаго до угрозы немедленнаго отъѣзда изъ столицы. По всѣмъ дорогамъ, ведущимъ изъ Хивы, разставлены были караулы съ приказаніемъ не пропускать ни ко мнѣ, ни отъ меня разсыльныхъ. Присмотръ за нами былъ такой бдительный и придирчивый, что я не могъ, до 2 Августа, найти случай отправить въ Бухару преданнаго намъ киргиза, для разузнанія тамъ положенія дѣлъ и передачи бухарскому визирю письменнаго уведомленія о моемъ слѣдованіи въ Бухару изъ Хивы сухопутно. Лишь чрезъ приказчика Панфилова успѣвалъ я, вначалѣ, добывать свѣдѣнія и провѣрять доходящія до насъ отъ хивинцевъ и киргизъ слухи. Всѣ мѣстные жители, оказавшіе какую либо услугу намъ или нашимъ разсыльнымъ киргизамъ, брались подъ стражу и допрашивались сановниками. Нѣкоторые изъ старшинъ киргизскихъ, даже Азбиргенъ, — на коихъ пало подозрѣніе, что они намъ сочувствуютъ или находятся въ сношеніи съ нами и хотятъ перекочевать въ наши предѣлы, были вытребованы въ Хиву для объясненій и нѣкоторые изъ нихъ взяты подъ стражу.

Есаулъ-баши продолжалъ намъ вредить изо всѣхъ силъ. Онъ безпрестанно присылалъ донесенія изъ Кунграда о мнимыхъ враждебныхъ замыслахъ нашихъ, о томъ, что пароходъ нашъ вошелъ силою въ рѣку, несмотря на оказанное, по его распоряженію, сопротивленіе; что на судахъ нашихъ находится множество оружія, боевыхъ запасовъ и людей и т. п. Со страха ему показалось даже, что у Бутакова какая то подводная лодка, которая «можетъ пробраться незамѣтно подъ водою», что кромѣ двухъ судовъ, непосредственно угрожающихъ Кунграду, у насъ множество другихъ судовъ, по сознанію нашихъ моряковъ, на Аральскомъ морѣ, что на Усть-Уртѣ стоятъ русскіе отряды, изъ которыхъ одинъ расположенъ у Бековичей ¹⁾ крѣпости Девлетъ-Гирей. Съ р. Сыра дано знать хивинцамъ

¹⁾ Это была съемочная оренбургская партія, подъ прикрытіемъ конвоя. По преданію крѣпость была построена Бековичемъ-Чоркаскимъ при движеніи его къ Хивѣ. Названіе «Бековичей крѣпость» сохранилось у хивинцевъ.

будто собирается отрядъ въ фортъ № 1 и что самъ Генералъ-Губернаторъ уже выступилъ въ походъ. Одновременно распространилось извѣстіе—какъ оказалось впоследствии имѣвшее нѣкоторое основаніе—о сношеніяхъ Генералъ-Губернатора съ даукаринскими киргизами, считавшимися хивинскими подданными, и о какомъ то воззваніи къ нимъ начальника края. Наконецъ 25 Іюля пришло извѣстіе, что въ Кунградъ прибылъ 3-й пароходъ ¹⁾, а 4-й сталъ будто бы у устья.

Недоумѣніе и злобная трусость хивинцевъ возросла до того, что ханъ прислалъ ко мнѣ 25 Іюля, поздно вечеромъ, прямо изъ совѣта, просидѣвшаго въ сборѣ, во дворцѣ, съ 5 ч. по полудни до утра, т. е. всю ночь двухъ приближенныхъ чиновниковъ (одинъ изъ нихъ Якубъ-Мехремъ—старшій изъ его личныхъ адъютантовъ) спросить меня категорически и требовать отъ меня положительнаго отвѣта: считать ли ему меня за мирнаго посланца, прибылъ ли я съ дружескимъ намѣреніемъ или съ войною. Дальше этого, конечно, нельзя было идти, въ сношеніяхъ между начальникомъ русской миссіи и владѣтелемъ, къ которому онъ акредитованъ. Это крутое объясненіе мое съ хивинцами и неизвѣстность, въ которой я находился о флотилии со времени пребыванія Бутакова у Кунграда и вынудили меня объявить хану, что я увѣренъ въ лживости дошедшихъ до него донесеній и слуховъ, но что, не имѣя, по милости Есаулъ-баши, прямыхъ сообщеній съ пароходомъ, я могу лишь командировать отъ себя довѣреннаго чиновника, для выясненія происхожденія въ Кунградѣ и для прекращенія недоразумѣній. Официальное порученіе это дано было М. Н. Галкину, котораго я просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ уговорить Бутакова,—разъ, что онъ не въ состояніи идти вверхъ по рѣкѣ и оказать существенное содѣйствіе посольству,—прекратить не только бесполезное, но вредное стояніе подъ Кунградомъ и уйти въ Улькунъ-Дарью, положивъ конецъ сношеніямъ съ Есаулъ-башеею и напраснымъ передвиженіямъ судовъ фло-

¹⁾ Въ своемъ повѣствіи хивинцы принимали баржи (ихъ было двѣ) за такой же пароходъ какъ «Перовскій», 4-е судно было, вѣроятно, «Обручевъ».

тили въ устьяхъ и рукавахъ р. Аму. Съ Галкинымъ послалъ я почту и, между прочимъ, писалъ директору Азіатскаго Департамента, шифромъ: «надо намъ большую осторожность въ дѣйствіяхъ, чтобы не сдѣлать положеніе миссіи безвыходнымъ. Вѣдь наше изслѣдованіе нижняго теченія Аму достигнуто вполне. Эмиръ бухарскій, чрезъ посланца, проситъ хивинцевъ не пропускать насъ далѣе по рѣкѣ. Хивинцы хотятъ заставить меня вернуться въ Казалу, чтобы оттуда уже идти, если желаю, въ Бухару. Они не соглашаются на пропускъ судовъ нашихъ и на пребываніе въ Хивѣ агента и считают лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи, все Аральское море и Усть-Уртъ своимъ ¹⁾, требуя моего признанія сего. Несмотря на нелегкость для насъ военнаго предпріятія на Хиву и слабость ханства, узбеки ослѣплены до того, что убѣждены въ своей неприступности. Не ожидаю благоприятнаго результата и въ Бухарѣ. Разсылный, доведшій мнѣ изъ Казалы Ваше письмо, подвергался большой опасности. Его больной товарищъ взять уже въ тюрьму, также какъ и всѣ каракалпаки, бывшіе въ сношеніяхъ съ нашими разсылными киргизами ²⁾. Сына Исета хотѣли захватить и оставить въ залогъ въ Хивѣ ³⁾. Азбиргену угрожаетъ также опасность за доставленіе намъ свѣдѣній. Вчера взяли нашего чабара для допроса къ Кушъ-беги. Требую настоятельно выдачи мнѣ нашихъ арестованныхъ киргизъ». Я писалъ отцу, въ первыхъ числахъ Августа: «не могу еще добиться никакого отвѣта на заявленныя предложенія наши. Терпѣніе мое почти истощилось. Я послалъ сегодня сказать первому министру (Кушъ-беги—разбойникъ какихъ мало), что не могу здѣсь оставаться долѣе какъ до 15 числа сего мѣсяца и что ни въ какомъ

¹⁾ Какъ мнѣ неоднократно заявляли Диванъ-беги, Мехтеръ, Кушъ-беги и впоследствии самъ ханъ, который и настаивалъ на мнимыхъ своихъ правахъ на обширную территорию.

²⁾ Изъ Казалы разсылные пріѣхали въ каракалпакскія поселенія и искали насъ въ окрестностяхъ Кунграда, а потомъ, при пособіи каракалпаковъ, добрались благополучно до Хивы.

³⁾ Узнавъ о томъ своевременно, чрезъ посланнаго Исетомъ киргиза, я успѣлъ доставить ему возможность скрыться въ киргизскихъ кочевьяхъ и потомъ пробраться къ отцу.

случаѣ ему не удастся меня задержать безъ того, чтобы я вполне не выяснилъ намѣренія и расположеніе хана относительно Россіи».

Твердымъ, хотя и миролюбивымъ образомъ дѣйствій, хладнокровнымъ терпѣніемъ,—которое мнѣ было очень трудно выдержать, неослабною настойчивостью въ обращеніи съ коварнымъ, грубымъ и въ высшей степени невѣжественнымъ азіатомъ, не сознававшимъ своего ничтожества въ сравненіи съ величіемъ Россіи,—мнѣ удалось, наконецъ, улучшить постепенно наше положеніе. Главное—я успѣлъ внушить сановникамъ, имѣвшимъ со мною сношенія, нѣкоторое довѣріе къ себѣ лично, къ моему слову и заставить ихъ сильно опасаться за послѣдствія ихъ непозволительнаго поведенія относительно посольства, поведеніе которое я имъ почти ежедневно, не стѣсняясь, характеризовалъ по достоинству и выставлалъ на видъ при каждомъ случаѣ. Захваченныхъ киргизъ нашихъ мнѣ выдали и нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ удалось благополучно вернуть въ степь. Двое однако же изъ нашихъ чабаровъ, везшихъ почту и нашъ караванъ-башъ, возвращавшійся на родину, были убиты и почта пропала. Хивинцы сваливали это преступленіе на бродячія туркменскія шайки, но мы имѣли поводъ подозрѣвать въ этомъ преступленіи—исполненіе звѣрскихъ распоряженій Есаулъ-баши. Въ концѣ третьей недѣли нашего пребыванія хивинскіе чиновники измѣнились въ обращеніи къ намъ: стали вѣжливіе, обходительнѣе и любезнѣе. Чины миссіи, нижніе чины и наши киргизы стали свободно ходить по городу, входить въ лавки, дѣлать закупки и пр. Лерхе покупалъ рукописи и дѣлалъ свои изысканія, а топографы воспользовались, по моему порученію, свободою движеній по городу и ближайшимъ окрестностямъ, чтобы, скрытно отъ азіатцевъ, снять довольно подробный планъ Хивы ¹⁾.

¹⁾ Замѣчательно, что въ Главномъ Штабѣ, куда представленъ былъ этотъ планъ, забыли про него и онъ находился въ военно-топографическомъ депо, когда шли приготовления къ хивинскому походу. Узнавъ о нихъ я написалъ изъ Константинополя директору Азіатскаго Департамента, чтобы напомнить о нашихъ трудахъ, которые могли пригодиться и облегчить дѣйствія нашихъ войскъ. Мнѣ отвѣтили, что планъ фотографированъ и въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ посланъ вслѣдъ за оренбургскимъ отрядомъ. Покойный Скобелевъ увѣрялъ меня, что ящикъ, въ которомъ

Ханъ предполагалъ сначала дѣло повести такъ, чтобы, не доводя до окончательнаго разрыва съ нами, принять подарки Царскіе, но не принимать нашихъ предложеній касательно плаванія судовъ и отпустить посольство ласково, хотя безъ всякаго положительнаго отвѣта. Самые тяжелые дни нашего пребыванія въ Хивѣ были первые 10 дней, когда еще не прибыли $\frac{1}{2}$ конвоя и наши лошади и когда пришло извѣстіе о появленіи 3-го судна въ Кунградѣ. Хану я объяснилъ, что хивинцы сами вызвали неожиданный для меня приходъ этого послѣдняго: такъ какъ сообщеніе посредствомъ разсылныхъ киргизъ оказалось невѣрнымъ и многіе изъ нихъ исчезли безслѣдно, то, не получая отъ меня давно извѣстій, начальникъ края прислалъ изъ форта № 1 третье судно за вѣстями о насъ и, вѣроятно, съ почтою изъ Россіи. Ханъ согласился, наконецъ, по моему настоянію на оставленіи въ Улькумъ Дарѣй двухъ изъ судовъ флотиліи и успокоился командированіемъ М. Н. Галкина къ Бутакову, отправивъ съ нимъ хивинскаго чиновника, которому приказано было распорядиться немедленнымъ доставленіемъ почты съ парохода. Ханъ не допускалъ прямыхъ сношеній посольства ни съ Мехтеромъ, ни даже съ родственникомъ своимъ Куншъ-беги и заявилъ желаніе вести переговоры со мною лично, не довѣряя ихъ своимъ сановникамъ. Когда было нужно съ ними сноситься, я обыкновенно не ѣздилъ лично, а посылалъ къ нимъ секретаря съ драгоманомъ или просто одного изъ двухъ переводчиковъ моихъ. Пропуску нашихъ судовъ въ завѣтную рѣку противился, какъ утверждали хивинцы, не только бухарскій эмиръ, «требовавшій отъ хана, чтобы онъ не смѣлъ пропускать парохода въ Аму», и съ которымъ ханъ пересылался посланцами, во время пребыванія нашего въ Хивѣ ¹⁾, но и все мѣстное торговое сословіе, опасаящееся, что при перевозкѣ товаровъ водою вся торговля перейдетъ неминуемо въ руки русскихъ купцовъ. Чтобы ослабить предраз-

были планы г. Хивы, опоздалъ, полученъ былъ на другой день послѣ атаки на городскія ворота и Скобелевъ имѣлъ случай удостовѣриться въ его вѣрности и точности, сожалѣя, что не полученъ онъ былъ своевременно въ отрядѣ.

¹⁾ За два дня до нашего прибытія въ Хиву отправился ханскій посланецъ въ Бухару, тогда какъ оттуда прибылъ посланецъ эмира за нѣсколько дней передъ тѣмъ.

судьи хивинскихъ торговцевъ и доказать имъ осязательно преимущество водяного сообщенія надъ верблюжьими караванами, я предложилъ хивинскимъ купцамъ доставить, безденежно, въ фортъ № 1, для дальнѣйшаго отправленія оттуда караваномъ, въ Оренбургъ, товары, предназначавшіеся въ Россію, но оставшіеся въ Кунградѣ, за недостаткомъ верблюдовъ, вслѣдствіе вышеупомянутаго на нихъ мора. Хивинскіе торговцы рѣшительно отказались воспользоваться даровою и скорою перевозкою, объявивъ, что согласятся скорѣе, чтобы заготовленный товаръ у нихъ сгнилъ на мѣстѣ и оставался непроданнымъ, чѣмъ погрузить его на русскія суда въ Кунградѣ. Побѣдить такое закоренѣлое невѣжество, недовѣріе и недоброжелательство цѣлаго населенія нельзя однимъ краснорѣчіемъ или силою доводовъ; нужно для сего какое либо сильное потрясеніе или примѣненіе силы физической извнѣ, чтобы хивинцы покорились необходимости неотвратимой. Во время аудіенціи хана, 2-го Августа, я ему подробно разъяснилъ всѣ наши требованія и доказалъ ихъ основательность, указавъ также на пользу, которую извлекутъ хивинцы изъ установленія прочныхъ торговыхъ сношеній съ Россіею. Сеидъ-Мохаммедъ оказалъ мнѣ большое вниманіе и, по-азіатски, даже отличіе, возражая настоятельно только противъ плаванія судовъ нашихъ, при томъ онъ ссылаясь на сопротивленіе эмира бухарскаго и своихъ торговцевъ. Я оставилъ въ его рукахъ письменный переводъ проекта акта, который предлагалъ хану подписать для скрѣпленія дружественныхъ отношеній съ Россіею.

Затѣмъ почти ежедневно долженъ я былъ опровергать замѣчанія, возраженія и недобросовѣстные заключенія, которыя дѣлались хивинцами. Хотя и медленно, но дѣло какъ будто и подвигалось къ благопріятному концу. Съ первыхъ же дней моего пребыванія въ Хивѣ, я однакоже убѣдился, что если и удастся подвинуть хана на заключеніе обязательнаго для хивинцевъ акта, то этотъ невѣжественный и вѣроломный народъ не исполнитъ его при первомъ удобномъ случаѣ; лишь постоянная близость опасности и присутствіе внушительной военной силы могутъ исподволь приучить хивинцевъ къ исполненію договора. Это заключеніе я тотчасъ же высказалъ, въ

донесеніяхъ моихъ, а также въ письмахъ къ директору Азіатскаго Департамента и къ отцу. «Если мы хотимъ, чтобы наши суда плавали по р. Аму, намъ придется, рано или поздно, занять устье р. Аму и построить тамъ укрѣпленіе для обезпеченія пропуска нашихъ судовъ» писалъ я вскорѣ по прибытіи Хиву.

«Имѣя теперь въ виду, что русскіе, рано или поздно, войдутъ въ рѣку, хивинцы уже въ настоящее время стали придумывать средства преградить намъ, въ случаѣ надобности, физически, плаваніе, и предполагаютъ построить къ будущей веснѣ крѣпость между Улькунъ-Дарьею и Талдыкомъ и прорыть каналъ, чтобы Аму, близъ Кунграда, обмелѣла».

Другого средства для предохраненія предвидѣннаго перехода въ наши руки Кунграда Есауль-баши не находилъ. Относительно пребыванія въ ханствѣ русскаго торговаго агента, ханъ изъявилъ принципиальное согласіе, но выразилъ желаніе, чтобы онъ былъ въ Хивѣ только временно, прибывая ежегодно съ первымъ оренбургскимъ караваномъ и удаляясь изъ предѣловъ ханства по окончаніи всѣхъ торговыхъ дѣлъ съ русскими подданными. Ознакомившись съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ Хивѣ, я находилъ излишнимъ отстаивать право постоянного жительства въ этомъ городѣ нашего агента, сознавая, что положеніе его въ ханствѣ было бы такъ затруднительно, безнадежно и даже опасно лично, что для Россіи было бы несравненно выгоднѣе присылать временнаго агента, нежели держать здѣсь, съ большими расходами, постоянного агента, который, если струситъ и поддастся хивинцамъ, будетъ не только бесполезенъ, но вреденъ; если же будетъ надлежащимъ образомъ, стойко и твердо отстаивать русскіе интересы, то можетъ ежечасно подвергаться личной опасности, быть отравленнымъ, и входя въ столкновенія не только съ ханскими чиновниками, но и съ самимъ ханомъ (при существующемъ порядкѣ или вѣрнѣе сказать безпорядкѣ управленія) будетъ лишь способствовать, въ особенности въ первое время своего учрежденія, — зарожденію неминуемыхъ недоразумѣній между Россіею и Хивою; оставлять безнаказанно разрастаться послѣднія не соотвѣтствовало бы нашему достоинству и

тому обаянію, которымъ Бѣлый Царь и его служители должны пользоваться въ Средней Азіи. Я тогда же, продолжая настаивать предъ ханомъ на правѣ нашемъ имѣть постоянного агента въ Хивѣ, высказалъ директору Азіатскаго Департамента, что, по моему мнѣнію, было бы благоразумнѣе, — если бы даже ханъ согласился на наше предложеніе, — начать съ временнаго агента и перейти на постоянное его пребываніе въ ханствѣ лишь, когда онъ успѣетъ осмотрѣться вполнѣ въ Хивѣ и если притомъ мѣстные обстоятельства укажутъ необходимость перейти незамѣтно отъ временнаго къ постоянному агенту, отъ караванъ-баши къ консульству. Что касается до взиманія пошлины съ русскихъ торговцевъ, то я, пользуясь нынѣшними обстоятельствами, пошелъ нѣсколько далѣе инструкцій, мнѣ данныхъ, и истребовалъ не только уменьшенія пошлины до 5% *съ дѣйствительной* цѣнности товаровъ, но совершенное сравненіе въ этомъ отношеніи нашихъ мусульманъ съ природными русскими ¹⁾ и взиманіе только 2½%, т. е. половины прежняго размѣра *съ дѣйствительной* цѣнности товаровъ, идущихъ въ Хиву изъ Россіи. При этомъ я возбудилъ вопросъ, не предвидѣвшійся въ моихъ инструкціяхъ, но который при изученіи мѣстныхъ условій торговли, показался мнѣ самымъ существеннымъ: о способѣ оцѣнки нашихъ товаровъ хивинцами. Уменьшеніе пошлины въ ханствѣ не облегчило бы нашей торговли, осталось бы лишь на бумагѣ, фиктивнымъ, и ни къ чему не повело бы, если не ввести одновременно болѣе справедливой и добросовѣстной оцѣнки товаровъ таможенными чиновниками, которые своевольничаютъ, совершенно произвольно оцѣниваютъ представляемые имъ товары, въ полтора и въ два раза болѣе, нежели продажная на нихъ цѣна на мѣстномъ базарѣ, всячески притѣсняютъ нашихъ торговцевъ и берутъ съ нихъ, подъ названіемъ

¹⁾ Такъ какъ съ русскихъ (православныхъ) купцовъ и приказчиковъ взыскивали вдвое больше противъ мусульманъ, то наша торговля принуждена была, для избѣжанія таможенной переплаты, поручать свой товаръ казанскимъ татарамъ или киргизамъ и продавать товаръ подъ чужимъ именемъ, что порождало большія затрудненія и нерѣдко навлекало убытки на русскихъ купцовъ, дѣлая невозможнымъ дальнѣйшее развитіе нашихъ торговыхъ правильныхъ сношеній съ Хивою.

подарковъ, сверхсмытную пошлину, чрезъ что дѣйствительно взыскиваемая пошлина восходитъ до несравненно большей цифры, нежели назначенный ханомъ процентъ съ цѣнности товаровъ. Трудно было пріискать практическій способъ оцѣнки товаровъ, доступный пониманію и степени развитія хивинскихъ чиновниковъ и ограждающій нашихъ торговцевъ. Предложить условія и приемы оцѣнки, принятые въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, было невозможно, ибо оныя не соотвѣтствуютъ жалкому составу хивинскихъ чиновниковъ, а потому я ввелъ въ мое предложеніе о взиманіи пошлины обязательство производить оцѣнку товаровъ не при ввозѣ ихъ въ предѣлы ханства или въ городѣ Хиву, но послѣ распродажи товаровъ на базарѣ, по состоявшимся цѣнамъ. Это условіе существеннѣе и выгоднѣе было бы для нашихъ торговцевъ, нежели самое уменьшеніе размѣра пошлины. Сообщая директору Азіатскаго Департамента, что ханъ изъявилъ свое согласіе на это весьма важное для нашей торговли условіе, я выразилъ мысль, что если бы намъ удалось обезпечить въ Хивѣ точное исполненіе обѣщаннаго и достигнуть чего либо подобнаго въ Бухарѣ, то первенству русской торговли на средне-азиатскихъ рынкахъ было бы положено основаніе и перевѣсъ торговцевъ мусульманскаго вѣроисповѣданія надъ природными русскими — столь обидный нынѣ, былъ бы уничтоженъ. Разумѣется, что для пріобрѣтенія сего результата необходимо, чтобы впредь Императорское Правительство оказывало должную поддержку нашимъ торговцамъ въ ихъ основательныхъ жалобахъ при могущихъ всегда случиться отступленіяхъ отъ заключенныхъ съ нами условій. Чтобы положить прочное начало осуществленію тѣхъ льготъ, которыхъ мнѣ удалось добиться у хана, я настоялъ, чтобы къ примѣненію новаго порядка было приступлено тотчасъ же, пока еще посольство находилось въ столицѣ ханства.

И дѣйствительно русскіе товары, не только присланные изъ Оренбурга съ приказчикомъ Панфиловымъ, сопровождавшимъ насъ, но и другіе, прибывшіе въ Хиву съ другимъ караваномъ, въ продолженіе нашего тамъ пребыванія, были оцѣнены не попрежнему, а лишь послѣ распродажи и съ нихъ взято лишь 2½% пошлины.

Такъ напрімѣръ съ Панфилова потребовали первоначально 520 хивинскихъ червонцевъ (около 1.040 р.) пошлыны, а послѣ изъясненнаго мнѣ ханомъ согласія на принятіе моего предложенія, таможня удовольствовалась лишь 105 червонцами, т. е. 210 р. сер., т. е. въ 5 разъ дешевле: переговоры мои лично съ ханомъ выяснили мнѣ вполне положеніе ханства въ отношеніи къ намъ. Несмотря на всю слабость свою, въ сравненіи съ могуществомъ и величіемъ Россіи, невѣжественные и избалованные нами хивинцы ослаблены были до того, что вѣрили безусловно въ недосыгаемость свою для насъ и до того не сознавали необходимости уступокъ Россіи, что осмѣлились предъявить было, съ своей стороны, весьма странныя и дерзкія требованія: объ одновременномъ уменьшеніи у насъ пошлыны съ хивинскихъ товаровъ, объ опредѣленіи общей границы между нами, согласно якобы обѣщаніямъ, даннымъ полковникомъ Данилевскимъ въ 1841 г., о своихъ мнимыхъ правахъ на владѣніе Усть-Уртомъ, Аральскимъ моремъ и его берегами и даже р. Сыромъ, о возвращеніи въ хивинское подданство каракалпаковъ, перекочевавшихъ недавно въ наши степи, и т. п. Возмущенный и озадаченный въ первую минуту подобнымъ нахальствомъ, я немедленно прервалъ всякое обсужденіе и даже разговоръ относительно подобныхъ неожиданныхъ требованій, слѣдующимъ заключеніемъ, сдѣланнымъ самому хану, затронувшему лично эти вопросы на одной изъ аудіенцій: «я буду вынужденъ, въ такомъ случаѣ, предъявить, съ своей стороны, также новыя требованія, не касающіяся исключительно будущихъ торговыхъ сношеній, о которыхъ исключительно шла у насъ рѣчь до сихъ поръ, а именно требовать вознагражденія за разграбленные въ 1847 и 1848 годахъ караваны наши, за грабежи, произведенные разновременно въ степи, за нападенія на наши степные отряды, послѣ заключенія дружественнаго акта въ 1841 г. и въ прямое нарушеніе его, за укрывательство нашихъ преступниковъ и незаконное отправление ханскихъ фирмановъ къ подданнымъ Государя Императора, киргизскимъ и туркменскимъ племенамъ и пр. Сановникамъ ханскимъ и Диванъ-беги я развилъ еще болѣе эти вопросы и доводы въ пользу основательности нашихъ жалобъ на

Хивинское правительство, о которыхъ «мы умалчивали въ продолженіи нашихъ переговоровъ лишь въ доказательство нашихъ миролюбивыхъ намѣреній и дружественнаго, великодушнаго расположенія къ Хивѣ. Мы хотѣли предать забвенію прошлое и вѣрить лучшему будущему, но странныя притязанія хана вынудятъ насъ выступить съ требованіями не исключительно торговаго свойства». Что касается до опредѣленія восточной границы между Россією и Хивою по р. Сыру и вообще объ измѣненіи фактическаго разграниченія нынѣ существующаго, я, согласно инструкціи, данной мнѣ при отправленіи изъ С.-Петербурга, уклонился отъ какого либо отвѣта на повторительные вопросы хивинцевъ, указавъ имъ, что объ этомъ предметѣ ханъ уже былъ извѣщенъ письменно изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и я не уполномоченъ разсуждать съ нимъ по вопросу уже исчерпанному прежнею перепискою ¹⁾. Сеидь-Мохамедъ не удовольствовался такимъ возбужденіемъ вопроса о притязаніяхъ своихъ на распространеніе владѣній своихъ до лѣваго берега р. Сыра, но желая фактически установить въ глазахъ нашихъ свои права и ввести въ заблужденіе киргизъ, кочующихъ по рукаву Яны-дарья и на лѣвомъ берегу Сыра, послалъ тайкомъ хивинскихъ чиновниковъ въ ихъ кочевья распустилъ слухъ, что они формально признаны Россією за Хивою, на основаніи чего съ нихъ собранъ будетъ позднюю осенью закятъ (подать). Хотя киргизы сообщили намъ эти свѣдѣнія, когда я еще былъ въ Хивѣ, но удостовѣрился я въ этихъ продѣлкахъ лишь послѣ выхода изъ столицы ханства и переправы на правый берегъ Аму. Самъ же ханъ хотѣлъ меня увѣрить въ доказательство своихъ якобы правъ, что упомянутые киргизы добровольно ему платятъ подати и не признаютъ себя русскими подданными.

Напротивъ, какъ оказалось впоследствии, Даукаринскіе киргизы, какъ равно и всѣ вообще киргизы, кочующіе на правомъ берегу Аму,

¹⁾ Передъ прибытіемъ посольства, ханъ осмѣлился письменно и чрезъ своего посланца заявить мнимыя права свои на лѣвый берегъ р. Сыра, протестуя противъ перехода нашихъ отрядовъ и взиманія нами кибиточнаго сбора съ киргизовъ. Ему отиѣчено было, что киргизы кочующіе на лѣвомъ берегу Сыра—русские подданные.

выведенные изъ терпѣнія постоянными вымогательствами хивинскихъ чиновниковъ, провѣдавъ отъ Азбиргена и другихъ киргизъ бывшихъ въ сообщеніи съ посольствомъ, что оно въ виду сопротивленія хана и Эмира движенію судовъ по р. Аму, направится, по всей вѣроятности, на р. Сыръ къ форту № 1 чрезъ Даукару,—собирались воспользоваться симъ движеніемъ нашимъ, чтобы, подъ прикрытіемъ русскаго конвоя, откочевать безпрепятственно изъ хивинскихъ владѣній въ наши степи, пользуясь, для этого перехода, защитою посольства. Хивинцы замѣтили такое настроеніе между киргизами и подъ конецъ моего пребыванія въ ханствѣ стали всячески противиться осуществленію слѣдованія посольства по этому направленію, которое прежде сами рекомендовали мнѣ взамѣнъ путешествія по долинѣ р. Аму, для непосредственнаго перехода въ бухарскія владѣнія. Колеблясь между двумя опасеніями: съ одной стороны допустить посольство пройти чрезъ кочевья киргизъ, на вѣрность которыхъ онъ полагаться не можетъ, а съ другой—въ угоду бухарскому эмиру, желая не пропускать меня по долинѣ р. Аму, ханъ хотѣлъ меня заставить совершенно отказаться отъ намѣренія идти въ Бухару, съ которою старался самъ сблизиться изъ боязни Россіи, мѣшая въ то же время нашему соглашенію съ Эмиромъ, посредствомъ распусканія разныхъ ложныхъ слуховъ на нашъ счетъ. Когда онъ убѣдился, что я не поддамся этимъ ухищреніямъ и намѣренъ исполнить до конца данное мнѣ Государемъ повелѣніе, то Сеидъ-Мохамедъ вздумалъ потребовать, чтобы я вернулся непременно прежнимъ путемъ, чрезъ Кунградъ, въ Усть-Уртъ, заявляя, что онъ меня ни въ какомъ случаѣ не пропуститъ въ Бухару ни чрезъ Даукару, ни караваннымъ прямымъ путемъ на Каракуль, ни по р. Аму.

9-го Августа, пользуясь отправленіемъ на Сыръ-дарьинскую линію киргиза, освобожденнаго мною изъ хивинской тюрьмы, изъ числа произвольно задержанныхъ ханомъ, я писалъ отцу: «я здоровъ, но сознаюсь, что скучаю чрезвычайно. Мои переговоры идутъ весьма медленно, и я рѣшительно не знаю когда выберусь изъ этой проклятой страны. Я уже два раза былъ у хана, принимающаго меня съ

почетомъ. Но тѣмъ не менѣе безсмысленно посылать дипломатическія миссіи въ ханство Средней Азіи и трактовать съ здѣшними властелинами какъ съ равными, независимыми владѣтелями. . . .

«Сообщенія очень не вѣрны, такъ какъ хивинцы перехватываютъ нашихъ разсыльныхъ и имѣютъ любопытство пересматривать нашу переписку. Эмиръ бухарскій уходитъ на войну, и его отсутствіе можетъ продлить нѣсколькими мѣсяцами мое пребываніе въ Бухарскихъ предѣлахъ.

«Наша топографическая съемка рѣки Аму вышла очень удачною. По правдѣ сказать главная цѣль экспедиціи достигнута. Остальное—излишняя роскошь».

Въ другомъ письмѣ къ отцу отъ того же числа, я писалъ: наши дѣла здѣсь поправляются, но мнѣ стоило много труда, чтобы достигнуть улучшенія положенія, бывшаго сначала невыносимымъ.

«Здѣшній 1-й Министръ (Кушъ-беги) дастъ мнѣ какой то праздникъ чрезъ недѣлю, а на другой день я собираюсь дать хивинскимъ сановникамъ обѣдъ съ фейерверкомъ и иллюминаціею нашего сада. Мнѣ торжественно обѣщали отпустить насъ чрезъ нѣсколько дней послѣ этого обмѣна любезностей. Такимъ образомъ надѣюсь отправиться въ походъ чрезъ двѣ недѣли. Я получилъ успокоительныя извѣстія изъ Бухары, чрезъ посланныхъ мною развѣдчиковъ, и я думаю направиться туда, если получу—дней черезъ восемь—благопріятный и положительный отвѣтъ на мое официальное извѣстіе, посланное изъ Хивы первому Министру Эмира. Мнѣ придется, по всей вѣроятности отправить на суда наши, для возвращенія на родину, Струве, доктора Пекарскаго, Дучинскаго (гвардейскаго офицера, включеннаго Катенинымъ неизвѣстно зачѣмъ въ составъ конвоя) и даже самого начальника конвоя Буренина, здоровье которыхъ до того разстроилось, что они не въ состояніи продолжать путешествіе. Эмиръ выступилъ противъ Кокана и ведетъ тамъ истребительную войну. Для меня это крайне неблагопріятно, ибо предполагаютъ, что военныя дѣйствія могутъ продолжиться три или четыре мѣсяца, и мнѣ тогда придется сидѣть въ Бухарѣ все это время

въ ожиданіи его возвращенія. Если онъ вернется побѣдоноснымъ—съ нимъ трудно будетъ говорить, а если, напротивъ, походъ не оправдаетъ его надежды, то неудача приведетъ его въ такое дурное расположеніе духа, что онъ будетъ еще болѣе непріятенъ въ сношеніяхъ съ нами нежели былъ прежде. Эта злополучная война можетъ задержать мое возвращеніе къ вамъ на нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ зиму придется переждать и пуститься въ обратный путь (какъ и рассчитывалъ Ковалевскій) лишь раннею весною. Для меня это ужасно, но по долгу службы, не могу я самъ произвольно не ходить въ Бухару разъ, что Эмиръ желаетъ меня принять у себя и ожидаетъ моего прихода Такъ какъ здѣшнія извѣстія весьма противорѣчивы и сбивчивы, то я пишу мало Ковалевскому и опасаясь доносить о томъ, что до насъ доходитъ официально, чтобы не ввести въ заблужденіе Правительство».

Черезъ нѣсколько дней я снова написалъ отцу: «Высылаю изъ Хивы четырехъ нашихъ киргизъ, задержанныхъ здѣсь въ качествѣ пѣнныхъ, до нашего прибытія сюда, и которыхъ я имѣлъ удовольствіе вырвать изъ ханскихъ когтей.

«Такъ какъ я вытребовалъ для нихъ охранный ханскій листъ, то надѣюсь, что эти строки до васъ дойдутъ. Мои спутники приходятъ въ отчаяніе отъ продолжительности здѣшняго пребыванія въ виду еще предстоящаго, весьма продолжительнаго и труднаго, странствованія по степямъ. Что касается до меня, то поступаю по обыкновенію: покоряюсь безропотно волѣ Божьей и стараюсь съ бодрымъ духомъ преодолѣть затрудненія нашего положенія. Если бы успѣхъ былъ возможенъ, то нравственные испытанія, лишенія, и все, что намъ приходится претерпѣвать могли бы, разумѣется, быть легко перенесены, но трудно сохранить неизмѣнную бодрость духа, которая меня до сихъ поръ не оставляла ни на минуту, когда убѣжденъ что официальная цѣль нашего посольства—заключеніе дружественныхъ договоровъ съ двумя ханствами и приобрѣтеніе права на плаваніе нашихъ судовъ по р. Аму, не можетъ быть достигнута тѣми способами, которыхъ мы обязаны придерживаться. Но моя совѣсть совершенно чиста въ этомъ отношеніи, потому что

я старался достигнуть даже того, что казалось всеѣмъ невозможнымъ и мнѣ сдается, что никто, въ томъ положеніи, въ которомъ были мы поставлены, не могъ бы добиться большаго. Тѣмъ не менѣе надо ожидать, что власть имущіе не признаютъ нашихъ заслугъ и усилій. Завистники и интриганы (а ихъ столько развелось у насъ въ отечествѣ) воспользуются всякимъ случаемъ, чтобы критиковать, умалить результаты и возвысить себя на нашъ счетъ. Я имѣлъ уже случаи узнать свѣтъ и оцѣнить вещи по достоинству».

«Ничто меня не удивитъ въ этомъ отношеніи, потому что, къ сожалѣнію, у насъ очень мало людей, которые дали бы себѣ трудъ углубиться въ изученіе дѣйствительности и цѣнить добросовѣстно трудъ; у насъ оцѣнка зависитъ отъ перваго случайнаго впечатлѣнія Сожалѣю, что Бутаковъ не захотѣлъ уступить мнѣ моряка Ковалевскаго (какъ было условлено въ Петербургѣ), чтобы не лишить себя его поддержки, у дяди ¹⁾, въ Петербургѣ. Мнѣ очень хотѣлось имѣть его при посольствѣ: говорятъ, что онъ соединяетъ умъ и способность съ пріятнымъ характеромъ. Когда Пекарскій прибудетъ въ Петербургъ, онъ вамъ расскажетъ все подробно. Онъ правдивъ, но немного увлекается воображеніемъ

«Хотя я покоряюсь философически или лучше сказать по христіански моей участи, но часто самъ себѣ говорю, что глупо было, съ моей стороны, промѣнять спокойную и радостную жизнь въ семействѣ, на тяжкое существованіе и постоянное передвиженіе, не приносяція ни видимой пользы, ни удовлетворенія. Единственные результаты, меня ожидающіе: напрасная потеря драгоцѣннѣйшихъ благъ жизни—времени и здоровья—и незаслуженная, но неотвратимая неудача. Мнѣ остается лишь утѣшительное сознаніе исполненнаго до конца долга и что я не отступилъ ни передъ какимъ препятствіемъ ни тяжелымъ испытаніемъ, повинуюсь волѣ Государи и стараясь достигнуть пользы отечества

15 Августа мнѣ давали, въ загородномъ домѣ Кушъ-беги, праздникъ

¹⁾ Директоръ Азіатскаго Департамента Егоръ Петровичъ Ковалевскій.

отъ имени хана. Я туда отправился со всею своею свитою и 30 кон-
войными казаками ¹⁾. По «хивински» праздниѣ былъ великолѣп-
ный. Говорятъ, что мы проглотили 20 пудовъ сахара. Битыхъ че-
тыре часа провелъ я въ спорахъ съ тремя ханскими министрами,
послѣ угощенія. Эти конференціи ни къ чему не ведутъ: когда при-
прешъ къ стѣпѣ хивинскихъ уполномоченныхъ, они отмалчиваются
за израсходованіемъ доводовъ и никогда не сдаются на логическое
изложеніе фактовъ и выводовъ. Вы не можете себѣ представить до
какой степени мухи отравляютъ нашу жизнь въ Хивѣ. Днемъ
и ночью тысячи ихъ меня преслѣдуютъ въ комнатахъ, мною занимае-
мой».

Обѣдъ этотъ былъ данъ отъ имени хана, который якобы не
можетъ лично присутствовать, но присылаетъ угощеніе со своего
стола своимъ гостямъ. Обѣдъ послужилъ прологомъ продолжительнаго
совѣщанія моего съ тремя министрами и двумя сановниками, при-
ближенными къ хану и которымъ поручено было попытаться со мною
сговориться на счетъ предложенныхъ мною условій, на которыхъ я
продолжалъ ежедневно настаивать. Въ концѣ концовъ они единогласно
объявили мнѣ, что ханъ принимаетъ всѣ пункты предложеннаго
мною проекта договорнаго акта, за исключеніемъ пропуска судовъ и,
наконецъ, согласенъ и пропустить меня съ посольствомъ и конвоемъ
въ Бухару. Я отвѣтилъ, что для того, чтобы дать отчетъ Государю,
я обязанъ знать причину несогласія хана на свободное плаваніе
судовъ русскихъ въ р. Аму, ибо не рѣшусь доложить Его Импера-
торскому Величеству объ отказѣ хана въ нашемъ требованіи безъ
указанія на какія либо основательныя причины. Отрицательный
отвѣтъ можетъ быть принятъ у насъ за признакъ того, что ханъ не

¹⁾ Слухъ распространился наканунѣ, что Кушъ-беги вызвался, заманивъ насъ къ
себѣ на праздниѣ, окружить посольство вооруженною толпою, внезапно насъ обез-
оружить и даже перебить, какъ нѣкогда Бековича. Не отказываясь отъ праздниѣ, чтобы
не показать робости, мы приняли мѣры, чтобы, въ случаѣ надобности, оказать отчаян-
ное сопротивление: всѣ были вооружены, а ружья и пистолеты заряжены. Подъ предло-
гомъ угостить хивинцевъ пѣснями, нѣсколько казаковъ были введены во дворъ, гдѣ
угощали членовъ посольства. Все обошлось благополучно.

дорожить пріязнию могущественной Россіи. Послѣ четырехъ часовой
конференціи, сбитые съ толку моими опроверженіями и замѣчаніями
на ихъ доводы, которые они вполне исчерпали, не находя уже отвѣ-
товъ на мои настоянія и начиная понимать изъ моихъ словъ ту
опасность, которой Хива можетъ подвергнуться, если не согласится
добровольно допустить свободное плаваніе нашихъ судовъ, которыя,
какъ я далъ замѣтить, въ состояніи проникнуть въ Аму и безъ раз-
рѣшенія ханскаго, сановники ханскіе стали было уже колебаться.
Выяснилось при этомъ, что они съ одной стороны до того боятся
Эмира, что не смѣютъ изъявить своего согласія до полученія ими
отвѣта на запросъ посланный Насръ-Уллѣ и возвращенія изъ
Бухары посланца, отправленнаго туда, для разъясненія вопроса, а
съ другой стороны опасаются и отпустить меня съ положительнымъ
отказомъ. Сановники подъ конецъ сдѣлали мнѣ предложеніе отправить
съ нами въ Бухару уполномоченнаго ханскаго, которому поручено
было бы подписать со мною дружественный актъ въ Бухарѣ; какъ
только Эмиръ допуститъ, со своей стороны, плаваніе нашихъ судовъ
по р. Аму. Очевидны были неудобства такого появленія хивинскаго
посланца, въ сообществѣ со мною въ Бухарѣ, и потому я отвергъ
это странное предложеніе, заявивъ, что не соглашаюсь на заключеніе
дружественнаго акта безъ требуемаго нами права плаванія по р. Аму
и заключилъ просьбою доставить мнѣ окончательный и положитель-
ный отвѣтъ хана: да или нѣтъ, такъ какъ тратить время въ непре-
станномъ повтореніи одного и того же не намѣренъ.

До 21 Августа настойчивыя мои требованія и объясненія до
такой степени поколебали всѣхъ ханскихъ сановниковъ и самого,
хана, что я имѣлъ полное основаніе надѣяться уговорить ихъ под-
писать изготовленный мною проектъ договорныхъ условій, которыми
допускалось плаваніе нашихъ судовъ съ будущаго 1859 г. Но снова
неожиданно разстроились мои предположенія. 21 Августа ханъ полу-
чилъ донесеніе эсауль-баши, что съ парохода «Перовскій» посыла-
ются постоянно лодки, для производствъ съемоковъ и промѣровъ, что
русскіе изучаютъ тщательно всѣ рукава рѣки и что изъ Кунграда
бѣжалъ на наше судно пѣтанный рабъ персіянинъ, котораго выдачу

напрасно пытались хивинскіе чиновники и кунградскій начальник вытребовать отъ Бутакова. Переполюхъ между рабовладѣльцами и хивинскими сановниками былъ большой: имъ угрожалъ личный имущественный ущербъ, ибо всѣ ихъ земли воздѣлывались рабами персіянами которыхъ имъ продавали. Туркмены, ходившіе на поиски къ Персидской границѣ. Проданный въ Хиву персіанинъ, не видѣвшій возможности спастись бѣгствомъ чрезъ голодныя стѣны, обращался въ рабочую скотину, на которую вваливали всю тяжелую работу, всѣ хозяйственныя заботы и который служилъ вѣчно, до могилы, усердно и безропотно, подъ страхомъ самаго грубаго произвола и тяжкихъ истязаній. Что же будетъ съ лѣнливимъ и своекорыстнымъ хивинцемъ, когда невольники персіяне увидятъ возможность сбросить съ себя иго рабства? что станетъ съ Хивою, когда лучъ свободы, направленный мощною русскою рукою проникнетъ въ темную, безмолвно повинующуюся слѣпому произволу чиновниковъ и земельныхъ владѣльцевъ массу рабочихъ, обремененныхъ непосильнымъ трудомъ? Что будетъ съ ханскою властью, если даже невольники могутъ безнаказанно пріобрѣтать свободу подъ защитою русскаго флага и смѣяться надъ безсиліемъ своего властелина и своихъ владѣльцевъ? Вотъ помыслы, которые навязывались хивинцамъ по полученіи печальнаго для нихъ извѣстія о безплодныхъ усиліяхъ Кунградскаго правителя вернуть бѣглаго персіанина и доказать населенію, что русскіе не смѣютъ укрывать у себя невольниковъ. Случай съ персіаниномъ произошелъ въ самое неблагопріятное для посольства время, когда переговоры наши близились успѣшно къ концу и я, въ утро (20 Августа, т. е. передъ самымъ полученіемъ кунградскихъ вѣстей, просилъ мехтера и Кушъ-беги, въ знакъ пріязни къ Россіи и доброжелательства къ Персіи, отпустить намъ человекъ 30 плѣнныхъ персіанъ, недавно приведенныхъ туркменами и проданныхъ въ Хивѣ въ неволю. Эти 30 человекъ были персидскіе солдаты, захваченные близъ Астрабада туркменами, во время весенняго набѣга. Я предполагалъ внести за нихъ частнымъ владѣльцамъ этихъ невольниковъ (если бы они не всѣ принадлежали самому хану), слѣдуемый выкупъ (деньгами) и намѣренъ былъ воспользоваться симъ случаемъ,

чтобы, подъ предлогомъ возвращенія выкупленныхъ плѣнныхъ въ Персію и охраненія ихъ отъ вторичнаго захвата Туркменами, отправить ихъ, съ охраннымъ хивинскимъ и чаудурскими листами, съ однимъ изъ членовъ посольства и топографомъ, въ Мервъ и Мешгедъ, для передачи Персидскому правительству. Исполненіе этой мысли соотвѣтствовало бы вполне и нашимъ политическимъ видамъ и желанію захватить изслѣдованіями нашими и съемками по возможности обширѣйшую полосу Средней Азіи. Въ виду переполюха, произведеннаго бѣглымъ персіаниномъ въ Кунградъ, и для избѣжанія дальнѣйшихъ недоразумѣній, по поводу вывоза персіанъ изъ ханства,—я долженъ былъ отказаться отъ осуществленія моей мысли и не продолжать моихъ настояній, обреченныхъ на неудачу при измѣнившихся внезапно обстоятельствахъ. Подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія собрался опять совѣтъ ханскій, на этотъ разъ очень многочисленный и, послѣ долгаго совѣщанія, пришелъ къ заключенію, что русскіе пароходы рѣшительно опасно и вредно пускать въ рѣку; во 1-хъ потому, что они сдѣлаютъ подробную съемку рѣки, вполне ознакомившись съ мѣстностью и записать все на «бумагу, по своему обычаю будутъ знать мѣстность лучше самихъ хивинцевъ», а симъ воспользуются, чтобы, при первомъ благопріятномъ случаѣ, овладѣть ханствомъ; во 2-хъ, если русскіе, какъ старался доказать посланникъ, и не имѣютъ нынѣ прямыхъ враждебныхъ замысловъ, то дѣйствіями своими относительно невольниковъ, они могутъ разорить землевладѣльцевъ, сановниковъ и самого хана, уводя безнаказанно и безпрепятственно на судахъ хивинскихъ плѣнниковъ персіанъ—единственныхъ работниковъ въ ханствѣ. Къ такому зловредному дѣйствію можетъ побудить русскихъ тѣсная связь ихъ съ Персіею, простирающаяся по понятіямъ хивинцевъ до того, что въ Персіи чеканятъ монету на имя Государя Императора ¹⁾ и Шахъ держитъ при себѣ, вмѣсто гвардіи, русское войско; и въ 3-хъ, обаяніе ханской власти будетъ поколеблено, если населеніе увидитъ, что каждый

¹⁾ Въ Хиву попадали, чрезъ туркменъ изъ Персіи и отъ плѣнныхъ персіанъ, русскія золотыя и серебряныя монеты, въ особенности цѣлковые.

командиръ русскаго судна можетъ принимать безнаказанно подъ свою защиту бѣглыхъ, укрывающихся отъ мѣстныхъ властей и людей, приговоренныхъ къ наказаніямъ, а также освобождать отъ рабства невольниковъ, вопреки хану и исполнителей его воли.

Настоящій случай увоза персіянина русскимъ пароходомъ будетъ служить весьма пагубнымъ примѣромъ для всѣхъ другихъ жителей ханства, въ особенности же для рабовъ и рабынь.

Ханъ поздно вечеромъ того же дня прислалъ мнѣ своего приближеннаго, въ родѣ адъютанта, объявить о полученномъ извѣстїи, изъ Кунграда и требовать отъ меня, именемъ Сеидъ-Махомеда, немедленной выдачи персіянина и распоряженія о прекращеніи Бутаковымъ производства «розысковъ и снятія плановъ» въ устьяхъ Аму. Въ виду такого категорическаго личнаго вмѣшательства хана въ это дѣло, я старался избѣгнуть крутого разрыва переговоровъ и отвѣчалъ уклончиво, отозвавшись неимѣніемъ никакихъ извѣстій не только отъ парохода, но даже отъ посланнаго мною, для разъясненія мнѣ происходившаго въ устьяхъ и Кунградѣ, чиновника (коллежскаго совѣтника Галкина); при отсутствіи положительныхъ свѣдѣній, сдѣлать какое либо распоряженіе немыслимо, донесеніямъ же хивинскихъ чиновниковъ не могу нисколько вѣрить, ибо уже нѣсколько разъ имѣлъ случай удостовѣриться въ ихъ преувеличенности и неосновательности, въ чемъ и самъ ханъ могъ бы казаться убѣдиться, по той безсмыслицѣ, какая была ему донесена при моемъ вступленіи въ предѣлы ханства. Все что я могу сдѣлать—это написать о донесеніяхъ Кунградскихъ командиру «Перовскаго» и требовать отъ него объясненій. Письмо мое я пошлю съ больными чиновниками, коихъ необходимо отправить на пароходъ, по невозможности для нихъ продолжать сухопутное путешествіе далѣе. Я воспользовался симъ случаемъ, чтобы облегчить такимъ образомъ безопасный переѣздъ по р. Аму отправляющихся на р. Сыръ заболѣвшихъ четырехъ спутниковъ моихъ и съ ними нѣсколькихъ ослабѣвшихъ отъ лихорадокъ нижнихъ чиновъ. Прискорбно было, что Струве, добросовѣстно производившій астрономическія наблюденія въ продолженіе всего пути нашего до Кунграда, не могъ продолжать свои занятія, но, страдая

жестокимъ ревматизмомъ въ суставахъ, онъ находился въ такомъ положеніи, что рѣшительно не могъ слѣдовать съ нами въ Бухару.

При другихъ обстоятельствахъ и безъ возбужденнаго мною въ ханѣ желанія скорѣйшаго доставленія посылаемыхъ мною спутниковъ моихъ на пароходъ, наши больные, отправляясь на хивинской лодкѣ и находясь нѣсколько дней совершенно во власти хивинцевъ, могли быть задержаны въ Кунградѣ Эсауль-башею для размѣна съ бѣглыми персіянами и какъ залогъ, при переговорахъ съ Бутаковымъ, по свойственному своеволію кунградскаго начальника. Но, связавъ отправленіе ихъ съ исполненіемъ желанія хана скорѣе избавиться отъ присутствія въ устьѣ судовъ нашихъ, я приобрѣталъ для больныхъ спутниковъ моихъ самое надежнѣйшее обезпеченіе въ скоромъ доставленіи на пароходъ и единственное, бывшее въ моей власти.

На другой день утромъ получилъ я увѣдомленіе, чрезъ Диванъ-беги, что коллежскій совѣтникъ Галкинъ,—отправленный изъ хивы, вмѣстѣ съ хивинскимъ чиновникомъ на лодкѣ, въ концѣ Іюля мѣсяца, къ Бутакову, чтобы уяснить происходившее въ Кунградѣ и отстранить недоразумѣнія между нашими моряками и хивинцами, сообщить начальнику флотиліи свѣдѣнія о нашемъ положеніи и выставить ему на видъ необходимость дѣйствовать болѣе осторожнымъ образомъ, пока посольство находится какъ бы въ видѣ заложниковъ въ рукахъ хивинцевъ, доѣхалъ благополучно до парохода, но долженъ былъ остаться на немъ, вслѣдствіе непріятныхъ объясненій съ Кунградскимъ губернаторомъ относительно выдачи хивинцамъ бѣлаго персіянина. По своему обычаю хивинцы прикрывали свое своеволіе и грубость объясненіемъ, что «молъ не наша вина, что чиновникъ вашъ къ вамъ не вернулся, а остался на пароходѣ, потому что поссорился съ нашими чиновниками и съ ними побранился»... Такое объясненіе мнѣ служило лучшимъ доказательствомъ, что Галкинъ держалъ себя съ подобающимъ достоинствомъ и не подчинился возмутительному нахальству Эсауль-баши.

22 Августа получилъ я свѣдѣніе, что не только эмиръ, но и противникъ его ханъ Коканскій, поддерживавшій сношенія съ Хивой,

въ виду своей распри съ Бухарою, прислалъ Сеидъ-Мохамеду письма, въ которыхъ совѣтуетъ ему не пропускать нашихъ пароходовъ, чтобы избѣгнуть еще большей и постоянной опасности отъ сосѣдства съ Россіею. Это заявленіе окончательно утвердило хивинцевъ въ рѣшимости не соглашаться на письменное обязательство допустить свободное плаваніе нашихъ судовъ по р. Аму. Удовольствившись въ невозможности преодолѣть дипломатическимъ путемъ встрѣченное сопротивленіе и имѣя въ виду съ одной стороны Высочайшее повелѣніе избѣгать разрыва съ Хивою, а съ другой—сознанную бесполезность какого-либо дипломатическаго письменнаго акта съ такимъ разбойничьимъ правленіемъ, каково тогда было хивинское, я счелъ болѣе сообразнымъ съ достоинствомъ Россіи отказаться отъ дальнѣйшихъ безплодныхъ переговоровъ и добиться лишь скорѣйшаго и, по возможности, мирнаго выступленія нашего изъ Хивы. А потому я извѣстилъ Купъ-беги и Мехтера о рѣшимости моей предпочесть совершенно отказаться отъ заключенія какого-либо письменнаго дружественнаго акта между Россіею и Хивою, нежели допустить, чтобы въ актѣ, который мнѣ Государемъ повелѣно заключить съ Хивою, выпущено было одно изъ главнѣйшихъ требованій нашихъ, соответствующее тѣмъ пріязненнымъ и торговымъ сношеніямъ, которыя мы готовы были установить. Принять отъ хана актъ безъ включенія этого существеннаго условія я считаю себя не въ правѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не оставаться въ долгу угощеній у хивинцевъ и показать, что я покидаю ихъ безъ злобы и въ мирномъ настроеніи, я пригласилъ всѣхъ главнѣйшихъ сановниковъ и приближенныхъ хана на обѣдъ къ себѣ на другой день, 23 Августа. Обѣдъ былъ накрытъ на каменныхъ возвышеніяхъ (нѣчто въ родѣ террасы) въ саду занимаемомъ посольствомъ. Послѣ обѣда пущень былъ небольшой воздушный шаръ, крайне удивившій хивинцевъ и сочтенный мусульманами за бѣсовское навожденіе; садъ былъ иллюминированъ разноцвѣтными фонарями и шкаликами, а затѣмъ пущень былъ фейерверкъ, привезенный изъ Оренбурга и очень удавшійся. Вечеръ окончился раздачею подарковъ гостямъ, и въ знакъ прощанья было поставлено передъ каждымъ гостемъ по головѣ сахара.

Мы стали дѣятельно готовиться къ походу и нанимать верблюдовъ. 24 Августа, когда я уже ложился спать, явился въ наше по дворю адъютантъ хана, съ приглашеніемъ мнѣ тотчасъ же ѣхать къ Сеидъ-Мохамеду, для личныхъ переговоровъ, по съ добавленіемъ, что ханъ желаетъ меня принять одного, безъ свиты и конвоя, и проситъ пріѣхать безъ оружія. Условія подобной ночной аудіенціи возбуждали въ насъ естественно подозрительность, тѣмъ болѣе, что во время всего пребыванія нашего въ Хивѣ, Азбиргенъ и другіе киргизы, выражавшіе намъ тайно свою преданность, не переставали извѣщать насъ о замыслахъ хана «извести русскую миссію и конвой» или по крайней мѣрѣ, захватить «посольство» и для сего, заманивъ его во дворецъ, не выпустить живымъ, если онъ не согласится на всѣ ханскія требованія». Зная вѣроломство и невѣжественную дикость повелителя Хивы, я тѣмъ не менѣе рѣшился пренебречь личною опасностью, чтобы доказать хану, что я его не боюсь и не допускаю возможности насилія съ его стороны. Я отвѣтилъ посланному, что, несмотря на неурочный часъ, тотчасъ буду, взявъ съ собою переводчика и секретаря, а что касается до оружія, то я явлюсь въ той формѣ, которая предписана уставомъ Царскимъ, и съ шапкою не намѣренъ разставаться. Взявъ съ собою лишь двухъ лихихъ казаковъ уральскихъ, у которыхъ, какъ и у меня, было для всякой предосторожности по два заряженныхъ револьвера въ карманѣ, я отправился верхомъ съ драгоманомъ Батаршинымъ, который трусилъ не на шутку и во время нашего разговора съ ханомъ совсѣмъ было растерялся. Предвидя это, я взялъ съ собою, въ числѣ казаковъ, моего вѣстового урядника Еремина, человека безстрашнаго и бойко говорившаго по-татарски. На случай несчастнаго исхода конференціи, я оставилъ Кюлевейна, который въ качествѣ старшаго дипломатическаго чиновника могъ бы продолжать переговоры, а начальнику конвоя Буренину далъ запечатанный конвертъ, съ приказаніемъ распечатать чрезъ часъ послѣ моего отъѣзда. Въ пакетъ было приказано мною начальнику конвоя поднять всѣхъ людей, приготовиться къ бою и ожидать исхода моей ночной конференціи, дѣйствуя потомъ по обстоятельствамъ для спасенія миссіи и благополучнаго

возвращенія въ Россію, по соглашенію съ Кюлевейномъ; моихъ приказаній, чрезъ какихъ-либо посланныхъ не исполнять, для избѣжанія коварной измѣны, пока снова лично не покажусь конвою. Вещи мои, портреты семейные и деньги передалъ я на храненіе моему вѣрному слугѣ Дмитрію Скачкову, слезно убѣждавшему меня не рисковать и «не вѣрить азіатамъ, которые васъ хотятъ извести, а мы всѣ тогда пропадемъ». Обстановка конференціи была не привлекательная, и ханскій дворецъ, въ эту ночь, походилъ скорѣе на становище атамана разбойниковъ, нежели на помѣщеніе повелителя страны, бесѣдующаго съ аккредитованнымъ къ нему посланникомъ европейской державы. У воротъ дворцоваго двора торчали два огромныхъ кола, на которыхъ мучились двѣ жертвы варварскаго правленія,—вѣроятно, для моего личнаго устрашенія и произведенія воздѣйствія на мою нервную систему. Несчастные казненные освѣщались заревомъ большого костра. Костры нѣсколько меньшихъ размѣровъ были расположены по двору и въ заворотахъ темныхъ корридоровъ, ведущихъ на внутренний дворикъ, гдѣ происходила аудіенція. Костры эти освѣщали намъ путь, но вмѣстѣ съ тѣмъ бросали красноватый, зловѣщій оттѣнокъ на вооруженныхъ халатниковъ, въ высокихъ туркменскихъ шапкахъ, составлявшихъ дворцовую стражу и размѣщенную по всему пути нашего шествія внутри дворцовой ограды. Я нашелъ хана на небольшомъ дворикѣ, сидящемъ на возвышеніи, сложенномъ изъ глины и покрытомъ коврами, онъ сидѣлъ такъ высоко, что я не могъ бы до него достать ¹⁾. На ступенькахъ сзади и по бокамъ сѣдалища стояли вооруженные съ ногъ до головы люди. Мои объясненія съ ханомъ приняли тотчасъ же весьма крутой и острый характеръ, потому что онъ мнѣ заявилъ, что не можетъ допустить опасное для Хивы плаваніе нашихъ судовъ по р. Аму прежде, нежели я соглашусь на проведеніе граничной линіи между Россією и Хивою по р.р. Эмбѣ и Сыру, т. е. признаю Усть-Уртъ и кочевья

¹⁾ Передъ ханомъ, на коврѣ, лежалъ кинжалъ и пистолетъ кремневый, а за нимъ—какъ и въ первую аудіенцію—находилось государственное знамя и нѣсколько вооруженныхъ людей. Седь-Мохамеду было 32 или 33 года. Избранъ онъ былъ ханомъ въ апрѣлѣ 1836 г.

киргизскія и туркменскія, до предѣловъ Персіи, въ хивинскомъ владѣніи ¹⁾. Я, разумѣется, съ негодованіемъ отвергнулъ такое дерзкое предложеніе и, когда ханъ нахально далъ мнѣ замѣтить, что я долженъ бы быть стоворчивѣе и скромнѣе, потому что нахожусь совершенно въ его власти нынѣ, то отвѣтилъ категорическимъ отрицаніемъ и добавилъ, что полковниковъ много у Государя Императора, а потому если одинъ и пропадетъ, то не будетъ для Россіи большой бѣды; никто не осмѣлится исполнить приказанія хана, если бы ему вздумалось меня задержать, ибо я всякаго, кто ко мнѣ подойдетъ, застрѣлю и съ этими словами я вынулъ револьверъ изъ кармана. Ханъ завидѣвъ поднятое дуло пистолета и вѣроятно замѣтивъ въ глазахъ моихъ вспышку рѣшительнаго негодованія, перепугался не на шутку и невольно подался назадъ, уронивъ свою шапку при этомъ быстромъ движеніи. Сказавъ хану въ заключеніе, что я вижу, что мнѣ здѣсь болѣе нечего дѣлать и что дальнѣйшіе переговоры бесполезны, я раскланялся и, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, направился къ выходу изъ дворца, при чемъ Ереминъ и другой уральскій казакъ, вошедшіе къ намъ подъ предлогомъ внесенія за мною моего складнаго стула, держали, также какъ и я, револьверы наготовѣ, чтобы удержать ханскую вооруженную челядь на почтительномъ отъ себя разстояніи. Въ это время раздалась на дворѣ ханскомъ и въ корридорѣ крупная русская ругань, и я услышалъ осипшій отъ крика и взволнованный голосъ моего Дмитрія, который съ двумя или тремя казаками расталкивалъ не пропускавшихъ ихъ къ намъ хивинцевъ и туркменъ, грозя шашкою и револьверомъ и объявляя во все горло, что «онъ всѣхъ мошенниковъ хивинцевъ перекрошитъ, если они не пропустятъ его къ барину». Оказалось, что когда я выѣхалъ изъ занимаемаго нами помѣщенія, то безпокойство овладѣло не только Дмитріемъ, но и майоромъ Буренинымъ и имъ представилось, что ханъ меня непременно умертвитъ или засадитъ въ кѣтку. Когда

¹⁾ Ханъ считалъ, что хивинскія владѣнія граничатъ на сѣверѣ р. Эмбою, Аральскимъ моремъ и Яны-Дарью, къ Востоку простираются до Кукерти, а оттуда на югъ, до Мерва; на западѣ—до Байкальскаго залива.

предположеніе это распространилось между нижними чинами, они всё вострепнулись, вооружились, осѣдлали лошадей и стали упрашивать Буренина, чтобы ихъ повели на мою выручку. Начальникъ конвоя, наконецъ, согласился отпустить верхомъ моего Дмитрія съ четырьмя или пятью самыми ретивыми и лично преданными мнѣ казаками. Оставивъ у воротъ конскихъ лошадей съ двумя казаками, остальные бѣшено ворвались въ ограду и подняли страшную суматоху, расталкивая всѣхъ хивинцевъ, заграждавшихъ имъ путь. Дѣло могло бы кончиться весьма плохо, если бы аудіенція моя у хана продолжалась. Мы скоро сошлись въ темномъ корридорѣ дворца и казаки громкимъ крикомъ «Ура» выразили свою радость видѣть меня невредимымъ. Озадаченные хивинцы отъ насъ отхлынули и мы безпрепятственно сѣли на лошадей и вернулись домой. Съ разсвѣтомъ явился къ намъ Диванъ-беги, какъ будто ни въ чемъ не бывало и старался объяснить все происшедшее ночью непонятнымъ недоразумѣніемъ, заявляя, что ханъ меня отпускаетъ куда я хочу съ миромъ и не думаетъ меня задерживать. Черезъ нѣсколько часовъ, 25 Августа, ханъ прислалъ мнѣ подарки, назначенные для поднесенія Государю Императору: два аргамака, съ полною сбруею и богатый коверъ. Въ то же время два придворныхъ ханскихъ чиновника передали мнѣ отвѣтное письмо хана къ Его Императорскому Величеству, и на вопросъ мой, когда ханъ назначить прощальную аудіенцію, отвѣчали, что онъ вѣроятно приметъ меня въ тотъ же день вечеромъ. Замѣтивъ, что письмо ханское запечатано, я объявилъ хивинскимъ чиновникамъ, что требую копію съ ханскаго отвѣта и если не получу оную до прощальной аудіенціи, то, во всякомъ случаѣ, лично буду просить о томъ хана.

Можно себѣ представить мое удивленіе и негодованіе, когда, продолжавъ напрасно до ночи приглашенія ѣхать къ хану, узналъ я наконецъ, что Сеидъ-Мохамедъ, — чтобы избѣгнуть непріятныхъ объясненій со мною и необходимости, въ которую онъ былъ бы мною поставленъ дать какой либо положительный отвѣтъ, по вопросу о плаваніи судовъ по р. Аму, послѣдно уѣхалъ въ загородный свой дворецъ, поручивъ одному изъ сановниковъ своихъ пожелать мнѣ добраго

пути. Я тотчасъ же написалъ довольно круто кушъ-беги, что требую положительнаго отвѣта хана на предложенныя мною условія ¹⁾ и прошу доставить копію съ отвѣтнаго письма, писаннаго отъ хана къ Государю Императору, въ виду того, что содержаніе письма Его Величества къ хану мнѣ было извѣстно и что мнѣ надо знать, соответствуетъ ли оному отвѣтъ. 26 числа, послѣ полудня кушъ-беги прислалъ мнѣ диванъ-беги съ отвѣтомъ, что онъ не смѣлъ доложить моего письма хану. Получивъ между тѣмъ извѣстіе, что ханъ вернулся незамѣтнымъ образомъ въ Хиву, я тотчасъ же послалъ прямо во дворецъ секретаря съ драгоманомъ, для полученія копіи съ ханскаго письма Государю и повторенія неоднократно уже выраженного мною требованія, о выдачѣ намъ уральскаго урядника, взятаго въ плѣнъ Джанъ-Ходжею и скрываемаго отъ насъ хивинцами. Застигнутый врасплохъ во дворцѣ моими посланными, кушъ-беги ²⁾ вынужденъ былъ принять Кюлевейна и объяснилъ ему, что ханъ не желаетъ дать мнѣ особой прощальной аудіенціи единственно потому, что хивинскій посланецъ Фазиль-Ходжи не былъ принятъ Государемъ Императоромъ болѣе одного раза, тогда такъ я уже неоднократно видѣлся съ ханомъ и съ нимъ лично велъ переговоры; что копіи съ ханскаго письма мнѣ не дали потому, что это не въ обычаѣ въ Хивѣ и что при томъ Фазиль-Ходжи было неизвѣстно содержаніе Высочайшаго письма къ хану, тогда какъ мнѣ непосредственно, хотя и словесно, уже два раза были объявлены отвѣты хана на предложенныя условія для заключенія дружественнаго акта. Кушъ-беги присовокупилъ, что въ нынѣ присланномъ мнѣ письмѣ заключается вкратцѣ повтореніе всего уже мнѣ извѣстнаго, что ханъ не можетъ согласиться на свободное плаваніе судовъ русскихъ по р. Аму, пока Россія не признаетъ окончательно границею между своими владѣніями и хивинскими съ одной стороны р. Эмбы, а съ другой р. Сыръ

¹⁾ Можно было не подписывать акта и не заключать формальнаго условія, но отвѣтъ въ томъ или другомъ смыслѣ долженъ былъ быть данъ русскому посольству.

²⁾ Кушъ-беги, жившій во дворцѣ, былъ ловкій и свирѣпый узбекъ. Онъ оклеветалъ мехтера, благоразумно относившагося къ Россіи, и сталъ заправлять всѣми дѣлами ханства.

и что я, во всякомъ случаѣ, не могу считать себя обиженнымъ, ибо былъ «принятъ съ почетомъ и отличіемъ, несравненно лучше, нежели Фазиль-Ходжа въ С.-Петербургѣ.

Считая порученное мнѣ дѣло въ Хивѣ оконченнымъ, тѣмъ болѣе, что цѣль снаряженія всей экспедиціи нашей была достигнута тщательнымъ изслѣдованіемъ р. Аму, а заключеніе договора съ такимъ невѣжественнымъ и недобросовѣстнымъ правителемъ, какъ Сеидъ-Мохаммедъ было бы несообразно съ достоинствомъ Россіи и нисколько не обезпечивало русскимъ судамъ и торговцамъ пользованіе тѣми торговыми преимуществами, которыя были бы дарованы письменно Хивинскимъ ханомъ, я рѣшилъ не унижаться передъ ханомъ, выпрашивая у него свиданія, а просто выступить 28 Августа изъ Хивы, направляясь черезъ г. Ханки къ р. Аму-Дарьѣ, переправиться близъ этого города черезъ рѣку и продолжать путь въ Бухару правымъ берегомъ, по долинѣ рѣки, на Кукертли и черезъ Каракуль, не обращая вниманія на неудовольствіе и даже противоѣдѣйствіе хивинцевъ.

Я имѣлъ въ виду такимъ образомъ произвести топографическія работы наши по р. Аму отъ самаго устья до высоты вр. Усти и какъ можно выше по теченію. Во время пребыванія нашего въ Хивѣ были приведены болѣе или менѣе въ порядокъ глазомѣрные маршруты, снятые топографами нашими, какъ при степномъ походѣ, такъ и при плаваніи на хивинскихъ баркахъ и во время прохожденія части конвоя по совершенно намъ неизвѣстной дотолѣ мѣстности. Моряки въ то же время составляли карту устьевъ и рукавовъ нижней части рѣки. Независимо отъ результатовъ морскихъ инструментальныхъ работъ и астрономическихъ наблюденій, у насъ получилась отчетливая глазомѣрная съемка отъ р. Эмбы по Усть-Урту до Кунграда и рѣки Аму, отъ Талдыкского устья до высоты Хивы, въ масштабѣ 2-хъ вер. въ дюймѣ, съ прибавкою мѣстности, пройденной половиною конвоя, бывшаго подъ начальствомъ Бородина ¹⁾.

¹⁾ Во время путешествія отъ Оренбурга до Кунграда были сдѣланы астрономическія наблюденія на 23-хъ пунктахъ, для опредѣленія широты и долготы этихъ мѣстъ.

Я писалъ отцу 22 Августа: «Близокъ былъ я къ тому, чтобы вынудить у хивинцевъ согласіе на принятіе всѣхъ предложеній нашихъ, когда возникли внезапно новыя обстоятельства, напугавшія и сбившія съ толку не только властей, но и населеніе хивинское, и помѣшавшія имъ допустить свободное плаваніе нашихъ судовъ въ р. Аму. Бутаковъ слишкомъ открыто и безъ надлежащей предосторожности производилъ съемки и зондировки въ рѣкѣ и необдуманно принялъ на пароходъ бѣглаго персіянина, скрывшагося изъ Кунграда. На упорномъ трудѣ невольниковъ-персіянъ основывается весь доходъ, все богатство земельныхъ собственниковъ этой страны, въ особенности вліятельныхъ сановниковъ. Въ странѣ исключительно землевладѣльческой невольники эти почти единственные земледѣльцы».

«Удачное бѣгство одного персіянина, взятаго подъ нашу защиту, могло послужить дурнымъ примѣромъ для тысячи этихъ несчастныхъ, которые не могутъ спастись бѣгствомъ изъ неволи лишь потому, что край этотъ окруженъ, со всѣхъ сторонъ, трудно проходимыми для одинокаго пѣшехода пустынями. Бутакову, въ виду нынѣшнихъ исключительныхъ обстоятельствъ, не слѣдовало принимать персіянина и изъ за одного человѣка, чуждой намъ національности, создавать неожиданныя затрудненія посольству и компрометировать успѣхъ нашихъ переговоровъ. Но развѣ, что бѣглый, все равно какой, — вступилъ на русское судно, съ согласія командира, и осѣненъ русскимъ флагомъ, достоинство отечества не дозволяетъ его выдать преслѣдователямъ. Хивинцы обратились ко мнѣ съ требованіемъ выдачи персіянина и отказались окончательно согласиться на пропускъ судовъ, говоря, что мы такимъ образомъ увеземъ всѣхъ персіянъ отъ нихъ, изъ пріязни къ шаху. Такъ какъ я убѣдилъ уже хивинцевъ принять такія выгодныя для нашей торговли условія, какъ: 1) сбавка пошлины, чуть не въ четыре раза противъ того, что брали до сихъ

Между Оренбургомъ и Аральскимъ моремъ была произведена барометрическая нивелировка. Опредѣлена высота Усть-Урта надъ р. Чеганъ, а также въ 5 мѣстахъ высота Усть-Урта надъ уровнемъ Аральскаго моря. Метеорологическія наблюденія производились ежедневно, въ продолженіе всего путешествія.

портъ; 2) сравненіе въ торговомъ отношеніи правъ природныхъ русскихъ съ магометанами, и 3) дозволеніе присылать въ Хиву нашего временнаго торговаго агента,—то могъ бы пожалуй изъ тщеславія заключить съ ханомъ дружественный актъ, несравненно выгоднѣйшій, нежели никогда не исполнявшійся хивинцами договоръ, заключенный Данилевскимъ въ 1841 г. ¹⁾ Добросовѣстность и чувства долга воспрепятствовали мнѣ шарлатанить и заключить фактивный дипломатическій актъ, не соотвѣтствующій, по моему мнѣнію, тому положенію, которое Россія должна занять въ этомъ краѣ, и тѣмъ видамъ, которые ей слѣдуетъ имѣть. Если бы я думалъ лишь о полученіи награды,—или даже лишь о начальническомъ одобреніи, то могъ бы, конечно, заключить здѣсь мое пребываніе успѣшнѣе даже, нежели мой предшественникъ, но я предпочелъ придаться къ тому, что хивинцы не согласились на главное условіе—открытіе судоходства по р. Аму, чтобы прекратить переговоры. Ухожу, съ чѣмъ пришелъ. Пусть останется у Правительства открытый и основательный предлогъ для иного образа дѣйствій на будущій годъ. Такъ поступать въ отношеніи къ Хивѣ, какъ мы доселѣ—невозможно, унижительно. По крайней мѣрѣ таково мое личное убѣжденіе. Въ Бухарѣ насъ ожидаетъ, по всей вѣроятности, еще меньшій успѣхъ, потому что успѣха и быть не можетъ, пока мы не будемъ дѣйствовать совершенно иначе, нежели по сіе время: ужасна мысль, что проходишь по пустынямъ 1½ года даромъ и потеряешь драгоцѣннѣйшее время жизни съ невѣжественнѣйшими изъ людей, въ сношеніяхъ съ самымъ безобразнымъ правительствомъ всего свѣта. Впрочемъ грѣхъ сказать «даромъ». Богъ лучше знаетъ дѣйствительную цѣну нашего земнаго времени, даннаго намъ не для человѣческой суеты, а для душевнаго подготовленія къ иному образу жизни душевной. Утѣшаюсь думою,

1) Замѣчательно, что когда мнѣ случилось сослаться на этотъ договоръ, которому у насъ, въ то время, придавали особенное значеніе, то оказалось, что никто изъ чиновниковъ хивинскихъ и мѣстныхъ торговцевъ не знаетъ содержанія подписаннаго ханомъ акта и даже не слыхивалъ о немъ въ предѣлахъ ханства. Не было ни одного случая примѣненія обязательства, выданнаго намъ ханомъ. Вотъ значеніе и польза договоровъ съ Хивою, ничѣмъ не обезпеченныхъ.

что перенесенное съ непоколебимою твердостью и съ надеждою на Божью помощь не бесполезно для души

. . . Такъ какъ мнѣ приходится идти теперь по пескамъ и у меня изъ 11 лошадей три пали, то въ легкій тарантасъ мой (единственный экипажъ въ нашемъ караванѣ) впрягаютъ двухъ верблюдовъ. Удивительно красиво, но вонь нестерпимая, когда сидишь въ тарантасѣ».

«Съ берега р. Аму, передъ переправою у Ханки, послалъ я, 2 Сентября, черезъ фортъ № 1, съ двумя нарочными киргизами, официальное извѣщеніе Генералъ-Губернатора о выступленіи моемъ въ Бухару и послѣднее письмо отцу моему изъ хивинскаго ханства: «Пекарскій, выѣхавшій изъ Хивы 30 Августа, черезъ два мѣсяца увидится съ вами и можетъ вамъ разсказать въ подробности все случившееся съ нами въ теченіе первыхъ 3½ мѣсяцевъ путешествія..... Чтобы избѣгнуть обстоятельнаго объясненія со мною и необходимости дать мнѣ положительный и осмысленный отвѣтъ на мои неослабныя настоянія, ханъ побоялся дать мнѣ прощальную аудіенцію и просто удралъ изъ столицы. Не желая, со своей стороны, удовольствоваться такимъ документомъ, который бы не удовлетворилъ русскихъ интересовъ, я предпочелъ выѣхать изъ Хивы 31 и отправиться въ Бухару. Хивинцы, спохватившись, что могутъ заплатить за такой оборотъ дѣла, собираются отправить въ Россію новое посольство, которому поручено будетъ обѣщать окончательное принятіе всѣхъ *предложеній*, мною сдѣланныхъ, *безъ исключенія*. Въ концѣ концовъ я не достигъжелаемаго результата моихъ переговоровъ и меня далеко не удовлетворяетъ плачевное окончаніе моего томительнаго пребыванія въ Хивѣ, но я уношу убѣжденіе, что дѣйствовалъ добросовѣстно, по долгу совѣсти и чести, и что лучшаго я добиться не могъ бы, а при уступчивости рисковалъ бы унижить русское достоинство въ глазахъ азіатовъ. Вчера, 1 Сентября, прибыли мы въ Ханки, гдѣ, въ знакъ своего неудовольствія противъ хана, я отказался отъ прощальнаго угощенія, приготовленнаго намъ отъ имени хана, и, не заходя въ городъ, прямо прошелъ къ р. Аму, на берегу которой и расположился нашъ бивакъ. Сегодня рано

утромъ мы начали трудную переправу на лѣвый берегъ; ничего хорошаго не ожидаю въ Бухарѣ Я слава Богу здоровъ, хотя въ это время здѣсь свирѣпствуютъ перемежающіяся лихорадки и тифозныя горячки. Такихъ больныхъ у насъ нѣсколько въ конвоѣ. Принужденъ кормить всякое утро отрядъ нашъ хинною коркою » Кончая свои донесенія изъ Хивы, я писалъ директору Азіатскаго Департамента нижеслѣдующее: Хивинцы намѣрены, подъ предлогомъ желанія убѣдиться въ дружественныхъ видахъ Россіи относительно ханства, послать къ намъ новое посольство, которое, выйдя къ намъ на встрѣчу, при возвращеніи миссіи, мнѣ ввѣренной, изъ Бухары въ фортъ № 1, присоединится къ намъ и будетъ просить у Его Императорскаго Величества опредѣленія границъ между Россією и Хивою по рр. Сыру, Эмбѣ и отпуска въ Хиву большого числа мастеровыхъ и механиковъ, для обученія хивинцевъ различнымъ ремесламъ и искусствамъ и даже для построенія парохода на р. Аму; взамѣнъ этого посольство привезетъ ханское согласіе, при исполненіи вышеизложенныхъ 2 условий, допустить свободное плаваніе нашихъ судовъ по р. Аму и постоянное пребываніе нашего торговаго агента въ Хивѣ. Посланцемъ назначается Дарга, человекъ вліятельный, умный, ловкій, хитрый, пользующійся большимъ значеніемъ и выгоднымъ положеніемъ и отличающійся отъ всѣхъ другихъ узбековъ своею обходительностью и вѣжливостью. Онъ занимаетъ второе мѣсто между ханскими сановниками. Совѣтникомъ Дарги будетъ, кажется, диванъ-беги, бывшій приставомъ нашимъ отъ вступленія въ Кунградъ до выхода изъ Хивы и назначенный теперь для препровожденія больныхъ нашихъ до парохода.

Несмотря на то, что посольство это заслуживало бы, по составу своему, несравненно большаго вниманія, нежели обыкновенно присылаемыя въ Россію, но мнѣ кажется, что слѣдовало бы не пустить Даргу далѣе Оренбурга, для вселенія въ хивинцахъ убѣжденія, что мы никогда не допустимъ, чтобы они смѣли намъ въ чемъ либо отказать и возбуждать вопросы о распространеніи, на нашъ счетъ хивинскихъ предѣловъ. Въ такомъ случаѣ надлежало бы объявить

хивинскому посланцу въ Оренбургъ или еще лучше въ фортъ № 1, что ни одно посольство хивинское не будетъ принято Его Императорскимъ Величествомъ, пока хивинцы не докажутъ, что они умѣютъ цѣнить оказанное имъ вниманіе, посылкою русскаго агента, поднесеніемъ Его Императорскому Величеству письменнаго согласія хана на всѣ наши условія безъ изыятія».

Наканунѣ дня, назначеннаго для выступленія изъ Хивы, я послалъ еще слѣдующее донесеніе Егору Петровичу Ковалевскому: «Вѣроятно Ваше Превосходительство не изволили забыть, что, отправляясь изъ С.-Петербурга, я высказалъ вамъ предположенія мои относительно того затруднительнаго положенія, въ которомъ могу находиться въ Хивѣ. Дѣйствительность превзошла эти предположенія и мнѣ здѣсь понадобился, какъ Ваше Превосходительство тогда мнѣ предсказывали, порядочный запасъ твердости духа. Мнѣ остается повторить то, что я говорилъ прежде: надо сожалѣть, что миссія выступила поздно изъ Оренбурга, что она не была направлена первоначально въ Бухару, а потомъ въ Хиву и, наконецъ, что флотилія была снаряжена такъ поздно и неудовлетворительно. По предположенію Комитета, флотилія должна была насъ дожидаться въ полномъ составѣ въ Чернышевскомъ заливѣ, а я сошелся съ однимъ пароходомъ «Перовскій» только въ 3-хъ переходахъ отъ Айбугирскаго залива; первая баржа прибыла къ Талдыкскому заливу 24 Іюня, а третья съ необходимымъ запасомъ угля только въ концѣ Іюля мѣсяца. Пароходъ «Обручевъ» оказался совершенно не соответствующимъ предположенной цѣли. Движеніе различныхъ отрядовъ по степи имѣло предвидѣнныя мною, неблагоприятныя для насъ, послѣдствія. Къ сему присоединились многія другія обстоятельства, которыя всѣ содѣйствовали еще большому затрудненію нашего положенія въ ханствѣ.

Съ флотилією вышли у васъ также нѣкоторыя недоразумѣнія. Если бы миссія была отправлена, какъ предполагалось прошедшею осенью, на флотиліи, а не отдѣльно сухопутно, то многія изъ затрудненій были бы устранены. Согласовать движенія каравана, въ особенности такого неудобно-подвижнаго, какъ мой, съ цѣлью политиче-

скою и съ дѣйствіями и движеніями флотиліи, весьма затруднительно, въ особенности при невозможности вѣрныхъ сообщеній. Въ Хивѣ мы были, какъ я и предполагалъ еще въ С.-Петербургѣ, въ рукахъ хивинцевъ какъ бы залогомъ пріязненныхъ дѣйствій флотиліи. Эмиръ бухарскій, по слухамъ, недоволенъ Россіей за дурной пріемъ въ С.-Петербургѣ посланца, за неудовлетвореніе нѣсколькихъ его просьбъ и за предпочтеніе, оказанное хивинцамъ, направленіемъ миссіи первоначально въ Хиву, а потомъ уже въ Бухару. Нелѣпныя извѣстія, распространенныя относительно нашей миссіи и флотиліи въ Хивинскомъ ханствѣ, дошли въ самомъ преувеличенномъ видѣ до эмира. Намъ нельзя, такимъ образомъ, ожидать ничего хорошаго въ Бухарѣ. Иду туда собственно для того, чтобы не потерять случай пройти долиною р. Аму, попытаться исполнить возложенное на меня порученіе и для того, чтобы эмиръ не считалъ себя еще болѣе прежняго обиженнымъ нами; но не рассчитываю на успѣхъ въ переговорахъ. Опасаюсь, что своенравный Эмиръ продержитъ насъ въ Бухарѣ до будущей весны.

«Подарки наши были частью попорчены и поломаны дорогою. Шарманка исправлена на пароходѣ механикомъ флотиліи, но въ Хивѣ долго возились съ нею, пока не открылся въ конвоѣ артист-слесарь, который починилъ не только органъ, но и часы съ птичками, такъ какъ птицы перестали было летать и клевать. Колпаки стеклянные у часовъ разбились въ дребезги, а хрустальные канделябры поломаны. Шуба и палатка также пришли, не знаю почему, въ неблаговидное состояніе. Впрочемъ, подарочныя вещи спустили мы довольно благополучно, сваливъ всѣ погрѣшности на самихъ хивинцевъ, потому де, что они не пропустили вверхъ по рѣкѣ пароходъ, везшій подарки. Чтобы сколько нибудь задобрить старшаго брата хана, ему поднесены были подарки отъ имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника, съ привѣтствіемъ отъ Его Императорскаго Высочества. На вопросъ, почему нѣтъ письма, объяснено было, что у насъ Наслѣдникъ не имѣетъ права писать грамоты до совершеннолѣтія. Въ Хивѣ полагается 2 равносильныхъ визиря; самый значительный изъ нихъ—кушъ-беги. Онъ не можетъ

простить намъ, что его обидѣли въ глазахъ всѣхъ хивинцевъ тѣмъ, что у меня было письмо только на имя мехтера. Тутъ и подарки не помогли. Онъ враждуетъ съ мехтеромъ, къ намъ расположеннымъ, и успѣлъ даже очернить было совершенно его передъ ханомъ. Фазиль-Ходжа также въ опалѣ, потому что хорошо о насъ отзывается.

Сендъ-Мохаммедъ составляетъ исключеніе изъ послѣдняго поколѣнія хивинскихъ хановъ: онъ крутъ, самовластенъ и съ твердою волею, въ родѣ Насръ-Уллы.

Жалѣю чрезвычайно, что Бутаковъ, придя въ Кунградъ 45-ю часами только позже насъ и узнавъ еще наканунѣ отъ встрѣченной имъ части конвоя миссіи, что мы идемъ на баркахъ бечевою по рѣкѣ, не рѣшился догнать насъ подъ предлогомъ необходимости свидѣться со мною и получить приказанія; не послалъ ко мнѣ по крайней мѣрѣ, или на плюнкѣ пароходной, или берегомъ верхомъ, штабсъ-капитана Салацкаго и топографа Недорѣзова, данныхъ мною на пароходъ собственно на случай отправленія ко мнѣ извѣстія и разъясненія недоразумѣній. Утромъ 3 Іюня мы были отъ Кунграда не болѣе какъ въ 50 вер. Я увѣренъ, что мы избѣгли бы чрезъ это многихъ недоразумѣній, дѣло мое пошло бы успѣшнѣе въ Хивѣ и я не засидѣлся бы такъ долго въ этомъ несносномъ городѣ.

Чтобы доставить случай большому числу морскихъ офицеровъ ознакомиться съ р. Аму и проплыть по оной, по крайней мѣрѣ на хивинскихъ баркахъ, я просилъ Бутакова прислать съ подарочными вещами одного офицера съ флотиліею, въ качествѣ чиновника, завѣдывающаго подарочными вещами, совмѣстно съ штабсъ-капитаномъ Салацкимъ. Бутаковъ счелъ затруднительнымъ—вѣроятно по малочисленности офицеровъ на флотиліи—воспользоваться симъ случаемъ.

Съ половины Августа настало въ Хивѣ время повальныхъ лихорадокъ и горячекъ. Эти болѣзни сильны между жителями, но въ особенности воспринимаются новопріѣзжими. У насъ, въ теченіе нѣ-

скольких дней, заболѣло много нижнихъ чиновъ, такъ что однихъ горячечныхъ было одновременно до 18 чел.¹⁾

Удушливый зной днемъ, сырые и холодныя ночи, спертый воздухъ на занимаемыхъ нами дворахъ дворца, окруженныхъ высокими стѣнами, и продолжительная стоянка, соединенная съ изобиліемъ фруктовъ, все это способствовало большому развитію болѣзней, бывшихъ для насъ весьма тяжкимъ испытаніемъ. Теперь, по милости Божіей, больные стали поправляться и многіе уже выздоровѣли. Болѣзненное состояніе доктора Пекарскаго, заболѣвшаго сильнымъ біеніемъ сердца, астронома Струве, начальника конвоя, а также слабость нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ (семи человекъ)—затруднили бы чрезвычайно слѣдованіе миссіи по трудному пути, ей предстоящему изъ Хивы въ Бухару и изъ Бухары въ фортъ № 1. Вслѣдствіе сего отправляю всѣхъ ихъ на двухъ хивинскихъ баркахъ въ устье Улькунъ-Дарьи къ пароходу «Перовскій», съ тѣмъ, чтобы они перевезены были въ фортъ № 1 на баржѣ или на пароходѣ, по усмотрѣнію капитана 1-го ранга Бутакова. Возвращеніе въ Россію Струве и Пекарскаго—чрезвычайно чувствительная потеря для миссіи. По необходимости я долженъ былъ передать теперь астрономическія занятія лейтенанту Можайскому.

«Вопросъ о выдачѣ бѣжавшаго на нашъ пароходъ персіянина случился весьма не кстати, тѣмъ болѣе, что я только что въ утро 20 Августа просилъ, чрезъ ханскихъ сановниковъ, у хана отпустить со мною, въ знакъ пріязни къ Россіи и расположенія къ Персіи, до 30 плѣнныхъ персіянъ, преимущественно изъ числа военныхъ, взятыхъ туркменами близъ Астрабада. Я предполагалъ внести, въ случаѣ надобности, слѣдуемая за нихъ, для выкупа, деньги и намѣренъ былъ командировать съ границы бухарской одного изъ моихъ чиновниковъ съ выкупленными плѣнными, черезъ Мервъ, въ

¹⁾ Лѣтомъ предыдущаго года, т. е. въ 1857 свирѣпствовала сильная эпидемія—послѣдствіе бывшаго въ странѣ голода. Смертность была значительна, въ особенности между дѣтьми. Судя по разсказамъ жителей, признаки указывали на кровавый поносъ и даже холеру.

Персію, предполагая, что это было бы пріятно шаху и вполне соответствовало бы нашимъ видамъ. Теперь естественно долженъ былъ я отказаться отъ преслѣдованія сей мысли, съ тѣмъ, чтобы по поводу вывоза изъ ханства плѣнниковъ изъ персіянъ, не возбудить новыхъ недоразумѣній, которыя могли бы быть пагубны для дальнѣйшаго слѣдованія миссіи.

Туркмены разбойничаютъ по р. Аму выше Хозарема и по караванной дорогѣ изъ Хивы въ Бухару, грабя преимущественно хивинскіе караваны. Недавно два каравана ограблены на этой дорогѣ шайкою изъ 60-ти туркменъ племени Сераксъ. Надѣюсь, что мы пройдемъ благополучно. Нѣсколько афганскихъ и бухарскихъ торговцевъ намѣрены присоединиться къ нашему каравану для большей безопасности.

По полученнымъ мною на этихъ дняхъ довольно правдоподобнымъ свѣдѣніямъ самый глубокой и удобный проходъ для нашихъ судовъ въ р. Аму не черезъ Улькунъ-Дарью, а черезъ рукавъ, болѣе юго-восточный, называемый разнo, но между прочимъ Сасыкъ-куль, впадающій яко бы въ озеро, изливающееся рукавомъ «Джиделю» въ море, верстахъ въ 120-ти восточнѣе устья Улькунъ-Дарьи. Не имѣвъ еще возможности свѣрить всѣ данныя по сему предмету, а въ особенности провѣрить сбивчивыя названія, упоминаемыя въ доставленныхъ свѣдѣніяхъ, воздерживаюсь отъ положительнаго заключенія о преимуществѣ сего пути надъ остальными рукавами Аму-Дарьи. На случай самовольнаго вступленія нашей флотиліи въ р. Аму, хивинцы придумали построить двѣ крѣпости: одну близъ соединенія Талдыкъ съ Улькунъ-Дарьею, противъ мелей, гдѣ суда наши встрѣтили нѣкоторое затрудненіе для плаванія, а другую на ур. Курганча, въ одной верстѣ отъ устья рукава Сасыкъ-куль, верстахъ въ 90 отъ моря. Въ эту послѣднюю крѣпость будетъ переселено 100 узбекскихъ семействъ; для сего берутъ по 5 человекъ изъ каждаго хивинскаго города. Начальникомъ крѣпости будущаго оплота Хивы противъ нашей флотиліи—назначенъ Якубъ-бай, братъ есауль-баши Бунградскаго. Тутъ же будутъ собирать зябеть съ кочующихъ на правомъ берегу р. Аму киргизовъ и каракалпаковъ.

Построение крѣпостей начнется немедленно послѣ ухода миссіи въ Бухару.

Мнѣ кажется, что въ случаѣ ежели предположеніе хивинцевъ объ отправленіи въ Россію новаго посольства будетъ приведено въ исполненіе, то слѣдовало бы высказать посланцу, что онъ не можетъ быть принятъ, пока не доставленъ будетъ въ С.-Петербургъ ханскій фирманъ, удостовѣряющій въ принятіи хивинцами всѣхъ предложенныхъ нами условій и рѣшительно ему объявить, что рр. Сыръ и Эмба не составляютъ уже границъ ханства и что хивинцы должны отказаться отъ взиманія зякета съ киргизъ—нашихъ подданныхъ. Всего лучше было бы ежели бы посольство хивинское вернулось въ Хиву изъ форта № 1, а наша флотилія вслѣдъ затѣмъ подошла бы въ полномъ составѣ къ южному берегу Аральскаго моря, съ тѣмъ, чтобы начать плаваніе вверхъ по р. Аму, не дожидаясь ханскаго позволенія. Посольства изъ средне-азиатскихъ владѣній, принимаемыя нами, не имѣютъ никакихъ выгодныхъ для насъ послѣдствій, а стоятъ намъ между тѣмъ очень дорого. Весьма мало пользы могутъ принести также Россіи и наши миссіи, посылаемыя временно въ ханства. Это напрасная трата денегъ, которыя могутъ быть употреблены для достиженія той же цѣли, въ этой же части Азіи, но инымъ образомъ, съ несравненно большимъ вѣроятіемъ успѣшнаго результата».

Въ самый день выступленія нашего изъ Хивы, я, желая объяснить директору Азіатскаго Департамента дѣйствительное значеніе дипломатическихъ актовъ въ Средней Азіи, которыхъ прежде Министерство Иностранныхъ Дѣлъ такъ напрасно добивалось, писалъ слѣдующее: «договоръ, заключенный Данилевскимъ въ 1841 году политическій пухъ, потому что договоръ въ Хивѣ не имѣетъ значенія европейскаго. Онъ никогда соблюдается не былъ и даже малоизвѣстенъ въ Хивѣ. Если хотите—уступки, вынужденныя у хивинцевъ въ настоящее время, могли бы считаться несравненно важнѣе и существеннѣе, нежели тѣ, которыя были сдѣланы намъ въ 1841 г., но стоило ли заключать дипломатическій актъ безъ права свободнаго плаванія по р. Аму и собственно только для того,

чтобы представить Министерству Иностранныхъ Дѣлъ клочекъ бумаги, скрѣпленный ханскою печатью, но не представляющій существеннаго для насъ значенія по отсутствію гарантіи исполненія. Надѣюсь, что Ваше Превосходительство меня не осудите. Можетъ быть, въ Петербургѣ найдутъ, что я ошибся въ своихъ дѣйствіяхъ, но я сохраняю убѣжденіе, что поступалъ добросовѣстно, сообразно съ чувствомъ долга, по крайнему моему разумѣнію, и не гоняясь за мишурными результатами».

Несмотря на то, что всѣ косвенныя свѣдѣнія о Бухарѣ, дошедшія до меня со времени переправы нашей черезъ Айбугирскій заливъ, были для насъ крайне неблагопріятны, что непріязненные намъ внушенія и намеки эмира хану хивинскому въ вопросѣ о судоходствѣ по р. Аму ихъ подтверждали и что мнѣ самому приходили на умъ многіе доводы противъ непосредственнаго и безотлагательнаго перехода изъ Хивы въ Бухару, но я твердо рѣшился испытать до конца всѣ зависящія отъ меня средства для выполненія Высочайше возложеннаго на меня порученія и утвержденной Государемъ программы экспедиціи.

Въ этихъ видахъ мнѣ было необходимо удостовѣриться прежде всего въ дѣйствительномъ расположеніи относительно принятія посольства бухарскимъ правительствомъ и въ своевременности появленія моего въ бухарской столицѣ при отсутствіи эмира. Достигнуть этого было довольно трудно, такъ какъ хивинцы насъ зорко и тѣсно стерегли и приняли мѣры для воспрепятствованія намъ прямыхъ сношеній съ Бухарою. Черезъ приказчика Панфилова и двухъ преданныхъ намъ киргизъ удалось мнѣ однако же найти двухъ расторопныхъ, предприимчивыхъ и вѣрныхъ Россіи киргизъ, не бывшихъ еще въ подозрѣніи у хивинцевъ, и я ихъ отправилъ въ Бухару съ письмами моими,—официальнымъ и конфиденціальнымъ, частнымъ, къ бухарскому визирю, Тохсабъ-Мирзѣ-Азизу. Киргизамъ этимъ поручено было,—какъ я предупредилъ Тохсабу въ частномъ письмѣ,—передать многое бухарскому правительству для расположенія его въ нашу пользу и рассказать о дѣйствіяхъ нашихъ въ Хивѣ и о происходящемъ въ ханствѣ, съ такимъ освѣ-

щеніемъ фактовъ, которое должно было произвести благоприятное намъ впечатлѣніе на эмира и раздражить его противъ хивинцевъ. Мы раскрыли Тохсабъ происки сихъ послѣднихъ, клонившіеся къ тому, чтобы внушить намъ подозрѣніе и опасеніе относительно намѣреній эмира, свалить на него всю отвѣтственность за непропускъ судовъ и помѣшать посольству вручить Насръ-Уллахъ письмо Государя Императора и Царскіе подарки. Тохсаба, вскорѣ послѣ прибытія моихъ посланцевъ, отвѣчалъ мнѣ самымъ предупредительнымъ образомъ и заявилъ, что эмиръ поручилъ ему пригласить меня формально въ Бухару. Отвѣтъ этотъ былъ посланъ мнѣ бухарскимъ визиремъ не прямымъ путемъ, а, для большей вѣрности, кружнымъ, черезъ фортъ № 1, и я получилъ его слишкомъ поздно, т. е. тогда уже былъ въ бухарскихъ предѣлахъ. Но посланцы наши успѣли вернуться прежде, прямымъ путемъ, въ Хиву и на словахъ рассказали мнѣ о ласковомъ приѣмѣ Тохсабы и доставили всѣ нужныя свѣдѣнія, которыя укрѣпили меня въ рѣшимости, несмотря на всѣ препятствія и коварные замыслы хивинцевъ, попытаться пройти въ Бухару путемъ неизвѣстнымъ въ Россіи и по которому никто еще изъ образованныхъ европейскихъ путешественниковъ до насъ не проходилъ.

Для перехода этого нужно было преодолѣть немало затрудненій, кромѣ обыкновенныхъ естественныхъ препятствій средне-азиатскаго караваннаго движенія: 1) переправу черезъ широкую рѣку Аму (почти противъ мѣста, гдѣ послѣ построено Петро-Александровское укрѣпленіе) безъ другихъ перевозочныхъ средствъ, какъ одна лодка, которую мы успѣли захватить;

2) Неимѣніе какихъ либо топографическихъ свѣдѣній и малѣйшихъ указаній касательно пути, на которомъ мы съ трудомъ находили удобные биваки для ночлеговъ;

3) Недоброжелательное отношеніе хивинцевъ, которые исчерпали всевозможныя ухищренія, чтобы побудить насъ отказаться отъ нашего намѣренія и напугать насъ нападеніями туркменъ, шайки Джанъ-Ходжи, бродившей въ Кизылъ-кумъ и т. п. и даже нежеланіемъ бухарцевъ, чтобы русскіе пришли долиною р. Аму, недоступною до

того времени для европейцевъ. Насъ не остановили не только предостереженія хана и хивинскихъ сановниковъ и распущенные для устрашенія насъ слухи, но и затрудненія, встрѣченные для найма верблюдовъ въ Хивѣ и снаряженія каравана.

Все уже было готово къ выступленію, когда пришлось еще отложить на два дня, т. е. до 31 Августа, чтобы выдержать бурную сцену съ ханскимъ сановникомъ и дополнить наши военныя приготовления на случай, если бы пришлось пробиваться въ пути черезъ шайки грабителей или отбиваться отъ вѣроломныхъ хивинцевъ. 28 Августа нѣкоторые изъ нашихъ киргизовъ и два бухарца, бывшіе по торговымъ дѣламъ въ Хивѣ и побывавшіе въ Россіи, тайно предупредили меня, что будто бы нѣсколько сотъ туркменскаго племени Чаудуръ подговорены разгнѣваннымъ Сеидъ-Мохаммедомъ напасть на нашъ караванъ, когда онъ будетъ уже на правомъ берегу р. Аму, съ цѣлью ограбить насъ и поживиться мнимыми богатствами, предполагавшимися въ каждомъ изъ многочисленныхъ ящичковъ, навьюченныхъ на верблюдахъ, и отучить такимъ образомъ русскихъ заходить въ этотъ край и дерзко противиться волѣ хана, который настаивалъ, чтобы посольство, для своей безопасности, вернулось на Усть-Уртъ. Сеидъ-Мохаммедъ полагалъ, вѣроятно, что съ него лично будетъ снята отвѣтственность за послѣдствія, такъ какъ гости его, выйдя благополучно изъ Хивы, «не послушались однако же его совѣтовъ и предостереженій». Мехтера ханъ смѣнилъ, посадилъ въ тюрьму и, какъ носились слухи, ослѣпилъ за то, что уполномоченный имъ на заключеніе со мною дружественнаго акта, онъ убѣдился моими доводами, принялъ предложенія и готовъ былъ подписать заготовленный проектъ. Заступившій его въ управленіи дѣлъ съ иностранцами купъ-беги прислалъ мнѣ, безъ всякихъ объясненій, письмо на имя Министра Иностранныхъ Дѣлъ, и подарки князю Горчакову и Ковалевскому. Мнѣ присланы были халаты для раздачи членамъ посольства и конвоя по степени ихъ важности. Почетный конвой, подъ начальствомъ минъ-баши, былъ назначенъ для сопровожденія посольства и охраненія его отъ туркменъ, въ предѣлахъ ханства, такъ какъ караванный путь въ Бухару считался

не безопаснымъ и передъ самымъ выступленіемъ нашимъ два торговыхъ каравана были разграблены шайкою туркменской, пришедшею изъ—подъ Мерва и переправившеюся для грабительскаго набѣга черезъ р. Аму. Впрочемъ хивинскій конвой не могъ внушить намъ, по составу своему, большого довѣрія и обратился бы въ бѣгство при нападеніи туркменъ или скорѣе присоединился бы къ грабителямъ, чѣмъ честнымъ образомъ исполнилъ долгъ свой. Киргизы предупреждали насъ, что таковы были истинныя намѣренія этого конвоя и что Минъ-баша будетъ въ сообществѣ съ рыскающими по правому берегу р. Аму туркменскими шайками. Какъ мы впоследствии могли убѣдиться, сами бухарцы не ожидали, что мы рѣшимся пройти въ Бухару прямо изъ Хивы, долиною р. Аму, и полагали, что мы предпочтемъ путь черезъ фортъ № 1 и р. Яны-Дарью.

Несомнѣннымъ признакомъ сего предположенія было то, что, — несмотря на извѣщеніе мое Тохсабы и приглашеніе эмира, — никто изъ пограничныхъ властей, ни передовые караулы Бухаріи на пути нашего слѣдованія не были предупреждены о нашемъ появленіи, а Чарджуйскій губернаторъ, извѣстившись о выступленіи моемъ изъ Хивы въ этомъ направленіи, прислалъ спѣшныхъ гонцевъ предупредить меня (въ 3 или 4 переходахъ отъ переправы), какъ гостя эмира, о грозившей намъ опасности со стороны туркменъ, прослышавшихъ о мнимыхъ богатствахъ нашего каравана и собиравшихся напасть на насъ. Чарджуйскій начальникъ убѣдительно просилъ меня задержать путешествіе посольства, пока онъ успѣетъ снарядить и выслать на границу бухарскую достаточный конвой для нашего охраненія. Не обращая вниманія на всѣ эти продѣлки азіатцевъ, на угрозы хивинцевъ и предостереженія киргизъ и рѣшившись преодолѣть ожидавшіяся испытанія, я съ трудомъ нанялъ достаточное для подъема нашихъ тяжестей количество верблюдовъ у возвращавшихся въ Бухару, по сдачѣ товаровъ въ Хивѣ, киргизъ и принялъ всѣ надлежащія мѣры для охраненія нашего каравана, собственными нашими средствами, отъ внезапнаго нападенія во время нашего слѣдованія и ночлеговъ. Въ виду возможности быть вынужденнымъ принять неравный бой, безъ надежды на подкрѣ-

пленіе, въ дальнемъ и пустынномъ краѣ, изъ котораго и вѣсть о нашей участи достигла бы съ трудомъ, своевременно, до русской границы, я предупредилъ оставшихся со мною спутниковъ о предстоящихъ намъ опасностяхъ и трудахъ и предложилъ тѣмъ, которые пожелаютъ или не чувствуютъ въ себѣ достаточной силы, чтобы выдержать до конца, присоединиться къ отправляемымъ на флотилію больнымъ; но никто не пожелалъ симъ воспользоваться, несмотря на то, что въ числѣ нижнихъ чиновъ было не менѣе 16 человекъ ослабѣвшихъ отъ мѣстной лихорадки и дессентеріи. Отпраздновавъ царское тезоименитство и выпивъ за здоровье Государя послѣднюю чарку водки, привезенной съ собою изъ Оренбурга ¹⁾, мы на другой день, не предвѣрая хивинцевъ, не внушавшихъ своимъ обращеніемъ никакого довѣрія, выступили съ заряженными ружьями и пистолетами, готовые на неравный бой, если бы вздумали, — какъ носились въ городѣ слухи, — остановить насъ, по приказанію хана насильственно. Трудная переправа на противоположный берегъ Аму совершилась благополучно: Бородина послалъ я, съ частью конвоя, занять бивакъ на правомъ берегу, освѣщая мѣстность для своевременнаго предупрежденія какого либо нападенія во время переправы, тогда какъ я оставался съ другою частью конвоя, въ оборонительномъ положеніи, передъ окружавшими насъ хивинцами, большею частью вооруженными. Когда мы собрались благополучно на правомъ берегу Аму, прискакалъ изъ форта № 1 посыльный (о двуконь) киргизъ и передалъ мнѣ предписаніе Министра Иностранныхъ Дѣлъ, разрѣшавшее мнѣ не идти въ Бухару, въ виду встрѣченныхъ затрудненій и опасностей, а отправиться въ фортъ № 1, гдѣ прозимовать и съ раннею весною предпринять путешествіе въ Бухару. Въ официальной бумагѣ этой было сказано, что Государь Императоръ, освѣдомившись о тяжеломъ положеніи, въ которомъ очутилась

¹⁾ Я замѣнилъ водку чаемъ, который съ выступленія изъ Хивы до возвращенія въ фортъ № 1 давалъ дважды въ день всему конвою. Водка русская вся вышла; былъ оставленъ небольшой боченокъ, для больныхъ. Впоследствии я закупилъ мѣстную, виноградную водку, которая пригодилась отряду при возвращеніи изъ Бухары и наступленіи холодовъ.

миссія въ Хивѣ, не желаетъ, чтобы я подвергался личнымъ опасностямъ, мнѣ и миссіи угрожавшимъ Възвѣсивъ послѣдствія исполненія этого предписанія, неизбежное увеличеніе расходовъ и напрасную потерю времени, неблагоприятное для Россіи впечатлѣніе, которое это измѣненіе нашей первоначальной программы могло произвести въ Средней Азіи и нелестные для меня лично толки, которые не преминули бы недоброжелатели распуścić, обвиняя насъ въ неудачѣ и трусости, я рѣшился не воспользоваться даннымъ Высочайшимъ разрѣшеніемъ и, положивъ бумагу въ карманъ, сѣлъ на коня и двинулся на Бухару.

✓ 10 Сентября мы уже достигли до бухарской границы и простились съ хивинскимъ конвоемъ и предводителемъ его Минъ-башей, который постоянно задерживалъ наше движеніе, суетился, чего то пугался, притворялся спасающимъ насъ отъ грозящей намъ гибели и постоянно пересылался гонцами съ Хивой и другими городами. Онъ всѣмъ намъ надоѣлъ до-нельзя, и мы рады были отдѣлаться отъ мнимыхъ нашихъ охранителей, составлявшихъ для насъ источникъ заботъ и недоразумѣній, несравненно болѣе нежели туркмены, которыми старались насъ постоянно стращать. На пути мы встрѣтили нѣсколько ограбленныхъ торговцевъ; въ виду безпокойнаго состоянія края, къ нашему каравану пристроились два торговыхъ каравана, шедшихъ въ Бухару, и дѣло не обошлось у насъ безъ нѣсколькихъ тревогъ, причиненныхъ постояннымъ ожиданіемъ нападенія и приготовленіями къ отчаянной оборонѣ. Одушевленіе конвоя не переставало быть прекраснымъ, несмотря на то, что число больныхъ и слабыхъ у насъ было весьма значительно (одно время доходило до $\frac{1}{2}$ нижнихъ чиновъ, такъ что наряды на охранительную службу были затруднительны). Намъ довелось, слава Богу, похоронить лишь одного казака уральскаго (бывшаго у меня вѣстовымъ и умершаго въ моей кибиткѣ), заболѣвшаго внезапно, послѣ лихорадки, пятнистымъ тифомъ. Докторъ Батаршинъ, перепуганный болѣзненностью людей и трудностью переходовъ, требовалъ отъ меня сначала словесно, а потомъ формально, рапортомъ, чтобы я остановилъ на нѣсколько дней караванъ и далъ продолжительный отдыхъ людямъ.

Зная, по опыту, что въ такихъ случаяхъ упадокъ духа и бездѣйствіе отзываются самымъ неблагоприятнымъ образомъ на воинскихъ чинахъ, я отвергъ предложеніе доктора, старался кормить хорошо людей, везъ больныхъ въ оставшихся у насъ повозкахъ (мой тарантасъ легкій, офицерская и двѣ казенныхъ повозки) или привязывалъ ихъ на верблюдовъ и всячески поддерживалъ веселость и бодрость духа. Одна изъ ночныхъ тревогъ, произведенная внезапнымъ появленіемъ туркменскихъ всадниковъ, окружившихъ нашъ бивакъ и заставившихъ насъ всѣхъ приготовиться къ бою, воздѣйствовала отлично на состояніе здоровья людей. Въ виду опасности, — всѣ почти выздоровѣли и захотѣли стать въ ряды. На другой день почти всѣ были на конѣ. Докторъ былъ очень смущенъ неожиданнымъ для него результатомъ нравственно-нервнаго лѣченія. Подскакившіе къ намъ туркмены были напуганы брошенными въ нихъ сигнальными ракетами и бураками, ими никогда прежде не виданными. Они выслали двухъ старшинъ сказать намъ, что просить не жечъ «шайтанъ атенъ» (чертовъ огонь), пугающій ихъ лошадей, что они приняли нашъ караванъ за торговый, но на посольство русское нападать не намѣрены. Не довѣряя степнымъ грабителямъ, я потребовалъ, чтобы сынъ предводителя шайки и одинъ изъ старшинъ остались у насъ аманатами ¹⁾, пока туркмены будутъ у насъ въ виду. Надо было опасаться возобновленія попытки къ нападенію, когда днемъ туркмены убѣдятся въ нашей малочисленности и караванъ нашъ растянется. Аманаты были поставлены между четырьмя казаками съ заряженными револьверами, съ предупрежденіемъ, что при первой попыткѣ туркменъ напасть или приблизиться къ каравану, они будутъ застрѣлены. Все обошлось благополучно, и къ концу перехода я отпустилъ аманатовъ, одаривъ ихъ халатами и пославъ почетный халатъ (съ галунами) предводителю шайки въ знакъ вниманія. Оказалось впоследствии, что чаудуры (туркмены, ближайшіе въ Хивѣ) переправились черезъ Аму, близъ Кипчака, дѣйствительно погнались было за нами и уже собрались на насъ

1) Т. е. заложниками.

напасть, но замѣтивъ, что съ нами труднѣе будетъ справиться, нежели они ожидали, они обратились влѣво отъ нашего пути на кочевавшіе тамъ киргизскіе аулы и ограбили при томъ нѣсколько ауловъ бухарскаго владѣнія. Этотъ случай, представленный эмиру, какъ очевидный признакъ недоброжелательства къ нему хивинцевъ, пропустившихъ безпрепятственно грабительскую шайку, послужилъ основаніемъ возникшаго, при окончаніи нашего пребыванія въ Бухарѣ, крупнаго несогласія между Хивою и Бухарою. Этотъ же набѣгъ надѣлалъ не малыхъ хлопотъ на Сыръ-Дарьинской линіи и въ Оренбургѣ. Преувеличенные слухи о попыткѣ туркменъ и похищеніяхъ шайки Джанъ-ходжи, въ пескахъ Кызыль-кума, близъ пути слѣдованія посольства, дойдя до форта № 1 и начальника края, преобразились въ нападеніе на посольство, окончившееся нашею гибелью. Въ Оренбургѣ успѣшили обвинить меня въ безразсудной отвагѣ и, оплакивая мою преждевременную смерть, поторопились донести объ этихъ неprovѣренныхъ извѣстіяхъ въ Петербургъ. Государь, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, отмѣтилъ на донесеніи Генералъ-Адъютанта Катенина, что онъ сожалѣетъ сердечно о моей утратѣ, но что, зная меня, надѣется, что я сумѣю выдти изъ опаснаго положенія съ честью. Многіе повѣрили оренбургскому извѣстію и, къ сожалѣнію, сочли долгомъ готовить моихъ родителей къ ужасной вѣсти о постигшей меня участи.

13 Сентября, въ двухъ переходахъ отъ населенной части Бухары, встрѣтили мы первый разъѣздъ бухарскій. Узнавъ отъ всадниковъ, его составлявшихъ, что ближайшая къ намъ мѣстная власть — начальникъ крѣпости Усти, я послалъ отъ себя ему привѣтствіе.

✓ 14 Сентября, вечеромъ, я получилъ письмо отъ Тохсаба мирзы Азиза, узнавшаго о нашемъ выступленіи изъ Хивы и просившаго меня замедлить наше слѣдованіе и прибытіе въ Бухару до полученія имъ отвѣта отъ эмира, выступившаго съ войскомъ противъ Кокана и котораго онъ, Тохсаба, успѣшилъ извѣстить о приближеніи нашемъ. Я тотчасъ отвѣтилъ письменно мирзѣ Азизу, что задерживать караванъ въ степи, послѣ труднаго пути, нами пройденнаго, я не могу и буду продолжать наше движеніе черезъ Каракуль въ

Бухару, надѣясь вездѣ встрѣтить пріемъ, соотвѣтствующій значенію русскаго посольства и нашимъ дружественнымъ отношеніямъ.

16 Сентября мы вступили въ населенную часть Бухары, и за нѣсколько верстъ до перваго селенія встрѣтилъ насъ верхомъ, съ большою свитою, устійскій начальникъ и привѣтствовалъ меня отъ имени бухарскаго правительства, оказывая почести, по азіатскому обычаю, а дорогой далъ въ честь нашу скачку «курбани». Схвативъ ягненка, всадникъ несется во весь опоръ, стараясь ускорять отъ толпы наѣздниковъ, пытающихся отбить у него добычу, вырвать ягненка или хотя часть его у него изъ рукъ. Начинается бѣшеная скачка вокругъ лица, въ честь котораго дается это представленіе, и ловкость главнаго дѣйствующаго лица состоитъ въ томъ, чтобы при постоянныхъ измѣненіяхъ направленія скачки, увертываясь отъ преслѣдующихъ, не удалаться однако же изъ виду главныхъ зрителей, продолжающихъ слѣдовать по пути шагомъ, и наконецъ, уловивъ благопріятную минуту, пронестись вихремъ передъ самымъ главнымъ лицомъ и, на всемъ скаку, передать ему, а если преслѣдователи этого не допустятъ, то бросить просто передъ ногами его лошади несчастнаго, переходящаго изъ рукъ въ руки, окровавленнаго и зачастую истерзаннаго ягненка. Тотъ, въ честь котораго устраивается эта скачка, бросаетъ горсть золотыхъ всаднику-побѣдителю. Всадники отличаются ловкостью и удалствомъ и приходятъ въ такое изступленіе, что наскакиваютъ другъ на друга, дерутся и несутся гурьбою черезъ балки, кусты, канавы и всякія препятствія, очертя голову, сбивая иной разъ чалмы съ головъ и калѣча безпощадно и себя и лошадей. Въ виду такого настроенія всадники безоружны, но и плетей, которыми они погоняютъ лошадей и управляютъ ими, достаточно для нанесенія ударовъ другъ другу. Положеніе лица, въ честь котораго производится скачка, бываетъ довольно затруднительно, ибо вся толпа всадниковъ несется во весь опоръ, въ плотную, на него, пока тотъ, который выйдетъ побѣдителемъ, т. е. обладателемъ ягненка, не успѣетъ бросить въ ноги чествуемой особы свою добычу. Скакавшіе на этотъ разъ всадники выказали

удивительную ловкость: ни одинъ не свалился и, несмотря на бѣшеную ѣзду, наѣздникъ, первоначально схватившій съ земли ягненка, не выпустилъ его изъ рукъ и бросилъ мнѣ въ ноги свою добычу, хотя въ борьбѣ за обладаніе ягненкомъ у него была оторвана одна изъ заднихъ ногъ. Я имѣлъ неосторожность похвалить не только ловкость всадника, но и удивительныя качества лошади, обскакавшей всѣхъ присутствующихъ и измѣнявшей постоянно, на всемъ скаку, сообразуясь съ наклономъ тѣла сѣдока, направленіе своего бѣга, чтобы увернуться отъ насѣдавшихъ со всѣхъ сторонъ противниковъ. Лошадь эту туркменской породы начальникъ Усти считъ долгомъ тотчасъ же мнѣ поднести, и какъ я ни отговаривался, но пришлось принять, чтобы, по мѣстному воззрѣнію, не обидѣть на первыхъ порахъ бухарскаго чиновника, котораго я, разумѣется, щедро отдалъ имѣвшимися у меня, на эти случаи, подарками, запасенными мною въ Парижѣ и Лондонѣ.

Переходъ изъ долины р. Аму, черезъ Аю-бай и Гудженли и Каракуль, песками, былъ самымъ затруднительнымъ и утомительнымъ, какъ для людей, такъ и для животныхъ. Поднимаясь безпрестанно на сыпучіе бурханы и опускаясь съ нихъ, въ теченіе отъ 10 до 12 часовъ въ день, мы измучились ¹⁾. Оказалось невозможнымъ провезти повозки. Моимъ тарантасомъ сварили намъ обѣдъ, и остались при караванѣ однѣ дроги для больныхъ. Кузовъ и двѣ послѣднія казенныя повозки пришлось также сжечь.

18 Сентября, въ переходѣ отъ Каракуля, встрѣтили насъ чиновники, наскоро высланные мирзою Азизомъ для почетнаго сопровожденія посольства.

По вступленіи нашемъ въ Каракуль поднесено намъ было безконечно продолжавшееся угощеніе отъ имени Тохсабы. Вечеромъ того дня прибыли въ Каракуль и посѣтили насъ тотчасъ же, въ лагерь, высланные изъ Бухары для привѣтствованія меня: директоръ монет-

¹⁾ О тогдашней затруднительности этого пути и о перенесенныхъ нами ощущеніяхъ трудно судить теперь тѣмъ, которые проѣзжаютъ по этому пространству нынѣ въ вагонахъ желѣзной дороги, построенной Анненковымъ.

наго двора мирза Кары, близкій родственникъ мирзы Азиза, человѣкъ умный, ловкій, болѣе развитой, нежели всѣ другіе чиновники азіатскіе, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться, и пользовавшійся большимъ довѣріемъ Насръ-Уллы, и еще шесть другихъ чиновниковъ, болѣею частью также родственниковъ мирзы Азиза. Всѣ они сопровождали насъ до Бухары и, находясь, такимъ образомъ, въ теченіе трехъ дней, при насъ безотлучно, старались заговаривать со мною и съ моими спутниками, дѣлать намъ разные вопросы, касающіеся отношеній Россіи къ средне-азиатскимъ владѣтелямъ, и вывѣдать наши виды и образъ мыслей. Значеніе мирзы Кары придавало особенный интересъ симъ бесѣдамъ, и я воспользовался его сообщительностью и словоохотливостью, чтобы начать съ бухарскимъ правительствомъ переговоры, заочно, косвеннымъ образомъ, до прихода нашего въ Бухару и дѣлать бухарцамъ всѣ тѣ внушенія, которыя могли расположить эмира въ нашу пользу, доказать ему выгоду добрыхъ отношеній къ Россіи, повредить англичанамъ—противъ которыхъ, со времени путешествія Стоддарта и Коллинса, эмиръ и безъ того былъ чрезвычайно предупрежденъ, и раздражить бухарцевъ противъ хивинцевъ, которыми мы не могли быть довольны и которыхъ поэтому надлежало ослабить и лишитъ союзниковъ, на случай столкновенія съ нами. По заведенному въ Бухарѣ порядку все сказанное нами замѣчалось и записывалось и эмиру посылалось въ лагерь,—какъ мы имѣли случай убѣдиться,—подробныя донесенія о говоренномъ мною и кѣмъ либо изъ моихъ спутниковъ.

22 Сентября, около полудня, вступили мы торжественно въ Бухару. Для надлежащаго приготовленія къ этому мы останавливались въ 1½ верстахъ отъ города, бивакомъ, и тамъ пообчистились и приодѣлись, замѣнивъ самую лучшую форменную одежду наше дорожное одѣяніе.

Изъ Бухары я на четвертый день отправилъ въ фортъ № 1 двухъ разсыльныхъ киргизъ съ донесеніями Катенину и въ Петербургъ о благополучномъ прибытіи нашемъ и вниманіи, оказанномъ визиремъ (Тохсаба), который, сверхъ высланныхъ на встрѣчу чиновниковъ,

отправилъ ко мнѣ три любезныхъ письма, одно за другимъ, въ отвѣтъ на извѣщеніе мое о скоромъ прибытіи.

Отцу я писалъ (25 Сентября): «22 дня не писалъ я вамъ и не бралъ пера въ руки, что со мною никогда еще прежде не случалось. Но мы сдѣлали трудный походъ, такъ что во время остановокъ я едва успѣвалъ нѣсколько отдохнуть, чтобы физически быть въ состояніи ежедневно, изо дня въ день, безъ дневки, идти, верхомъ, не менѣе 8 и 9 часовъ времени. Какъ только мы вошли въ бухарскіе предѣлы, у меня стало больше досуга, потому что опасность, угрожавшая до того времени каравану, миновала; но я до того былъ окруженъ бухарцами, которые съ меня глазъ не спускали, наблюдая за каждымъ движеніемъ моимъ, что мнѣ невозможно было улучшить минуту свободную ¹⁾.

«Неоднократно уже имѣлъ я случай убѣдиться въ томъ, чего можетъ достигнуть сила духа даже въ слабomъ и болѣзненномъ тѣлѣ. На этотъ разъ, смѣю думать, опытъ былъ еще болѣе полный и успѣшный, нежели когда-либо. Съ моею ужасною болью въ лѣвой ногѣ, препятствующею мнѣ спокойно сидѣть на лошади болѣе часа времени, я прошелъ верхомъ болѣе 500 верстъ, безъ дневокъ, не дозволивъ себѣ, для примѣра другимъ, даже присѣсть на минуту въ тарантасъ, который я тащилъ еще за собою. Большое число больныхъ и слабосильныхъ, выздоравливающихъ въ продолженіе всего похода (первыхъ было не менѣе 16 до 20 ежедневно) поставило меня въ необходимость отдать мой тарантасъ, равно какъ и двѣ казенныя повозки, которыя мы съ большимъ трудомъ еще тащили за собою, подъ тѣхъ больныхъ, которые не имѣли уже силы выносить движенія лошади или верблюда, и строго запретить здоровымъ и тѣмъ легко-большимъ, которые еще могли держаться верхомъ, пользоваться повозками или хотя садиться въ нихъ временно. Чтобы пока-

¹⁾ На каждого пишущаго, а тѣмъ болѣе вычерчивающаго маршрутъ бухарцы смотрять крайне подозрительно. Стодартъ погубъ исключительно изъ за того, что писалъ письма, что въ глазахъ эмира послужило доказательствомъ его неблагорасположенности и шпіонства.

зять примѣръ и имѣть возможность тотчасъ распорядиться въ случаѣ предсказываемаго намъ нападенія туркменъ, я весь походъ шелъ въ головѣ конвоя . . . Путешествіе по Усть-Урту, — такъ пугавшему прежде оренбургцевъ, — приятная прогулка, въ родѣ катанія по Петербургскимъ окрестностямъ, въ сравненіи съ ужаснымъ плаваніемъ нашимъ по р. Аму и тяжелымъ походомъ нынѣ нами благополучно оконченнымъ. Мы воспоминаемъ съ удовольствіемъ о нашей киргизской степи и о возвышенной плоскости Усть-Урта, которая можетъ пугать только тѣхъ, которые никогда не выходили изъ цвѣтущей части нашихъ степей». Все на землѣ имѣетъ относительное значеніе, по сравненію съ другими предметами. Уже въ Хивѣ мнѣ со всѣхъ сторонъ предсказывали, что на насъ нападутъ туркмены, когда мы будемъ подходить къ бухарской границѣ. Переправа черезъ р. Аму была крайне затруднительна и взяла у насъ двое сутокъ. Во время первыхъ переходовъ зловѣщіе слухи получили какъ будто подтвержденіе: съ одной стороны намъ дали знать, что ханъ хивинскій приказалъ почетному конвою, насъ сопровождавшему, напасть на насъ врасплохъ, совмѣстно съ 300 чаудуровъ (туркмены, въ предѣлахъ ханства пребывающіе) договоренныхъ насъ преслѣдовать, для грабежа каравана; съ другой стороны взбунтовавшійся киргизскій предводитель Джанъ-ходжа долженъ былъ придти изъ Кизыль-кума, чтобы захватить посольство въ видѣ залога противъ отрядовъ нашихъ войскъ, его преслѣдовавшихъ и т. п. Только то было достоверно, что путь въ Бухару не былъ безопасенъ и что разбойничьи шайки кочевниковъ грабили торговые караваны: два изъ нихъ, передъ самымъ нашимъ проходомъ, были ограблены туркменскими аламанчиками, пришедшими изъ подъ Мерва, и спасшіеся отъ нихъ верблюдовожатые намъ встрѣтились и смутили нашихъ киргизъ описаніемъ мнимыхъ опасностей, намъ угрожающихъ. И хивинцы уже не скрывали своего дурного расположенія относительно посольства, выражая, не стѣняясь даже присутствіемъ нашихъ людей, удивленіе, что ханъ имѣлъ глупость выпустить такимъ образомъ изъ своихъ рукъ русскій караванъ, везшій, вѣроятно, много денегъ и богатые подарки эмиру, которые онъ могъ бы легко себѣ

присвоить. Во время похода нашего, случилось нѣсколько фальшивыхъ тревогъ, и мы всякій разъ были готовы вступить въ бой. Для отвращенія отъ себя подозрѣнія хивинскій ханъ два раза присылалъ намъ въ догоню гонцевъ, чтобы чрезъ Минъ-башу, начальника конвоя, извѣстить меня формально о готовившемся яко бы скоро нападеніи на насъ туркменъ. Чарджуйскій губернаторъ выслалъ мнѣ также извѣщеніе, что нѣсколько шаекъ туркменскихъ переправлялись для грабежа на лѣвый берегъ Аму и находятся близъ пути, по которому мы должны были слѣдовать. Начальникъ нашего хивинскаго конвоя, Минъ-баша силился всячески доказать мнѣ, что мы окружены опасностями и что онъ насъ, съ величайшимъ усердіемъ, отъ нихъ ограждаетъ. Возложивъ все упованіе на Всемоущаго Бога и подозрѣвая, что все это хивинскія продѣлки, имѣющія цѣлью меня смутить, сбить съ толку и навести на выборъ другого болѣе кружнаго и яко бы безопаснѣйшаго пути, чтобы помѣшать мнѣ идти вдоль р. Аму, прямо въ Бухару, я неукоснительно продолжалъ идти по предположенному маршруту. Слухи эти побудили лишь меня совершить походъ по военному, съ принятіемъ всѣхъ нужныхъ мѣръ предосторожностей, какъ въ непріятельской странѣ. Я распредѣлялъ своихъ спутниковъ и держалъ конвой въ сборѣ подъ личнымъ моимъ руководствомъ, такъ, чтобы, въ случаѣ надобности, имѣть возможность тотчасъ же распорядиться защитой нашего каравана отъ степныхъ наѣзтниковъ. Мы шли только пока свѣтло, а на ночь становились въ каре бивакомъ, выбирая осмотрительно мѣсто удобное для обороны. Выходили мы обыкновенно не позже 6 часовъ утра и становились на бивакъ въ 3, 4 и даже въ 5 ч. пополудни, смотря по тому, когда находили удобное мѣсто для водооя и охраны каравана. Киргизы служили намъ развѣдчиками, и я посылалъ ихъ, въ видѣ развѣздовъ, осматривать мѣстность впереди и по сторонамъ слѣдованія каравана. Верблюды наши шли обыкновенно въ 4-хъ параллельныхъ колоннахъ, въ тѣсномъ порядкѣ, что, очевидно, замедляло нѣсколько ходъ ихъ, но давало возможность, при первой надобности, сводить вереницы верблюдовъ въ каре, для лучшей обороны каравана. Конвой слѣдовалъ сомкнуто, прикрывая караванъ

съ той стороны, съ которой въ данную минуту можно бы всего скорѣе ожидать внезапнаго появленія непріятеля. На бивакѣ, кибитки и джуламейки наши разставлялись въ формѣ четырехугольника, занимая пустое пространство тюками и тяжестями нашими. Лошадей на ночь брали, на коновязи, въ середину каре. Чтобы приучить лошадей по свистку бросаться въ каре, а не разбѣгаться по степи, я настоялъ, съ самыхъ первыхъ переходовъ нашихъ, еще до р. Эмбы, чтобы ихъ не иначе кормили овсомъ какъ внутри каре, подавая передъ тѣмъ сигналъ особеннаго рода свисткомъ. Лошади такъ привыкли къ этому звуку, что, услышавши знакомый свистъ, сбѣгались опрометью въ середину каре. Четыре часовыхъ по флангамъ и киргизскій конный пикетъ нѣсколько впереди, на мѣстѣ, удобномъ для наблюденія за подходами къ каравану, доставляли намъ достаточную охрану, такъ что мы всѣ ночи спали спокойно. Одинъ разъ только появились было туркмены, но мы отдѣлялись отъ нихъ, пуская фейерверкъ; «дьявольскій огонь», ими доселѣ невиданный, произвелъ ошеломляющее, внушительное на нихъ впечатлѣніе и мы, по пріятельски, съ ними разстались. Мы такъ хорошо приготовились защищаться и конвой былъ такъ одушевленъ, что я, признаюсь, почти сожалѣлъ, что для разнообразія нашихъ ощущеній и воспоминаній не было дѣйствительнаго туркменскаго нападенія, изъ котораго мы вышли бы, я увѣренъ, съ честью при тогдашнемъ настроеніи всѣхъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, стычка съ нападающими открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, предпочтительнѣе, нежели пребываніе въ Хивѣ, или, можетъ быть, и въ Бухарѣ, гдѣ находимся постоянно во власти звѣрообразныхъ, безсовѣстныхъ людей. 300 чаудуръ, которые, какъ увѣряютъ киргизы, по наущенію хана Сеидъ-Мохамеда, бросились было за нами съ цѣлью грабежа; но узнавъ чрезъ лазутчиковъ своихъ, бывшихъ въ составѣ нашего хивинскаго конвоя, о нашей бдительности, о неуклонномъ соблюденіи нами военныхъ предосторожностей, а также о нашемъ вооруженіи (тотчасъ по выходѣ изъ Хивы я умышенно далъ замѣтить хивинцамъ дѣйствіе нашихъ револьверовъ, имъ совершенно неизвѣстныхъ), и дальности полета имѣвшихся у насъ ракетъ (на третьемъ переходѣ послѣ переправы черезъ Аму, я, подѣ

предлогомъ осмотра, не отсырѣли ли ракеты, велѣлъ спустить двѣ изъ нихъ), предпочли наброситься на мирные аулы киргизъ,—считающихся такими же подданными хана, какъ и эти чайдуры,—чтобы не возвращаться съ пустыми руками въ свои кочевья, чѣмъ вступить въ бой съ моимъ конвоемъ, обладающимъ такимъ неизвѣстнымъ и казавшимся страшнымъ вооруженіемъ. Не могу достаточно нахвалиться духомъ и преданностью моего маленькаго отряда. Мы переправились черезъ р. Аму съ третьею частью конвоя больными или крайне разслабленными послѣдствіями перемежающейся мѣстной лихорадки, которая пристаётъ жестоко къ людямъ, въ первый разъ приходящимъ въ этотъ негостепріимный край, преимущественно осенью. Несмотря на пятнистый тифъ, который показался у четырехъ прежде заболѣвшихъ лихорадкою, несмотря на трудности пути и сторожевой службы, несносной жары днемъ и свѣжести ночей, несмотря на необходимость быть постоянно на сторожѣ, ожидать нечаяннаго нападенія и остерегаться нашего хивинскаго неблагонадежнаго конвоя, мы все были постоянно веселы и бодры духомъ. Я заставлялъ пѣсенниковъ пѣть безпрестанно во время похода, разговаривалъ и шутилъ съ нижними чинами для поддержанія въ нихъ бодрого настроенія, что такъ важно въ подобныхъ обстоятельствахъ, и давалъ имъ отъ себя два раза въ день чаю, что было для нихъ новинкою, къ которой они пристрастились. Воды у насъ осталось, на чрезвычайные случаи, надобности, очень мало. Въ Кукертли, 12 Сентября, перешли мы границу бухарскую и расстались съ хивинцами, но только 16 Сентября встрѣтили мы жилище человѣческое. Съ переправы черезъ р. Аму, мы остановились только однажды днемъ — 15 Сентября, потому что наканунѣ вечеромъ мнѣ доставили очень любезное письмо Тохсабы (нѣчто вредъ визиря, завѣдывающаго иностранными дѣлами и финансами), который въ отвѣтъ на извѣщеніе, посланное съ р. Аму о скоромъ прибытіи моемъ, выражалъ удовольствіе со мною познакомиться и разныя благожеланія, но просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ замедлить наше путешествіе, такъ, чтобы мы не вошли въ Каракульскую область прежде, нежели онъ успѣетъ сообщить мнѣ непосредственный отзывъ эмира, которому онъ послалъ,

съ гонцемъ, мое письмо. Выступивъ, несмотря на это предостереженіе, 16 Сентября, я былъ встрѣченъ и провожаемъ депутаціями, высланными начальниками ближайшихъ бухарскихъ укрѣпленныхъ городовъ—Усти и Чарджуя (первый на правомъ, а второй на лѣвомъ берегу р. Аму). На послѣднемъ переходѣ встрѣтилъ меня самъ начальникъ Усти, который оказалъ мнѣ большія (по азіатскимъ понятіямъ) почести, развлекалъ ристалищемъ всадниковъ, дикою музыкою и поднесъ всемъ намъ угощеніе на бивакѣ».

«Только 17 Сентября покинули мы берегъ р. Аму и вступили въ песчаные бурханы, отдѣляющіе долину рѣки отъ Каракуля. Такимъ образомъ, не смотря на всевозможныя и неожиданныя препятствія, на отсутствіе обѣщаннаго парохода и средства флотиліи, я исполнилъ все то, что отъ меня требовалось въ Петербургѣ, въ отношеніи географическомъ и топографическомъ: около 40 дней провели мы на р. Аму и сдѣлали съемку и изысканія отъ устья Талдыка (работа Можайскаго, Зеленина и Недорѣзова) до Ханки; отъ Ханки прошли мы по берегу рѣки, производя постоянно глазомѣрную съемку почти до высотъ Чарджуя, т. е. до поворота караванной дороги на Каракуль въ Бухару. По первоначальному предположенію я долженъ былъ высадиться съ парохода «Перовскій» какъ разъ въ томъ пунктѣ, до котораго мы дошли вдоль рѣки. Правда, что пароходу предстояло подняться выше, безъ меня, но не моя вина, что оказалось невозможнымъ исполнить это въ нынѣшнемъ же году. Не надо отказываться отъ осуществленія этого плаванія и настойчиво возобновлять преслѣдованіе той же цѣли, съ будущей весны, на что я и буду настаивать по возвращеніи въ Петербургъ».

«Мы были первыми европейцами, видѣвшими р. Аму на пространствѣ между Ханки и Усти и во всякомъ случаѣ первыми европейцами, пропутешествовавшими въ этой мѣстности и изучившими эту рѣку на протяженіи $\frac{2}{3}$ ея теченія. Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія какой-то итальянецъ (котораго хивинцы считали за часового мастера) прошелъ вдоль р. Аму около $\frac{1}{3}$ пути изъ Хивы въ Бухару и потомъ свернулъ, по караванной дорогѣ прямо, въ Бухару, не до-

ходя до Кукертли. Жаль, что не осталось, сколько мнѣ извѣстно, ни слѣдовъ, ни описанія его интереснаго путешествія».

«Пройдя сыпучее песчаное взволнованное море бурхановъ (сыпучіе пригорки), мы вошли въ долину Зарешана и были приняты торжественно въ Каракулѣ 19 Сентября. Нѣсколько чиновниковъ (изъ которыхъ два поважнѣе, близкіе родственники Тохсабы были присланы изъ Бухары для нашей встрѣчи. Насъ обкормили бухарскими разнородными сладостями, конфетами и вареньями, а я за всю эту гадость отдаривалъ подарками всѣхъ безъ исключенія присланныхъ намъ навстрѣчу чиновниковъ, распредѣляя цѣнность подарка по степени важности и значенія чиновниковъ, что требуетъ не мало тонкихъ, щекотливыхъ и неудобопонятныхъ для европейца соображеній. Послѣ утомительнаго перехода 20 Сентября, мы сдѣлали на другой день (21) лишь верстъ двадцать, чтобы расположиться въ послѣдній разъ, передъ вступленіемъ въ Бухару, бивакомъ, верстахъ въ 2-хъ отъ городскихъ стѣнъ. Остальная часть этого дня (Воскресенье) была употреблена на приготовленія ко вступленію въ столицу бухарскую: раздѣлывали вьюки и чемоданы, чтобы одѣть конвой и всѣхъ насъ въ парадную форму и пообчиститься. Всѣ хотѣли щегольнуть не только собою, но и лошадьми, которымъ давали въ послѣдніе дни корму болѣе обыкновеннаго».

«Около 10 часовъ утра 22 мы тронулись. Замѣтили мнѣ, что Понедѣльникъ—дурной день для вступленія въ столицу и для начала дѣла въ особенности въ такой странѣ, гдѣ многое съ нами можетъ случиться. Тѣмъ не менѣе мы храбро сѣли на коней, доказывая тѣмъ, что не вѣримъ предрасудкамъ, а полагаемся во всемъ на милость Божию. Для торжественнаго вступленія въ городъ—Тохсаба прислалъ мнѣ великолѣпнаго аргамака (молодой, рѣзвый и желѣзисто-сѣрый, темной масти); на него было накинута сѣдло съ бархатнымъ чепракомъ: вышитымъ золотомъ, съ серебряными стремянами и серебряною уздечкою. Шествіе наше устроилось въ слѣдующемъ порядкѣ: 12 оренбургскихъ казаковъ, по три въ рядъ, съ 2 конвойными офицерами шли впереди, предшествуемые нѣсколькими полицейскими, вооруженными длинными шестами, которыми они били

населеніе по головамъ, расчищая намъ дорогу. Улицы были запружены толпою любопытныхъ. За оренбургскими казаками ѣхали верхами попарно 8 чиновниковъ эмира, высланные намъ навстрѣчу и одѣтые въ разноцвѣтные, яркострые халаты. За этою разношерстною дружиною, въ нѣсколькихъ шагахъ за самыми важными бухарцами, гарцовалъ неволью я, сидя на очень росломъ (по сравненію съ нашими киргизскими и башкирскими конями) аргамакѣ—жеребцѣ¹⁾, не подпуская нѣмъ никого къ себѣ близко, а сзади меня, въ «почтительномъ» разстояніи, вся моя военная и штатская свита, въ мундирахъ. 10 уральскихъ казаковъ, въ ихъ красивыхъ и высокихъ шапкахъ, и 12 импровизованныхъ драгунъ (стрѣлки, посаженные на лошадей) заключали шествіе. Караванъ нашъ шелъ отдѣльно, чтобы не разстроивать общаго впечатлѣнія. Погода была превосходная и толпы народа несмѣтныя. По прибытіи въ домъ, намъ отведенный, мы были, въ послѣдній разъ, угощаемы чиновниками насъ встрѣтившими и сопровождавшими. Эти бухарскіе пиры повторялись ежедневно, отъ самаго Каракуля, по два раза въ день: въ 7 часовъ утра и въ 2 часа пополудни, и если мы были въ движеніи, то должны были сдѣлать привалъ, чтобы принять заготовленное по пути угощеніе. Подносили сначала массу разнообразныхъ сладостей, а потомъ подавали мясныя блюда и неизмѣнный пилавъ, который я нахожу очень вкуснымъ; все оканчивалось чаемъ».

«Домъ, въ которомъ мы помѣстились, очень обширенъ, съ нѣсколькими дворами, и находится въ близкомъ разстояніи отъ дворца эмира. Я занимаю комнату во второмъ этажѣ, въ поперечномъ строеніи отдѣляющемъ наружный дворъ отъ средняго». «Комната эта въ видѣ фонаря, съ окнами на обѣ стороны и террасою, въ родѣ балкона, съ которой я могу обозрѣвать всѣ дворы и помѣщенія моихъ спутниковъ и конвоя, равно и конюшни лошадей».

¹⁾ Я потомъ два раза ѣздилъ на немъ въ Бухарѣ и выѣхалъ на немъ изъ города, при возвращеніи въ Россію, до перваго ночлега. Приведя его въ Петербургъ, я поднесъ его Его Императорскому Высочеству покойному Великому Князю Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу, который ѣздилъ на немъ.

«На другой день послѣ нашего размѣщенія, Тохсаба пріѣхалъ ко мнѣ, съ офиціальнымъ визитомъ, окруженный многочисленною свитою. Я принялъ его въ мундирѣ и предложилъ ему завтракъ, по мѣстному обычаю. Послѣ взаимныхъ привѣтственныхъ комплиментовъ я ему представилъ всѣхъ членовъ посольства и мы имѣли затѣмъ продолжительную конференцію по дѣламъ, касающимся политическихъ и торговыхъ вопросовъ и заключенія дружественнаго договора. По мѣстнымъ воззрѣніямъ и установившимся обычаямъ, не принято, чтобы иностранныя посольства выходили изъ дома и показывались на улицахъ прежде представленія самому эмиру или, по крайней мѣрѣ, прежде получения какого либо отзыва на сдѣланныя предложенія. Опасаюсь, чтобы эмиръ не вздумалъ заставить насъ ожидать его въ Бухарѣ въ теченіе всей зимы, если ему придется остаться въ Ходжентѣ, который онъ теперь осаждаютъ и надѣется взять. Желалъ бы получить отъ него извѣщеніе, что онъ не можетъ меня принять нынѣ, до окончанія войны съ Коканомъ. Вотъ уже 5 мѣсяцевъ, потерянныхъ въ моей жизни, безъ ощутительнаго результата. Вы знаете, что въ дѣловой моей жизни—и въ особенности во время пребыванія военнымъ агентомъ за границу—я привыкъ рассчитывать употребленіе каждой минуты дня, не желая тратить драгоцѣнное время бесполезно, тогда какъ здѣсь я вынужденъ проводить цѣлые дни безъ занятій умственныхъ, безъ труда; сдѣлаешься ужаснымъ невѣждою, отъ всего отстанешь и облѣнишься. Пять мѣсяцевъ прошло въ томъ, чтобы двигаться верхомъ или пѣшкомъ, или сидѣть неподвижно въ лодкѣ, уставать физически, чтобы потомъ отдыхать, ѣсть и спать и еще безплодно пререкались съ скотообразными людьми. Во что обращусь я, если мнѣ придется просидѣть здѣсь, въ такомъ же положеніи, еще 6 мѣсяцевъ!»

«Забылъ Вамъ сказать, что во все время похода изъ Хивы въ Бухару мы любовались чудесною и большою кометою, которая намъ видна уже болѣе мѣсяца»

«Моими теперешними спутниками я гораздо болѣе доволенъ, нежели въ началѣ нашего похода. Кюлевейнъ очень сформировался, трудолюбивъ и добросовѣстенъ. Но я никого почти изъ моихъ

спутниковъ, за исключеніемъ драгомана и въ рѣдкихъ случаяхъ (какъ напр. въ Хивѣ) Кюлевейна, не могу употребить на сношенія съ азіатами, потому что эти дѣла нельзя иначе вести, какъ самолично, непосредственно или чрезъ драгомана, говорящаго на понятномъ для мѣстныхъ жителей языкѣ. Этого преимущества, къ сожалѣнію, ни у кого изъ моихъ спутниковъ нѣтъ. Кюлевейнъ переписываетъ мои донесенія и сообщенія, записываетъ въ журналѣ свѣдѣнія политическія и отлично исполняетъ должность казначея, такъ какъ онъ бережливъ. Всѣ остальные члены посольства собираютъ свѣдѣнія каждый по своей части, но добрая половина моихъ спутниковъ ровно ничего не дѣлаетъ, потому что здѣсь рѣшительно нечего дѣлать человѣку специально неподготовленному къ такого рода путешествію» . . .

«Ожидаю самаго печальнаго послѣдствія нашего несчастнаго странствованія, потому что, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, я, безъ сомнѣнія, буду преслѣдуемъ завистью и злорѣчіемъ. Хотѣлъ бы перенести всю ложь и злобу,—обычно изливаемая въ извѣстныхъ сферахъ Петербурга на людей, что либо творящихъ необыденное, съ тѣмъ самоотверженіемъ и терпѣніемъ, которыя чувствую въ себѣ въ настоящее время Я совершенно здоровъ и бодръ духомъ. Говорятъ, что здѣсь, подъ видомъ авганскаго и индѣйскаго торговцевъ, скрываются два тайныхъ англійскихъ агента. Они свободнѣе насъ могутъ дѣйствовать и дѣлать внушенія бухарцамъ, располагая денежными средствами и пользуясь тѣмъ, что ихъ считаютъ за обыкновенныхъ купцовъ. Слѣжу за ними чрезъ Панфилова и двухъ киргизовъ и стараюсь удостовѣриться, но разоблачить не могу . . . Скоро же считаете Вы съ Ковалевскимъ наши переходы! Пока еще и нельзя надѣяться окончить такъ скоро, какъ Вы предполагаете, мое здѣшнее пребываніе. Ковалевскій забылъ видно, что онъ меня отправлялъ по крайней мѣрѣ на цѣлый годъ и что въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ ожидали, что я буду въ необходимости продолжить свое путешествіе до 13 мѣсяцевъ. Очень жалѣю, что, основываясь на словахъ Егора Петровича, очевидно, сказанныхъ для Вашего утѣшенія, Вы рѣшили не посылать уже мнѣ болѣе газетъ и журна-

ловъ, которыми мы всѣ, т. е. я и мои спутники, пользовались въ Хивѣ и въ теченіе похода»

Мирза Азизъ, считавшійся, по разнообразію предметовъ его вѣдѣнія и довѣренности оказываемой ему эмиромъ, при его отлучкахъ изъ столицы какъ бы первымъ министромъ, занималъ официально собственно лишь должность главного сборщика податей и государственнаго казначея, но его управленію специально были поручены всѣ дѣла торговые и дипломатическія. Хотя при отсутствіи изъ столицы Насръ-Уллы, намѣстникомъ эмира въ Бухарѣ, въ отношеніи военномъ и внутреннихъ дѣлъ, назначаемо былъ губернаторъ города, но фактически мирза Азизъ управлялъ всѣми дѣлами ханства. Во время посѣщенія мирзы Азиза почетный караулъ отъ конвоя миссіи отдалъ ему военные почести, а послѣ угощенія я ему поднесъ подарки отъ имени Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и далъ еще отъ себя нѣсколько хорошихъ вещей. Тохсаба сказалъ мнѣ что эмиръ поручилъ ему узнать достоверно отъ меня дѣйствительную цѣль прибытія посольства и почему мы не пришли—какъ дѣлалось до сего времени—прямо изъ Россіи, чрезъ р. Сыръ, а кружнымъ путемъ чрезъ Хиву, чѣмъ оказали ей какъ будто предпочтеніе. Объяснивъ мирзѣ Азизу причины, заставившія насъ предпочесть путь чрезъ Хиву, какъ кратчайшій и легчайшій при предположенномъ плаваніи по р. Аму до Чарджуя или Усти, я замѣтилъ ему, что намъ пришлось остаться въ Хивѣ гораздо долѣе, нежели мы желали и предполагали, единственно потому, что лошади мои и части конвоя должны были отдѣлиться отъ меня и прибыли въ Хиву позже нежели мы рассчитывали, основываясь на лживыхъ увѣреніяхъ хивинцевъ. Прибыть же на пароходѣ, по рѣкѣ, въ бухарскія владѣнія, что было бы гораздо легче и пріятнѣе, нежели продѣлать весь пройденный нами трудный путь,—я раздумалъ преимущественно потому, что хивинцы утверждали, что будто бы Насръ-Улла не желаетъ видѣть парохода въ своихъ владѣніяхъ и даже прислалъ посланца въ Хиву съ просьбою къ хану не пропускать наши суда. Я подробно и обстоятельно изложилъ всѣ наши требованія, объяснилъ причины ихъ возникновенія, ихъ справедли-

вость и умѣренность и указалъ на тѣ выгоды, которыя Бухара можетъ извлечь изъ ихъ удовлетворенія и изъ тѣсной дружбы съ Россією. При этомъ сдѣланы были мною также надлежащія внушенія относительно происковъ англичанъ въ Средней Азіи, въ Китаѣ и въ особенности въ Афганистанѣ, ихъ образъ дѣйствій въ Индіи и вообще ихъ своекорыстной и хищной политикѣ Въ Хивѣ насъ увѣряли, что въ Коканѣ есть нѣсколько офицеровъ, присланныхъ Остъ-Индскою компанією, для сформированія пѣхоты и артиллеріи, а также для укрѣпленія нѣкоторыхъ пунктовъ ¹⁾ и что прибывшій въ Хиву посланецъ рассказывалъ, что англичане прислали коканцамъ оружіе и отливаютъ у нихъ пушки, предлагая хану оборонительный и наступательный союзъ, подъ покровительствомъ Англіи, которая якобы сильнѣе Россіи и готова поддержать Коканъ и Хиву противъ ихъ сосѣдей. Я упомянулъ объ этихъ слухахъ въ разговорѣ съ мирзою Азизомъ *ad usum delphini* и обратилъ его вниманіе на необходимость прослѣдить за тѣмъ, чтобы англичане не присылали въ Коканъ оружіе и своихъ агентовъ. Я поставилъ Тохсабу также въ извѣстность до какой степени я нашелъ хивинцевъ недоброжелательными къ эмиру и вообще коварными сплетниками, желающими поселить взаимное недовѣріе и вражду между Россією и Бухарою, чтобы извлечь наибольшую пользу собственно себѣ, а также о намѣреніи Сеидъ-Мохамеда обложить пошлиною бухарскіе караваны, проходящіе въ Россію чрезъ хивинскія владѣнія, на что я никакъ не хотѣлъ согласиться, чтобы не нанести ущерба бухарской торговлѣ. Я намекнулъ Тохсабѣ на тѣсныя сношенія между Коканомъ и Хивою, направленные очевидно противъ эмира. Разговоръ нашъ продолжался очень долго и перешелъ на общіе вопросы. Коснулись могущества и обширности Россіи, минувшей войны, въ продолженіе которой четыре дер-

¹⁾ Такъ какъ это намъ передавали лишь хивинскіе чиновники, въ разговорѣ нашихъ пререканій съ ханомъ, то я считалъ все это за ложь, изобрѣтенную самими хивинцами для своихъ надобностей въ переговорахъ съ нами, и написалъ въ этомъ смыслѣ Ковалевскому, но желалъ провѣрить эти слухи въ Бухарѣ.

жавы—Англія, Франція, Турція и Сардинія не могли сломить нашу силу и заключили миръ, не достигнувъ своей цѣли: возстанія сипаевъ въ Индіи и войны англичанъ съ Персією, весьма интересовавшей бухарцевъ. Тохсаба меня разспрашивалъ о причинахъ особаго покровительства, оказываемаго Россією шаху и персіянамъ, и о взятіи Кантона англичанами. Въ заключеніе я распространился о выгодахъ, которыя бухарцы получаютъ уже теперь чрезъ торговлю съ Россією и возможнаго развитія ея при обезпеченіи и облегченіи сообщенія, что было бы достигнуто перевозкою товаровъ на судахъ по р. Аму, Аральскому морю до залива Сары-Чаганакъ или до Чернышевскаго, вмѣсто труднаго, кружнаго и далекаго пути чрезъ пески Кызыль-Кума. Все, что мною было говорено, до малѣйшихъ подробностей, записывалось письмоводителемъ Тохсабы, который, съ своей стороны, при кажущейся неясности, переспрашивалъ меня о томъ, что я сказалъ и дѣлалъ въ полголоса замѣчанія секретарю, на что, при записываніи, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Очевидно было, что это дѣлалось для доклада эмиру.

Желая однако же избѣгнуть недоразумѣній, которыя могли произойти отъ неточной редакціи и невѣрнаго освѣщенія слышаннаго отъ меня, мы условились съ мирзою-Азизомъ, что требованія Россіи и все то, что я официально желаю передать эмиру, будетъ записано отдѣльно, по возможности буквально съ моихъ словъ. Для исполненія сего, мирза Азизъ, уѣзжая, оставилъ своего письмоводителя и нашего каракульскаго знакомаго, директора бухарскаго монетнаго двора, которые, при участіи нашихъ переводчиковъ, записали подъ мою диктовку, все что должно быть передано эмиру отъ моего имени.

Передъ отъѣздомъ осторожный Тохсаба предупредилъ меня: 1) что не имѣетъ права, безъ разрѣшенія эмира, принять мой отвѣтный визитъ и что спросить на то повелѣніе своего властителя; 2) что не знаетъ, гдѣ и когда будетъ угодно эмиру принять насъ, т. е. въ Бухарѣ ли, или въ иномъ мѣстѣ, и 3) что, по существующимъ обычаямъ, иностранцы не могутъ ходить по городу и показываться на улицахъ до полученія разрѣшенія эмира или до представленія

ему. Употребляя всѣ усилія для пріобрѣтенія довѣрія эмира и желая доказать ему фактически, что мы не пришли въ Бухару—какъ бывшіе англійскіе агенты—для тайнаго собранія свѣдѣній, и желая устранить до благопріятнаго окончанія политической части возложеннаго на меня порученія тѣ недоразумѣнія, сплетни и мелочныя столкновенія, которыя могли произойти между посольствомъ и бухарскими властями, въ особенности при попыткахъ хивинцевъ распустить въ Бухарѣ дурные о насъ слухи, если бы всѣ чины миссіи и конвоя стали свободно ходить по городу и невольнo вызывать любопытство и недоумѣніе мѣстныхъ жителей,—я отвѣчалъ, что обычай этотъ мнѣ извѣстенъ и что не только чины конвоя, но никто изъ моихъ спутниковъ не будетъ выходить изъ дома, нами занимаемаго, до полученія отвѣта эмира, такъ какъ намъ пока въ городѣ дѣлать нечего, а закупки на базарѣ мы не можемъ дѣлать ранѣе чѣмъ опредѣлится время нашего выхода изъ Бухары въ обратный путь, въ Россію. Впослѣдствіи оказалось, что одна изъ причинъ особеннаго личнаго расположенія къ намъ эмира было именно то, что мы воздержались, до полученія его приглашенія, отъ осмотра достопримѣчательностей города и отъ поѣздки по улицамъ и базарамъ. Требованія наши я формулировалъ слѣдующимъ образомъ:

1) Освобожденіе русскихъ плѣнныхъ, оставленіе коихъ въ Бухарѣ не соотвѣтствуетъ тому дружелюбію, которое, по увѣреніямъ мирзы Азиза, эмиръ питаетъ къ Россіи и торговымъ сношеніямъ, издавна существующимъ между обоими государствами.

2) Уменьшеніе на половину таможенныхъ пошлинъ, взимаемыхъ съ нашихъ купцовъ православнаго вѣроисповѣданія, и прекращеніе несообразности взиманія съ магометанина вчетверо менѣе нежели съ христіанина.

3) Введеніе правильной оцѣнки товаровъ и огражденіе нашихъ торговцевъ отъ произвола бухарскихъ чиновниковъ; при этомъ доказано было, что отсутствіе правильности и справедливости въ оцѣнкѣ товаровъ еще пагубнѣе для торговли, нежели высокая пошлина.

4) Свободное пребываніе въ Бухарѣ временнаго торговаго агента изъ русскихъ чиновниковъ, который будетъ присылаться въ Бухару

ежегодно на нѣсколько мѣсяцевъ, т. е. на время, требуемое интересами нашихъ торговцевъ, для ходатайства за нихъ предъ бухарскимъ правительствомъ и надзора за ходомъ нашей торговли.

О постоянномъ агентѣ я не упоминалъ, считая эту мѣру преждевременною, при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Средней Азіи и новизнѣ предмета; при томъ постоянный агентъ былъ бы теперь скорѣе вреденъ, нежели полезенъ; переходъ къ постоянному консульству надо сдѣлать постепенно и крайне осмотрительно.

5) Для помѣщенія нашихъ торговцевъ, агента и складовъ русскихъ товаровъ бухарское правительство предназначаетъ особый караванъ-сарай, на подобіе того какъ хивинцы и индѣйцы имѣютъ въ Бухарѣ отдѣльные караванные сараи; при благоприятныхъ обстоятельствахъ можно дать, впоследствии, дальнѣйшее сему развитие; вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ, чтобы нашимъ торговцамъ разрѣшено было ѣздить, въ случаѣ надобности, по бухарскимъ владѣніямъ въ Самаркандъ, въ Кермине, въ Каракуль и т. д. для закупки хлопчатой бумаги и другихъ произведеній страны изъ первыхъ рукъ.

6) Разрѣшается свободное плаваніе русскихъ судовъ по р. Аму, для перевозки товаровъ изъ Россіи въ Бухару и обратно. При этомъ я старался доказать бухарцамъ, что переѣздъ изъ Россіи въ Бухару и обратно будетъ производиться несравненно скорѣе, удобнѣе и вѣрнѣе посредствомъ пароходовъ нежели караваннымъ путемъ, проходящимъ чрезъ р. Сыръ, въ Оренбургъ; остовы пяти тысячъ верблюдовъ, павшихъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ на пространствѣ между Бухарою и переправами чрезъ р. Сыръ, а также нѣсколько тысячъ пудовъ хлопчатой бумаги, разбросанныхъ по дорогѣ, послужили имъ самымъ разительнымъ доказательствомъ сравнительнаго удобства путей.

Такъ какъ Тохсаба и оставленные имъ для совѣщаній со мною два чиновника изъявили сильныя сомнѣнія относительно принятія сего послѣдняго предложенія, говоря, что едва ли плаваніе нашихъ судовъ доставитъ большія выгоды бухарскимъ подданнымъ, нежели перевозки товаровъ караванами, то желая сохранить для Аральской флотиліи предлогъ проплыть будущею весною по р. Аму до высоты

Чарджуя и вмѣстѣ съ тѣмъ не дать вида, что мы имѣемъ особенныя причины добиваться пропуска нашихъ судовъ въ рѣку, я замѣтилъ бухарцамъ, что опытъ лучше всего докажетъ, справедливо ли наше мнѣніе, или нѣтъ, и что, ежели эмиръ не хочетъ теперь же дать намъ право плаванія по р. Аму, то позволилъ бы по крайней мѣрѣ своимъ торговцамъ, въ видѣ опыта, перевезти на нашихъ судахъ будущею весною товары, предназначенные для Нижегородской ярмарки; ежели опытъ затѣмъ покажетъ выгоду сего пути для торговли, то эмиръ утвердитъ за нами право свободного плаванія въ рѣкѣ; ежели же не захочетъ сего дѣлать, то плаваніе нашихъ судовъ ограничится однимъ опытомъ.

До 4 Октября оставались мы безвыходно въ домѣ, намъ отведенномъ. Нарочный посланный мирзою Азизомъ въ лагерь эмира возвратился въ этотъ день съ благоприятнымъ отвѣтомъ и заявилъ, что эмиръ не потребуетъ меня въ лагерь, находя болѣе приличнымъ принять меня въ столицѣ или въ Самаркандѣ и потому просить остаться въ Бухарѣ до окончанія похода.

Съ этого дня, до конца нашего пребыванія въ Бухарѣ, всѣ члены миссіи и чины конвоя ходили безпрепятственно по городу и сообщались съ жителями и торговцами совершенно свободно. Лица, входившія въ составъ предшествовавшихъ миссій нашихъ, во время своего пребыванія въ Бухарѣ, чтобы безпрепятственно ходить по улицамъ, одѣвались въ бухарское платье. Но я счелъ болѣе соотвѣтственнымъ достоинству Россіи не позволять подобныхъ унижительныхъ переодѣваній ¹⁾ и когда были сдѣланы намъ намеки бухарскимъ чиновникомъ, состоявшимъ при посольствѣ, о томъ, что лучше было бы намъ не носить платья, покроя котораго такъ бросается въ глаза толпѣ, какъ русская военная форма, я отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ прятаться въ бухарскій халатъ и надѣвать чалму и объявилъ, что формально запрещаю всѣмъ и каждому показываться иначе въ городѣ, какъ въ русскомъ платьѣ. Для соблюденія, въ гла-

1) Въ составъ моихъ спутниковъ двое были съ послѣднимъ посольствомъ въ Бухаръ и подтвердили въ томъ смыслѣ намеки и рассказы бухарцевъ.

это было въ высшей степени несправедливо и нечеловѣколюбиво въ отношеніи къ намъ, а потому убѣжденъ, что Министерство Иностранныхъ Дѣлъ насъ не выдастъ. Мы совершили, благодаря Бога, благополучно тяжкій походъ, преимущественно тяжкій по болѣзненности, развившейся между нами во время стоянки въ Хивѣ. Спутники мои, за исключеніемъ одного Уральскаго казака (съ виду богатыря) остались, слава Богу, невредимы Подарки эмиру Тохсабѣ прибыли сюда далеко не въ полномъ блескѣ. Винтергальтеръ ¹⁾ очень дурно уложилъ купленные у него вещи. Все попортилось».

5 Октября отдалъ я официальный визитъ Тохсабѣ, мирзѣ Азизу, въ сопровожденіи всѣхъ моихъ спутниковъ и части конвоя. Первоначально произошли было затрудненія относительно соблюденія бухарскаго этикета, требованіямъ котораго я не хотѣлъ подчиняться; но настоятельнымъ отпоромъ моимъ были отстранены всѣ недоразумѣнія еще до выѣзда нашего изъ дома. Пришлось заставить подождать мирзу Азиза, пока онъ не уступилъ. Такъ напримѣръ, мирза Азизъ не хотѣлъ допустить, чтобы чиновники и офицеры, меня сопровождавшіе, оставались въ одной комнатѣ съ нами, послѣ обмѣна обычныхъ привѣтствій. Онъ даже потребовалъ, основываясь на запрещеніи, существовавшемъ въ Бухарѣ въ то время не мусульманамъ ѣздить верхомъ въ городской оградѣ ²⁾—чтобы я одинъ былъ верхомъ, а всѣ мои спутники шли бы за мною пѣшкомъ; наконецъ онъ попробовалъ добиться отъ меня согласія, чтобы, по крайней мѣрѣ, всѣ нижніе чины шли за нами пѣшкомъ, допуская, чтобы непосредственная свита, т. е. члены посольства, была верхомъ. Я не только настоялъ на томъ, чтобы правило, существовавшее въ Бухарѣ для христіанъ, было отмѣнено для всѣхъ чиновъ миссіи, безъ исключенія, и конвоя, но воспользовался поднятымъ

¹⁾ У котораго куплены были Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ часы и ящики съ музыкою.

²⁾ Всѣ христіане должны были ходить пѣшкомъ; больного дозволялось провезти на ослѣ. Въ города они могли ѣхать верхомъ на лошади, но должны были слѣзать съ лошади при видѣ бухарскаго чиновнаго лица и привѣтствовать его стоя на ногахъ.

мирзою Азизомъ вопросомъ, чтобы доказать нелѣпость такого притязанія и что всѣ торговцы и ихъ приказчики, прибывающіе изъ Россіи, должны пользоваться тѣмъ же правомъ, основываясь на томъ, что въ Россіи нѣтъ различія въ способѣ передвиженія на улицахъ городскихъ между православными и мусульманами. Тохсаба такъ убѣдился въ основательности и непоколебимости моего требованія, что съ этого дня бывшимъ въ Бухарѣ двумъ русскимъ приказчикамъ было дозволено безпрепятственно ѣздить верхомъ по городу, какъ и правовѣрнымъ.

Бухарцы садятся на коверъ, поджавши ноги, и хотѣли меня угодить такимъ же сидѣньемъ, но я потребовалъ, чтобы мнѣ былъ приготовленъ у Тохсабы стулъ, предваривъ, что если это не будетъ исполнено, я привезу—подобно тому, какъ сдѣлалъ это уже въ Хивѣ, на ханскихъ аудіенціяхъ,—свой собственный стулъ и сяду на немъ, чтобы разговаривать съ бухарскимъ министромъ. Не осмѣлившись противиться моему желанію, бухарцы порѣшили между собою, что Тохсабѣ будетъ обидно и унижительно сидѣть не на одномъ уровнѣ со мною, т. е. ниже, на коврѣ, тогда какъ я буду выше его на стулѣ, и потому мирза Азизъ, чтобы не уронить своего достоинства передъ народомъ, предпочелъ также сидѣть по европейски на стулѣ, чтобы «быть со мною на одной высотѣ». Все это кажется намъ удивительною мелочью и признакомъ ребяческаго каприза, но еще недавно въ Азіи всѣ эти вышніе приемы, всякая подробность мѣстнаго этикета имѣли первостепенное значеніе въ глазахъ туземцевъ, и горе тому европейскому агенту, который упускалъ это изъ виду и безсознательно, съ перваго шага, соглашался играть жалкую роль въ глазахъ туземцевъ или же безтолковостью своею сразу грубо нарушалъ всѣ обычаи и пренебрегаль мѣстными воззрѣніями на достоинство представительства. Тѣ, которые первые были въ сношеніяхъ съ азіатцами разныхъ мѣстностей, вынесли на своихъ плечахъ всю тягость закоренѣлыхъ, предразсудковъ и безчисленныхъ, непонятныхъ, для европейскаго дипломата, затрудненій, пока силою обстоятельства, а всего болѣе русскаго оружія характеръ международныхъ и общественныхъ отношеній въ

Азіи совершенно измѣнился, приблизившись болѣе или менѣе къ общепринятому типу.

Наше блистательное, въ глазахъ бухарцевъ, шествіе прошло, по пути къ Тохсабѣ, почти по всему городу, будучи направлено бухарцами по базарамъ и мимо главнѣйшихъ караванъ-сараевъ, такъ что торговцы и несмѣтная толпа, запрудившая всѣ улицы еще больше нежели при вступленіи нашемъ въ городъ, могла вдоволь любоваться небывалымъ зрѣлищемъ.

Мирза Азизъ принялъ насъ самымъ радушнымъ образомъ, выпелъ ко мнѣ навстрѣчу до входа во внутренній дворъ, угощалъ всѣхъ членовъ миссіи сладостями, чаемъ и обѣдомъ и просилъ— вслѣдствіе разрѣшенія эмира,—принять въ знакъ пріязни подарки, состоящіе по большей части изъ халатовъ, не только меня, но и всѣхъ моихъ спутниковъ. Во время бесѣды онъ сообщилъ мнѣ между прочимъ, что эмиръ при личномъ свиданіи дастъ отвѣтъ на мои предложенія. Что касается до требуемаго мною права для нашихъ торговцевъ ѣздить въ различные города для закупки товаровъ изъ первыхъ рукъ, то мирза Азизъ увѣрялъ меня, что этимъ правомъ наши торговцы будутъ постоянно въ Бухарѣ пользоваться и не будутъ стѣсняемы.

Желая убѣдить меня въ этомъ и доставить фактическое доказательство, онъ въ тотъ же день лично объявилъ о томъ приказчику Панфилову, который неоднократно и ѣздилъ, во время нашего пребывания, для различныхъ закупокъ по бухарскимъ селеніямъ и въ г. Кермине. Относительно оцѣнки товаровъ, мирза Азизъ сказалъ мнѣ, что, для предупрежденія произвола сборщиковъ податей, оцѣнки не иначе производятся съ нѣкотораго времени въ Бухарѣ, какъ въ присутствіи маклеровъ, и что товаръ нашихъ купцовъ долженъ оцѣниваться такимъ же образомъ, такъ что по этому предмету не для чего было бы давать мнѣ какихъ либо особыхъ письменныхъ обязательствъ. вмѣстѣ съ тѣмъ мирза Азизъ далъ мнѣ замѣтить, что остальные преимущества, просимыя мною для нашихъ торговцевъ, такъ противорѣчатъ выгодамъ бухарскаго купечества, что едва ли эмиръ на оныя согласится безъ значительныхъ съ нашей стороны

уступокъ. Изъ этого и изъ послѣдующихъ разговоровъ моихъ съ бухарскими чиновниками и купцами замѣтилъ я, что требованія бухарцевъ чрезмѣрно велики; такъ напримѣръ, они хотѣли, чтобы наши таможенные пошлины были понижены равномерно съ бухарскими, т. е. чтобы не взималось болѣе 5-ти процентовъ съ товаровъ, вывозимыхъ изъ средней Азіи, и чтобы товары не были очищаемы пошлиною при ввозѣ, а только по возвращеніи торговцевъ съ нижегородской ярмарки въ Оренбургъ. Въ виду такихъ притязаній, удовлетворить которыя я не былъ въ состояніи, я рѣшился не высказывать бухарцамъ, что, по инструкціи мнѣ данной, въ правѣ былъ имъ обѣщать свободный выпускъ семействъ бухарцевъ изъ Россіи, особыя лавки на нижегородской ярмаркѣ и пр., съ тѣмъ чтобы доставить Правительству возможность, для сохраненія хорошихъ отношеній съ Бухарою, разрѣшить новому бухарскому посланцу часть его требованій, безобидно для нашей торговли.

При окончаніи нашего визита я вызвалъ на внутренній дворъ дома пѣсенниковъ конвоя и доставилъ тѣмъ большое удовольствіе мирзѣ Азизу и собравшимся къ нему почетнымъ бухарцамъ.

На другой день мирза Азизъ сообщилъ мнѣ, что эмиръ прекратилъ осаду Ходжента и возвращается въ Бухару, гдѣ намѣренъ принять меня тотчасъ по возвращеніи. Приставъ нашъ былъ вытребованъ въ Самаркандъ для личного доклада эмиру о замѣченномъ имъ относительно насъ во время нашего 2-хъ недѣльнаго пребыванія въ Бухарѣ. Отзывъ его,—какъ оказалось впоследствии,—былъ самый благопріятный.

11 Октября около полудня эмиръ вступилъ въ Бухару и тотчасъ же прислалъ пригласить насъ къ себѣ. Между присланнымъ церемоніймейстеромъ и мною возникли снова нѣкоторыя недоразумѣнія относительно церемоніала, но вскорѣ всѣ сомнѣнія были разъяснены въ нашу пользу. Такъ напримѣръ, вздумали требовать, чтобы я не надѣвалъ каски съ бѣлымъ султаномъ, такъ какъ она выше чалмы эмира, а хвостъ похожъ на конскіе хвосты, висящіе у мечетей; чтобы мои спутники являлись эмиру безъ оружія, въ знакъ почтенія; чтобы мы привѣтствовали эмира по бухарски, не довольствуясь при-

кладомъ правой руки къ кокардѣ и т. п. Въ свою очередь я потребовалъ, чтобы не только я но и секретарь, неспій Высочайшую грамоту, сошли съ лошадей не у внѣшнихъ воротъ дворца, какъ сіе дѣлается всѣми бухарскими подданными и даже самыми высокими сановниками, но чтобы намъ дозволено было вѣхаться верхомъ до того мѣста, гдѣ сходить съ лошади самъ эмиръ, и замѣтилъ церемоніймейстеру, что было бы соотвѣтственно достоинству представителя Россіи, чтобы эмиръ пригласилъ меня сѣсть или далъ мнѣ руку, по нашему обычаю. Когда все было улажено, мы отправились верхомъ во дворецъ, предшествуемые бухарскими чиновниками и церемоніймейстеромъ. Впереди нижніе чины конвоя несли Высочайшіе подарки.

Эмиръ принялъ насъ отлично. Послѣ обычныхъ и обоюдныхъ привѣтствій я выразилъ его высокостепенству благоволеніе Его Императорскаго Величества за принесенное Мирохуромъ Меледжановымъ поздравленіе съ восшествіемъ на Прародительскій Престолъ, готовность Государя Императора поддерживать близкія и дружественныя сношенія, издавна существующія между Россією и Бухарою, и пожелалъ Насръ-Уллѣ отъ Имени Его Императорскаго Величества еще долгаго продолженія благополучнаго царствования. Затѣмъ я изложилъ вкратцѣ переданное мною передъ тѣмъ мирзѣ Азизу и просилъ его высокостепенство поспѣшить удовлетвореніемъ нашихъ справедливыхъ требованій и, по окончаніи возложеннаго на меня въ Бухарѣ порученія, разрѣшить намъ безотлагательно отправиться въ Россію, до наступленія сильныхъ морозовъ. Протянувъ и пожавъ мнѣ руку, эмиръ съ своей стороны выразилъ желаніе скрѣпить дружбу Россіи съ Бухарою и просилъ вѣрить чувствамъ, питаемымъ имъ къ Государю Императору. Въ заключеніе, онъ сказалъ мнѣ, что проситъ меня передавать все, что почту нужнымъ, мирзѣ Азизу, для доклада ему, что онъ не замедлитъ сообщить мнѣ отвѣтъ свой на наши требованія и проситъ насъ считать себя въ Бухарѣ какъ бы дома.

Престарѣлый Насръ-Улла—еще очень бодрый, крѣпкій, живой, характерный старикъ, съ внушительною наружностью, умными,

проницательными глазами, держится съ большимъ достоинствомъ, но проявленіями жестокости и суровости своей заставляетъ всѣхъ трепетать предъ собою. Онъ принималъ насъ сидя въ окнѣ, выходящемъ на внутренній, называемый бухарцами «троннымъ», дворъ своего дворца, и ничего не возразилъ когда, послѣ обмѣна привѣтствій и передачи письма Государя, принятаго имъ стоя и со знаками глубокаго почтенія и послѣ представленія всѣхъ членовъ посольства, т. е. когда окончилась официальная аудіенція и начался разговоръ между нимъ и мною, казакъ принесъ мнѣ мой складной стулъ, на который я и сѣлъ. Передъ приемомъ и послѣ выхода моего отъ эмира намъ предлагали сласти и угощеніе въ комнатѣ, въ сторонѣ отъ выхода. Я отказался отъ послѣпріемнаго угощенія и вернулся домой тѣмъ же порядкомъ, предшествуемый бухарскими чиновниками и имѣя съ собою всѣхъ чиновниковъ и офицеровъ посольства и конвоя верхами, а сзади весь наличный конвой на коняхъ въ мундирахъ и въ полномъ вооруженіи, но лишь казакамъ велѣлъ я оставить пики дома. Тотчасъ по возвращеніи нашемъ въ домъ миссіи, до поздняго вечера и на другой день являлись разные чиновники бухарскіе, чтобы поздравить насъ съ благосклоннымъ и необыкновеннымъ, по ихъ понятіямъ, приемомъ эмира, который никогда прежде не благоволилъ иностранцамъ. Но главною цѣлью этихъ непрерывныхъ посѣщеній, судя по тѣмъ вопросамъ, которые эти чиновники задавали мнѣ и моимъ спутникамъ, было узнать мнѣніе мое относительно личности эмира и бухарскаго ханства вообще, о впечатлѣніи, произведенномъ на насъ дворцомъ, городомъ, существующимъ порядкомъ и пр. Будучи на сторожѣ, мы, какъ оказалось, вполне удовлетворили отзывами своими эмира.

Тотчасъ послѣ аудіенціи у эмира, ему были переданы мною Высочайшіе подарки, которые были перенесены бухарцами и нижними чинами конвоя во дворецъ, съ торжественною обстановкою. Несмотря на то, что вещи съ механизмами были попорчены, а стеклянные (одно зеркало между прочимъ) разбиты,—такъ что я долженъ былъ замѣнить нѣсколько вещей своими собственными,—эмиръ остался, повидимому, доволенъ нашими приношеніями. При раздачѣ

подарковъ я былъ поставленъ въ большое затрудненіе, подобно тому какъ въ Хивѣ, по небрежности, съ которою меня снаряжали въ Петербургъ, не давъ себѣ труда собрать предварительно нужныя мѣстные свѣдѣнія: въ списокъ подарковъ, мнѣ порученныхъ и предназначенныхъ для Бухарскаго правительства, значились вещи отъ имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича старшему сыну эмира. Вѣроятно, это было сдѣлано въ ожиданіи скорой смерти престарѣлаго Насръ-Уллы, чтобы расположить къ Россіи его наслѣдника, будущаго эмира бухарскаго. По полученнымъ мною въ Бухарѣ свѣдѣніямъ оказалось, что сыну этому 30 уже лѣтъ и что, такъ какъ бухарцы считаютъ его за человека умнаго, разсудительнаго, хитраго и очень энергическаго, то старикъ эмиръ его чрезвычайно боится, близко къ себѣ не допускаетъ и держитъ большею частью въ Кермине.

Желая сблизиться съ сыномъ эмира, но въ то же время не впутываться въ щекотливыя отношенія къ этому послѣднему, польза которыхъ была бы сомнительна, — я предпочелъ дѣйствовать открыто и сказалъ, по окончаніи аудіенціи, для передачи Насръ-Уллѣ, что у меня есть подарки, данные Государемъ Наслѣдникомъ для сына эмира, которому Его Императорское Высочество поручилъ мнѣ передать также свой привѣтъ. Я предполагалъ настоять, чтобы подарки были отвезены секретаремъ миссіи въ мѣстопребываніе сына эмира, ибо, при существовавшихъ тогда обычаяхъ, нельзя было быть увѣреннымъ, что самъ эмиръ ихъ себѣ не присвоитъ и что во всякомъ случаѣ вещи, переходя чрезъ руки туземцевъ, дойдутъ до своего назначенія. Но отзывы, мнѣ сообщенные, въ отвѣтъ на мое заявленіе дали уразумѣть, что исполненіе моего намѣренія произведетъ самое неблагоприятное для насъ впечатлѣніе на Насръ-Уллу и можетъ повредить ходу нашихъ переговоровъ. Въ виду этого нежелательнаго результата и непрактичности дальнѣйшихъ соображеній, основанныхъ на личныхъ качествахъ, чувствахъ и мнѣніяхъ сыновей Азіатскихъ властителей, я согласился, чтобы подарки и привѣтъ нашъ были переданы сыну чрезъ отца его, т. е. чрезъ самого эмира, которому вещи эти и были представлены. Этотъ

оборотъ дѣла имѣлъ весьма благопріятный результатъ для посольства, а подарки были дѣйствительно переданы, въ цѣлости сыну эмира.

Тохсаба сообщилъ мнѣ его благодарность, а равно одобреніе эмира, и что отвѣтные подарки Его Императорскому Высочеству привезетъ бухарскій посланецъ, который долженъ отправиться вмѣстѣ со мною въ Россію.

Въ тотъ же день отослалъ я, черезъ секретаря и драгомана посольства, подарки мирѣ-Азизу отъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, отъ директора Азіатскаго Департамента и отъ Оренбургскаго Генералъ-Губернатора. Чтобы Тохсаба могъ ихъ принять, пришлось предварительно испросить разрѣшеніе эмира, которому я также поднесъ нѣкоторые подарки отъ себя.

Такъ какъ на аудіенціи у эмира я коснулся всѣхъ требованій, разъ уже предъявленныхъ Тохсабѣ, то и возбудилъ вопросъ о возвращеніи въ Россію всѣхъ плѣнныхъ русскихъ, находящихся въ ханствѣ, и просилъ эмира выдать ихъ мнѣ въ знакъ пріязни своей къ Россіи. Мои слова подѣйствовали на Насръ-Уллу. Тотчасъ послѣ аудіенціи эмиръ строго приказалъ разыскать немедленно, по всему ханству, русскихъ плѣнныхъ и ихъ потомковъ и, собравъ ихъ въ столицу, доставить мнѣ съ тѣмъ, что мнѣ предоставляется опросить ихъ и взять съ собою въ Россію или оставить въ ханствѣ, по моему усмотрѣнію.

Черезъ нѣсколько дней дѣйствительно стали являться разныя личности русскаго происхожденія, приводимыя къ дому миссіи полиціею. Ихъ мы спрашивали, записывая показанія. Но не всѣхъ выданныхъ оказалось возможнымъ и нужнымъ вернуть въ русскіе предѣлы и даже признать русскими. Многіе изъ числа выданныхъ были сыновья и внуки взятыхъ нѣкогда въ плѣнъ; они обухарились и забыли свое происхожденіе, женились, даже завели гаремы и, освоившись вполне съ обычаями и нравами азіатскими, сдѣлались чуждыми Россіи. Какая была польза ихъ водворить у насъ и что съ ними и ихъ семействами стало бы, по возвращеніи въ прежнее отечество? Намъ важно было, съ государственной точки зрѣнія, дока-

зять, что русский подданный нигдѣ не затеряется, что могучая Царская рука его вездѣ найдетъ и достанетъ, что бухарскимъ властямъ возбраняется ихъ задерживать и прятать, но и самимъ бѣглымъ или дезертирамъ отъ Царскаго ока невозможно нигдѣ укрыться. Дѣло было въ принципѣ, въ восстановленіи нашего права на прежнихъ русскихъ подданныхъ, въ произведеніи извѣстнаго, благопріятнаго для русскаго имени впечатлѣнія на бухарцевъ и нашихъ пограничныхъ жителей, а не въ непремѣнномъ насильственномъ водвореніи въ Россіи людей, сдѣлавшихся для нея чуждыми и излишними. На этомъ основаніи, всѣхъ обратившихся добровольно въ магометанство и нежелающихъ вернуться въ Церковь Христову, всѣхъ обремененныхъ большимъ семействомъ и не изъявившихъ, несмотря на увѣщанія моихъ спутниковъ, желанія вернуться въ Россію, возвратилъ я эмиру, объявивъ ему и бывшимъ русскимъ, что я оставляю ихъ на попеченіи бухарскаго правительства, предполагая, что оно не оставитъ ихъ своимъ покровительствомъ. Только одиннадцать человекъ, пребывавшихъ въ сердцѣ, вѣрными Православію и одного поляка-католика, просившихъ меня вывести ихъ на родину, рѣшился я взять съ собою, а также туземную жену одного изъ этихъ людей. Изъ числа возвращающихся русскихъ—8 служили въ регулярномъ войскѣ эмира. Дѣйствуя постоянно съ крайнею осторожностью и предвидя тѣ недоразумѣнія, которыя могли произойти между эмиромъ и вообще населеніемъ города и нами, если бы плѣнные русскіе, нами отобранные, были помѣщены у насъ въ домѣ, и стали пользоваться тѣми же гостепріимствомъ и преимуществами, которыя оказывались нижнимъ чинамъ состоявшимъ при посольствѣ, а также опасаясь дурнаго вліянія, которое эти развращенные азіатскою жизнью люди могли имѣть на нашихъ конвойныхъ нижнихъ чиновъ, оказывая имъ различныя услуги при сожителствѣ съ ними,—я ограничился снабженіемъ ихъ одеждою и порціонными деньгами, вернувъ, на время нашего пребыванія въ Бухарѣ, на прежнія квартиры, съ тѣмъ однако же, чтобы бухарскія власти смотрѣли за ихъ поведеніемъ до нашего выступленія и выдали мнѣ ихъ окончательно только въ самый день выступленія нашего. Вмѣстѣ съ тѣмъ это

переходное состояніе нашихъ соотчичей должно было мнѣ служить пробнымъ камнемъ ихъ личныхъ качествъ и удостовѣреніемъ, что они дѣйствительно достойны нашего о нихъ попеченія, а также и искренности отношеній къ намъ бухарскаго правительства. Эмиръ остался чрезвычайно доволенъ этимъ распоряженіемъ, а послѣдствія доказали, что оно избавило насъ отъ многихъ непріятностей и разочарованій.

Видя, что исполняется лишь одно изъ моихъ требованій касательно плѣнныхъ, но не получая отвѣта на остальные предложенія мои, я обратился 15 Октября къ Тохсатъ письменно съ требованіемъ скорѣйшаго отвѣта и при этомъ снова подтвердилъ все то, что неоднократно объяснялъ бухарцамъ прежде относительно сбавки пошлины, плаванія нашихъ судовъ по р. Аму и пребыванія въ Бухарѣ нашего торговаго агента, упомянувъ при этомъ, что въ другихъ мусульманскихъ государствахъ, въ Турціи и въ Персіи, проживаютъ наши постоянные консулы въ торговыхъ городахъ такъ же, какъ и въ столицахъ.

Къ крайнему удивленію и удовольствію нашему, мирза-Азизъ на другой же день (16-го) увѣдомилъ меня письменно, что эмиръ изъявляетъ свое согласіе на всѣ мои предложенія слѣдующимъ образомъ:

«Высокодостойный Господинъ Посланникъ.»

Послѣ обычныхъ комплиментовъ, да не будетъ скрыто отъ Васъ, что высокостепенный повелитель мой относительно пріѣзда сюда Вашихъ торговцевъ благосклонно приказалъ, что таковыхъ до сего времени пріѣзжало по одному и по два человека (подразумѣвается ежегодно) и съ нихъ по шариату брали 10%, теперь же для пользы торговцевъ и изъ дружбы да будетъ такъ, что пусть (купцы) пріѣзжаютъ, сколько хотятъ, изъ снисхожденія мы будемъ брать съ нихъ съ двадцати одинъ (т. е. 5%) и, очистивъ одинъ караванъ-сарай, отдадимъ его Вашимъ купцамъ, которые, прибывъ вмѣстѣ съ однимъ изъ Вашихъ чиновниковъ, до окончанія своихъ дѣлъ тамъ будутъ жить, а потомъ снова отправятся въ ту (т. е. свою) сторону

водою ли по р. Аму-Дарьи или верхомъ (т. е. сухопутно) черезъ Хиву. Только хивинцы, какъ инувѣрцы, къ вамъ враждебны, а также и съ нами враги; если только вы, найдя способъ пройти черезъ предѣлы Хивы, достигните нашихъ владѣній, то мы уже сами сумѣемъ довести васъ сюда. Если Вы находите средство устранить это препятствіе (т. е. Хиву) скажите, и мы посмотримъ вмѣстѣ о томъ какъ это лучше сдѣлать. Теперь же когда Вы будете возвращаться, не дай Богъ, чтобы съ ихъ стороны (т. е. отъ хивинцевъ) приключился вамъ какой нибудь вредъ; (потому) способъ и путь возвращенія вашего слѣдуетъ намъ сообща разсмотрѣть, все вышеизложенное мнѣ поручено сообщить вамъ отъ Высокостепеннаго Повелителя моего. Да не нарушится Ваше благополучіе.

Къ офиціальному сообщенію своему Тохсаба присовокупилъ, что, въ случаѣ противодѣйствія хивинцевъ проходу нашихъ судовъ въ Бухару, эмиръ готовъ принять, совокупно съ нами, мѣры для уничтоженія сего препятствія. Казалось, что, мы, въ противность моимъ ожиданіямъ, достигли исполнѣнія и что все идетъ желаемымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что эмиръ, когда ему донесли, что я собираюсь послать разсылныхъ съ почтою на р. Сырь, поручилъ Тохсабъ выразить мнѣ, отъ имени эмира, желаніе, чтобы я сообщилъ въ С.Петербургъ, съ нарочнымъ, извѣстіе, что онъ принялъ всѣ мои предложенія.

Основываясь на такомъ необыкновенномъ заявленіи я написалъ шифромъ директору Азіатскаго Департамента, что, слава Богу, дѣла наши здѣсь приходятъ, какъ кажется, къ счастливому окончанію.

«Возвратившись въ Бухару изъ похода въ Коканъ, 12 Октября, эмиръ насъ въ тотъ же день принялъ и былъ къ намъ крайне внимателенъ. Переговоры окончились весьма быстро полученіемъ сегодня мною письменнаго объявленія Тохсабы, что эмиръ принимаетъ всѣ предложенія наши для скрѣпленія дружественныхъ отношеній Россіи съ Бухарой. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ разрѣшено выступить обратно въ отечество. Эмиръ намѣренъ дать намъ на этихъ дняхъ прощальную аудіенцію, и мы надѣемся, дней черезъ 12,

выйти изъ Бухары. Эмиръ самъ выразилъ желаніе, чтобы я сообщилъ въ Петербургъ это радостное извѣстіе.

Съ приходомъ въ Бухару здоровье нижнихъ чиновъ переболѣвшихъ дорогою, поправилось. Всѣ спутники мои здоровы и дѣятельно занимаются».

Вмѣстѣ съ тѣмъ я представилъ свѣдѣнія о метеорологическихъ наблюденіяхъ, произведенныхъ во время слѣдованія нашего по степи, результаты которыхъ могли быть приведены въ порядокъ во время остановки нашей въ Бухарѣ, а также и астрономическія наблюденія произведенныя астрономомъ миссіи на стоянкахъ въ пройденномъ нами пути.

Сообщая мнѣ 16 Октября вечеромъ, въ отвѣтъ на запросъ мой, что эмиръ разрѣшаетъ мнѣ дѣлать приготовленія для возвращенія на родину, послѣ той прощальной аудіенціи, которую онъ мнѣ намѣренъ назначить, Тохсаба присовокупилъ предостереженіе, утверждая, что, по дошедшимъ до Бухарскаго правительства свѣдѣніямъ, намъ угрожаетъ, при предстоящемъ возвращеніи въ отечество, большая опасность со стороны хивинцевъ, замышляющихъ произвести нападеніе на караванъ посольства, и предложилъ мнѣ, отъ имени эмира, обсудить со мною принятіе совѣстныхъ мѣръ для охраненія насъ на обратномъ пути. Не желая допускать зарожденія мысли, что русское Правительство нуждается въ покровительствѣ эмира и въ союзѣ съ бухарцами, для своей личной защиты, я отвѣтилъ мирзѣ-Азизу, для доклада эмиру, что ханъ хивинскій не въ состояніи серьезно противодѣйствовать Россіи, что мы только потому и не принимаемъ мѣръ для укрощенія строптиваго хана и не покорили ханства, что Россія не нуждается въ завоеваніяхъ; мы ихъ не ищемъ, такъ какъ у насъ своей земли столько, что ее некуда дѣвать и мы не успѣваемъ ее всю обработать. Вмѣстѣ съ тѣмъ я намекнулъ Тохсабъ— въ видахъ будущаго, что хотя мы и не имѣемъ въ виду занять г. Хиву, но можемъ быть поставлены, въ случаѣ коварныхъ и вѣроломныхъ дѣйствій хивинцевъ, въ необходимость, для облегченія судоходства и ограды нашихъ киргизъ и каракалпаковъ, занять устье р. Аму и городъ Кунградъ. На это мнѣ было отвѣчено, что

дѣйствія хана Сеидъ-Мохамеда и его сношенія съ Коканомъ могутъ вынудить эмира предпринять войну противъ него и что тогда онъ займетъ Хиву, а потому относительно раздѣленія ханства между Россією и Бухарою и совокупныхъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Сеидъ-Мохамеда надлежало бы заблаговременно условиться. Не будучи уполномоченъ входить въ такіе переговоры и не зная видовъ Правительства и взгляда Министерства Иностранныхъ Дѣлъ относительно занятій нами устья р. Аму, такъ какъ это было лишь мое личное мнѣніе, основанное на затрудненіяхъ, встрѣченныхъ нашею Аральскою флотилією, я уклонился отъ дальнѣйшихъ разговоровъ по этому предмету.

16 Октября, вечеромъ я поспѣшилъ писемно благодарить эмира и мирзу-Азиза за заявленное мнѣ согласіе на наши требованія, но объяснилъ имъ, что хотя я уже послалъ о томъ извѣщеніе въ С.-Петербургъ, согласно желанію эмира, но долженъ предупредить, что, по существующимъ въ Европѣ дипломатическимъ обычаямъ, простого увѣдомленія Тохсабы мнѣ недостаточно и что я буду ожидать писемъ эмира Государю Императору и мирзы-Азиза къ Министру Иностранныхъ Дѣлъ, которыя служили бы подтвержденіемъ обѣщаннаго нынѣ мнѣ, и прошу мнѣ доставить для моего личнаго свѣдѣнія, копии съ этихъ документовъ.

Что же касается до враждебныхъ нападеній на посольство, то я сообщилъ мирзѣ Азизу, что считаю совершенно невѣроятнымъ, чтобы хивинцы дерзнули остановить посланца Русскаго Императора и что если бы я въ этомъ сомнѣвался, то имѣю всегда возможность дать знать объ угрожающей опасности на Сыръ-Дарьинскую линію, откуда могутъ выступить немедленно «значительные отряды для уничтоженія всякихъ замысловъ, намъ враждебныхъ».

Какъ бы въ подтвержденіе моего заявленія, но безъ прямого вызова съ моей стороны, а на основаніи слуховъ распространенныхъ не только въ Хивѣ и Бухарѣ, но и въ киргизской степи, о замыслахъ хищниковъ хивинскихъ и туркменскихъ напасть на караванъ посольства при слѣдованіи его на р. Сыръ изъ Бухары, слуховъ дошедшихъ до г. Оренбурга съ быстротою передачи киргизами раз-

ныхъ степныхъ новостей,—по распоряженію Генераль-Губернатора былъ двинутъ изъ форта № 1, тотчасъ по полученіи извѣстія о нашемъ выступленіи, отрядъ изъ двухъ ротъ и двухъ орудій при сотнѣ казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Черняева (Михаила Григорьевича, моего бывшего товарища по Военной Академіи Генеральнаго Штаба), который и встрѣтилъ насъ на р. Яны-Дарьѣ, при нашемъ выступленіи изъ безводныхъ песковъ Кызыль-Кумскихъ.

16 Октября писалъ я отцу моему:

«Принимаюсь за перо подъ впечатлѣніемъ самой живой, самой неподдѣльной радости: сейчасъ получилъ извѣщеніе, что эмиръ согласился на наши предложенія и дней черезъ 6 дастъ мнѣ прощальную аудіенцію, такъ что дней черезъ 10—12 я, если Богъ поможетъ, выступлю въ обратный путь на родину. Если все обойдется благополучно и Богъ дастъ здоровья, надѣюсь день моего рожденія провести въ кругу родномъ, а можетъ быть при особенномъ счастьѣ, добраться въ С.-Петербургъ и къ новому году».

«Такъ это было бы хорошо, что не не вѣрится въ возможность. Я привыкъ теперь при благопріятномъ оборотѣ, равно и при неудачѣ, одинаково умѣрять настроеніе духа, чтобы не слишкомъ рѣзко ощущать то и другое. Жизнь такъ измѣнчива и прихотлива, что можно съ ума сойти, если слишкомъ поддаваться радости или горю. Надо установить въ себѣ духовное равновѣсіе».

«Вѣроятно, ко времени прибытія нашего въ Оренбургъ, Александръ Андреевичъ (Катенинъ) уже уѣдетъ въ Петербургъ, но, во всякомъ случаѣ, я не предполагаю оставаться въ Оренбургѣ болѣе 3 или 4 дней.

«Вернувшись въ Бухару 11 Октября, въ полдень, эмиръ тотчасъ же пригласилъ меня къ себѣ. Нѣсколько чиновниковъ и придворныхъ сановниковъ были присланы ко мнѣ, чтобы условиться относительно церемоніала; было довольно трудно прійти къ соглашенію. Но подъ конецъ все было установлено, какъ слѣдуетъ, и церемоніймейстеръ прибылъ за нами, чтобы проводить насъ во дворецъ. Несмѣтная толпа запрудила всѣ улицы и площадь передъ дворцомъ, и наше шествіе походило, дѣйствительно, на триумфальное и если

хотите, на театральный выходъ. Два самыхъ красивыхъ и рослыхъ казака, на сѣрыхъ коняхъ, открывали шествіе, предшествуемые конною бухарскою полиціею; 36 солдатъ и казаковъ шли за ними, неся на красныхъ суконныхъ подушкахъ подарки Государя Императора; затѣмъ ѣхали верхами 10 церемоніймейстеровъ и придворныхъ сановниковъ. Я слѣдовалъ за ними, въ нѣкоторомъ разстояніи, на отличномъ аргамакѣ богато убранномъ (для этого случая я купилъ великолѣпный чепракъ, золотомъ шитый). Около меня ѣхалъ Кюлевейнъ, неся на бархатной подушкѣ Высочайшее вѣрующее письмо, а сзади насъ, тоже верхами, всѣ члены посольства, офицеры и нижніе чины конвоя. Двое изъ моихъ сотрудниковъ разбрасывали деньги въ народъ, по пути нашего слѣдованія. Народъ рвался впередъ, несмотря на сопротивленіе и палочные удары полиціи, чтобы на насъ ближе посмотреть; дрались и даже убивали другъ друга, чтобы приблизиться къ шествію и схватить монеты, сыпавшіяся на толпу. Эмиръ былъ очень любезенъ и даже разговорчивъ, къ великому удивленію бухарцевъ, трепещущихъ при его грозномъ видѣ. Онъ протянулъ руку и пожалъ мнѣ мою по европейски чего онъ никогда ни съ кѣмъ не дѣлалъ до сего времени. Оно и было замѣтно по неумѣлому, рѣзкому рукопожатію, стиснувшему мнѣ пальцы болѣзненно. На другой день я послалъ ему подарки отъ себя, въ благодарность за любезный приемъ (оружіе, часы, подзорную трубку, гравюры и пр.). Эти подарки ему больше понравились, нежели вещи казенныхъ фабрикъ которыми насъ надѣлили, руководствуясь «прежними примѣрами» по заведенному въ Азіатскомъ Департаментѣ издревле шаблонному порядку. Послѣ разныхъ обоюдныхъ ухищреній, нѣсколькихъ совѣщаній и письменныхъ сообщеній съ одной стороны и съ другой, мои дѣла, кажется, очень хорошо наладились: всѣ наши предложенія приняты, и Джонъ Буль ошибется въ своихъ расчетахъ. Если успѣхъ будетъ полный, то я достигну его развѣ ради Вашихъ молитвъ, безцѣнные родители, потому что обстоятельства были крайне неблагопріятны, въ особенности въ Хивѣ. Желалъ бы я выторговать у эмира болѣе, нежели было предположено, при моемъ отправленіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ не дать, въ

замѣнъ, никакихъ обязательствъ, которыя могли бы связывать Правительство наше въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Эмиръ самъ предложилъ мнѣ отправить разсыльныхъ киргизъ съ доброю вѣстью на р. Сыръ. Вы увидите меня состарѣвшимся лѣтъ на десять, но домашній очагъ меня снова помолодитъ. Надѣюсь, что теперь мною будутъ довольны въ Петербургѣ. Богъ свидѣтель, что я не могъ или не умѣлъ ничего лучшаго достигнуть въ этой проклятой ханской Азіи. Впрочемъ, я почти равнодушенъ къ тому, что обо мнѣ будутъ говорить. Совѣсть моя удостовѣряетъ меня въ томъ, что преданность моя Государю и отечеству и усердіе къ службѣ не ослабли ни на минуту, и этого убѣжденія для меня достаточно. Я ничего себѣ не прошу и не ожидаю; лишь бы меня оставили въ покоѣ, и я предоставляю завистникамъ и недоброжелателямъ осуждать меня сколько имъ угодно.... До свиданія (что за прелестное слово, которое я почти забылъ выговаривать)».

Такъ какъ Тохсаба мнѣ сообщилъ, что эмиръ приметъ меня вскорѣ для прощанія, и занявъ уже выборомъ посла, для отправленія съ нами въ Россію, то я ускорилъ приготовленія наши къ обратному походу. А дѣла было не мало въ этомъ отношеніи: надо было пріискать и нанять надежныхъ верблюдовъ, изъ числа обратныхъ Оренбургскихъ, чтобы походъ нашъ казнѣ обошелся дешевле, а верблюдовожатые были бы русскіе подданные и потому для насъ болѣе благонадежные. Надо было приготовить пятьсотъ торсуковъ (шкуръ смазанныхъ бараньимъ саломъ для противодѣйствія вліянію атмосферическихъ рѣзкихъ перемѣнъ) для поднятія запаса воды на людей и лошадей при переходѣ черезъ безводные пески Кызыль-Кума. Сверхъ того, для сохраненія здоровья нижнихъ чиновъ конвоя, я имъ купилъ туземные теплые киргизскіе сапоги, кожаные штаны и бараньи шапки, въ замѣнъ форменной одежды, для зимняго похода и разрѣшилъ имъ всѣмъ отпустить бороды ¹⁾.

¹⁾ По тогдашнимъ правиламъ мы всѣ брили бороды, за исключеніемъ уральскихъ казаковъ. Бородатый стрѣлокъ или офицеръ были тогда немислимы.

Одѣяніе конвоя оказалось очень практичнымъ, людямъ нашимъ очень полюбилось, сберегло ихъ здоровье и придавало имъ непривычный для нашего глаза, но воинственный, прекрасный видъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я усиливалъ настоянія свои,—словесно и письменно—касательно документальнаго подтвержденія эмиромъ принятія нашихъ предложеній относительно торговли и плаванія нашихъ судовъ, тѣмъ болѣе что мирза Азизъ, въ отвѣтъ на мое первое письмо, увѣдомилъ меня, что не смѣетъ доложить эмиру просьбу мою, относительно новаго подтвержденія сдѣланныхъ мнѣ уступокъ, такъ какъ уже полученное мною официальное письмо, писанное мирзою Азизомъ по личному повелѣнію эмира, должно считать документомъ вполне достаточнымъ.

Тохсаба заключилъ свое сообщеніе намекомъ, что дальнѣйшія настоянія мои по сему предмету могутъ быть приняты за недоумѣніе къ слову Насръ-Уллы, данному мнѣ непосредственно и потомъ, отъ имени эмира, подтвержденному письменно.

Тѣмъ не менѣе, желая употребить все зависящія отъ меня мѣры для пріобрѣтенія письменнаго дипломатическаго документа, подтверждающаго важныя уступки, сдѣланныя эмиромъ, я безпрестанно къ этому возвращался, подъ разными предлогами, и наконецъ написалъ Тохсабѣ въ третій разъ официальную бумагу, въ которой настоятельно просилъ о выдачѣ мнѣ, для огражденія моей личной ответственности предъ Правительствомъ, письменнаго обязательства относительно точнаго исполненія всего, мнѣ эмиромъ обѣщаннаго. Въ то же время изустно сталъ я настаивать на выдачѣ мнѣ засвидѣствованныхъ копій тѣхъ писемъ, которыя будутъ отправлены съ бухарскимъ посланникомъ. Предполагая возможнымъ, съ азиатской точки зрѣнія, что этому лицу будетъ поручено добиваться тѣхъ уступокъ со стороны Россіи, которыя были мною отклонены, или же сдѣлать оговорки въ статьяхъ, мною требуемыхъ, я хотѣлъ имѣть возможность заблаговременно о томъ получить вѣрныя свѣдѣнія и своевременно употребить усилія для измѣненія инструкцій посланника, который долженъ былъ меня сопровождать, и, во всякомъ случаѣ, предотвратить недоразумѣнія между нимъ и Министромъ Ино-

странныхъ Дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я старался внушить мирзѣ-Азизу сознаніе необходимости назначить посланникомъ болѣе достойнаго челоуѣка, нежели тѣ, которые посылались доселѣ въ Россію, и снабдить его, если ужъ азіатскій этикетъ того требовалъ, болѣе приличными и соответствующими нашимъ понятіямъ подарками, нежели халаты и т. п.

Вслѣдствіе моихъ разговоровъ съ Тохсаба, эмиръ назначилъ посланникомъ своимъ приличнѣйшаго изъ своихъ сановниковъ—Недмеджина-Ходжу, имѣвшаго почтенный видъ и умѣвшаго себя держать въ обществѣ, соответственно своему новому званію.

Имѣя въ виду, что хитрый, лукавый Насръ-Улла, согласившись въ моемъ присутствіи на плаваніе нашихъ судовъ по р. Аму, былъ въ состояніи измѣнить свои воззрѣнія до будущаго года и, чтобы не нарушать даннаго мнѣ слова, а равно дружественныхъ отношеній къ Россіи, уговорить подъ рукою хивинцевъ сопротивляться проходу судовъ, оставляя его такимъ образомъ въ сторонѣ, я поспѣшилъ предложить мирзѣ-Азизу возвратить бухарскаго посланника будущеею весною на пароходѣ по р. Аму. По докладѣ о томъ эмиру, принявшему благосклонно мою мысль, Тохсаба, по моему настоянію, объявилъ Недмеджину-Ходжѣ, въ моемъ присутствіи, что эмиръ разрѣшилъ ему вернуться будущей весною на пароходѣ. Я воспользовался симъ, чтобы условиться съ мирзою-Азизомъ и съ нѣсколькими изъ бухарскихъ купцовъ, торгующихъ съ Россіей, что на будущій годъ будутъ приготовлены негромоздкіе товары для пробной перевозки на пароходѣ, при обратномъ его плаваніи отъ кр. Усти къ р. Сыру, а также что близъ кр. Усти будетъ устроена бухарцами, во время стоянки нашего парохода, пристань, по указанію нашихъ моряковъ, для выгрузки и нагрузки товаровъ и что намъ предоставлено будетъ впослѣдствіи право пользоваться мѣстнымъ каменнымъ углемъ и покупать на р. Аму древесный и саксаульный уголь по умѣреннымъ цѣнамъ, и наконецъ что начальникъ парохода, долженствующаго прибыть на будущій годъ въ бухарскія владѣнія, можетъ обратиться за всемъ необходимымъ для парохода прямо къ начальнику (губернатору) кр. Усти, который уже будетъ снабженъ надле-

жащимъ повелѣніемъ эмира, съ тѣмъ чтобы не терять ему времени на испрашиваніе особаго разрѣшенія изъ Бухары, по каждому частному случаю; какъ это заведено въ ханствѣ.

Несмотря на встрѣченныя затрудненія для составленія письменнаго обязательства, противорѣчившаго понятіямъ Насръ-Уллы и его сановниковъ о дипломатическихъ переговорахъ и международныхъ обязательствахъ, и на мои непріятныя для бухарцевъ настоянія, должно сознаться, что въ послѣднія двѣ недѣли нашего пребыванія въ бухарской столицѣ эмиръ былъ такъ внимателенъ къ намъ и предупредителенъ, что казался для всѣхъ знавшихъ его прежде совершенно инымъ, нежели въ продолженіе всего своего долгаго царствованія, часто ознаменованнаго казнями, звѣрствомъ и жестокостями. Озабочиваясь доставленіемъ мнѣ развлеченія, эмиръ присылалъ по вечерамъ своихъ музыкантовъ, пѣвцовъ, фокусника туземнаго, кукольный театръ и наконецъ заваливавшую гдѣ то во дворцѣ электрическую машину, предполагая, конечно, что все это насъ будетъ интересовать, занимать и забавлять. Не говоря уже о томъ, что въ день, когда мнѣ сообщено было о принятіи моихъ предложеній, эмиръ самъ прислалъ адъютанта своего предложить мнѣ поспѣшить донести о томъ въ Петербургъ съ нарочнымъ, предваривъ, что я скоро могу вернуться; онъ прислалъ, черезъ нѣсколько дней послѣ этого, придворнаго чиновника уговорить меня покататься верхомъ по городу, побывать на базарахъ и осмотрѣть достопримѣчательности, что я исполнилъ на другой день. Освѣдомившись, что уличные мальчишки бросаютъ въ нижнихъ чиновъ конвоя камни, эмиръ разсердился и приказалъ градоначальнику принять строгія мѣры, чтобы «гостямъ его не было наносимо обидъ».

У насъ со двора какъ то украли конвойную лошадь. Послѣ тщетныхъ розысковъ, опасаясь, что это можетъ повториться, а наши лошади, втянутыя въ походныя движенія, намъ были крайне цѣнны для обратнаго путешествія, я призвалъ пристава и потребовалъ отъ него чтобы были приняты самыя энергическія мѣры для отысканія лошади, грозя иначе пожаловаться непосредственно эмиру. Каково же было наше удивленіе, когда на другой день лошадь, угнанная за

нѣсколько верстъ отъ Бухары похитителемъ, была приведена въ нашу конюшню обратно, а дежурный при воротахъ урядникъ пришелъ доложить начальнику конвоя, что какого то человѣка, съ распоротымъ животомъ, бросили у нашихъ воротъ. Оказалось, что это былъ воръ, казненный смертью по личному повелѣнію эмира. Потомъ мы узнали, что въ предупрежденіе моей жалобы городская власть поспѣшила доложить Насръ-Уллѣ о воровствѣ лошади, и эмиръ, призвавъ градоначальника, объявилъ ему, что онъ будетъ бить палками, если въ 24 часа не найдетъ вора и не возвратитъ посольству украденной лошади.

Бухарское купечество, провѣдавши о сдѣланныхъ намъ торговыхъ уступкахъ, было очень недовольно этимъ и стало изыскивать средства для воспрепятствованія или, по крайней мѣрѣ, затрудненія нашимъ купцамъ личнаго пріѣзда въ Бухару; въ этомъ смыслѣ туземные торговцы хадатайствовали передъ сановниками и самимъ эмиромъ, но Насръ-Улла не обратилъ никакого вниманія на эти происки и отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, давъ замѣтить, что онъ будетъ радъ видѣть русскихъ купцовъ въ столицѣ своей. При сборахъ нашихъ въ путь, узнавъ, что намъ нужна водка, прислалъ предложить мнѣ распорядиться, чтобы начальникъ посольскаго конвоя самъ отобралъ у евреевъ—единственныхъ обладателей водки, приготавливаемой ими изъ винограда—все потребное для насъ количество. Евреи выгоняли водку для собственнаго употребленія, и, чтобы мусульмане не уклонялись отъ закона, открытая продажа евреямъ была запрещена, а потому они не хотѣли и намъ продать, на что мы и пожаловались одному изъ чиновниковъ, бывшихъ съ нами въ сношеніи.

Всѣ эти дѣйствія эмира не соответствовали существовавшимъ до тѣхъ поръ въ Бухарѣ фанатизму, мѣстнымъ обычаямъ, понятіямъ народа и принятымъ правиламъ и доказывали, несомнѣнно, необычайное расположеніе эмира къ русскому посольству.

Адресуя отцу послѣднее письмо изъ Бухары, 30 октября, я выразился слѣдующимъ образомъ: «Не желая покинуть Бухару не кончивши основательно дѣла, которое пошло удачнѣе, нежели когда

либо можно было ожидать, я вынужденъ былъ остаться нѣсколько дней долѣе, нежели предполагалъ при отправленіи предыдущаго письма къ Вамъ, съ цѣлью письменной закрѣпить все, что мнѣ было обѣщано эмиромъ, а равно и то, что уже заявлено было мнѣ сообщеніемъ Тохсаба. Безъ этой предосторожности я могъ рисковать, что эмиръ отречется, по азіатски, отъ всего того, о чемъ мы условились. Я не заключаю съ эмиромъ договора по той простой причинѣ, что обоюдныхъ уступокъ быть не можетъ въ данномъ случаѣ, и я ничего не могъ обѣщать изъ того, чего они отъ меня здѣсь добивались. Но я надѣюсь, что избралъ выгоднѣйшій путь для Россіи, чѣмъ заключеніе формальнаго договора съ Бухарою, ибо выгоды, которыя онъ могъ бы доставить, весьма малымъ отличаются отъ уступокъ, нынѣ сдѣланныхъ намъ, а въ то же время всякій договоръ влечетъ за собою уступки и льготы съ нашей стороны. Я вообще того мнѣнія, что мы уже слишкомъ много дѣлаемъ уступокъ и льготъ всѣмъ иностранцамъ на счетъ собственныхъ интересовъ, чтобы еще дѣлать таковыя дикимъ средне-азіатскимъ ханамъ, которые по милости нашей нравственной слабости и снисходительности, смѣютъ относиться къ намъ на какихъ то правахъ равенства. Я избѣгнулъ всякихъ уступокъ съ нашей стороны—даже тѣхъ, на которыя былъ уже уполномоченъ при отправленіи изъ С.-Петербурга, предоставляя самому Министерству Иностранныхъ Дѣлъ случай и удовольствіе ихъ сдѣлать, если оно непремѣнно этого желаетъ. Тѣмъ не менѣе я вытребовалъ отъ бухарцевъ все, что мнѣ указано было въ инструкціяхъ Министерства и даже свыше указаній, данныхъ мнѣ въ руководство. 27-го дана была мнѣ прощальная аудіенція эмиромъ, а сегодня получилъ я наконецъ официальные бумаги, которыя я требовалъ. Я ухожу отсюда въ сопровожденіи бухарскаго посольства и слона, подареннаго эмиромъ Государю. Въ послѣднее время нашего пребыванія здѣсь, мы не только пользовались полною свободою, но мы сдѣлались большими пріятелями съ эмиромъ, который мнѣ доставлялъ прогулки въ городъ, осмотръ мечетей, училищъ, базаровъ и проч., присылалъ мнѣ своихъ актеровъ, фокусниковъ, музыкантовъ придворныхъ и пѣвцовъ, чтобы меня, яко бы забавлять и развлекать въ длин-

ные и скучные вечера, проводимые мною въ одиночествѣ, въ моей комнатѣ. Мы почти ежедневно пересылались мелкими подарками. Однажды вечеромъ Насръ-Улла прислалъ мнѣ старую электрическую машину, какимъ то образомъ попавшую въ его дворецъ, и изъявилъ желаніе, чтобы я ему сказалъ мое мнѣніе на счетъ улучшеній, которыя яко бы сдѣлалъ въ ней какой то нашъ бѣглый татаринъ. Можно себѣ представить состояніе, въ какое приведена была эта машина, невѣжественными людьми, съ нею обращавшимися. Бухарскій посланникъ везетъ Вамъ отъ имени Тохсаба и по повелѣнію эмира письмо съ любезностями на мой счетъ и подарки (нѣсколько халатовъ и кашемирская шаль). Это должно служить Вамъ, по понятіямъ туземцевъ, доказательствомъ, до какой степени меня здѣсь цѣнятъ и почитаютъ, хотя я о возвеличеніи своей личности здѣсь вовсе не заботился. Обыкновенно въ Бухарѣ званіе посланника въ Россіи возлагаютъ на самую ничтожную при здѣшнемъ дворѣ личность, но на этотъ разъ облеченъ въ это званіе человекъ богатый, одинъ изъ важнѣйшихъ по положенію своему при дворѣ и по знатности своего происхожденія. Онъ везетъ съ собою подарки лучше прежнихъ. Утверждаютъ, что отличія, мнѣ здѣсь оказанныя, безпримѣрны въ лѣтописяхъ сношенія Бухары съ европейцами. Сознаніе, что я, русскій, первый изъ европейцевъ занялъ здѣсь подобающее положеніе, вмѣсто приниженнаго, которому предшественники мои, по неволѣ подчинялись, мнѣ тѣмъ болѣе пріятно, что начало нашихъ азіатскихъ походовъ было менѣе благопріятно, нежели можно было ожидать и что все случившееся удовлетворило мою совѣсть убѣжденіемъ, что я исполнилъ свой долгъ неукоснительно и что въ этихъ варварскихъ странахъ я не уронилъ достоинства нашего дорогого и великаго Отечества».

«Мнѣ передаютъ, что Бутаковъ злится на меня за то, что я, честнымъ образомъ, не хотѣлъ обнадѣжить его въ томъ, что всю отвѣтственность за его непредусмотрительность и его промахи я возьму на себя и исполню всѣ желанія его для удовлетворенія его тщеславія. Подъ видомъ добросердечнаго моряка скрывается честолюбецъ не чуждый интриги. Онъ очень уменъ и образованъ, но

слишкомъ себялюбивъ и лукавъ иной разъ, что несомнѣннѣе съ обязанностями добраго и полезнаго слуги Отечества въ этомъ дальнемъ краѣ. Съ половины Юня онъ мнѣ не написалъ ни строки, и у меня о флотиліи ни слуха, ни духа, хотя она считается вмѣстѣ съ своимъ командиромъ, подъ моимъ начальствомъ во все продолженіе нашей экспедиціи, и я понятно, уклонился отъ ссоры, поводовъ къ которой было множество. До моего свѣдѣнія доводятъ изъ Оренбурга, что Галкина увѣряли на пароходѣ «Перовскомъ», — на которомъ онъ остался не по моей винѣ и противно моему желанію, — что я его умышенно удалилъ изъ Хивы, чтобы не брать его съ собою въ Бухару. Формально готовъ протестовать противъ этой лживой клеветы. Я жалѣю объ удалѣніи Галкина болѣе, вѣроятно, нежели онъ самъ, потому что отношенія мои съ Катенинымъ могутъ лишь ухудшиться при отсутствіи при миссіи его чиновника особыхъ порученій, и я, при возвращеніи его къ посольству, могъ получить обстоятельныя свѣдѣнія о происходившемъ въ устьѣ р. Аму между Бутаковымъ и хивинцами. Признаюсь, что эти безпрестанныя интриги и личныя усложненія мнѣ ужасно противны.

31 Октября надѣюсь выступить и пройти благополучно песками Кызыль-Кума. Перстъ Божій видимо надъ нами, Милость Всевышняго насъ охранить до конца, и мы скоро свидимся».

Такъ какъ мнѣ поручено было выслѣдить англійскіе происки въ средней Азіи, прослѣдить за англійскими агентами, собрать свѣдѣнія политическія о всѣхъ сосѣднихъ съ Бухарою владѣніяхъ и наконецъ попытаться войти въ сношенія и въ связь съ Ханьковымъ, отправленнымъ въ то время въ Афганистанъ, то на эти предметы обратилъ я особенное вниманіе. Распросами собрано не мало матеріаловъ и всѣ они доставлены, по возвращеніи моемъ, директору Азіатскаго Департамента, Егору Петровичу Ковалевскому. Почетный пріемъ, сдѣланный русской миссіи эмиромъ, поразилъ не только жителей города Бухары, но и пребывавшихъ тамъ жителей мелкихъ сосѣднихъ ханствъ, афганцевъ и индѣйцевъ. Молва о томъ несомнѣнно разнеслась и произвела впечатлѣніе въ этихъ странахъ. Относительно англичанъ эмиръ велѣлъ Тохсабъ мнѣ передать сло-

весно, что онъ очень хорошо понимаетъ ихъ коварные замыслы и знаетъ, что самый надежный, могущественный и вѣрный союзникъ Бухары — одна Россія, а потому онъ никогда не поддастся Велико-британскимъ интригамъ и не только не намѣренъ принимать у себя англійскихъ агентовъ, но пошлетъ сказать Достъ-Мохамеду, чтобы онъ впредь не пропускалъ совсѣмъ англичанъ въ Бухару. Бывшіе въ Бухарѣ, во время нашего пріѣзда два яко бы англійскихъ агента, но выдававшие себя за афганскихъ купцовъ, не были приняты даже мирзою Азизомъ и за нѣсколько дней до нашего выступленія отправились обратно въ Афганистанъ.

27 Октября рано утромъ эмиръ прислалъ подарки ¹⁾ не только мнѣ и всѣмъ моимъ спутникамъ, но даже всѣмъ нижнимъ чинамъ; никто не былъ забытъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пригласилъ меня на торжественную прощальную аудіенцію. Когда я къ нему подошелъ, онъ тотчасъ предложилъ мнѣ сѣсть, довольно долго со мною бесѣдовалъ и объявилъ официально объ отправленіи въ Россію со мною Тохсабы Недмеджина Ходжи съ подарками, выразивъ желаніе, чтобы между Россіею и Бухарою поддерживались постоянно частыя сношенія. На прощаніе онъ изъявилъ сожалѣніе, ²⁾ что я такъ настойчиво желалъ вернуться къ зимѣ въ Россію, тогда какъ онъ первоначально надѣялся, что мы проживемъ около года въ г. Бухарѣ. Я воспользовался хорошимъ расположеніемъ духа эмира, чтобы представить ему не только всѣхъ членовъ посольства офицеровъ конвоя, но и нижнихъ чиновъ.

При выходѣ изъ внутренняго двора и прохожденіи нашимъ мимо другихъ помѣщеній дворцовыхъ, случилось небольшое, но интересное замѣшательство: красавица жена эмира, отбитая Насръ-Уллою у владѣтеля Шахри-Сябза, послѣ кровопролитной войны, увлеченная женскимъ любопытствомъ посмотрѣть на невиданныхъ ею Европейцевъ, высунулась было изъ какой то двери, выходившей на внутренній дворъ; невольно я остановился, увидя въ нѣсколькихъ

¹⁾ Большею частью халаты.

²⁾ Никѣмъ изъ насъ не раздѣляемое.

пагахъ отъ себя ошеломляющее женское лицо, которое испуганно, хотя и съ очаровательною улыбкою, на насъ посмотрѣло и тотчасъ исчезло подъ прикрытіемъ гаремной прислуги, энергично заслонившей ее отъ нескромныхъ взоровъ европейцевъ.

Эмиръ хотѣлъ было, чтобы я выѣхалъ непременно на слонѣ изъ Бухары, корнакъ котораго заставилъ его, когда я вышелъ, преклонить предо мною колѣна переднихъ ногъ и испустить оглушительный привѣтъ хоботомъ, что, впоследствии, походомъ, повторялось всякій разъ, какъ я обгонялъ слона, во время движенія каравана, и что долго еще наводило паническій страхъ на многихъ изъ нашихъ лошадей, такъ что свита моя разлеталась въ разные стороны, какъ только раздавался трубный привѣтъ слона. Но я нашелъ движеніе на слонѣ и, въ особенности, посадку на него крайне неудобными въ военной формѣ, съ каскою на головѣ, и потому отклонилъ предложеніе эмира, обѣщавъ ему испытать когда нибудь, по выходѣ изъ города, этотъ способъ передвиженія, что и исполнилъ впоследствии.

× По возвращеніи нашемъ въ домъ, нами занимаемый, мнѣ были выданы требованныя мною копіи съ писемъ эмира къ Государю Императору и мирзы Азиза къ Министру Иностранныхъ Дѣлъ, а равно и списокъ подарочныхъ вещей, предназначенныхъ Высочайшему Двору. Старанія мои убѣдиться въ томъ, что обѣщанное словесное эмиромъ и сообщенное визиремъ будетъ исполнѣно бухарскимъ посланцемъ и упомянуто въ отвѣтныхъ грамотахъ, задержали насъ до 31 Октября. 30-го вечеромъ были переведены и свѣрены съ инструкціями, данными Недмеджину Ходжѣ, копіи съ грамоты эмира на Высочайшее имя и съ письма Тохсабы.

31 Октября рано утромъ, помолившись и усердно поблагодаривъ Всевышняго за окончаніе нашего пребыванія въ азіатской средѣ, мы выступили изъ города. До Кагатана, т. е. до 2 почлега, насъ провожали бухарскіе чиновники, и 1 Ноября, во время перехода, въ честь мою былъ снова данъ праздникъ, т. е. скачка «курбани» еще болѣе обширнаго размѣра и многочисленнѣе, нежели та, которую

мнѣ сдѣлали близъ Усти. Со времени вступленія нашего въ населенную долину Заревшана, до 2 Ноября, мы были на продовольствіи бухарскихъ властей, заботившихся весьма усердно и внимательно объ удовлетвореніи нуждъ моихъ спутниковъ и конвоя.

Предъ самымъ выступленіемъ изъ города, представился еще разъ случай провѣрить искренность расположенія къ намъ эмира. Когда я обратился наконецъ къ Тохсабѣ и градоначальнику съ просьбою о немедленномъ сборѣ и присылкѣ въ домъ миссіи всѣхъ выданнымъ намъ плѣнныхъ, предназначенныхъ къ возвращенію въ Россію, двое изъ нихъ—Петръ Колобовъ и Степанъ (дѣйствительная фамилія осталась неизвѣстной)—скрылись и отъ насъ и отъ бухарской городской власти. Такъ какъ за 20 дней предъ тѣмъ они изъявили исполнѣ добровольно согласіе вернуться на родину и скрылись, не предваривъ насъ о томъ, что раздумали и измѣнили свое намѣреніе (какъ кажется, оба были бѣглые и, разговорившись съ казаками конвоя, они вѣроятно стали сомнѣваться въ томъ, что не будутъ подвергнуты строгой отвѣтственности за прошлое), то, чтобы отнять у нашихъ бѣглыхъ всякую надежду на возможность скрываться въ бухарскихъ предѣлахъ отъ русскаго начальства,—я потребовалъ, на первомъ же переходѣ,—когда опредѣлилось исполнѣ, что въ караванѣ нашемъ не досчитывается двухъ изъ числа выданныхъ людей,—у сопровождавшаго насъ Бухарскаго чиновника немедленнаго и болѣе тщательнаго розыска и вторичной мнѣ выдачи двухъ поименованныхъ бѣглыхъ. На второй день вечеромъ оба они были привезены, подъ бухарскимъ конвоемъ, на арбѣ въ Кагатанъ и доставлены на нашъ бивакъ. Во время похода, пользуясь каждою остановкою, отъ бывшихъ русскихъ плѣнныхъ отбирались назначенными мною членами посольства подробныя показанія объ ихъ прошлой жизни и довольно любопытныя свѣдѣнія о Бухарѣ, а равно и о всѣхъ сосѣднихъ мѣстностяхъ, гдѣ нашимъ землякамъ довелось побывать. Свѣдѣнія эти представлены частью въ Азіатскій Департаментъ, частью въ Главный Штабъ (тогда еще въ Департаментъ Генеральнаго Штаба). У одного изъ плѣнныхъ, при осмотрѣ взятыхъ ими съ собой вещей, нашелся англійскій карманный молит-

венникъ небольшого формата, на страницахъ коего несчастный Стоддартъ, сидя на днѣ клоповника, записывалъ предсмертныя свои замѣтки, нѣкоторыя изъ которыхъ написаны иголкою, омоченною въ собственную его кровь. Имя этого плѣннаго Федоръ Федотовъ и онъ купилъ этотъ молитвенникъ на мѣдные гроши на базарѣ, когда продавали всѣ вещи, принадлежавшія ограбленному и убитому англійскому агенту.

Молитвенникъ этотъ былъ выкупленъ у Федотова и затѣмъ, въ слѣдствіи, возвращенъ семьѣ Стоддарта, въ Англіи, однимъ изъ членовъ миссіи, у котораго книжка эта осталась въ рукахъ, по отъѣздѣ моемъ раннею весною слѣдующаго года въ Китай, прежде чѣмъ вещи наши успѣли прибыть въ Петербургъ.

Насъ выпроводили изъ города и населенной части Бухары съ почестями, и мы безостановочно пошли на Сѣверъ, къ Буканскимъ горамъ и въ пески Кызыль-Кума, по обыкновенной караванной дорогѣ, ведущей къ форту № 1.

Узнавъ отъ встрѣчныхъ нашихъ киргизъ, что въ фортѣ № 1, вслѣдствіе распространившихся въ степи слуховъ, готовится значительный отрядъ, для встрѣчи въ Кызыль-Кумѣ миссіи, я тотчасъ отправилъ поспѣшно чабара, о двуконь, къ коменданту, съ просьбою отмѣнить, если возможно, высылку отряда; такъ какъ снаряженіе потребуетъ большихъ непроизводительныхъ расходовъ и подвергнетъ, въ позднее время года, совершенно напрасно, войско отряда различнымъ лишеніямъ, тогда какъ посольство, съ приближеніемъ къ Сыръ-Дарьинской линіи, съ каждымъ днемъ будетъ себя считать болѣе и болѣе обезпеченнымъ отъ грозившей ему, можетъ быть, прежде опасности.

Бухарскій посланецъ выступилъ изъ города на другой день послѣ насъ и догналъ насъ 3 Ноября на ночлегѣ. Онъ затѣмъ шелъ все время съ нами, но становился на ночлегъ, по желанію моему, отдѣльно въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нашего бивака, чтобы не разстраивать нашего порядка и тѣхъ военныхъ предосторожностей, которыя мы должны были соблюдать до р. Яны, проходя по Буканскимъ горамъ и Кызыль-Куму, гдѣ намъ предсказывали появленіе

бродившихъ тогда шаекъ хищниковъ и Коканцевъ. Слонъ, по непривычѣ къ нему нашихъ лошадей и страху, внушаемому имъ верблюдамъ, производилъ на первыхъ переходахъ смятеніе въ нашемъ караванѣ: верблюды, когда онъ приближался, начинали суетиться, рвать веревки, — пропущенныя черезъ поздри для того, что бы они шли одинъ за другимъ, по волѣ своего вожатаго, — сбрасывали зачастую выюки, и тѣсняя другъ къ другу, поднимали неистовый ревъ. Черезъ нѣсколько дней паническій страхъ ослабъ, а потомъ и верблюды совсѣмъ освоились со слономъ. Помѣщаясь на бивакѣ Бухарскаго посланца, слонъ выходилъ позже насъ, легко догонялъ и опереживалъ караванъ, располагаясь на ночлегъ ранѣе нашего прихода. Такъ какъ до русской границы его должны были продовольствовать бухарцы, то нерѣдко слона обижали кормомъ, не давая ему любимыхъ имъ мучныхъ лепешекъ и уменьшая положенную ему порцію. Слонъ терялъ тогда терпѣніе и раза два надѣлалъ намъ не мало хлопотъ и тревоги, выходя изъ повиновенія и выражая свое негодованіе всѣмъ смертнымъ. Поднявъ хоботъ и испуская дикіе звуки, слонъ однажды бросился въ нашъ бивакъ и устремился прямо къ моей кибиткѣ, отстраняя всѣ препятствія и какъ бы желая подать лично мнѣ жалобу, на обижающихъ его бухарцевъ. Съ трудомъ мы его успокоили; накормивъ его чѣмъ попало, мы дали возможность оторопѣвшему корнаку привести его снова въ повиновеніе. Слонъ почему-то не могъ равнодушно видѣть осликовъ, на которыхъ возсѣдали нѣкоторые изъ верблюдовожатыхъ, въ особенности во встрѣчныхъ намъ караванахъ, и, проходя мимо, зачастую сбрасывалъ сѣдока самымъ неожиданнымъ ударомъ хобота и откидывалъ вмѣстѣ съ осликомъ въ сторону. Такъ какъ я давалъ слону лакомиться сухарями и сахаромъ почти при каждой встрѣчѣ, то умное животное относилось ко мнѣ благосклонно, старалось отыскать меня на походѣ и всякій разъ привѣтствовало меня трубнымъ звукомъ (походившимъ на сигнальный выпускъ пара изъ трубъ нѣкоторыхъ рѣчныхъ пароходовъ) и поклономъ.

Съ Недмеджиномъ Ходжею мы часто бесѣдовали и во время походнаго движенія, и при бивачныхъ остановкахъ. Онъ перебивалъ

посланцемъ въ Хивѣ, въ Кабулѣ, ѣздилъ по разнымъ порученіямъ въ Гиссаръ, въ Меймане, въ Чарджуйскую область и занималъ теперь при эмирѣ должность селамъ-агасси. Недмеджина считаютъ знатнаго происхожденія. Онъ уменъ, необыкновенно приличенъ, вѣжливъ и добраго характера. Въ разговорахъ съ нимъ узнали мы много любопытнаго про отношенія между средне-азиатскими владѣтелями и про разныя мѣстности, имъ посѣщенныя, а также и про виды бухарцевъ въ отношеніи къ намъ. Такимъ образомъ я могъ еще съ пути предупредить директора Азіатскаго Департамента, что новый посланникъ будетъ просить то же самое, что и прежній бывший на коронаціи, Муладжанъ, а именно о сбавкѣ таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ, привозимыхъ бухарцами въ Россію, объ отведеніи постоянныхъ лавокъ на Нижегородской ярмаркѣ, на подобіе прежнихъ Китайскихъ, съ тѣмъ чтобы торговцамъ бухарскимъ не приходилось всякій разъ нанимать особые помѣщенія, а лавками этими могъ бы распоряжаться эмиръ, распредѣляя ихъ между бухарцами (эмиръ самъ торговалъ въ Россіи, подъ именами назначаемыхъ имъ приказчиковъ, и желалъ извлекать личную пользу изъ постоянныхъ лавокъ, которыя были бы ему предоставлены), о дарованіи семействамъ бухарцевъ, живущимъ въ Россіи, права выѣзжать обратно въ Бухару и снова возвращаться и о дозволеніи бухарцамъ торговать въ Москвѣ и въ Петербургѣ непосредственно.

Вслѣдствіе внушеній, сдѣланныхъ ему еще въ Бухарѣ, по моему приказанію, Недмеджинъ уменьшилъ значительно свою свиту, содержаніе которой должно было пасть, съ переходомъ границы, на нашъ счетъ, что при прежнихъ посольствахъ, поглощало значительную сумму и причиняло не мало хлопотъ властямъ нашимъ. Вмѣстѣ съ посланникомъ и прислугою было всего пятнадцать человѣкъ.

Хотя путь, который мы проходили, считался труднымъ, но онъ намъ показался легче пройденнаго, и мы достигли 11 Ноября Буканскихъ горъ. Съ колодца Буканъ послалъ я послѣднее донесеніе свое въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ о результатахъ моего пребыванія въ Бухарѣ. Подножнаго корма мы уже нигдѣ почти не могли найти, и безчисленные остовы павшихъ верблюдовъ, разсыянные по

всему пути, въ особенности же близъ колодцевъ, гдѣ мы останавливались на ночлегъ, свидѣтельствовали о тѣхъ лишеніяхъ, которымъ подвергаются всѣ караваны, слѣдующіе на пространствахъ между р. Сыромъ и Бухарою.

10 Ноября, когда мы подходили уже къ Буканскимъ горамъ, встрѣтился намъ разсыльный киргизъ, отправленный ко мнѣ изъ форта № 1 комендантомъ, съ извѣщеніемъ, что, въ противность моей просьбѣ, высланъ намъ на встрѣчу отрядъ въ 250 человѣкъ, при 2-хъ орудіяхъ и 2-хъ ракетныхъ станкахъ.

Вслѣдствіе моего успокоительнаго извѣщенія было сдѣлано единственное измѣненіе въ прежнихъ распоряженіяхъ Генералъ-Губернатора: отряду приказано не доходить до Буканскихъ горъ, какъ предполагалось, а остановиться на р. Яны-Дарьѣ, ожидая выхода посольства изъ песковъ Кизыль-Кумскихъ.

Вотъ, что писалъ я отцу 12 Ноября съ Буканскихъ горъ, у входа въ песчаное пространство: «Меня выпроводили изъ Бухары съ почестью и съ тѣхъ поръ мы идемъ безостановочно на сѣверъ. До вчерашняго числа (т. е. 11 Ноября) погода была свѣжая, но необыкновенно пріятная. Вчера стало вдругъ очень холодно и шла изморозь. Завтра вступаемъ въ пески, и надо пройти три дня безъ воды. Впрочемъ, я запаса въ Бухарѣ, для миссіи и конвоя, нѣсколькими сотнями торсуковъ (кожаныхъ жирныхъ мѣшковъ), такъ что надѣюсь не остаться безъ нужнаго запаса воды.¹⁾ На пути изъ Бухары мы уже два раза сдѣлали два перехода по безводнымъ мѣстностямъ. Обратный путь, физически, самый трудный изъ

¹⁾ Для наполненія этихъ торсуковъ остановились мы у послѣднихъ Буканскихъ колодцевъ, но къ несчастью проводникъ ввелъ насъ въ заблужденіе относительно качества воды, и она оказалась пропитанною запахомъ сѣрнистаго свойства. Болтаясь на спинѣ верблюдовъ въ теченіе многихъ часовъ, вода эта получала весьма непріятный вкусъ и сверхъ того захватила жировыя части, такъ что выпиваемая, въ сосудахъ она была покрыта маслянистымъ слоемъ. На первомъ ночлегѣ въ безводной пустынѣ даже лошади фыркали на эту воду и долго не рѣшались пить. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производилъ на непривычныхъ членовъ посольства чай настоенный на такой водѣ.

пройденныхъ нашимъ караваномъ. Надѣюсь, съ Божьею помощью, прибыть въ фортъ № 1 около 25 Ноября и, отдохнувши не болѣе трехъ дней, двинуться далѣе. Мнѣ больше хлопотъ съ моими спутниками посольства, нежели съ цѣлымъ конвоемъ и караваномъ. Претензіямъ, ссорамъ нѣтъ конца. Многочисленность миссіи, разнообразіе элементовъ, ее составляющихъ, и непривычка нѣкоторыхъ членовъ къ перенесенію такихъ трудовъ и лишеній—главнѣйшее и самое важное для меня затрудненіе и источникъ постоянныхъ неприятностей. Для довершенія всѣхъ оригинальностей нашего странствованія и испробованія всевозможныхъ способовъ передвиженія, я ѣздилъ на сопровождающемъ насъ слонѣ. Лошади наши по сіе время не могутъ привыкнуть къ этому животному и приходятъ въ ужасъ при его появленіи. Каждый разъ, какъ слонъ проходитъ мимо меня, онъ отвѣшиваетъ низкій поклонъ и привѣтствуетъ хоботомъ. Слонъ до того къ сему привыкъ, что узнаетъ меня издали.

«Я убѣдительно просилъ Сыръ-Дарьинское начальство не высылать ко мнѣ отряда на встрѣчу, считая это совершенно излишнимъ, но просьба моя не исполнена, и сегодня я получилъ извѣстіе о прибытіи по ту сторону Кызыль-Кума огромнаго, для здѣшней степи, отряда, 250 человекъ при 2-хъ орудіяхъ и 2-хъ ракетныхъ станкахъ. Жаль мнѣ бѣдныхъ людей, подвергающихся совершенно напрасно лишеніямъ, неизбѣжнымъ и неразлучнымъ съ движеніями по степи, въ особенности въ осеннюю, позднюю погоду. Запасы мною лично сдѣланные были такъ обильны, что у меня останется не менѣе 6 ящиковъ французской провизіи.¹⁾

Еще изъ Хивы отправилъ я чрезъ одного преданнаго намъ туркмена, изъ числа считающихъ себя русскими подданными, шифрованное письмо Ханыкову въ Мешхедъ, на почтовой бумажкѣ

¹⁾ Провизія эта была куплена мною на собственныя средства, въ предвидѣніи снѣжнаго и неудовлетворительнаго снаряженія членовъ посольства въ Оренбургъ и необходимости мнѣ ихъ кормить въ пути. У меня осталось, по приходѣ въ фортъ № 1, провизіи собственной мѣсяцевъ на пять, и я ее сдалъ въ фортъ № 1, когда долженъ былъ снѣжить въ Петербургъ, пожертвовавъ оную на степныя надобности, безъ всякаго вознагражденія отъ казны.

маленькаго формата, чтобы поставить нашего путешественника въ извѣстность о положеніи дѣлъ въ Хивѣ и о нашихъ движеніяхъ.

Туркменъ обязался доѣхать до Ирана, въ случаѣ надобности, и отыскать тамъ русскихъ путешественниковъ. Разумѣется, ему была обѣщана порядочная награда. Выступая изъ Бухары, я возобновилъ попытку войти въ связь съ Ханыковымъ и доставить ему свѣдѣнія, могущія быть ему полезными при сношеніяхъ съ Афганцами.

Афганскій торговецъ, проживавшій нѣкоторое время въ Бухарѣ и возвращавшійся въ Кабуль, съ нами сблизился, былъ нами облаканъ и обнадеженный полученіемъ награды, при передачѣ письма яко бы моему родственнику, путешествующему по Афганистану съ ученою цѣлью, взялся доставить маленькій конвертикъ (крошечнаго размѣра), заключавшій нижеслѣдующее шифрованное сообщеніе:

«Окончивъ порученія на меня возложенныя въ Хивѣ и Бухарѣ, я выступилъ изъ Бухары 31 Октября на р. Сыръ, возвращаясь въ Россію. Эмиръ согласился на открытіе русскаго судоходства по р. Аму и вообще принялъ насъ очень ласково. Хивинцы не пропустили парохода далѣе Кунграда и приняли насъ несравненно хуже, но можно надѣяться, что они должны будутъ послѣдовать примѣру эмира бухарскаго. Подробная съемка р. Аму произведена отъ самаго устья до высотъ Чарджуя. Въ Бухарѣ замѣтна чрезвычайная симпатія къ возстанію туземцевъ въ Индіи, но эмиръ слишкомъ занятъ Коканомъ и Хивою, чтобы думать о другомъ. Впрочемъ онъ не прочь воспользоваться первымъ благоприятнымъ случаемъ, чтобы овладѣть Балкомъ и другими мелкими владѣніями, лежащими на лѣвомъ берегу р. Аму. Къ Достъ-Мохамеду бухарцы питаютъ большое недовѣріе, считая его въ рукахъ англичанъ. Желаю вамъ искренно успѣха и благополучнаго возвращенія на родину».

Мнѣ осталось неизвѣстнымъ, дошли ли мои сообщенія до Ханыкова и, если получилъ онъ ихъ, то гдѣ и когда именно. Никакого отъ него отзыва до меня не дошло, а уѣхавъ вскорѣ потомъ въ Китай, мнѣ не случилось встрѣтиться съ нашимъ почтеннымъ ориенталистомъ.

Хотя при выходѣ нашемъ изъ Бухары кочующіе близъ караваннаго пути къ р. Сыру киргизы были напуганы не только хивинскими слухами, распространившимися по степи, но и коканскою шайкою, вышедшею изъ Ташкента и ограбившею одинъ изъ нашихъ ауловъ, такъ что мы были въ нѣкоторомъ затрудненіи при наймѣ верблюдовъ, ибо верблюдовожатые опасались идти по предстоящему намъ пути,—но всё эти опасенія оказались неосновательными, и мы совершили переходъ до р. Яны самымъ благополучнымъ образомъ. Когда усталые и измученные отсутствіемъ водопоя въ течение 2½ сутокъ верблюды инстинктивно почуяли, что выходъ изъ песковъ приближается и что вода должна быть близко,—они сами, безъ всякаго побужденія верблюдовожатыхъ, стали прибавлять шагъ; верблюды и лошади разомъ повеселѣли, приободрились, подняли головы и стали жадно вдыхать въ себя дальнія и для насъ еще не чувствительныя влажныя испаренія Яны-Дарьи. Но когда, при спускѣ съ возвышенности, мелькнула серебристая ленточка рѣчной струи, тогда нельзя было уже сдержатъ животныхъ: они все ускорили шагъ, перешедшіи скоро въ бѣгъ. Подходя ближе, все устремилось къ водѣ, перегоняя другъ друга, такъ что я съ трудомъ могъ возстановить нѣкоторый порядокъ въ движеніи. Версты за три до р. Яны-Дарьи встрѣтилъ меня начальникъ отряда подполковникъ Черняевъ, бывшій тогда въ должности помощника начальника Сыръ-Дарьинской линіи. Караванъ мой расположился бивакомъ около отряда. Необыкновенно радостное чувство овладѣло всѣми нами при видѣ нашихъ молодцовъ—солдатъ и при звукахъ ихъ удалой пѣсни. Мы чувствовали себя какъ дома, внѣ всякой опасности и азіатскаго коварнаго злоумышленія. Желая извлечь политическую пользу изъ бесполезной высылки нашего отряда, я воспользовался имъ для разъясненія столь темнаго и сбивчиваго, въ тогдашнее время, въ глазахъ азіатовъ, вопроса о нашей границѣ съ Хивою, Бухарой и Коканомъ. Какъ только мы пришли на бивакъ, я пригласилъ къ себѣ бухарскаго посланца и поздравилъ его съ прибытіемъ въ предѣлы русской Имперіи, сдѣлалъ ему угощеніе по этому случаю и водилъ его по биваку отряда, показывая ему нашу пѣхоту и

артиллерию и объясняя ему, что это пограничный нашъ отрядъ, встрѣтившій насъ, для почета, на граничной чертѣ, обозначенной теченіемъ р. Яны. Недмеджинъ-Ходжа, считавшій, вмѣстѣ съ эмиромъ и всѣми бухарцами и хивинцами, что граница наша проходитъ по р. Сыру, крайне удивился моему заявленію, что она уже передвинута далѣе впередъ на р. Яны-Дарью. Видя его изумленіе, граничащее съ негодованіемъ, я подробно ему объяснилъ, что притязанія хивинцевъ ни на чемъ не основаны, что присутствіе такого отряда показываетъ, что мы здѣсь хозяева и прочно водворились и что вообще окраина песковъ Кызыль-Кума должна считаться нынѣ нашею границею. Для вящаго же убѣжденія его въ основательности моихъ объясненій, я сталъ, въ его присутствіи опрашивать, въ слѣдующіе дни, встрѣчныхъ киргизъ: русскіе ли они, или хивинскіе подданные. Всѣ разумѣется отвѣчали, что они всегда были русскими подданными. Сверхъ того, я выяснилъ бухарскому посланцу, что мы могли бы даже заявить основательное притязаніе на владѣніе Кызыль-Кумомъ, ибо часть нашихъ киргизъ кочуетъ зимою въ пескахъ Кызыль-Кумскихъ, но мы предпочитаемъ держаться ясной и опредѣленной, естественной границы по р. Янѣ. Недмеджинъ-Ходжа былъ очень смущенъ повидимому открытіемъ новой русской границы въ болѣе близкомъ разстояніи къ Бухарѣ, нежели онъ могъ ожидать, и послалъ на другой день разсылнаго съ донесеніемъ къ эмиру.

Насръ-Улла, выждавъ уходъ посольства изъ столицы, отправился въ Карши, Шехрисябъ и Самаркандъ, для осмотра сихъ областей и раздачи наградъ за послѣдній походъ противъ коканцевъ. Прибывшему въ Бухару въ день нашего выступленія оттуда хивинскому посланцу, Атаніязъ-бею, эмиръ приказалъ ожидать въ Бухарѣ возвращенія его изъ объѣзда. Въ Коканѣ возникли междоусобія между двумя братьями: ханомъ Худояръ и Муллабекомъ, расположившимъ въ свою пользу киргизъ. Такъ какъ Муллабекъ собирался низложить Худояра и общалъ эмиру признать его верховнымъ владѣтелемъ Кокана, то Насръ-Улла выжидалъ до весны результата междоусобія, а между тѣмъ принялъ изъясненіе покор-

ности отъ нѣсколькихъ вліятельныхъ лицъ, явившихся къ нему изъ Ташкента, за нѣсколько дней до нашего выступленія.

По послѣднимъ извѣстіямъ, собраннымъ по пути отъ киргизъ, въ ханствѣ хивинскомъ произошли безпорядки и междоусобная война вскорѣ послѣ нашего выхода изъ ханства: Кунградъ отложился, и тамъ объявленъ ханомъ, при поддержкѣ киргизъ и туркменъ, Тюря-Суфья, происходящій отъ прежнихъ независимыхъ кунградскихъ хановъ. Хивинцы обложили городъ и собирались его взять осадою. Дарга, предназначавшійся посланникомъ въ Россію, назначенъ былъ мехтеромъ. Каракалпаки, не сочувствуя хивинцамъ, опасались прямо принять сторону Кунграда и выжидали рѣшительнаго оборота возникшаго междоусобія, не принимая участія въ борьбѣ. Такое положеніе ханства еще болѣе подтвердило бесполезность заключенія договора съ Сеидъ-Мохамедомъ. Донося о положеніи дѣлъ въ ханствѣ, я поспѣшилъ предупредить директора Азіатскаго Департамента, что при такихъ обстоятельствахъ сомнительно, чтобы ханъ отправилъ посольство въ Россію, но что принять его и пропустить далѣе форта № 1 не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ. При еще усилившейся слабости ханскаго управленія осуществленіе будущаго весною предположенія объ отправленіи нашего парохода, съ баржею вверхъ по рѣкѣ къ бухарскимъ владѣніямъ, встрѣтило бы меньше, нежели когда либо, препятствій. Въ доказательство, что положеніе, выдержанное мною въ Хивѣ, въ концѣ концовъ произвело нѣкоторое отрезвляющее впечатлѣніе на Сеидъ-Мохамеда, служить то, что требованіе мое, заявленное хану передъ выступленіемъ, о выдачѣ урядника Уральскаго казачьяго войска Курманова, взятаго въ плѣнъ Джанходжею и служившаго впоследствии въ хивинской регулярной пѣхотѣ, было исполнено: его выдали начальнику Сыръ-Дарьинской линіи тотчасъ послѣ выхода моего изъ Хивы. Такъ какъ Курмановъ—человѣкъ развитой и бойкій, то онъ сообщалъ интересныя свѣдѣнія о Хивѣ, о киргизахъ и каракалпакахъ, а также и о туркменахъ, ближайшихъ къ ханству.

Когда мы подходили къ форту № 1, р. Сыръ покрылся ледяною корою, и намъ пришлось много возиться, чтобы переправить слона на

противоположный берегъ. Умное животное сдѣлалось любимцемъ моего конвоя, а скоро и отряда Черняева: при трудномъ переходѣ черезъ крутой оврагъ слонъ добровольно помогъ перетянуть застрявшую повозку, а однажды вытащилъ орудіе, ловко подставивши хоботъ подъ ось лафета, и надвинулъ его на передокъ, такъ что уставшимъ лошадямъ оставалось очень мало труда, чтобы выйти на ровное мѣсто. Ступивъ осторожно на тонкій ледъ и чувствуя инстинктивно недостатокъ въ немъ крѣпости, слонъ заревѣлъ и быстро, круто повернулъ назадъ, отказавшись отъ дальнѣйшихъ попытокъ перейти. Пришлось поливать водою ледяную кору, класть солому и дожидаться достаточнаго утолщенія льда, чтобы слонъ рѣшился наконецъ послушать своего проводника и перейти на правый берегъ рѣки. По случаю наступившихъ сильныхъ морозовъ съ буранами пришлось намъ оставить слона въ фортѣ № 1, до весны, вмѣстѣ съ двумя аргамаками, посланными ханомъ хивинскимъ Государю.

Въ фортѣ № 1 бухарскій посланникъ осматривалъ, по моему приглашенію пароходъ «Перовскій», очень ему понравившійся, и мы условились, что на будущій годъ, предъ возвращеніемъ на ономъ въ Бухару, онъ, во избѣжаніе недоразумѣній съ хивинцами, предупредитъ письменно, одновременно съ нашими властями, хана о плаваніи нашихъ двухъ судовъ (парохода и баржи съ запасомъ топлива) по р. Аму до кр. Усти. Изъ форта № 1 Недмеджинъ Ходжа послалъ обстоятельное донесеніе эмиру о водвореніи русской власти между киргизами, кочующими на лѣвомъ берегѣ р. Сыра, развѣвъ сказанное мною ему о границѣ нашей по р. Янѣ и до окраины Кизыль-Кума.

Какъ только вошелъ я 23-го Ноября въ фортъ № 1, комендантъ передалъ мнѣ полученные изъ Петербурга конверты на мое имя. Въ одномъ изъ нихъ нашелъ я Высочайшее повелѣніе распорядиться дальнѣйшимъ слѣдованіемъ моего каравана, подъ прикрытіемъ конвоя, въ Оренбургъ, черезъ кр. Орскую, а лично, передавъ начальство миссіею, а равно казенное имущество, Кюлевейну, спѣшить прибытіемъ въ Петербургъ, для полученія особаго назначенія въ Китай.

Легко можно себя представить поразительное впечатлѣніе, которое могло произвести на меня, — только что вырвавшегося изъ рукъ хивинцевъ и бухарцевъ, — перспектива новаго тяжелаго странствованія чрезъ всю Сибирь, въ имперію сына неба. Не смотря на неопредѣленность и неизвѣстность того, что мнѣ предстояло въ этой новой и, вѣроятно, продолжительной отлучкѣ изъ родины, я принялъ бодро данное мнѣ повелѣніе, съ полною готовностью послужить, съ неослабнымъ усердіемъ, Царю и отечеству тамъ, куда Промыселъ меня поведетъ. Давъ прощальный обѣдъ всѣмъ моимъ спутникамъ и офицерамъ конвоя, простившись трогательно съ нижними чинами, привязанность которыхъ ко мнѣ ощущалась, и раздавъ награды служившимъ мнѣ лично, я сдалъ коменданту 25.600 р. (звонкою монетою), образовавшихъ остатокъ отъ суммы, отпущенной въ Оренбургъ въ распоряженіе посольства (67.000 р.), и оставилъ Кюлевейну на содержаніе миссіи и для окончательныхъ расчетовъ по путевымъ расходамъ 14.000 р.

По приведеніи въ порядокъ спутниками моими матеріаловъ и дорожныхъ замятокъ, собранныхъ нами по пути разнородныхъ свѣдѣній, приобретенныхъ нами о Средней Азіи, вмѣстѣ съ произведенными съемками, путевымъ журналомъ, астрономическими и метеорологическими наблюденіями, подробнымъ денежнымъ отчетомъ и пр., все это предоставлено было частью въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, частью въ Департаментъ Генеральнаго Штаба и въ особенности въ управленіе Оренбургскаго Генералъ-Губернатора. Изъ числа данныхъ мнѣ изъ Азіатскаго Департамента подарочныхъ вещей нѣкоторыя остались неизрасходованными, такъ какъ при раздачѣ ихъ, точно такъ же, какъ и при расходованіи денегъ, мы постоянно старались соблюдать самую строгую экономію. Вещи эти были представлены обратно въ Департаментъ Кюлевейномъ, по возвращеніи его въ Петербургъ.

Купивъ кибитку, я впрегъ въ нее пять верблюдовъ съ однимъ запаснымъ, нанялъ двухъ провожатыхъ киргизъ и одного казака и, взявъ съ собою III. К. Залѣсова, торопившагося къ молодой женѣ своей (онъ женился передъ самымъ походомъ), а также спутника

всѣхъ моихъ путешествій, камердинера Скачкова и повара, ѣхавшихъ за нами на наемныхъ лошадяхъ, въ санихъ, пустился на весьма рискованное, въ тогдѣшнее время года, путешествіе безъ дороги, по снѣгу, на колесахъ, до укр. Уральскаго. Въ Кара-Кумскихъ пескахъ было еще сносно, хотя и очень холодно, съ вѣтромъ, но при выѣздѣ изъ нихъ на степную равнину, между озерами стала падать пронизывавшая насъ изморозь, а затѣмъ поднялся сильнѣйшій буранъ, при значительномъ морозѣ, все увеличивавшемся, отъ котораго мы всѣ окоченѣли. Буранъ до того усилился къ вечеру, что запряженныхъ верблюдовъ не было намъ видно изъ повозки и вожа-тый киргизъ, отошедшій шага на два въ сторону, пропалъ безъ вѣсти и, вѣроятно, погибъ, не смотря на наши отчаянные крики, онъ не могъ найти насъ и исчезъ въ пространствѣ. Другой киргизъ, слѣзшій съ верблюда, чтобы отыскать намъ выѣздъ изъ какого то оврага, куда насъ занесло, также исчезъ въ буранѣ, и, вѣроятно, замерзъ. Выѣзди мы кое какъ изъ углубленія, но такъ какъ уже стемнѣло, мы всѣ были истомлены, такъ какъ уже сутки ничего не ѣли, а верблюды и лошади изморились и едва передвигали ноги, идти же впередъ, при невозможности ориентироваться и безъ погибшаго вожака нашего, было немыслимо, а потому я рѣшился остановиться и попытать согрѣть моихъ спутниковъ чаемъ. Но развести огонь было трудно. Топлива нигдѣ нельзя было достать. Общимъ совѣтомъ рѣшили сжечь запасныя ось и колесо кибитки и, бесполезныя намъ при такихъ обстоятельствахъ, два моихъ сѣдельныхъ ленчика. Съ трудомъ развели драгоцѣнный огонь и поставили на него металлическій чайникъ, бывшій всегда съ нами, набивъ въ него ногами снѣгу (руки до того замерзли, что мы не могли ими владѣть). Хотѣлъ я воспользоваться боченкомъ рому, взятаго со мною на дорогу, чтобы оживить моихъ спутниковъ, которые были совершенно обезсилены и упали духомъ, ожидая каждую минуту замерзанія одного изъ насъ въ эту ужасную ночь; но оказалось, что ромъ обратился въ кусокъ льда. Тѣмъ не менѣе намъ удалось таки выпить по стакану снѣговаго чая, который намъ показался вкуснымъ и даже цѣлебнымъ. Но затѣмъ небольшой костеръ нашъ потухъ, и мы погружены были въ

совершенную темноту, съ непрерывнымъ завываніемъ и свистомъ снѣжнаго урагана. Такъ простояли мы 18 часовъ, занесенные снѣгомъ до того, что немислимо было двинуться. Я старался поддерживать жизненные силы въ себѣ и въ спутникахъ, ободряя ихъ словами, шутками, ударяя ихъ по рукамъ и ногамъ для приведенія крови въ движеніе и чтобы не дать имъ заснуть. Нѣсколько разъ наступали минуты, когда я начиналъ думать, что всѣ усилія мои будутъ тщетны и что едва ли кто изъ насъ выйдетъ живымъ.

У Скачкова дѣлалась икота и онъ уже такъ застывалъ, что я едва могъ привести его въ чувство. Одинъ изъ двухъ оставшихся при насъ киргизъ совершенно замерзъ.

Наконецъ буря стала стихать, и мы могли осмотрѣться. Кочевавшій аулъ замѣтилъ признаки нашего присутствія и чрезъ нѣсколько времени помогъ намъ отгresti завалившій насъ снѣгъ. Къ вечеру прибыли мы въ Уральское укрѣпленіе, и добрый комендантъ удивился, что мы уцѣлѣли, когда увидѣлъ, что вся одежда на насъ одеревенѣла и что надо было разрѣзать рукавъ моего мѣхового пальто, чтобы его снять. Комендантъ, зная по опыту, какъ обходиться съ обморозившимися людьми, не позволялъ намъ ничего ѣсть въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, а поилъ чаемъ, чайною ложкою, пока мы постепенно не отогрѣлись. Когда, отдохнувъ и отогрѣвшись у коменданта, мы тронулись въ путь уже на полозьяхъ, то опять пришлось проплутать ночью, потому что утихшій было въ теченіе 24-хъ часовъ буря снова возобновился, но довольно умѣренно на этотъ разъ. Въ теченіе 12 часовъ мы успѣли сдѣлать такимъ образомъ одну лишь станцію, не смотря на обычную скорость ѣзды киргизскихъ почтовыхъ лошадей.

Изъ Уральска мы продолжали путь на перемѣнныхъ почтовыхъ лошадяхъ до кр. Орской и потомъ по линіи до Оренбурга. Бураны и мятели насъ преслѣдовали, но не въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ, какъ около Уральского укрѣпленія. Въ Оренбургъ прибылъ я 6 Декабря, въ день моихъ именинъ, около 10 часовъ вечера и прямо, въ дорожномъ одѣяніи полукиргизскаго покроя, явился въ домъ Генераль-Губернатора, гдѣ было собраніе. Такъ какъ входить

въ гостиныя, наполненные оренбургскимъ обществомъ, не было возможности, то я просилъ адъютанта вызвать Генераль-Губернатора въ переднюю. Александръ Андреевичъ, по послѣднимъ степнымъ вѣстямъ, считалъ меня погибшимъ при нападеніи на караванъ шайки туркменъ и, во всякомъ случаѣ, никакъ не ожидалъ такого скорого окончанія моего пребыванія въ Бухарѣ и необыкновенно быстро, для того времени и въ такое время года, переѣзда съ р. Сыра въ Оренбургъ; а потому, выйдя ко мнѣ и не предупрежденный адъютантомъ о томъ, кто такой, одѣтый по азіатски, его вызываетъ, всмотрѣвшись въ меня сталъ креститься и меня крестить, какъ пришедшаго съ того свѣта; онъ казался очень смущеннымъ, когда призналъ меня и слышалъ отъ меня, что, окончивъ данное мнѣ порученіе, я намѣренъ на другой же день уѣхать въ Петербургъ, вслѣдствіе полученнаго въ фортѣ № 1 повелѣнія, ему неизвѣстнаго. Генераль-Адъютантъ Катенинъ желалъ меня задержать въ Оренбургѣ съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ Петербургъ, куда онъ намѣренъ былъ отправиться черезъ нѣсколько дней; но я объяснилъ ему невозможность, въ которой нахожусь, не исполнить Высочайшаго повелѣнія поспѣшить прибытіемъ въ столицу. Пришлось однако же остаться сутки для того, чтобы переговорить съ Генераль-Губернаторомъ о средне-азіатскихъ ханствахъ, о дѣлахъ относящихся до края, ему ввѣреннаго, сообщить ему собранныя мною свѣдѣнія, а также ходатайствовать о награжденіи лицъ его вѣдомства, служившихъ подъ моимъ начальствомъ во время нашей экспедиціи и меня сопровождавшихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я видѣлся съ управляющимъ пограничною комиссіею, завѣдывавшимъ Киргизскою степью д. с. с. Григорьевымъ и передалъ ему всѣ впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ бесѣдъ съ исетовцами и изъ наблюденій надъ существовавшимъ тогда управленіемъ султановъ правителей, съ ихъ жалкими письмоводителями, — которые набирались изъ отребьевъ чиновничества, — надѣленными нищенскимъ жалованьемъ и введенными такимъ образомъ въ соблазнъ киргизскаго грабительства. Эти бесѣды дали мнѣ возможность оцѣнить русскій складъ свѣтлаго ума и восточную начитанность Григорьева, съ которымъ я и впослѣд-

ствіи остался въ наилучшихъ отношеніяхъ. Въ одномъ я никакъ не могъ придти къ соглашенію съ Генераль-Губернаторомъ, это въ вопросѣ объ р. Аму-Дарьѣ и объ выставляемой мною необходимости перенести нашу флотилію съ р. Сыра на р. Аму, занявъ устье этой рѣки и ставъ твердою тамъ ногою, чтобы держать въ рукахъ хивинское ханство, завладѣть всею торговлею отъ устья до верховій рѣки и возобновить нашу попытку ввести пароходъ съ будущей весны. Генераль-Адъютантъ Катепинъ пренебрегалъ р. Аму и обращалъ особенное вниманіе на р. Сыръ и на экспедицію противъ Джулека и Туркестана, для удлиненія Сыръ-Дарьинской линіи. Я былъ противъ постепеннаго покоренія небольшихъ глиняныхъ коканскихъ крѣпостей и непроезжистой растраты нашихъ силъ и денежныхъ средствъ на ничтожные результаты, когда всѣмъ извѣстно, что горсть азіатовъ можетъ долго, упорно защищаться за глинобитными стѣнами противъ многочисленнаго европейскаго войска, тогда какъ масса тѣхъ же самыхъ азіатовъ не устоитъ въ открытомъ полѣ противъ сомкнутой горсти хорошо предводимыхъ солдатъ нашихъ.

Переѣздъ изъ Оренбурга черезъ Симбирскъ и Москву, несмотря на наступившіе сильные морозы, совершилъ я очень быстро на почтовыхъ до Москвы, а оттуда по желѣзной дорогѣ, и прибылъ въ Петербургъ до Рождества. Возвращеніе мое было до того неожиданно для всѣхъ, въ особенности послѣ мрачныхъ донесеній Генераль-Губернатора, предсказывавшаго мою конечную гибель, на основаніи степныхъ слуховъ, что, когда я вошелъ безъ доклада въ кабинетъ отца и засталъ его за чашкой чая (поѣздъ московскій тогда приходилъ рано утромъ), то онъ былъ такъ пораженъ моимъ появленіемъ, что первоначально испугался и сталъ меня крестить издали, какъ бы преслѣдуемый призракомъ.

Государь принялъ меня весьма благосклонно и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ за службу и понесенные труды.

Его Величество тотчасъ же сообщилъ мнѣ, что, по рѣшенію спеціальнаго Комитета, собраннаго для обсужденія китайскихъ

дѣлъ и по предложенію графа Путятина, я избранъ, чтобы отправиться въ Пекинъ, для весьма важнаго и труднаго порученія: покончить миролюбиво наши пограничныя дѣла съ Китаемъ, начатыя Муравьевымъ, и вынудить ратификацію Айгунскаго договора, заключеннаго между Генераль-Губернаторомъ Восточной Сибири и мѣстнымъ Манджурскимъ Генераль-Губернаторомъ И. Шанемъ, но при исполненіи котораго встрѣтились неожиданно большія препятствія со стороны Пекинскаго правительства. Въѣхавъ съ тѣмъ Его Величество объявилъ о пожалованіи мнѣ креста Анны 2 степени съ короною. Я благодарилъ за довѣріе, но старался отговориться отъ поѣздки въ Китай полнымъ незнакомствомъ страны, трудностью самостоятельнаго дипломатическаго поста на такомъ громадномъ разстояніи отъ Петербурга, съ затруднительностью полученія современно инструкцій и въ предвидѣніи непосредственнаго столкновенія съ противоположными намъ западно-европейскими интересами и ихъ представителями—опытными дипломатами. Государь отвѣтилъ мнѣ, что Онъ убѣжденъ, что порученіе это мнѣ по плечу, что я это доказалъ уже въ Парижѣ и Лондонѣ, какъ свидѣтельствовали обо мнѣ графъ Киселевъ, баронъ Брунновъ и графъ Хрептовичъ, а нынѣ графъ Путятинъ, лично оцѣнившіе услуги, мною оказанныя Правительству въ Парижѣ и Лондонѣ (графъ Путятинъ былъ одновременно со мною въ Лондонѣ, въ качествѣ морского агента), что впрочемъ въ Комитетѣ, состоявшемся подъ председательствомъ самого Государя, всѣ Члены оного: Великій Князь Константинъ Николаевичъ, князь Горчаковъ, графъ Путятинъ и генералъ Ковалевскій были единогласно того мнѣнія, что въ Пекинъ нуженъ человѣкъ энергическій, знакомый съ англійскою политикою на востокъ и что никому нельзя поручить этого дѣла, какъ мнѣ, тѣмъ болѣе, что тутъ нужны еще спеціальныя военныя свѣдѣнія, такъ какъ дипломатическое порученіе сопряжено съ отпавкою китайцамъ оружія, орудій и инструкторовъ, обѣщанныхъ Пекинскому правительству Графомъ Путятинымъ. Я попытался сослаться на послѣдствія выдержанной на р. Аму лихорадки съ кровавымъ поносомъ и перенесенныя трудности зимняго перехода

черезъ степь, но Государь прервалъ меня замѣчаніемъ, что «ты отдохнешь здѣсь два, три мѣсяца и надѣюсь, съ Божьею помощію, поправишься совсѣмъ». Мнѣ оставалось преклониться передъ Царскою волею и исполнить въ то же время приказаніе Его Величества составить планъ будущихъ дѣйствій нашихъ на р. Аму, въ Хивѣ и въ Бухарѣ и представить его въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ съ тѣмъ, чтобы можно было имѣть въ виду мое мнѣніе, когда вопросъ будетъ обсуждаться въ Петербургѣ, по представленію начальника пограничнаго края. Я воспользовался симъ случаемъ, чтобы представить Государю о необходимости повторить будущею весною, при лучшей подготовкѣ и обстановкѣ, попытку ввести суда наши въ р. Аму, пользуясь отличнымъ предлогомъ возвращенія бухарскаго посланца, и занять, впоследствии, устье р. Аму, ставъ тамъ твердою ногою, въ виду того, что для флотиліи нашей нѣтъ будущности на р. Сырѣ, а господство наше въ бассейнѣ р. Аму можетъ упрочиться, при плаваніи нашихъ судовъ вверхъ по рѣкѣ до Чарджуя и даже до высотъ Балка. Я выставилъ Государю неудобство различныхъ воззрѣній административныхъ системъ, проводимыхъ Его Именемъ въ киргизской степи двумя губернаторами, Омскимъ и Оренбургскимъ, часто между собою не согласующихся и преслѣдующихъ нерѣдко противоположныя цѣли, что вредно для Россіи, непонятно ни для нашихъ подданныхъ киргизъ, ни для сосѣдей нашихъ, азіатскихъ владѣтелей и чѣмъ постоянно пользуется ханъ Коканскій. Когда Его Величество спросилъ меня: какое же средство положить предѣлъ разномыслію нашихъ дѣятелей въ степи, я отвѣтилъ: соединить Сырѣ-Дарьинскую линію съ Сибирскою, продвинуть ихъ впередъ, чтобы выйти изъ пустынь, облегчить и удешевить содержаніе нашихъ степныхъ укрѣпленій, подчинивъ всю киргизскую степь одному Генералъ-Губернатору, а не двумъ ¹⁾.

¹⁾ Его Величество дважды припоминалъ этотъ разговоръ, когда я былъ потомъ директоромъ Азіатскаго Департамента: въ зиму 1863—1864 г., когда Военное Мини-

25 Декабря меня произвели, по Манифесту, въ генералъ-маіоры Свиты Его Величества.

Я сталъ готовиться къ поѣздкѣ въ Китай, читая въ архивѣ Азіатскаго Департамента все, что касалось до сношеній нашихъ съ Китаемъ и Японіей и бесѣдуя часто съ вернувшимся изъ Китая графомъ Путятинимъ, бывшимъ уполномоченнымъ нашимъ въ поднебесной имперіи въ 1858 г. и заключившимъ Тянь-цзинскій трактатъ, для ратификаціи котораго былъ посланъ тогда въ Пекинъ д. с. с. Перовскій.

Въ Январѣ представилъ я директору Азіатскаго Департамента требовавшуюся отъ меня слѣдующую программу дальнѣйшихъ дѣйствій нашихъ въ Хивѣ и Бухарѣ и вообще въ Средней Азіи, соединенныхъ съ экспедиціею флотиліи въ р. Аму. Подготовивъ въ Бухарѣ благовидный предлогъ для двоекратнаго плаванія судовъ нашихъ по р. Аму, я предполагалъ, что Императорское Правительство должно непременно имъ воспользоваться, чтобы сразу занять подобающее положеніе на этой рѣкѣ и заинтересовать эмира въ успѣхѣ этого предпріятія, такъ какъ въ первый рейсъ до Усти пароходъ доставилъ бы, раннею весною, бухарскаго посланца съ Высочайшею грамотой и обычными подарками, а во второй рейсъ, сдѣланный еще въ полномодье, пароходъ могъ доставить изъ Сары-Чегана въ Усти коляску съ паромъ лошадей, что эмиру очень хотѣлось получить отъ нашего Государя. ¹⁾ Такой приступъ нашъ къ плава-

стерство пришло къ тому же заключенію и предположило перенести нашу передовую линію въ Туркестанъ, Чекмень и Ауліета, для соединенія Оренбургской линіи съ Сибирскою, и потомъ весною 1864 г., когда Государю Императору, вслѣдствіе возникновенія проекта учрежденія одного Степного генералъ-губернаторства, съ резиденціею въ Акмолаѣ, благоугодно было предназначить меня на эту должность, о чемъ мнѣ уже было объявлено Государственнымъ Секретаремъ Бутковымъ и Военнымъ Министромъ Г. О. Милютинимъ. Назначеніе это не состоялось вслѣдствіе сопротивленій князя Горчакова, предложившаго меня въ посланники въ Константинополь, и самый проектъ затѣмъ не осуществился.

¹⁾ Тохсаба далъ мнѣ это понятъ въ прощальномъ разговорѣ, а я симъ воспользовался, отвѣтивъ, что это дѣло, вѣроятно, возможное, но перевозка черезъ пески Каракумъ и Кызыль-кумъ крайне затруднитъ осуществленіе желанія эмира оно могло бы

нію по р. Аму, вмѣстѣ съ пробною, льготною перевозкой товаровъ бухарскихъ и русскихъ въ первые же рейсы парохода, значительно бы облегчили наши дальнѣйшія мѣропріятія на р. Аму и для обузданія хивинцевъ. Не поддаваясь вліянію личныхъ отношеній и несмотря на основательныя причины, которыя я имѣлъ, быть недовольнымъ капитаномъ 1-го ранга Бутаковымъ, я предоставлялъ ему самую видную и блестящую роль въ будущей экспедиціи, такъ какъ признавалъ, что, по знанію края и мѣстныхъ обстоятельствъ, онъ могъ быть полезнѣе всякаго другого, тѣмъ болѣе, что, состоя непосредственнымъ начальникомъ флотиліи, онъ не имѣлъ бы повода соперничать съ дипломатическимъ агентомъ; такимъ образомъ сохранилось бы необходимое единство дѣйствій, отсутствіе котораго такъ затрудняло путешествіе мое въ Хиву. Сверхъ того назначеніе его главнымъ распорядителемъ экспедиціи, вмѣсто командированія особаго лица изъ Петербурга, уменьшало расходы Правительства и дозволяло, отправивъ какъ можно ранѣе обратно бухарскаго посланца, начать плаваніе самою раннею весною, чтобы имѣть, для совершенія рейсовъ весь періодъ полноводія, р. Аму въ своемъ распоряженіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я обратилъ вниманіе Министерствъ Военнаго и Иностранныхъ Дѣлъ на необходимость постройки укрѣпленій въ устьѣ р. Аму и на р. Яны, и на соединеніе Сыръ-Дарьинской линіи съ Сибирскою, а также приведеніе въ ясность отношеній туркменъ къ намъ посредствомъ рекогносцировокъ по восточному берегу Каспійскаго моря до самой Персидской границы. Ослабленіе Коканскаго ханства и подчиненіе Ташкента нашему исключительному вліянію входило также въ мою программу, а вмѣстѣ съ тѣмъ немедленное принятіе нѣкоторыхъ финансовыхъ мѣръ: измѣненіе характера нашей торговли съ Бухарою, запрещеніе вывоза золота изъ Россіи и обавка значительная пошлинъ съ сырыхъ бухарскихъ произведеній, полезныхъ для нашей обрабатывающей промышленности, а именно:

облегчиться доставленіемъ экипажа на пароходѣ, и что я доложу о томъ Государю, по своемъ возвращеніи въ Петербургъ.

съ хлопка, марены, верблюжьей шерсти, мерлушекъ и овчины. Въ то же время сдѣлалъ я отдѣльное представленіе Министру Финансовъ о необходимости уничтожить вывозныя пошлины съ нашихъ товаровъ на сухопутной азіатской границѣ, доказывая, что въ отношеніи къ Средней Азіи мы можемъ быть такими же фритредерами, какъ англичане въ отношеніи къ другимъ европейскимъ государствамъ, и что ничтожная, по размѣрамъ, пошлина эта, не доставляя дохода казнѣ, причиняетъ ей напрасныя расходы, по содержанію сухопутнаго таможеннаго кордона и громадное стѣсненіе нашимъ и азіатскимъ торговцамъ, подвергая ихъ караваны произвольному осмотру въ степной мѣстности, гдѣ они должны ожидать, иной разъ безъ корма верблюдовъ, когда таможенные чиновники соблаговолятъ ихъ выпустить.

Вотъ содержаніе записки, представленной мною, какъ матеріалъ для будущихъ совѣщаній, Министру Иностранныхъ Дѣлъ князю Горчакову, по повелѣнію Государя Императора, и подробной программы, составленной затѣмъ, по порученію князя Горчакова, для директора Азіатскаго Департамента.

Программа дѣйствій на 1859 годъ.

1. Отправить бухарскаго посланца Недмеджинъ-Ходжу въ Оренбургъ еще зимнимъ путемъ, а изъ Оренбурга, въ концѣ Апрѣля; на почтовыхъ до Уральскаго укрѣпленія: оттуда же въ экипажѣ, на подставныхъ верблюдахъ или башкирскихъ лошадяхъ, до форта № 1. Въ фортѣ № 1, 1 Мая, посланецъ сядетъ на пароходъ и отправится водою до крѣпости Усти. Съ нимъ должны быть помѣщены совѣтникъ его и секретарь, а также три или четыре человѣка изъ прислуги. Вся остальная свита посланца съ его лошадьми отправится караваннымъ путемъ въ Бухару.

2. Съ бухарскимъ посланцемъ отправить письма къ эмиру и къ Тохсабъ мирѣзъ Азизу, съ нѣсколькими подарками: баталлическую картину и большой портретъ Государя, модель телеграфа электрическаго, желѣзной дороги (игрушечной), парохода, нѣсколько

больших карманных ножей, стеклянных преспапье и 2 больших ковра (съ крупными цвѣтами).

3. Въ письмѣ къ эмиру надо упомянуть, что посланецъ его былъ хорошо и почетно принятъ, что Бутакову поручено отвезти его съ подарками до Бухары и что для пользы обоихъ государствъ эмиръ долженъ свято исполнить обѣщанное: покровительствовать нашимъ подданнымъ и содѣйствовать успѣшному плаванію нашихъ судовъ по р. Аму. Въ письмѣ Тохсабѣ, сверхъ отвѣта на предложенія, сдѣланныя письменно посланцемъ отъ имени бухарскаго правительства, касательно различныхъ льготъ для бухарскихъ подданныхъ въ Россіи,—нужно также сказать, что Бутаковъ, по исполненіи возложеннаго на него порученія въ Бухарѣ, обязанъ вернуться въ р. Сыръ, чтобы взять коляску съ двумя лошадьми, предназначенную эмиру. Коляска не могла быть доставлена зимою и раннею весною въ фортъ № 1. Надлежитъ упомянуть, что на этомъ пароходѣ прибудутъ товары и купцы, отправляющіеся въ этомъ году въ Бухару, и торговый агентъ, которому просимъ оказывать содѣйствіе, довѣріе и вниманіе.

4. При отправленіи бухарскаго посланца изъ С. Петербурга необходимо ему объяснить, что мы сбавляемъ до 5%, т. е. слишкомъ вчетверо, пошлинный сборъ на главные произведенія Бухары, вывозимыя въ Россію, а именно: на хлопчатую бумагу, шелкъ сырецъ, мерлушки, овчину, марену и верблюжью шерсть. Такимъ образомъ мы дѣлаемъ все отъ насъ зависящее для развитія торговыхъ сношеній между двумя государствами и исполненія желанія эмира; что эта сбавка можетъ почтеться значительнѣе уступки, сдѣланной нынѣ въ Бухарѣ (половинная противъ прежняго пошлина) для нашихъ торговцевъ и что потому оставленіе прежняго нашего тарифа неизмѣннымъ для остальныхъ предметовъ, ввозимыхъ въ Россію, не составляетъ существенной важности для торговыхъ оборотовъ, но обуславливается тѣмъ, что тарифъ у насъ одинаковъ для всѣхъ государствъ. Если мы его измѣнимъ для бухарцевъ, то всѣ другіе сосѣди: персіяне, турки и пр., будутъ просить той же льготы и отказать имъ было бы тогда несправедливо. Сбавка же пошрины на

однѣ только сырыя произведенія, поименованныя выше, доставляя огромныя выгоды торговцамъ бухарскимъ, не подвергаетъ измѣненію общій тарифъ по остальнымъ предметамъ. Надо объяснить словесно посланцу, что намъ крайне невыгодна бухарская торговля по значительному вывозу звонкой монеты, что бухарцамъ слѣдуетъ вывозить изъ Россіи наши произведенія, а не монету; поэтому вывозъ оной не можетъ быть впредь дозволенъ. Самое приведеніе въ исполненіе этой мѣры можно отложить до прибытія, будущимъ лѣтомъ, бухарскихъ каравановъ.

5. Пароходъ «Перовскій» отправляется изъ форта № 1 съ баржею на буксирѣ и, войдя въ Улькунъ-Дарью, подвигается безостановочно до крѣпости Усти. Вторая баржа должна придти къ устью рѣки не позже парохода и, пополнивъ тамъ запасъ угля парохода и первой баржи, оставаться въ устьѣ рѣки до возвращенія парохода. Высадивъ бухарскаго посланца близъ крѣпости Усти, капитанъ 1-го ранга Бутаковъ отправится съ нимъ въ Бухару, передастъ эмиру Высочайшую грамоту и, окончивъ какъ можно скорѣе, дѣло свое въ Бухарѣ, возвратится поспѣшно на пароходъ и отправится обратно къ р. Сыру, съ баржею на буксирѣ, самымъ восточнымъ рукавомъ рѣки, протекающимъ, по рассказамъ жителей, черезъ озеро и впадающимъ въ море протокомъ Джидели. При этомъ пароходъ и баржа вывезутъ на р. Сыръ бухарскихъ торговцевъ и товары. На случай, если бы, во время плаванія судовъ нашихъ, хивинцы осмѣлились попытаться сопротивляться нашему предпріятію, надо разрѣшить капитану 1-го ранга, Бутакову, по истощеніи всѣхъ средствъ къ увѣщанію, когда доводы и угрозы окажутся неэффективными, прокладывать себѣ путь силою. На этотъ случай необходимо, чтобы на судахъ флотиліи, сверхъ нижнихъ чиновъ собственно морского экипажа, находился десантъ изъ стрѣлковъ.

6. Взявъ товары и нашихъ торговцевъ въ заливѣ Сыры-Чаганакъ или въ устьѣ р. Сыра, флотилія возвращается снова къ устью р. Аму, съ такимъ расчетомъ, чтобы быть тамъ не позже половины Іюня. Войдя въ то устье, которое окажется при первомъ рейсѣ наиболее удобнымъ для навигаціи, флотилія слѣдуетъ быстро до

бухарскихъ владѣній, гдѣ выгружаетъ товары и затѣмъ (объ этомъ обстоятельстве нужно предупредить бухарскія власти при прїѣздѣ Недмеджинъ-Ходжи) проплываетъ вверхъ по р. Аму, взявъ изъ Бухары, если возможно, товары для Балка, Шерифа, Кундуза и пр. Надо имѣть въ виду предпринять плаваніе выше Чарджуя не позже конца Іюля, чтобы возвратиться обратно въ бухарскія владѣнія до половины Августа, взять изъ Бухары на пароходъ торговаго агента нашего и торговцевъ, желающихъ воспользоваться нашими судами, проплыть внизъ по рѣкѣ и прибыть къ устью около 1-го Сентября, а затѣмъ вернуться въ р. Сыръ. Впрочемъ исполненіе вышеизложеннаго будетъ главнѣйше зависѣть отъ состоянія, въ какомъ найдены будутъ Капитаномъ 1-го ранга Бутаковымъ устья р. Аму. Если рекогносцировка, произведенные промѣры и наблюденіе прибыли и убыли воды въ рѣкѣ покажутъ, что на осеннюю навигацію, въ самой нижней части рѣки, разсчитывать нельзя, то флотиліи нашей необходимо зимовать гдѣ либо въ бухарскихъ владѣніяхъ (близъ крѣпости Усти и т. п.), а агенту нашему придется возвратиться изъ Бухары караваннымъ путемъ или же остаться въ этомъ городѣ до слѣдующей весны, буде обстоятельства сіе позволятъ.

7. Товары и торговцевъ, какъ нашихъ, такъ и бухарскихъ, а также изъ владѣній, лежащихъ на р. Аму выше Бухары, слѣдуетъ возить бесплатно въ теченіе 1 года. Со второго года навигаціи можно будетъ назначить плату, сначала не выше 30 или 40 к. съ пуда. Въ пользу нашихъ торговцевъ, для поощренія ихъ, можно бы распространить на нѣсколько лѣтъ право безплатнаго перевоза.

8. Передъ самымъ отъѣздомъ бухарскаго посланца съ береговъ Аральскаго моря на пароходѣ «Перовскій» надо послать хивинскому хану письмо отъ Оренбургскаго Генералъ-Губернатора, въ коемъ предупредить хивинцевъ о плаваніи нашихъ судовъ «отвозящихъ въ Бухару бухарскаго посланца» и предложить хану принять надлежащія мѣры для предупрежденія какой либо попытки къ прегражденію свободнаго и безостановочнаго плаванія; вмѣстѣ съ тѣмъ просить хана распорядиться, чтобы хивинскіе начальники

и подданные оказывали всякое содѣйствіе нашимъ судамъ, съ предупрежденіемъ, что всякая непріязненная попытка или оскорбленіе повлечетъ за собою самыя гибельныя послѣдствія для Хивы.

Бухарскій посланецъ долженъ въ то же время и въ томъ же смыслѣ написать письмо къ хивинскимъ властямъ. Кромѣ того на всѣ суда наши должны быть даны открытыя объявленія, на татарскомъ языкѣ, въ томъ же смыслѣ писанныя, для представленія хивинцамъ, въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній.

9. При первомъ возвращеніи своемъ изъ р. Аму, капитанъ 1-го ранга Бутаковъ можетъ остановиться въ Ургенчѣ и передать хивинцамъ письмо Генералъ-Губернатора на имя хана, въ коемъ изъяснено будетъ хивинцамъ, что у насъ выступили отряды съ Каспійскаго моря къ кочевьямъ туркменъ, а съ р. Сыра къ р. Яны-Дарьѣ; но что эти отряды не предпримутъ противъ Хивы непріязненныхъ дѣйствій, если сами хивинцы не подадутъ намъ къ сему повода и докажутъ, въ особенности въ отношеніи къ нашимъ судамъ и торговцамъ, свое дружелюбіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой бумагѣ должно быть объявлено: а) что всѣ требованія Россіи, заявленныя письменно и словесно въ прошедшемъ году нашею миссіею, какъ самому хану и его сановникамъ, были сдѣланы по приказанію высшаго Правительства и нынѣ подтверждаются; б) что киргизы, кочующіе между р. Сыромъ и Яны и по сей послѣдней рѣкѣ, а также по Усть-Урту, несомнѣнно наши подданные, равно какъ и туркменскія племена, кочующія близъ Каспійскаго моря и Куны-Ургенчъ; в) хивинцы не должны вмѣшиваться въ дѣла племенъ подвластныхъ или покровительствуемыхъ Россіею; г) хивинскій ханъ отвѣтствуетъ за личную безопасность и имущество каждаго русскаго подданнаго, пребывающаго въ хивинскихъ владѣніяхъ; д) хивинскія власти должны оказывать всякое содѣйствіе нашимъ судамъ и не задерживать ихъ въ случаѣ временной остановки въ хивинскихъ предѣлахъ; е) въ случаѣ надобности нашему временному торговому агенту разрѣшается пребываніе въ Хивѣ и онъ считается неприкосновеннымъ; ж) при ввозѣ нашихъ товаровъ въ хивинскія владѣнія, съ нихъ взимается не болѣе 2½%, съ оцѣнки,

соответствующей продажнымъ цѣнамъ на однокачественный товаръ. Съ провозныхъ въ Бухару товаровъ, находящихся на нашихъ судахъ, хивинцы не имѣютъ права взыскивать пошлину, и з) неисполненіе какого либо изъ вышеизложенныхъ условій или справедливаго требованія начальника нашего судна, или временнаго торговаго агента повлечетъ весьма дурныя послѣдствія для Хивы.

10. Капитану 1-го ранга Бутакову и нашему торговому агенту въ Бухарѣ надлежитъ условиться съ бухарскими властями относительно развитія русскаго судоходства по р. Аму и перевозки товаровъ не только съ р. Сыра или Сары-Чаганака въ бухарскія владѣнія, но изъ Усти и Чарджуя въ Карки, Балкъ, Шерифъ, Бундузъ и вообще во владѣнія по р. Аму, въ верхней части теченія этой рѣки.

11. Капитану 1-го ранга Бутакову, по окончаніи навигаціи, представить полное соображеніе относительно судоходства по Аральскому морю и р. Аму, устройства зимовки судовъ нашихъ въ рѣкѣ—въ случаѣ надобности,—учрежденія пристаней, приобрѣтенія и склада мѣстнаго топлива и пр. Ему слѣдуетъ опредѣлить степень потребности занятія нами устья рѣки, для обезпеченія судоходства и выбрать самый пунктъ для устройства укрѣпленія. Для сего послѣдняго обстоятельства необходимо, чтобы на пароходѣ «Перовскій», въ продолженіе навигаціи будущаго года, находился опытный офицеръ генеральнаго штаба ¹⁾.

12. Нашему временному торговому агенту надлежитъ поставить въ обязанность: а) всѣми зависящими отъ него средствами поддерживать въ бухарцахъ, престарѣломъ эмирѣ и его наслѣдникѣ, дружественное расположеніе къ Россіи и довѣріе къ англичанамъ; б) наблюсти, чтобы съ торговцевъ нашихъ не было взимаемо болѣе 5% торговой таможенной пошлины, при безобидной и справедливой оцѣнкѣ товаровъ; имѣть въ виду выговорить у бухарцевъ, при

¹⁾ Я предложилъ командировать шт.-кап. Залѣсова, сопровождавшаго меня въ Хиву и въ Бухару.

первомъ удобномъ случаѣ, уменьшеніе пошлины до $2\frac{1}{2}\%$; в) для помѣщенія нашихъ торговцевъ и склада нашихъ товаровъ долженъ быть отведенъ отдѣльный караванъ-сарай, согласно данному мнѣ эмиромъ обѣщанію. Предоставляется ему обдумать на мѣстѣ мѣры, клонящіяся къ тому, чтобы закрѣпить этотъ караванъ-сарай вполнѣ за Россією, въ тѣхъ видахъ, чтобы наши торговцы могли оставлять въ немъ безопасно, какъ въ складѣ, свои товары, даже въ случаѣ выѣзда изъ Бухары. Слѣдуетъ воспользоваться первымъ благоприятнымъ обстоятельствомъ, чтобы добыть отъ эмира письменный документъ, свидѣтельствующій, что караванъ-сарай принадлежитъ русскимъ; г) наблюсти, чтобы наши торговцы, согласно данному миссіи обѣщанію, не подвергались какому либо притѣсненіямъ или униженіямъ (т. е. чтобы бухарцы не вздумали снова требовать отъ русскихъ, чтобы они, въ качествѣ неправовѣрныхъ, ходили пѣшкомъ въ оградѣ городской и не смѣли ѣздить верхомъ и т. п.), чтобы они пользовались правомъ покупать мѣстные произведенія изъ первыхъ рукъ и для сего ѣздить въ различные города Бухары; д) дѣйствуя крайне осмотрительно и миролюбиво, имѣть постоянно въ виду приучить мало по малу бухарцевъ къ признанію всѣхъ консульскихъ правъ за нашимъ временнымъ агентомъ, на томъ же основаніи, какъ въ Персіи; е) зорко наблюдать за нашими торговцами, чтобы они не раздражали, на первое время, своими дѣйствіями купечество и власти бухарскія и сами не воспрепятствовали, такимъ образомъ, дальнѣйшему успѣшному развитію нашихъ торговых сношеній и рѣшительному преобладанію нашему на средне-азиатскихъ рынкахъ; ж) пользоваться своимъ продолжительнымъ (около $2\frac{1}{2}$ мѣс.) пребываніемъ въ Бухарѣ и присутствіемъ въ этомъ городѣ русскихъ торговцевъ, чтобы собрать какъ можно больше свѣдѣній о краѣ; з) внушить бухарскимъ властямъ, что при сопротивленіи нашему судоходству мы должны будемъ занять г. Кунградъ и вообще дельту р. Аму. Построеніе же нашего укрѣпленія на р. Яны-Дарѣ есть только административная и охранительная мѣра въ пользу нашихъ киргизъ, подвергающихся набѣгамъ хивинскихъ и коканскихъ шаекъ. Укрѣпленіе это доставитъ выгоду бухарцамъ, ибо обезопаситъ

караванный путь, по которому зимніе караваны будутъ, вѣроятно, слѣдовать попрежнему. При случаѣ внушать бухарскому эмиру мысль, что ему несравненно выгоднѣе воевать съ Хивой и Коканомъ, нежели стремиться распространить свои владѣнія къ Ташкенту и Туркестану, гдѣ онъ неминуемо войдетъ въ столкновение съ нами.

13. Съ цѣлью доставить нашей торговлѣ большія выгоды въ Средней Азіи и обезпечить наше первенство, полезно было бы воспретить съ будущаго же года вывозъ золота изъ Россіи и обязать подпискою нашихъ торговцевъ, а также и всѣхъ бухарцевъ и хивинцевъ, приѣзжающихъ въ Россію, въ томъ, что они не будутъ вывозить звонкую монету. Одновременно необходимо сбавить таможенные пошлины съ хлопка (23 коп. съ пуда), съ марены (платящей 30 коп. съ пуда) и съ верблюжьей шерсти (платящей 10 коп. съ пуда) до 5%, а также съ мерлушекъ и овчинокъ каракульскихъ и ширазскихъ (платящихъ по 8 коп. со штуки) по 2 коп. со штуки; на остальные предметы можно оставить прежній тарифъ если не признается возможнымъ допустить еще кромѣ того ввозъ ревеня.

14. Будущею весною произвести рекогносцировку вдоль восточнаго берега Каспійскаго моря до Персидской границы, собрать положительныя свѣдѣнія о туркменахъ и избрать мѣсто для возведенія укрѣпленія.

15. Выдвинувъ два отряда на р. Яны-Дарью (одинъ наблюдательный—къ сторонѣ хивинскихъ владѣній, другой—для прикрытія работъ по возведенію укрѣпленія), приступить къ возведенію въ этой мѣстности укрѣпленія, которое обезпечило бы нашихъ киргизъ и развитіе земледѣлія на плодородной почвѣ. Укрѣпленіе это вмѣстѣ служило бы постоянною угрозою для средне-азиатскихъ владѣній, такъ какъ оно будетъ въ 13—15 переходахъ отъ Бухары и въ 10—12 отъ Хивы.

16. Поставить въ обязанность начальнику Сыръ-Дарьинской линіи собрать точныя и подробныя свѣдѣнія о Туркестанѣ и Ташкентѣ, стараясь поддерживать въ начальникахъ этихъ двухъ городовъ и въ ближайшихъ киргизахъ стремленіе отдѣлиться отъ Кокана

и не присоединяться къ Бухарѣ, съ тѣмъ чтобы они искали нашего исключительнаго покровительства.

17. По окончаніи въ будущемъ году навигаціи Аральской флотиліи, рѣшить окончательно вопросъ о занятіи устьевъ р. Аму и о признаніи нашими подданными каракалпакъ и всѣхъ киргизъ, обитающихъ на правомъ берегу р. Аму до Яны-Дарьи и на лѣвомъ до Лаудана. Привести сіе въ исполненіе, если окажется возможнымъ и полезнымъ, въ 1860 году.

18. Если подтвердится извѣстіе отдѣленія Кунграда отъ Хивы, то немедленно признать владѣтеля перваго изъ этихъ городовъ независимымъ. Поддержать киргизъ, каракалпакъ и туркменъ въ стремленіи отложиться отъ хивинскаго хана; въ этомъ смыслѣ снабдить инструкціями начальника Сыръ-Дарьинской линіи и, на будущую навигацію, начальника флотиліи.

19. Имѣть постоянно въ виду отдѣленіе Ташкента и Туркестана отъ Кокана и эмира Бухарскаго съ тѣмъ, чтобы при благоприятныхъ обстоятельствахъ занять эти два города и соединить Сыръ-Дарьинскую съ Сибирскою линіею, но не ранѣе, какъ въ 1861 г., подготовляя къ сему средства исподволь.

20. Надлежитъ обдумать заблаговременно вопросъ о соединеніи всей киргизской степи подъ одно управленіе.

Январь 1859 г.

Съ половины Января мѣсяца я пересталъ заниматься дѣлами Средней Азіи, и все вниманіе мое было обращено на нашъ крайній востокъ. Когда Кюлевейнъ, послѣ труднаго зимняго перехода, прибылъ въ Оренбургъ и сдалъ мѣстному начальству все то, что было его вѣдомства, тогда только вещи мои, бумаги и прислуга, остававшіяся въ караванѣ, могли быть отправлены въ Петербургъ. Онъ прибылъ въ Москву лишь предъ самымъ моимъ отъѣздомъ въ Сибирь и дошли до Петербурга уже послѣ моего выѣзда. Кюлевейнъ, офицеры Генеральнаго Штаба и другіе мои спутники сдали бывшіе у нихъ на рукахъ разнородные матеріалы, собранные во время нашей экспедиціи, впослѣдствіи, когда привели ихъ въ порядокъ, безъ

моего участія. Вторую половину зимы прохворалъ я не мало степною перемежающеюся лихорадкою, зародышъ которой я привезъ съ собою въ Петербургъ. Тѣмъ не менѣе, во исполненіе Высочайшей воли и предстоявшаго скорого отъѣзда изъ Иркутска Генераль-Губернатора Восточной Сибири графа Муравьева на Амуръ, для окончательнаго занятія этой рѣки и всего пограничнаго съ Китаемъ пространства до Тихаго Океана, я, еще больной, въ сопровожденіи пользовавшаго меня въ пути доктора, отправился въ Москву и далѣе въ Сибирь, въ первыхъ числахъ Марта, въ самую распутицу.

Участія въ рѣшеніяхъ, принятыхъ относительно Средней Азіи въ Петербургѣ, я не принималъ и не отвѣтственъ за то, что обдуманная программа, мною составленная на основаніи изученія политическихъ и топографическихъ свойствъ края, была выполнена неудовлетворительно, несвоевременно и лишь отчасти, а не цѣльно, не послѣдовательно и не настойчиво и что возвращеніемъ бухарскаго посланника въ Бухару вовсе не воспользовались, какъ предполагалось.

Генераль-Губернаторъ отвергнулъ важность для насъ обладанія низовьемъ р. Аму-Дарьи, плаванія по этой рѣкѣ русскихъ судовъ и прочнаго водворенія нашего вліянія въ Хивѣ и въ Бухарѣ, обративъ все вниманіе свое и правительственныя средства на продолженіе Сыръ-Дарьинской линіи и завоеваніе Джулека.

Когда я узналъ въ Пекинѣ, что Недмеджинъ-Ходжа, взятый мною изъ Бухары собственно съ тѣмъ, чтобы обставить приличнымъ образомъ возобновленіе нашей попытки провести мирнымъ образомъ военное судно по р. Аму до высотъ Чарджуя, такъ какъ бухарскій посланникъ долженъ былъ вернуться слѣдующею весною на пароходѣ нашемъ,—отпущенъ обратно въ Бухару прежнимъ, караваннымъ путемъ, черезъ фортъ № 1; я написалъ отцу моему: «бухарскій посланникъ надѣлъ не меня, уѣхавшаго въ Пекинъ, а Министра Иностранныхъ Дѣлъ и въ особенности Ковалевскаго, которому Недмеджинъ-Ходжа, въ моемъ присутствіи, на вопросъ о возвращеніи его въ Бухару на пароходѣ, отвѣчалъ утвердительно. Катенину—по словамъ нашего переводчика Батаршина—бухарскій посланникъ то

же самое говорилъ и наконецъ на торжественной аудіенціи у Государя, при мнѣ, Недмеджинъ-Ходжи на вопросъ Его Величества: будетъ ли онъ возвращаться въ Бухару на пароходѣ, отвѣтилъ что «непремѣнно». Въ Оренбургѣ, когда посланникъ возвращался изъ Петербурга, не съумѣли заставить его исполнить данное обѣщаніе и выполнить условленную прежде программу; лучше сказать, не дали себѣ труда объ этомъ позаботиться или просто не желали исполненія программы, мною начертанной и первоначально (до моего отъѣзда) одобренной Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Такимъ образомъ испорченъ практическій результатъ посольства Недмеджина-Ходжи. Генераль-Адъютанту Катенину хотѣлось доказать, что надо предоставить ему одному, какъ начальнику края, самостоятельно распоряжаться въ Средней Азіи, что моя экспедиція не можетъ принести желаемыхъ результатовъ, а что надо доставить ему требуемыя имъ большія средства для распространенія и усиленія Сыръ-Дарьинской линіи, пренебрегая Аму-Дарью. Къ сожалѣнію, на Руси обыкновенно такъ бываетъ, а отъ раздраженного самолюбія не того еще ожидать можно. Всѣ свѣдѣнія, доставляемые изъ Средней Азіи и проходящія неизбѣжно черезъ его руки, онъ будетъ освѣщать сообразно своей личной цѣли, теряя изъ виду, что я не могу быть отвѣтчикомъ за испорченное положеніе послѣ того, какъ Государь меня послалъ въ Китай. Въ Азіи, какъ и вездѣ, завтрашній день въ политикѣ зачастую не похожъ на сегодняшний; чтобы достигнуть благоприятныхъ и прочныхъ результатовъ надо настойчиво, неуклонно преслѣдовать усвоенную мысль и дѣйствовать послѣдовательно по обдуманной и принятой программѣ. Перемѣнять же оную—по личнымъ фантазіямъ, видамъ и минутнымъ впечатлѣніямъ—вредно для государства. А у насъ, къ сожалѣнію, все зависитъ отъ личности дѣятеля и личныхъ отношеній исполнителей къ лицамъ власти имѣющимъ.

Какъ бы то ни было, но въ 1858 году горсть русскихъ, несмотря на встрѣченныя разнообразныя препятствія, недоразумѣнія и противодѣйствія, прошла благополучно въ Хиву и Бухару и вернулась черезъ р. Сыръ (прежде снаряжались всегда два отдѣльныхъ

посольства), доказала осязательно возможность лѣтнаго похода на Хиву, по направленію, избранному графомъ Перовскимъ въ 1839 году, извѣдала недоступную дотолѣ намъ рѣку Аму на протяженіи 600 верстъ ея теченія, — отъ устья почти до того пункта, который былъ извѣстенъ со времени переправы черезъ эту рѣку англичанина Бюрнса, произвела обширную съемку и собрала разнородныя свѣдѣнія о пройденномъ краѣ, а также о сосѣднихъ мѣстностяхъ, отплатила по Царскому велѣнію, эмиру бухарскому и хану хивинскому за честь честию, освободила изъ тяжелой неволи подданныхъ русскаго Царя, доказавъ киргизамъ и нашимъ пограничнымъ жителямъ, что ни эмиръ, ни ханъ не смѣютъ ни укрывать у себя нашихъ бѣглыхъ и дезертировъ, ни держать въ неволѣ продаваемыхъ земляковъ нашихъ. Не давъ ни одному изъ владѣтелей азіатскихъ никакого обѣщанія или обязательства относительно исполненія ихъ желаній, миссія сохранила такимъ образомъ за Императорскимъ Правительствомъ полную свободу дальнѣйшихъ дѣйствій и рѣшеній, и сумѣла настоять въ Бухарѣ на требованіяхъ, предъявленныхъ въ пользу нашей торговли.

Миссія совершила свою задачу въ кратчайшій срокъ и съ несравненно меньшими денежными пожертвованіями, нежели предполагено было при ея снаряженіи Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ и Оренбургскимъ Генераль-Губернаторомъ, при чемъ казнѣ была возвращена, по распоряженію начальника миссіи, большая часть суммы, предназначенной на чрезвычайные расходы ея. Главнѣйшій и существеннѣйшій результатъ послышки нашего агента въ Среднюю Азію, въ 1858 году, заключается въ томъ, что разсѣлся туманъ, заслонявшій ханства отъ глазъ русскаго Правительства, которое наконецъ прозрѣло и узнало настоящую цѣну «дипломатическихъ сношеній» съ хивинскими ханами и Бухарою. Свѣдѣнія, добытыя нашею миссіею и добросовѣстное уничтоженіе прежняго «миража» вызвали крутой поворотъ въ характеръ нашихъ сношеній съ этими коварными и вѣроломными сосѣдями, способствовали установленію болѣе правильнаго взгляда на значеніе и основу ихъ власти, на дѣйствительную ихъ силу и въ особенности на то положеніе, которое

мы должны и можемъ занимать въ Средней Азіи, сообразно достоинству и дѣйствительнымъ потребностямъ Россіи, а равно и на тѣ цѣли, которыя мы должны преслѣдовать, для болѣе вѣрнаго и мощнаго огражденія нашихъ существенныхъ интересовъ.

Государь Императоръ оцѣнилъ самымъ лестнымъ для меня образомъ дѣйствія наши въ Средней Азіи въ 1858 году, начертавъ на отчетной запискѣ, мною составленной для Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и представленной въ подлинникъ Его Величеству княземъ Горчаковымъ, драгоцѣнныя слова: «читалъ съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ. Надо отдать справедливость Генераль-Маіору Игнатьеву, что онъ дѣйствовалъ умно и ловко и большаго достигнулъ, нежели мы могли ожидать».

Записки эти были сообщены Генералъ-Адъютантомъ Игнатьевымъ члену Военнаго Совѣта генералу отъ инфантеріи Николаю Гавриловичу Залѣсову для прочтенія и исправленія тѣхъ неточностей, которыя онъ могъ бы замѣтить, какъ членъ бывшаго въ Хивѣ и Бухарѣ въ 1858 году посольства и неотлучно сопутствовавшій Игнатьеву отъ самаго выступленія каравана изъ Петербурга до прихода въ фортъ № 1 и возвращенія въ Оренбургъ.

Продержавъ у себя нѣсколько времени записки, Залѣсовъ написалъ Игнатьеву 14 Ноября слѣдующее:

«Я прочиталъ съ большимъ интересомъ Ваши записки и передо мною живо возстали картины нашихъ скитаній. Обращаясь къ частностямъ, позволю себѣ замѣтить:

1) Приводя личную и вѣрную характеристику Катенина и Буткова, казалось бы, слѣдовало обрисовать и Ковалевского, о которомъ упоминается непрерывно, и

2) Для характеристики хивинскаго хана и бухарскаго эмира слѣдовало бы помѣтить слѣдующіе факты: ханъ, получивъ шарманку, по цѣлымъ днямъ заставлялъ вертѣть ее своего министра и, свертѣвъ, просилъ начальника миссіи, прислать мастера починить. Посланъ былъ нашъ солдатъ—кузнецъ, который исправилъ шарманку, и тогда ханъ предложилъ ему остаться министромъ, но солдатъ не согласился. Эмиръ, въ свою очередь, увлекся подаренной ему резиновой подушкой и заставлялъ постоянно одного изъ своихъ министровъ скакать на ней и очень утѣшался, когда вслѣдствіе давленія, она со свистомъ выпускала надутый въ нее воздухъ.

Затѣмъ 15 Ноября Н. Г. Залѣсовъ, объщаясь пріѣхать къ Игнатьеву для личной бесѣды и сожалея, что визитъ послѣдняго совпалъ съ его обѣденнымъ временемъ, написалъ слѣдующее: «Ваши

записки безспорно составляют документъ историческій, а разъ это такъ, то въ немъ и должны быть приведены факты освѣжающіе вполнѣ дѣятельность Вашу. Для этой послѣдней цѣли необходима и характеристика Ковалевскаго и указаніе на пониманіе ханомъ и эмиромъ значенія дипломатическихъ переговоровъ. Что послѣдняго въ нихъ, конечно, не было и исторія съ кузнецомъ и подушкой рельефнѣе всего рисуетъ людей, съ которыми Министерство Иностранныхъ Дѣлъ думало вести переговоры на европейскій ладъ. Вообще говоря, все Ваше описаніе я нашелъ полнымъ, правдивымъ и интереснымъ».

Въ Январѣ 1896 года генералъ Залѣсовъ умеръ.
